Лев Филатов

ОБО ВСЕМ ПО ПОРЯДКУ

Репортаж о репортаже

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Обо всем по порядку»-книга воспоминаний известного футбольного обозревателя Льва Филатова

-
- «УДАСТСЯ ЛИ?»
- ФУТБОЛ КОНСТАНТИНА ЕСЕНИНА
- ОСТРОВИТЯНЕ
- МИЛОЕ МЕСТО
- ИСКУССТВЕННОСТИ ЛЬДА
- ГОРНАЯ ЦЕПЬ
- НОЧЬ В ПОЕЗДЕ
- УЛИЦА АРХИПОВА, 8, ТРЕТИЙ ЭТАЖ, НАЛЕВО...
- ИЗ ЗАВТРА — В СЕГОДНЯ

«УДАСТСЯ ЛИ?»

Вопрос этот сопровождает нас во всех начинаниях. Но тут с ним, с этим вопросом, целая история.

Для меня было совершенно обязательно очерком «Футбол Константина Есенина» открыть книгу, хотя он мог оказаться и где-нибудь в середине.

Я писал очерк для «Юности» после разговора с членом редколлегии Юрием Зерчаниновым. К этому журналу у меня отношение особое: в июньском номере, самом первом, которым открылся в 1955 году журнал, была напечатана моя статья. С той поры более или менее регулярно я печатаюсь в «Юности», чем горжусь, понимая, что более тридцати лет как журналист прохожу проверку все более взыскательными требованиями. Судить об этом нетрудно: первые мои очерки сейчас в редакции ни в коем разе не приняли бы, удивившись их неказистости.

Так вот, звонок Зерчанинова: «Что собираетесь написать?». Люблю редакторов, из переговоров с которыми, внешне несвязных и необязательных, о новостях, о погоде, вдруг из ничего, из вокруг да около, лебедем из-за камышей выплывает тема, заставив обоих воскликнуть: «Да!». Зерчанинов из таких редакторов. Оглядываясь на все, что написано для «Юности», я затруднился бы сказать, что придумано им и что мною. Такое общение позволяет журналисту чувствовать себя не поденщиком, выполняющим чужую волю, а человеком самостоятельным да еще состоящим в приятном заговоре с редактором.

В нашем, часа на полтора, телефонном разговоре и обозначился очерк — «Футбол Константина Есенина». Даже название было произнесено.

Писал я, когда не так уж много времени прошло после того, как не стало моего друга. Каждодневность, заурядность встреч с близким человеком, уверенность, что завтра снова с ним увидишься, оттесняют надобность задуматься: каков он, в чем преуспел, чем ты ему обязан? Беспокоят незаконченный спор, вчерашняя шероховатость, за которую себя казнишь, обещание что-то разузнать, сообщить, найти, принести. А тут все остановилось.

Пятьдесят лет Есенин работал на футбол. Нет, я был не в силах пересказать в очерке его сложную жизнь, далеко не все мне было ведомо. Мог лишь попытаться вообразить, чем был для него футбол и что он дал футболу, а пробелы были неминуемы.

Но, странное дело, пробелы не смущали. Пусть я многое не знал, зато к моим услугам было то, что пережил сам. Одногодки,

люди одного поколения, мы, чего бы ни касались из того своего прошлого, когда еще знакомы не были, понимали друг друга со взгляда, с улыбки.

Дальше произошло следующее. Зерчанинов, прочитав рукопись, предложил в конце, за последней фразой — «Было бы славно написать о футболе так, как он его видел»,— поставить вопрос: «Удастся ли?».

Автору легче согласиться с сокращением, чем с посторонней вставкой. А я согласился тут же, чем был немало удивлен: в таких случаях обычно дерзко ершусь.

Выйдя из редакции на улицу Горького, обнаружил, что вопрос «Удастся ли?» привязался. Он отвечал настроению, с которым я сидел над очерком, чувствуя общность наших с Есениным судеб.

Константин Сергеевич вел свои высокопрофессиональные занятия, сохраняя в неприкосновенности первозданную душу болельщика. Историограф, энциклопедист, он был уверен, что в своих изысканиях никого не забудет, не обидит, не обойдет молчанием, и потому с легким сердцем позволял себе отводить душу в пристрастных переживаниях. В этом секрет обаяния его личности применительно к футболу, его мальчишества до последнего дня. И немалая отвага, потому что профессионалы считают хорошим тоном открещиваться, по крайней мере на словах, от всего болельщицкого.

Никто не рождается членом президиума федерации, тренером, судьей, репортером, статистиком. Самые чуткие родители бессильны уловить в сыне подобные задатки. Футбольное тяготение начинается в одно прекрасное утро, с восхода солнца, когда человек просыпается с ощущением, что он — болельщик. Неизвестно почему, но — отныне и навсегда. Можно поигрывать, а можно стоять за воротами. Один двинется в мастера, а тысячи равных ему по сердечной привязанности к мячу и любимой команде осядут на трибунах.

Не встречал среди связавших себя с футболом никого, кто угодил бы на эту стезю случайно, по протекции или насильно, поддавшись уговорам. Встречал, и немало, таких, о ком полагается отозваться: «не по Сеньке шапка». Но это другой разговор. Болельщиками были и они, не способные стать футболу полезными, а то из-за скудоумия, трусости, лени вставшие ему поперек. Бывало, самые надутые, «замурованные» службисты, в размягченности или подвыпитии, с видимым удовольствием, хвастая, хотя и опасливо понижая голос, расписывали мне свое молодецкое болельщицкое прошлое, оговаривая, что «откровение не для печати».

Перебираю в памяти людей футбола и вижу всего двоих, кого

мне и в голову не приходило, хотя и мог, подбить на признание в тайной склонности. Это Валентин Александрович Гранаткин, долгое время руководивший футболом в стране, и Борис Андреевич Аркадьев, тренер-философ. Впрочем, не буду обескуражен, если людям более осведомленным, чем я, ведомы их клубные пристрастия. Достаточно и того, что оба они, занимая видное положение, не дали ни малейшего повода для пересудов, попреков за спиной. В широком же смысле оба они были болельщиками, да еще какими!

Валентин Александрович, после того как его безвинно и бестактно отстранили от руководства футболом, работал в олимпийском комитете. И частенько мне позванивал: «Слушай, как можно было принять такое решение? Какой-нибудь оболтус из тузов ляпнул, а они лапки кверху. Бедный наш футбол! Ты бы хоть намекнул, ну не в своем «Футболе», за это тебе попадет, так в «Огоньке»...»

Борис Андреевич, пока позволяло здоровье, заявлялся в редакцию без оповещения («был неподалеку, не мог отказать себе в удовольствии заглянуть»), работа прекращалась, все тянулись «на Аркадьева», он в моей комнате усаживался в кресле (спина прямая, руки спокойно, по-царски лежат на подлокотниках) и произносил медленные монологи. Медленные и по причине его приятного легкого заикания, и, главным образом, оттого, что говорил афористично, каждую фразу готовил.

«Поистине неисповедимы пути. Когда я в сороковых годах дерзал намекнуть, что будущее за универсальными игроками, меня опровергали, высмеивали: «оригинал», «чудак»! А сегодня универсализм — к общим услугам, словно он от Адама и Евы».

Поднимался и уходил Аркадьев так же внезапно, как и приходил. И я так и не знаю, отводил ли он одинокую душу, заходя в редакцию или хотел быть полезным нам, репортерам, а через нас — футболу.

Есть ли вообще какой-то резон в попреке: «Э, да он болельщик!», когда само существование футбола обеспечивается нашим к нему неравнодушием?!

Болельщику позарез необходим другой болельщик. Робинзон Крузо, окажись он в наше время на острове с телевизором, после нескольких трансляций помутился бы разумом из-за невозможности обсудить увиденное. С теми, кто из одного клубного лагеря, разговор течет как по маслу, гладкий, ласкательный. Но признаем: и однообразный, топчущийся на месте. А все охочи до остроты, чтобы лезвие повизгивало об лезвие. Схватиться в перепалке — все равно что разрядиться и снова зарядиться.

Футбол идет и идет, подкидывая очередные коллизии и выкрутасы, и мы тут же вцепляемся в них. Футбольные обсуждения, горластые, нерассудимые, резкие, грубоватые, не что иное, как правдоискательство на свой лад. События на стадионе дают повод, толчок, а круги расходятся по городам и весям, возбуждая весь легион.

Двадцать лет болельщицкого стажа и потом тридцать с лишним журналистского — так сложились полвека моей близости с футболом. Чувствую, что от простого сложения проку нет: им ничего не объяснишь.

Вот хотя бы такая задачка. Попробуйте выписать столбиком команды высшей лиги согласно вашему к ним расположению. Вверху — единственная, родимая; ниже— все остальные, которым вы симпатизируете по убывающей. В самом низу окажутся нелюбимые, а для кого-то прямо-таки невыносимые. Потом спокойно взвесьте, насколько ваше отношение к командам совпадает (или не совпадает, что вероятнее) с их общеизвестными заслугами. Легко убедиться, как много личного, не поддающегося разумному истолкованию, вносим мы в восприятие футбола. Уверен, что у кого- то на самой нижней строке окажется либо киевское «Динамо», либо «Спартак».

Задачка не ради того, чтобы укорить. Мне самому не раз приходилось ее решать, пока из лица вольного, способного нагородить в сердцах что попало, превращался в лицо ответственное за свои слова. Что-то при этом терялось. А что-то приобреталось. Думаю, приобреталось больше.

Как же это происходит? Может быть, просто с годами мы научаемся владеть собой, напускаем на себя показную должностную бесстрастность? Или футбол открывается нам в своей безбрежности, и становится нудно бултыхаться возле одного и того же дебаркадера? Не получается ли так, что в футболе мы постепенно начинаем различать кроме гула игры еще и гул времени, а это задевает не на шутку и тянет размышлять о «природе вещей», заодно проверяя самих себя? И в чем власть репортерской работы, подминает ли она нас, ограничивает, развивая сердечную недостаточность, или, наоборот, выпускает на свободу?

Желая хоть в какой-то мере разобраться во всем этом, не вижу другого способа, кроме того, чтобы восстановить все, как было, с самого начала. Когда понял, что книге подойдет название «Обо всем по порядку», я имел в виду последовательность во времени. Однако есть и иное «по порядку» — в замысле и работе. Очерк «Футбол Константина Есенина» навел на мысль о продолжении. Оттого ему и место — в начале.

Константин Сергеевич при жизни оказал мне великое множество дружеских услуг. Вот и еще одна, когда его уже нет.

Что же до вопроса «Удастся ли?», то для меня он не в авторской совестливости — ее нам не дано переступить,— а в сомнении, что сумею написать о виденном и пережитом с той непосредственностью, которой в избытке был наделен Константин Сергеевич. Но верно ведь и то, что, сидя рядом на трибуне и толкая друг друга локтями, каждый из нас подстраивал бинокль под свое зрение. Уповаю на наше равенство в привязанности к футболу.

ФУТБОЛ КОНСТАНТИНА ЕСЕНИНА

И ровесники мы с ним — все, что происходило более чем за полвека, у нас общее, сходное,— и грудились бок о бок, а в последние годы, сами того не заметив, оказались душевно близкими, дня не проходило, чтобы кто-то из нас не набрал номер телефона и не начал с вопроса: «Как вы там?». Хоть и говорят, что время лечит, мне уже не привыкнуть, что не прозвучат ни этот звонок, ни этот вопрос.

Осталось ощущение, что мы с Константином Сергеевичем знакомились трижды. А вернее сказать, я для себя трижды его открывал.

Не помню, но полагаю, что впервые мы натолкнулись друг на друга на «Динамо», в ложе прессы. И поводом скорее всего явилось то, что я встречал в газетах его подпись, а он — мою. Далеко мы не пошли: любезности, отрывочный обмен впечатлениями на ходу о матчах, о статьях.

Однажды он внезапно насел на меня.

— А ведь вы спартач, верно?

Я в молодую свою пору пуще глаза берег репортерскую нейтральность, безжалостно подавлял в себе залихватские болельщицкие вольности, которых нахватался в отрочестве, и заявление Есенина показалось мне бестактным.

— С чего вы взяли?

— Зря отпираетесь,— Есенин скрипуче, деланно рассмеялся. Он не ожидал отпора, был обескуражен: как можно не признаться в любви к «Спартаку», в той любви, которую сам он не таил, объявлял о ней первому встречному?

...Лет тридцать спустя, в 1985 году, печатно сделал он удивительное признание:

«Все человеческие впечатления, чувства обязательно субъективны. Вспоминаю ленинградскую блокаду, дни и ночи, которые надо было пережить, каждые 24 часа. А порой в затишье было грустно и наплывало былое... Иногда лезли в голову рифмы.

День придет,
И перламутром шелка
В бирюзе, сверкающей росой,
Замелькают красные футболки
С знаменитой белой полосой.

У каждого за спиной в те дни было «дыхание Родины огромной», но и свой дом, своя улица, товарищи, друзья.

У меня за спиной был «Спартак».

...Но в тот давний день, когда Есенин насел на меня с допросом, он, думаю, по молодости еще не отдавал себе полного отчета в глубине своего пристрастия, просто его подталкивало озорное любопытство. А я подумал: «Ему-то что, ему можно, он в редакции не работает». Да и знакомы мы были шапочно — обязанности быть откровенными между нами не существовало.

— Зря, зря. Что ж тут такого? Мы и между строк читать умеем.

Его «мы» не требовало пояснений: я знал, что у него была компания, с которой он ходил на стадион, что в этой компании Алексей Арбузов, Юрий Трифонов, Леонид Малюгин, Семен Нагорный. Все они состояли в спартачах, кроме Малюгина, кажется, и называли себя «пятеркой нападения Арбузова».

Позже я сумел оценить сплоченность их компании. Как-то раз на «Олимпийский» мы добирались с Константином Сергеевичем и всю дорогу судили и рядили о «текущем моменте» нашего футбола. А возвращался я с Алексеем Николаевичем Арбузовым. И пока неспешно шли к метро, и потом, стоя в вагоне, держась за поручни, он говорил о том же «текущем моменте». Я не мог сдержать улыбки, боюсь, Алексей Николаевич увидел в ней иронию журналиста по поводу рассуждений дилетанта, что было бы обидно. А улыбался я, чувствуя, что попал в милый «водевиль». Мало того, что Арбузов слово в слово повторял некоторые есенинские суждения, и интонации были те же. Все преподносилось интеллигентно, мягко, округло, но и решительно, законченно, как много раз обдуманное и обсужденное. («Что ни говори, а футбол — это, во-первых, психология, во-вторых, техника и, только в-третьих, сила. Злейшие враги красивого футбола— равнодушие, с одной стороны, и нервозность — с другой. Уверяю вас, футбол может быть красивым только в том случае, если руководители не будут придавать поражениям трагический характер. Неврастенический оттенок куда чаще ведет к поражениям, чем к победам».) Ясно было, что единогласие моих собеседников достигнуто в многолетнем общении, как бывает в благополучных семьях.

Вообще же в ранние годы нашего знакомства Константин Сергеевич в моих глазах выглядел ходячей достопримечательностью, на трибунах в его сторону кивали, о нем перешептывались.

Сын Сергея Есенина и знаменитой в довоенные годы

драматической актрисы Зинаиды Райх. Отчимом его был Всеволод Мейерхольд. И знакомство он водил с людьми, известными в литературных и театральных кругах, в разговорах ссылался на Юрия Олешу, Исидора Штока, Михаила Яншина, Зиновия Гердта... Еще и фронтовой офицер — грудь в орденах, неоднократно раненный. Он рассказывал, что у него хранится армейская газета с заметкой под названием «Погиб сын Есенина», и шутил, что еще тогда, в сорок третьем, понял, что газетные ошибки пережить можно, и не слишком горюет, когда теперь сам их делает.

За всем этим терялось, казалось будничной подробностью, что он инженер-строитель (участвовал в сооружении университета на Ленинских горах) и на досуге балуется занимательными извлечениями про футбольные рекорды, парадоксы, сенсации.

В ложе прессы, где всем все известно и никого ничем нельзя удивить, где царит бесстрастная тишина и разве что изредка прозвучит язвительная острога о судье или футболисте, сыгравшем невпопад, в этом обществе знатоков и скептиков, шумный, громогласный, несдержанный Константин Сергеевич со своими невыносимо дерзкими, с потолка, заявлениями («Вот увидите, «голубенькие» выиграют и гол забьет «девятка»!») выглядел чудаковатым баловнем, с которого спрос невелик. Для тех, кто постарше, метров, он был Костенькой, они его не обрывали, не ставили на место, как непременно сделали бы, если бы так повел себя кто-то другой. Это много позже репортеры следующего поколения подсаживались к Есенину, чтобы выведать драгоценный прогноз, а комментаторы телевидения в дни, когда положение в чемпионате неимоверно запутывалось, брали у него интервью для «Футбольного обозрения», и он бесстрашно разъяснял, чем все должно кончиться. А в те годы его выкрики оборачивали в шутку. Впрочем, хотя настаивать не могу, думаю, что к нему и тогда, пусть вполуха, но прислушивались, его окаянная самоуверенность чем-то привлекала.

Я переживал пору ученичества, были у меня свои авторитеты среди журналистов и тренеров, Есенин среди них не числился, хотя его забавные подборочки в газетах не пропускал. Занят же я был, как мне представлялось, постижением законов игры и относился к футболу едва ли не как к предмету, который предстоит сдавать на экзаменах. Так что пути наши не пересекались.

Пришло время второго знакомства. После того как в 1966 году я был назначен редактором еженедельника «Футбол», мы сделались, как обозначено в издательских договорах, он —

«Автором», я — «Издательством». И договор этот действовал ни много ни мало— семнадцать лет. Мой предшественник, Мартын Иванович Мержанов, из метров, против Костеньки ничего не имел, но резвиться на газетных полосах ему не дозволял, разве что по большим праздникам — «строчек сто, так и быть».

Едва я как редактор начал готовить материалы в печать, меня поразил разнобой в фактах. Многое писалось наобум, в фамилиях, датах, цифрах путаница, одно и то же событие излагалось то так, то этак, гол приписывали то одному, то другому форварду.

Для нашего футбола, вообще говоря, характерны короткая память, забывчивость, необычайно вольное обращение с историей. И не полувековой давности, а хотя бы и прошлогодней. Возьмет кто-то и заявит, что такая-то команда тогда-то играла превосходно, в каждом матче забивала по три-четыре мяча. Проверишь — ничего похожего. Ткнешь заявителя носом в таблицу, а он даже не застыдится: «Ну, значит, не в том году, а в другом».

Вранье это не так безобидно, как может показаться. Всплывают дутые величины, а те игроки и тренеры, кто в самом деле многого добился, обойдены и забыты. Какой-то сезон вдруг превозносится как ренессанс, а выясняется — только потому, что чемпионом была команда, симпатичная автору, других аргументов нет. Преувеличиваются немыслимо достоинства футбола далеких лет, и невозможно уразуметь, почему же после этого стали играть из рук вон плохо.

А футбол живет не как бог на душу положит, его история — не из нечаянностей и сюрпризов, она подчинена закономерностям, и, не зная их, не поймешь и того, что происходит сегодня на наших глазах, не представишь, чего можно ждать завтра. Футбольное дело сильно страдает от односезонности, от того, что каждую весну объявляют об одних и тех же надеждах. Осенью они не сбываются, и их заново перекладывают на следующую весну. И так называемые итоги одинаковы, как и надежды. Всегда-то их выводят с восторгом первооткрывателей, напрочь забыв, что то же самое говорилось и писалось и год и десять лет назад. Святая простота забывчивости заслоняет, путает, искажает футбольную панораму.

Односезонность надежд («на этот-то раз должно получиться») не позволяла, скажем, всем миром и со всей строгостью навалиться на фальшивые результаты матчей, которые размывали, подтачивали нравственные основы футбола, отнимая у него силы и черня его в глазах аудитории. Или разобраться в организационной несостоятельности уклада жизни клубов, как и

руководства футболом в масштабе страны. Или навести порядок в годовом расписании, принимающем анекдотический вид, когда команды то играют до бесчувствия, а то исчезнут на долгие каникулы и возвращаются на поле разучившись.

Так что внеисторичность футбола вовсе не в «белых пятнах» в составах команд, подвизавшихся пятьдесят лет назад. Она в пренебрежении к тому, что было вчера и отзывается сегодня. Опыт нашим футболом накоплен, иначе и быть не могло, да только не впрок, лежит мертвым грузом.

Конечно, все это ясно сейчас. В начале редакторской работы я просто прикинул, что футбольная проза выиграет, если обопрется на точные сведения. И позвал Константина Есенина.

Читал не помню какой сборник, там оказались письма Мейерхольда, и вдруг фраза: «Мой пасынок Костя удивляет меня своим интересом к футболу».

Когда я рассказал об этом Константину Сергеевичу, он отозвался не сразу, как бы уйдя в приятное и грустное воспоминание.

— Было такое. Всеволод Эмильевич против моих хождений на стадион ничего не имел. Режиссер, он уважал зрелища. Да и на футбол впервые он меня вывел. Его смущали мои разлинованные цветными карандашами тетрадки, куда я заносил всякую всячину. Как знать, не подумал ли он, что кто-то мог фиксировать его спектакли так же, как я — матчи?..

— Сколько же вам было лет?

— Тринадцать, должно быть. Слушайте, а ведь полагалось бы юбилей справить: полвека как-никак. Зевнул... Чудно, как нас дела выбирают. Это сейчас молодые люди из подражания цифирью балуются, а что меня заставило? Понятия не имею. Но с тех пор, с малолетства, два часа ежедневно над гроссбухами. Придумал себе службу, а? Без выходных, без отпусков...

Разговор этот был позже. Приглашая Есенина с обещанием открыть перед ним страницы еженедельника, я не знал о его подвижничестве. Но вышло так, что баловня Костеньку сразу забыл. Передо мной был человек с фантастической памятью, приводившей меня в замешательство, с глазами, загоравшиеся за стеклами очков, как только ему приходило в голову, что еще можно извлечь из гроссбухов, напористый и обязательный, не желавший сидеть без дела, чувствовавший себя в форме, если знал, что он перед еженедельником в долгу.

Наше общение происходило в редакции, в моей темноватой комнатушке, и всегда было торопливо- деловым. Он заявлялся торжественно, дверь открывал во всю ширь, пожимая руку, по-гусарски щелкал каблуками. В этом не было нарочитости,

позерства: насидевшись дома в одиночестве над своими записями, он рад был прийти к людям, которые поймут с полуслова, в редакцию, где он свой человек.

Я постоянно чувствовал себя перед ним виноватым. Видел, что ему страсть как хочется поболтать, обсудить новости. Но мы в редакции с утра, до его прихода, все обсудили, да и вообще «Издательству» и «Автору» не к лицу лясы точить, они — у «конвейера», который доставляет материалы в наборный цех. И Константин Сергеевич покорно доставал из сумки чуть замявшиеся листочки, клал их на стол и кротко и хитро спрашивал:

— Я посижу, не возражаете?

Известная уловка авторов: нам всем кажется, что в нашем присутствии редактор будет милостивее к рукописи.

Он сидел в кресле глубоко, развалясь, с деланным безразличием, но вслед каждому движению моей руки очки его посверкивали. Те места в статье, которым он не придавал значения, были выписаны и четко и ровно, без нажима, а когда приходил черед открытию, изюминке, тут слова шли вкось, буквы укрупнялись, и что ни фраза, то с восклицательным знаком. Это и были знаменитые есенинские находки, которые приостанавливали и изумляли читателей. И как только он видел, что строки с находкой мною прочтены, выпрямлялся и вскидывал подбородок:

— Каково? Я обалдел, когда сосчитал. Кто бы мог подумать? Нет, ей богу, такая получилась штука — пальчики оближешь...

— Вы можете не мешать редактору?

— И похвастаться нельзя...

Есенин доверял мне, не спорил, не задирался, лишь иногда, даже как бы с удовольствием, что угадал (он обожал угадывать), произносил: «Я не сомневался, что вы это вымараете».

Он знал, что его иногда заносит, но никогда сам себя не редактировал, шел до конца.

— Согласен, тут я схулиганил, могут обидеться, но что-то в этом есть, признайтесь?

Тем временем странички по одной забирала машинистка Лида. А мы в ожидании, когда она перепечатает, уславливались о следующей работе. То он сам что-то предлагал, то я его заманивал в какую- нибудь авантюру. На это у нас уходили считанные минуты. Потом он, видя, что я положил перед собой очередную рукопись «в номер», покряхтывая, выбирался из кресла.

— Ухожу, ухожу, вижу, что у вас запарка. Скажите только, как вам понравился гол Эдика? Стрелец есть Стрелец! Письма я

забираю...

Письма Есенину мы складывали в большущий конверт, и всегда-то он был набит. Константин Сергеевич засовывал письма в сумку, лихо закидывал ее на плечо, мы жали друг другу руки, он прищелкивал каблуками и уходил, сильно толкнув дверь.

По всем предположениям Есенин должен был быть педантом. А он им не был. Цифры имели для него ценность, поскольку с ними можно было колдовать. Коллекционирование футбольных сведений нынче в моде. Чего только не собирают! Один молодой человек мне представился так: «Мой раздел — отчества футболистов. С именами порядок, а в отчествах — пропуски». Большинство собирателей гордятся полнотой своих данных и нисколько не задумываются, могут ли они пригодиться.

Есенин никогда не настаивал на безукоризненности своих гроссбухов. «Тут у меня сомнения. Ничего, навещу Владимира Ивановича Адамышева (есть такой в Москве скромный, всезнающий статистик.— Л. Ф.), у него полный ажур». «Не семнадцать, а восемнадцать? Эка важность, в следующий раз исправим. Зато идея хороша!» Аккуратисты любили подловить его на ошибочке, тешили свое самолюбие. А он не горевал, зная себе цену: по части выдумок равных ему не было. Некоторые его изыскания, это чувствовалось, требовали воображения, нечаянного озарения. Большая удача, что футбольные цифры достались одаренному человеку.

Он не упускал случая в работу внести игру. Заказали ему буклет — «Лучшие советские вратари». Их должно было быть тридцать. Чего проще отобрать: есть списки «33 лучших», есть награжденные призом «Огонька», известно, кто защищал ворота сборной. Так нет, Есенин затеял опрос, подключив тренеров, знаменитостей прошлого, журналистов. И от меня потребовал список. Я продиктовал по телефону и не удержался: «Зачем вам это нужно?»

— Вы не представляете, сколько нюансов! Я же сужу не о вратарях, а о тех, кто мне отвечает. И какие занятные расхождения! Когда-нибудь я об этом напишу...

Свои тетради он вел точно так, как начал мальчишкой. Украшал их флажками клубов, пускал в ход многоцветье фломастеров, цифры выписывал крупно, не жалея места, с нажимом, с загогулинами, на полях ставил одному ему известные условные знаки. Я не раз заставал его за этим занятием: лицо отрешенное, просветленное. У меня духу не хватало вторгнуться, прервать — садился поодаль, ждал, когда окликнет.

Все печатное, имеющее отношение к футболу, он не то чтобы собирал, а схватывал без разбору и уволакивал домой. Я знал, что

его небезопасно оставлять одного в редакционной комнате: тут же начнет шарить и на столе, и на подоконнике, и на шкафу, совать в сумку газеты, журналы, фотографии. Когда я его заставал за «реквизицией», он нисколько не смущался. «У вас же пропадет, уборщица выметет, в макулатуру сдадут, а я что-нибудь выужу». И был страшно доволен, унося набитую сумку.

У него на даче, на втором этаже, коридор до потолка был из стеллажей, туго, так что не вытянешь, набитых желтой, пыльной периодикой. Бывало, я топтался возле них, не зная за что взяться. На мои жалобы Константин Сергеевич, посмеиваясь, отвечал: «И не найдете, я все держу в голове. Хотите — покажу издания семнадцатого года? Или дореволюционные? Прелесть как писали о футболе: наивно, но все точь-в-точь как было, без дипломатии, без прикрас. Можно бы одними цитатами, без комментариев, изобразить всю историю футбола. И читалось бы взахлеб...»

Мария Алексеевна Валентей, внучка Мейерхольда, дружившая с Константином Сергеевичем, прочитав очерк в «Юности», позвонила мне и рассказала:

— Знаете, как Костя дорожил своим футбольным архивом? Когда его после ареста Мейерхольда и гибели матери в двадцать четыре часа переселяли из их квартиры в восьмиметровую комнатушку, он ни о чем не заботился кроме своих старых газет, многим пренебрег, а их все до одной вывез...

...Футбол пронизан цифрами и выражает себя ими. Мы ждем не дождемся, когда на табло зажжется единичка. Это даже странно, что дух захватывающее зрелище, в котором мастерство переплетено с драмой, с проявлениями личностей, конечной целью имеет немудреные цифры. Но когда этих цифр много, когда они выстраиваются длинными колонками, оказывается, что они не чердачный хлам. Их можно заставить заговорить, и не только о том, что некогда было, но и с намеком на будущее. Тут и своеобразие турнирных отношений команд между собой, возникшее в незапамятные времена и неведомо почему продолжающее существовать по сей день. И вероятность реванша. И продолжительность беспроигрышных серий, которые обязательно должны прерваться. И делающаяся все более опасной команда, которую пока бьют нещадно. Арифметические манипуляции, быть может, тем более всего и любопытны, что подтверждают наши догадки о человечности футбола, подчеркивают те достоинства и те слабости, которые с помощью специальных материй не истолкуешь.

Однажды Константин Сергеевич заявился в редакцию и, отдуваясь, как после трудной работы, выпалил:

— Свалил гору с плеч. Никак не мог понять, почему мне не

симпатичен такой-то (он назвал известного форварда). И ловок, и техничен, и забивает, а веры ему нет. Разложил я все его голы, и, что ж вы думаете, в самых дорогих, неотступных матчах, и в клубе и в сборной, проку от него немного. Теперь ясно...

Уж как нам прожужжали уши, что одиннадцатиметровый удар — «стопроцентная» возможность. Есенин просчитал все пенальти в чемпионатах, с 1936 года, и объявил: «Никаких ста процентов в природе нет, семьдесят восемь, тик в тик».

Я вспомнил это его утверждение, когда в июне 1986 года на чемпионате мира в потрясающем матче Бразилия — Франция не забивали пенальти не кто-нибудь, а, словно нарочно, все звезды — Платини, Зико и Сократес. Знаю, Константин Сергеевич не стал бы торжествовать («я говорил!»), скорее посочувствовал бы знаменитостям. Для него давно был решен вопрос, что двадцать два процента — всегда против, и это знак того, что мгновение может стать роковым и для привыкшего бить наверняка, для завзятого технаря, потому что и у него нервы уязвимы.

Как-то незаметно, исподволь, возник у нас особый книжный раздельчик — футбольные справочники-календари. Их издают по весне в десятках городов, тираж некоторых под миллион. Диву даешься, сколько в этих книжечках всего собрано. Уже проводится всесоюзный конкурс этих маленьких энциклопедий, лучшим присуждают призовые места. Ни одна из книжечек не выходит, да и впредь не выйдет без того, что придумал, смастерил Есенин. Под этими материалами не ставят его подпись, они сделались официальными, общего пользования, без них как без рук.

Назову некоторые. Это ранг-лист сборной СССР, в котором каждый матч получил порядковый номер. Клуб бомбардиров имени Григория Федотова. Списки ста лучших бомбардиров чемпионатов страны; ста игроков, сыгравших наибольшее число матчей; тренеров, чьи команды занимали призовые места. По его инициативе пересчитаны все голы чемпионатов и Кубков СССР, утверждены разного рода рекорды. С его благословения (помню его звонок — «проверил, можно печатать») заведен Клуб вратарей имени Льва Яшина, подготовленный Николаем Жигулиным из Кривого Рога, по профессии строителем, как и Есенин.

Константин Сергеевич не первый и не единственный историограф. Но он навел порядок. И каждый автор, дорожащий достоверностью, получил возможность опираться в своих рассуждениях не на туманные воспоминания, а на точные сведения. И когда будет создана книга под названием «Очерки истории советс кого футбола» (она остро необходима, ибо излечит от доморощенных иллюзий, уберет кривые зеркала, представит все, как оно есть), труды Есенина лягут в ее основу.

Константин Сергеевич подбивал меня вместе сесть за такую книгу. Мы обговаривали ее, когда я навещал его в больнице...

Но почему он искал соавтора, почему не решался писать сам?

И тут пришла очередь рассказа о третьем нашем знакомстве.

Оно завязалось, когда я, как и он, стал свободен от службы, и оба мы сделались «Авторами», равными в отношениях, во времени для работы и для досуга, для встреч и воспоминаний.

Никогда прежде я не работал с такими удобствами. Чуть заминка — берусь за телефон.

— Не скажете, сколько игроков забивали голы во всех чемпионатах, начиная с первого?

— Если примерно, то две с половиной тысячи, а для точного ответа дайте мне четверть часа...

— Вы помните матч «Спартака» с киевским «Динамо» в 1936 году?

— 18 октября, стадион «Динамо», народу почти никого, холодно, дождь, в первом тайме киевляне вели 3:0, во втором «Спартак» сквитал, замечательно забил со штрафного Андрей Петрович Старостин...

— И можно все это написать?

— Конечно.

Хотя и я немало на своем веку повидал футбола, никогда не мог удивить его хоть какой-нибудь подробностью, все-то он знал. Удалось это мне лишь однажды. Подвернулась старая-престарая тетрадочка — и в ней запись, что ездил на стадион «Сталинец» (теперь «Локомотив»). Там играли московское «Динамо» и неведомый «Зенит», в составе которого находилось несколько мастеров «Спартака», и было это 20 июля 1941 года. Константин Сергеевич замялся: «Да, про этот матч у меня ничего нет. Так какие составы? Кто забил?»

Есенин щедро отдавал все, что ему было известно, даже не спрашивал, зачем мне это нужно. Не спрашивал потому, что не был скопидомом. Широкая натура, он радовался любой возможности выручить. Не спрашивал еще и потому, что знал: мы не конкуренты, в своих писаниях не столкнемся.

Читателем всего, что печатается о футболе, он был сверхзаядлым: узнать, что промелькнула заметка, а он не видел ее, для него было оскорблением. Следил он Й за моими работами и считал своим долгом хоть как-то отозваться. Я долго не мог понять ни его одобрения, ни его прохлады. Мне казалось, что самое серьезное, дельное он пропускает, а тем, что написано в шутку, вскользь, почему-то восторгается. И я привык считать, что при всех своих познаниях он не слишком глубоко влезает в футбол. И ошибся. Но ошибку свою понял не вдруг, а мало-

помалу, сойдясь с ним коротко. При обстоятельствах, где футбол не всегда находился на первом плане.

Был у нас с ним один долгий день. Хоронили Александра Петровича Старостина, второго из четырех могучих братьев. Была панихида в спартаковском зале на улице Воровского. К входу привалила толпа юнцов в красно-белых шарфиках и шапочках, тех самых, с которых не сводят глаз дружинники на стадионах. Возле дверей они посдергивали с себя шапочки, пригладили вихры, выстроились попарно, в руках красные гвоздики. И медленно двинулись в зал, опустив худые сильные плечи. Мы с Есениным пропустили всю длинную колонну, и оба не могли оторвать взгляда от лиц, напрягшихся и розовых.

— Вот вам и футбол! — произнес Константин Сергеевич и закашлялся: запершило в горле.— Они же только фамилию слышали, а явились. Значит, и для них не пустой звук, что был когда-то защитник, капитан «Спартака» — чемпиона страны в тридцать шестом... Хоть и неуместно сейчас так говорить, но, честное слово, радостно!

Похороны были на Ваганьковском, и, когда они кончились, Константин Сергеевич позвал: «Сходим на мои могилы».

Мы постояли у памятника Сергею Есенину и прошли к другой могиле, неподалеку. Там лежит Зинаида Николаевна Райх, и на том же камне надпись — «Всеволод Эмильевич Мейерхольд». Его здесь не хоронили, а надпись выбита. Мы сели на низенькую скамеечку.

— Достаньте сигарету,— попросил Константин Сергеевич. Он недавно бросил курить.— Обожаю дымок, столько с ним связано: и фронт, и стадион, и работа...

Тут я заметил, что в нашем направлении со всех сторон стягиваются люди, потихонечку, плавно, как принято на кладбище.

— Нас, кажется, берут в окружение.

— Вижу. Это поклонники Сергея Александровича. Есть дни, когда они тут собираются.

Люди подошли и почтительно образовали кружок вокруг Константина Сергеевича. И пошел тихий, нет спешный разговор. Спрашивали, слышал ли он чтеца такого-то, имеет ли только что вышедший сборник стихов и как он ему нравится, читал ли статью в журнале, что нового в Рязани... Константин Сергеевич и о чтеце отозвался, и о сборнике, и о статье, и про Рязань сообщил. Собеседники внимали ему с уважением и доверием. А я подумал, как приятно, что он обр всем осведомлен, за всем следит, незаметно, мягко, без шума верен сыновнему долгу — и это тоже его жизнь.

Не все в ней выглядело столь идиллически, как в тот день. Храню подаренный Константином Сергеевичем оттиск его статьи. Статья называется «Об отце», она из сборника «Есенин и русская поэзия», изданного в Ленинграде в 1967 году. Там такие строки:

«Надо сказать, что носить фамилию Есенин довольно хлопотно. Отношение к творчеству Есенина на разных этапах развития советского общества менялось. Причем в последнее время — безусловно к лучшему. Естественно, и отношение, к фамилии меняется в хорошую сторону. А было время, когда, скажем прямо, оно оставляло желать лучшего. Порой некоторые работники из среды моей строительной братии пугались соседства с фамилией Есенин, а некоторые даже предлагали мне сменить фамилию. Но это все, конечно, от скудости мысли. В то же время почти каждодневно я ощущал и искреннее доброжелательство, и острый интерес читателей — инженеров, студентов, рабочих, военнослужащих — ко всему, связанному с Есениным».

Поразительно, но от своей фамилии он терпел и после того, как Сергей Есенин был возвращен в сонм великих поэтов. Как видно, в делопроизводителей, готовящих «бумаги», глубоко въелась старая опаска. Константин Сергеевич собрался в 1974 году поехать туристом на чемпионат мира в ФРГ, но кто-то, как всегда невидимый, вычеркнул его из списка.

Он не впал в транс и, оскорбленный, выкрикнул:

— Не на того напали!

И принялся набирать номера телефонов, которые не каждый решится набрать.

Узнав, что звонки возымели действие и он восстановлен в списке, Константин Сергеевич все так же возбужденно выкрикивал:

— Только подумать, какое-то кувшинное рыло выражает мне недоверие! Где он был, когда я со своей ротой ходил в атаку, лежал в госпиталях?

На том чемпионате мы встретились в Мюнхене и отправились побродить по городу.

— Нас, туристов, строжат: то нельзя, туда нельзя. Будь это в какой-нибудь Коста-Рике, я бы послушался. Но здесь?! Я перестану себя уважать, если здесь не буду чувствовать себя вольным казаком. Вы понимаете? Черт побери, старого солдата не согнешь...

Помнится еще один день, летний. С утра приехали мы к нему на дачу, в Балашиху, оба с работой. Несколько домиков и табличка «улица Есенина». Дача в лесу, старые яблони, ни грядок, ни клумб, кусты, высокие заросли травы. Деревянный дом,

стареющий, обветшавший, весь в прошлом. «Такою мне дача и мила»,— говорил он не раз.

Я хотел закрыть калитку на щеколду, но Константин Сергеевич остановил:

— Не надо, кто-нибудь забредет, а мы не услышим...

Мы устроились: он за столом под деревьями, я - на террасе. И погрузились в свои бумаги.

Я не заметил, когда она вошла, и только увидел, что Константин Сергеевич идет вокруг дома с незнакомой мне девушкой и, жестикулируя как экскурсовод, что-то ей втолковывает.

Проводив ее, он заглянул ко мне.

— Видите, если бы мы закрылись, девица сюда бы не проникла.

— Кто такая?

— Провинциалочка, проездом, узнала, что существует дача Есенина и разыскала. По правде говоря, неизвестно, бывал ли здесь Сергей Александрович. Моя мать купила дачу после его смерти. Впрочем, как знать, может, когда-нибудь и бывал. Но я думаю, девица не была разочарована, все-таки на этой террасе сиживали Мейерхольд, Маяковский, Луначарский, там, за окном, некогда стоял рояль и для Зинаиды Николаевны играл Лев Оборин. Я вас отвлек? Еще часик посидим, а потом чаек заварим...

Но поработать не удалось. Возле Константина Сергеевича стояли трое молодцов, и я почувствовал, что мне следует туда подойти.

— Константин Сергеевич, вы уж нас извините: обрисуйте нам, что в чемпионате творится?

Он сидел, нахмурившись, и вдруг резко выпалил:

— Ну вот что, ребята, ничего я вам обрисовывать не стану, приходите трезвыми. Тогда я к вашим услугам.

Молодцы помялись и побрели к калитке.

— Я их знаю, они захаживают, ребята неплохие. Но пусть уважают футбол.

А спустя несколько минут Есенин пришел на террасу со стопкой книг.

— Хотите — развлеку? Я понемножечку собираю литературу о войне, не могу от нее уйти. Тут заложены странички про одну известную операцию. Пробегите, а потом поинтересуйтесь годами издания книг. Обратите внимание: и фамилии разные, и цифры, и о значении операции сказано не одинаково... Впрочем, вы же помните то время.

Мы часто говорили друг другу эти слова: «Вы же помните то

время». И если речь шла о футболе, память о времени помогала многое понять, всему найти место. И добру и злу. Вперемежку.

Вот кое-что из того, что мы не раз обсуждали.

...По-братски принимали у нас на стадионах сборную басков, не слишком обижаясь, что она выигрывала матч за матчем: республиканская Испания была гордостью и болью, ей сострадали.

В недоброй памяти тридцать седьмом на трибунах стадиона, не сговариваясь, принялись посвистывать, когда играло московское «Динамо». Не футболистов имели в виду, а принадлежность спортивного общества. Это было немалой смелостью.

Попозже болельщики показывали со значением друг другу брошюрки с перечислением чемпионов, где у «Спартака» вместо одиннадцати семь фамилий и потом нелепое «и другие». Четырех братьев Старостиных и Леуту помнили, хоть и были они далече.

В сорок четвертом, в войну, разыграли Кубок СССР, и было прекрасно, что взяла его команда «Зенит» из многострадального Ленинграда, недавно освобожденного от блокады.

Декабрь сорок пятого, московское «Динамо» в Англии, радиоголос вестника побед, Вадима Синявского, трогает нас до слез: мир ведь, товарищи, Бобров, Карцев и Бесков заколачивают голы!

Послевоенные сезоны, на трибунах «Динамо» полно людей в шинелях без погон, на костылях, с палками, с протезами, и им особенно, да и всем по сердцу, что футболом правит клуб армейцев — ЦДКА.

По самовластному, капризному генеральскому повелению из ничего, за счет других команд, народился клуб ВВС. Но все его амбиции лопнули к полному удовольствию футбольной публики, уважающей справедливость и не терпящей выскочек.

В пятьдесят втором за проигрыш на Олимпиаде югославам — волна репрессий. Расформировали ЦДКА, тот самый ЦДКА, который был любим, которым гордились.

В Москве сборная ФРГ, чемпион мира. И матч со сборной СССР. Невыносимо было представить, что он может быть проигран. Потом наши проигрывали команде ФРГ, и ничего, но тогда, в пятьдесят пятом, первая встреча как незарубцевавшаяся рана. И наши футболисты, словно на поле они выбежали не из подземного туннеля, а с жаждавших победы трибун, закатили такой штурм в конце, что чемпион был повержен.

Шестьдесят четвертый, наша сборная, складная и сильная, победившая шведов, итальянцев и датчан, уступила в Мадриде в последнем матче Кубка Европы испанцам 1:2. Без объяснений,

импульсивно, под настроение устранен создавший ее тренер Бесков, полный сил и идей. Никто не мог понять, за что.

В семьдесят втором оказалось, что все сходит с рук: ворошиловградскую «Зарю» подпирают плечами и тайными расходами в чемпионы. Где она сегодня, «Заря»? А след ее не простыл, тянется, покорежил он футбольные нравы.

...Футбол не живет сам по себе, во всем, чего он добивается, от чего терпит и страдает, так или иначе отражается время. Константин Сергеевич, заделавшись историком футбола, размышлял над этим, быть может, больше, чем кто-либо другой.

Он знал, что ход футбола принято изображать в виде его игровой эволюции: смена тактических систем, убыстрение темпа, увеличение маневренности; изощрение турнирной стратегии. Знал, но оставался от всего этого в стороне. Эры «дубль-ве», «четырех защитников», «тотальную» он предоставлял другим авторам.

У него было свое исчисление. Эры московского «Динамо», «Спартака», киевского «Динамо». Эры братьев Старостиных, Григория Федотова, Всеволода Боброва, Льва Яшина, Эдуарда Стрельцова, Валерий Воронина, Сергея Сальникова, Олега Блохина. Эры тренеров Бориса Аркадьева, Гавриила Качалина, Михаила Якушина, Виктора Маслова, Константина Бескова, Валерия Лобановского. Эры судьи Николая Латышева, председателя федерации Валентина Гранаткина.

Есенин стоял на том, что футбол, как бы он внешне ни изменялся, в любое время творят люди, и своими людьми он более всего интересен, ими и жив. Для него не было вопроса: когда играли лучше? Он мерил личностями, характерами, накалом страстей, живописностью. Добреньким Есенин не был. А к футболистам был на удивление добр, в каждом что-то находил. Говорят при нем об игроке: «Бездарь!» Константин Сергеевич тут же вмешается: «Да, бездарь, спору нет; но ни черта не боится, лезет напропалую». И тут же рассмеется и скажет: «Ваш покорный слуга ничего из себя в футболе не представлял. Но шел до конца. И бывало, матчи выигрывал». Или о другом судят: «Зачем его ставят: на него дунешь — и свалится». И опять Есенин свое: «Верно, шкет, но, когда он вывинтится среди верзил и удерет, это же наслаждение!»

Если бы Есенину довелось увидеть мексиканский чемпионат и гол аргентинца Марадоны в ворота англичан, когда тот подыграл мяч рукой, гол, заставивший многих поморщиться, он выразился бы так: «Шпана, это точно. Но играет бес-по-доб-но». Я слышу, как он произнес бы это слово по слогам.

Несколько лет подряд всем на удивление Есенин печатал

прогнозы перед финалами Кубка СССР, Смысл был в том, что победит та команда, которая первой забьет гол в ворота у Северной трибуны. Это в четный год, а в нечетный — в противоположные. Народ посмеивался, но выходило по Есенину. И футболисты поверили, признавались, что держат в уме, какие ворота надо беречь пуще глаза, а в какие во что бы то ни стало забить.

— Слушайте, вы разводите чертовщину, это же ни на что не похоже,— наседали на него.

Он загадочно усмехался и пожимал плечами:

— Что я могу поделать? Подмечено. Как будто не бывает в жизни необъяснимых совпадений?..

Те деньки были веселые, легкие. Пришли совсем другие.

Как-то звал он меня на дачу, а я, зная, что у него там плохенький телевизор, сказал, что хочу посмотреть дома матч «Днепра» с киевским «Динамо».

— Бросьте, приезжайте, гарантирую ничью, и скорее всего 2:2.

— Уверены?

— К сожалению, да. Но это не прогноз, а диагноз. Скоро моя алхимия никому не будет нужна.

2:2 состоялось. Есенин и не вспомнил о своей догадке, для него матчи, в которых возможен сговор, не существовали. Он не возмущался, не выкрикивал прописных истин об аморальности надувательства. Он темнел лицом, когда при нем говорили о проделках: футбол, как сухой песок, утекал из его рук, все, чему он отдал годы, становилось бессмысленным.

Когда форвард «Днепра» Протасов в чемпионате 1985 года забил 35 мячей, побив долго державшийся рекорд Симоняна, Есенин признался мне:

— Написать я обещал и напишу. Но что хотите со мной делайте, чувствую — не настоящий рекорд, его организовали, провернули. Протасов — талантище, от бога центрфорвард! Боязно за него: молоденький, не ведает, что творит...

Шли мы с ним по Арбату. Там есть дом, где на верхних этажах, в нишах, статуи рыцарей, а в нижнем этаже — ювелирный магазин. Есенин на ходу бросил:

— Символическое сооружение, здесь бы надо еще и управление футбола поселить...

Жизнь его была бы полна и без футбола. Его укоряли: «Могли бы заниматься чем-нибудь более интеллектуальным». Он и в самом деле был человеком богато начиненным.

Однажды я упомянул, что ездил на станцию Железнодорожная.

— Это же бывшая Обираловка! Был случай, мы с Мейерхольдом припозднились в городе и опоздали на поезд в Балашиху, пришлось сесть на тот, который шел до Обираловки. Оттуда до нашей дачи верст семь, наверное. Всеволод Эмильевич всю дорогу бежал. Я, мальчишка, ругался, скулил, а он — ноль внимания: не мог он себе позволить, чтобы Зинаида Николаевна волновалась несколько лишних минут...

Константин Сергеевич то и дело твердил, что засядет за воспоминания о матери («Я же у нее в гримерной вечерами пропадал»), вот только соберет материалы для книжки о «Спартаке». Ни то ни другое ему не было суждено написать.

К уговорам «переменить тему» он относился терпеливо и снисходительно. Он-то знал, что выбор свой сделал свободно, что его интерес к футболу — жизненный интерес, не навязанный, не придуманный, не служебный, не корыстный, что его место определено, он делает то, что никто лучше него сделать не сможет. И пусть для других репортеров футбол — отчеты о матчах, тактические дискуссии, хвалеж после побед и разносы после поражений, он — вне конъюнктуры, для него футбол един от начала и до конца, и в этом его жизнь, с отрочества до седин, жизнь, и много потребовавшая, и одарившая.

Приведу еще несколько строк из статьи Константина Сергеевича «Об отце»:

«Я придерживаюсь двух принципов. Первый из них: нося фамилию Есенина, стихов писать, а тем более публиковать не стоит. Как бы ты ни писал, их будут сравнивать со стихами отца. Второй — горьковский: «Если можете не писать — не пишите».

Вот о футболе я не писать не могу и пишу».

Любопытна надпись, которую сделал Константин Сергеевич, даря мне эту статью: «И если даже футбольный мяч оглушительно лопнет, мы останемся в живых». Меня она не удивила.

Я уже упомянул о его редкостной памяти. Помнил он не одни цифры и фамилии. Он помнил, как добирался на стадионы, с пересадками, электричкой, автобусом, такси, какие героические усилия предпринимал, чтобы не опоздать, помнил, с кем сидел, о чем спорили, возвращаясь, помнил снегопады, грозы, жару.

Зашел у нас разговор о давнем-давнем матче, когда мы еще не были знакомы. Тогда на «Динамо» обрушился нежданный летний ливень, из тех, что как из ведра. Оказалось — мы оба были на стадионе.

— Вы где сидели? Я— на «востоке», вон там, слева, ряду в двадцатом. Не удрали? И я с места не сдвинулся. Рубашку снял, скатал и прикрыл телом, чтобы потом надеть. Ах, и вы так же?

Тут мы с размаху пожали друг другу руки.

На стадион Есенин не ходил, а выходил. К зрелищу, к людям, других посмотреть и себя показать. Ближе к ограде менялась его поступь: вышагивал широко, пришаркивая, вальяжничал, грудь вперед и высматривал в толпе знакомых, раскланивался, жал руки, рад был быть замеченным. Свой человек в своем обществе, завсегдатай, непременный участник, которому ведомо нечто такое, чего не знает никто. Оттого и загадочная усмешка: он верил в вычисленный им еще вчера наиболее вероятный исход матча.

И всегда, и в свои «за шестьдесят» был готов созорничать. Одно время на московские стадионы после несчастья в Лужниках, в котором повинны были не зрители, ставшие жертвой давки, а служители, закрывшие выходы, по их мнению лишние, перепуганная администрация ввела подразделения милиции и дружинников. Нам оглушительно вещали по радио и набирали на электронном табло грозные перечни запретов. Мы ни с того ни с сего лишились права подниматься с места, вскрикивать, поздравлять друг друга, скандировать, обниматься, когда забьют гол.

Константин Сергеевич подчиниться не пожелал. Громко окликал приятелей, сидевших через несколько рядов, вставал, чтобы с кем-то поспорить, заключить пари, всплескивал руками, раскатисто хохотал, и не без умысла, с вызовом, и был очень доволен, когда к нему подбирался молоденький милиционер — и тогда окружающие получали удовольствие от потешной сценки.

В ту пору он и рассказал мне один случай.

— Было это сразу после войны. Помните, тогда в нас, кто уцелел, сила играла, заново жизнь начинали. Сижу на матче, и «Спартаку» забивают. Сосед мой как вскочит, как заорет, рот до ушей, жутко противен он мне стал. И я вдруг его по физиономии сбоку как смажу! Совершенно безотчетно: раззудись плечо! Ну, думаю, быть драке. А он на миг смолк — и снова заорал. Не увидел, не понял, что произошло, наверное, подумал, что его случайно задели, вокруг ведь все повскакивали. Рука у меня, надо сказать, довольно тяжелая. Уселся мой сосед, замер, глаз с мяча не сводит, а ладонью скулу ощупывает. И, знаете, я его зауважал: вот это болельщик, человек в экстазе! После того случая на ненаших я не злюсь, жду, пока наорутся. И как у меня рука пошла?..

Он был открыт и отходчив. Мы возвращались со стадиона, и он, прямо-таки нежно заглянув в глаза, сказал:

— Все еще переживаете? Подумаешь, продули! Могу вас успокоить: у них это триста шестое поражение в чемпионатах страны. Представляете? Вы же не огребали столько двоек на

экзаменах, и выговоров у вас меньше. И девушки столько раз от вас не отворачивались. Бросьте, пора привыкнуть...

...Что же еще, под конец?

Идем мы с ним подтрибунными коридорами в ложу прессы Лужников. Константин Сергеевич замедляет шаги, и я знаю почему: ждет, что сейчас к нему кинутся и потребуют сказать, кто станет чемпионом. Так и есть, он окружен, остановлен и разглагольствует. Я жду и злюсь: пять минут до начала. Не выдерживаю и тяну его за локоть.

— Что, опаздываем? Друзья, извините, додумайте сами...

— Зачем вы людям голову морочите, можно подумать, что вам что-то известно,— выговариваю я ему.

— Не скажите! Кое-какие подсчеты я провел, аналогичные ситуации встречались,— добродушно оправдывается Есенин.— А чего не рискнуть, свои же люди—сочтемся? Ладно, не сердитесь, больше не буду.

Мы входим в ложу, и я слышу за спиной: «Константин Сергеевич, мы вас ждали. Один вы можете нас рассудить...»

Я не оборачиваюсь, и вдогонку голос Есенина: «Займите местечко, я мигом».

Он стал нужным для тех, кому что-то неясно в футболе. А неясно — всем.

Вспоминая Константина Сергеевича, я думаю о том, что было бы славно написать о футболе так, как он его видел. Удастся ли?

ОСТРОВИТЯНЕ

Памяти павших смертью храбрых Виктора Берковича, Михаила Лихачева, Бориса Невского, с которыми вместе ездил на стадион в предвоенные годы

С годами все чаще обращаюсь к футболу тех времен, когда и предположить не мог, что стану о нем писать, и журналистика как профессия не мерещилась.

В детстве футбольная ниточка была продернута в одном спутанном клубке с Жюлем Верном, Купером, Беляевым, «Красными дьяволятами», журналом «Всемирный следопыт», кинотеатрами «Уран» на Сретенке и «Аврора» у Покровских ворот. Ильинский сквер был некогда бойким местом, чему сейчас трудно поверить, настолько он благочинный и малолюдный. К памятнику гренадерам — героям Плевны — детвора вырывалась из тесноты каменных дворов, как из неволи.

Мы сговаривались, делясь на команды («Винтовка» или «Шашка», «Бриг» или «Корвет», «Чингачгук» или «Ункас»), и загадка выбора волновала нас не меньше, чем ныне составы киевского «Динамо» и «Спартака». Носясь за мячом, орали страшными голосами, будто

надо было не обыграть, а перекричать. Правило знали

одно — не бить на клумбы. И все-таки приходилось удирать от сторожих. Бывало, моя мать ходила в отделение милиции на Маросейке выручать арестованный мяч.

Ничего-то мы не умели, мальчишки из центра города, мы не видели ни настоящего футбола, ни настоящего стадиона. Бегали по асфальту, возле часовенки, толкались, пинали мяч. И орали.

Что-то, правда, до нас доносилось, перехваченное

со слов взрослых. Старостины (подумать только, четыре брата — больше, чем богатырей на картине Васнецова!), Пека Дементьев, «короли гола» Бутусов и Павлов, матчи Москва — Ленинград. Смущали нас загадочные турки. Мы привыкли, что на памятнике они изображены злодеями, а оказывается, с ними можно весело играть в мяч. Все это неведомое, невиданное упоминалось нами с форсом, мы вырастали в собственных глазах, если произносили фамилию футболиста, неизвестную другим. И привирали безбожно.

Много лет спустя был я в гостях у Алексея Ивановича

Леонтьева, знаменитого вратаря, сделавшегося моим добрым товарищем по «Советскому спорту». Справлялось его пятидесятилетие. В честь присутствовавших произносились по кругу тосты. Анатолий Михайлович Акимов, другой знаменитый вратарь, обратясь ко мне, сказал: «Однажды пришел к нам в футбольную школу молодежи незнакомый журналист. Откуда он взялся, никто не знал. Но норовил докопаться, вопросы задавал не те, к которым мы привыкли...»

«Откуда взялся?». Меня, начинающего репортера, из вежливости так прямо, в лоб, не спрашивали, но любопытство в глазах читал. Акимов подтвердил. Быть принятым в футбольном мире не просто, там, на первых порах во всяком случае, легче признают того, кто играл. Я молчал, но, сознаюсь, иногда подмывало выдать себя ну хоть за бывшего юниора.

В 1958 году, на чемпионате мира в Швеции, я жил вместе с командой, в Хиндосе, загородном отеле возле Гётеборга. Шла тренировка, я стоял возле белой линии и глазел. Один из мячей, сильно пущенный, полетел в мою сторону. Стыдно было отстраниться, не подставить ногу. Дернулся, и тут же услышал с поля восклицание тренера Михаила Якушина — тоненькое, как укол: «Не играл!». Мгновения хватило Якушину, чтобы разгадать мое неумение. А у меня как камень с души: «Ну и ладно, да, не играл, «взялся» из болельщиков, из журналистов, таким и принимайте».

День, с которого все началось, помню во всех подробностях.

Летнее полуденное пекло не лучшее время для прогулки, а меня вынесло из комнатной прохлады на улицу. От Большого Комсомольского переулка, где я жил, до Фуркасовского две минуты ходу. Размещался там динамовский магазин спортивных товаров. За витринным стеклом бросилась в глаза афиша, предлагавшая матч на первенство Москвы между «Динамо» и «Спартаком», Я прочитал ее всю, до номеров трамвая: никуда не шел, делать было нечего. Соблазнила цена на билет, самый дешевый: такие деньги у меня водились. Зашел в магазин и купил билет. Не зная, что меня ждет, почувствовал облегчение: что-то замаячило, открылось впереди.

Как я жил в том году, рассказать нелегко. Весной арестовали отца, немного погодя выслали за сто километров от Москвы мать. Мне — пятнадцать, я отупел, сжался, не знал, чему верить, чего ждать. Взяла на себя попечение обо мне тетя Саня — сестра отца, врач. Я ходил к ней пешком на Таганку раз в неделю. У нее была приготовлена «передача»: сахар, чай, масло, макароны, сыр, печенье, картошка, с тем и возвращался домой. Она считала, что выдавать натурой педагогичнее, чем деньгами, чтобы не

избаловался, был по крайней мере сыт.

Но мне было не до баловства. Меня то и дело навещал милиционер—участковый. Я никак не мог разгадать периодичность его появлений, угроза существовала в любой день и час. Он по-хозяйски садился за наш обеденный стол, я на краешке стула — напротив. Высокий, худой, чернявый, с обвисшими, вялыми усами, с обвисшей портупеей, невыразительный дядечка, на которого раньше я бы не взглянул. А тут поднимал на него глаза с замиранием сердца.

Милиционер допытывался, не навещает ли мать, не лучше бы мне к ней перебраться, не пишет ли отец. Я отрицательно мотал головой—и это была правда. Ну а о том, что мать изредка втайне наезжает к знакомым и я там вижусь с ней, он догадаться не мог, а я, разумеется, помалкивал. Он сидел подолгу, будто отдыхал, курил папиросу за папиросой. Я не мог дождаться, когда он уйдет, долго проветривал комнату от дыма и запаха сапог.

Взрослым, вспоминая эти посещения, я готов был предположить, что и милиционеру, у которого, надо полагать, была семья, они в тягость. Он протяжно вздыхал, то и дело приговаривал: «Эх, был бы у тебя паспорт...» Да и разглядывал он меня, словно желая убедиться, что ничем предосудительным не занимаюсь, от рук не отбился.

Так что в тот памятный день на улицу я не вышел, а сбежал, желая разминуться с милиционером. Билет на футбол сокращал вероятность встречи. Меня многое тогда могло прельстить как избавление. Удалось— футболу, за что я ему благодарен.

Первый в жизни матч так и остался — на всю жизнь. Ровным счетом ничего не было мне известно ни про первенство Москвы, ни про «Спартак» и «Динамо». Красные с белой полоской поперек груди и белые с голубой полоской. Выбирай любых. Я и игроков не знал. Не помню, продавались ли программки, объявляли ли составы по радио.

Все решил случай. У «красных» «подковали» (так мы тогда выражались) вратаря, и его заменил молоденький, худенький. Мне за него сделалось боязно: ну, как ему примутся забивать, унизят. Душа пришла в движение и приняла сторону красных. То был «Спартак». Он проиграл, но это скользнуло мимо — важно, что вратаришке, вышедшему на замену, мяча не забили.

И началась езда на «Динамо». В трамвае от Политехнического музея — целое путешествие, как считалось,— через весь город. Путешествие в давке, тяжелоспинной, остролокотной, где выдохнешь — тут же сожмут, и, чтобы вдохнуть, надо выдраться, вывернуться. А я был мал ростом и худ. Но давка эта, добровольно принимаемая, неминуемая, даже желанная,

мужским своим единением прекрасно изготавливала, заряжала к футболу, да и избавляла от домашнего затворничества, доказывала, что есть люди и жизнь. Кто-то сверху покровительственно пробасит: «Небось протыриваться будешь?», ты пискнешь: «У меня билет есть», и снова тот же бас: «Ишь какой сознательный! За кого болеешь-то?», а ты притворяешься, что не расслышал, отвернешься — невозможно в симпатии признаваться неведомо кому.

Время шло. Матери разрешили, благодаря заступничеству Екатерины Павловны Пешковой, жены Горького, объединиться с сыном. Зажили мы с ней усеченной, но семьей. Найдя меня болельщиком, она не удивилась. Видно, сердце ей подсказало, что должен же был несовершеннолетний сын чем-то укрыться в ее отсутствие, и — пусть футбол, куда ни шло, могло быть и хуже. А отец, когда вернулся восемнадцать лег спустя, не понял моего выбора. Что журналист — его устраивало: сам некогда писал книги по хлебному делу, которым занимался в наркомате, и мог думать, что сыну передалось тяготение к перу. Но что журналист футбольный — это так и осталось для него загадкой. Он добросовестно читал все мною написанное, но отзывался только о «стиле».

И все-таки, если говорить о взаимоотношениях с футболом в довоенное время, память предлагает не подростка. Предлагает студента с факультета русского языка и литературы пединститута, не чуждого вечным проблемам, философским и нравственным, примерявшегося к самому себе, к окружающим с аршином, заимствованным в великих романах, в высокой поэзии, в Третьяковке, в спектаклях Малого театра с Остужевым и чеховских в Художественном. Предлагает времена на самом краешке войны, когда нам, гуманитариям, несмотря на то, что на западе громыхало, до своего реального будущего словно и дела не было. А будущее надвигалось, и трем из тех, с кем я посещал стадион,— Виктору Берковичу, Михаилу Лихачеву, Борису Лебскому — вскоре солдатами суждено было пасть смертью храбрых.

А пока мы ездили на футбол, сбегая с лекций, перенося часы свиданий. Ездили уже не в тряской, скрипучей, дзинькающей коробке трамвая, а с комфортом, стремительно, по новой линии метро, проложенной до «Сокола», края города. Ездили не от нечего делать, а переживать, восхищаться и отчаиваться, запасаться доводами для словесных схваток. Футбольная тема вклинивалась в наши споры о добре и зле, правде и лжи, о Маяковском, Пастернаке, Шолохове, Хемингуэе, Ильфе и Петрове, профессорах Гроссмане и Аниксте и о «пробах пера» некоторых из

нас — будущего поэта Николая Тарасова, будущего литературного критика Владимира Барласа, будущего журналиста апээновца Эммануила Боровика.

Борису Лебскому на роду было написано сделаться поэтом: узколицый, с падавшей на глаза черной прядью, красивый, когда задумывался, слушая в себе рождение стиха. Вот строчки Лебского: «Подсмотреть, подслушать ветер, где и как звенит, как играет на рассвете серебром ракит, чтоб потом в строку сонета бережно вкропить серебро звучанья ветра, серебро ракит». В этих стихах слово «потом» до сих пор отдается во мне болью. Скорее всего потому и помню их.

Витя Беркович, с крупными губами, носатый, ушастый, очкарик, заметный человек в институтском комсомоле, нацелился на историю: разыскивал книги Карамзина, Костомарова, Ключевского, Тарле, бегал в Политехнический на лекции и еще куда-то в кружки и на семинары.

Осталось у меня несколько его фронтовых писем со штампиком «Просмотрено военной цензурой». Это — из последнего, от июля сорок второго:

«Я пехотинец, рядовой стрелок, мое оружие винтовка, ноги средство передвижения. Сейчас ждем приказа. Скорей бы, уж очень мы засиделись, летом все-таки

лучше воевать. Очки безнадежно сломались, не могу раздобыть новые. Подцепил малярию, только вчера выписался из батальонного медпункта. Малярия здорово ослабила, а поправляться некогда. Боюсь, как бы все это не отразилось на моей боеспособности. Не стану входить в подробности, оставим их до встречи. Жду письма».

Мой ответный треугольничек вернулся. Адрес Берковича перечеркнут, оставлена лишь моя полевая почта. Синим карандашом резко выведена буква «В» (возврат). Лежат они оба передо мной.

Много-много лет спустя, в восемьдесят седьмом, был я приглашен в школу на открытие мемориальной доски. Мы учились в Колпачном переулке, а потом нашу школу перевели далеко, в район проспекта Вернадского, сохранив номер — 324. И вот в здании послевоенной постройки открывается доска в честь погибших выпускников, сооруженная долголетними стараниями душевных людей. Когда сняли покрывало, в глаза мне так и ударила золотая строка — «Виктор Беркович». И не отвести взгляда: Витька, Бешка — школьное его прозвище. Жила в Спасоглинищевском переулке семья: мать, отец и два сына. Отец умер в заключении, оба сына, солдатами, погибли на фронте, мать — доктор медицинских наук, педиатр — Ида Максимовна

закончила свой век в одиночестве. Не передать, как тяжело мне, вернувшемуся, было встречать ее глаза...

Золотом на мраморе на лестничной площадке школы между этажами — «Виктор Беркович». Розовощекие мальчишки, родившиеся через тридцать лет, после того как я получил последнее фронтовое письмо от Витьки, разбившего очки и беспокоившегося о своей боеспособности, держат образцовый, отрепетированный пионерский салют...

От Миши Лихачева не осталось ничего, ни фотографии, ни письма. Звали мы его за прозрачные, в длинных ресницах, сияющие доброжелательностью глаза Князем Мишкиным. Он читал больше чем все мы, чаще вслушивался, чем говорил, за улыбчивостью прятал искания: не определился, и это его беспокоило. А мог, умный и совестливый, копнуть глубоко. Был он миниатюрен, вряд ли в ополчении ему подобрали шинель по росту, наверное, путался в полах.

Друзьями я был за все вознагражден. В конце тридцатых ничто другое так не проверяло людей, как отношение к усеченным семьям. Ни один из моих друзей не дрогнул, не шелохнулся. Собирались то у одного, то у другого, а у меня так даже охотнее: мать привечала, к особым стараниям не прибегая, но внутренне гордясь ребятами, и они не могли этого не чувствовать. Лихолетье разводило по сторонам, безобманно высвечивало. Человеческая прочность, если повезло ее встретить, не давала сгинуть вере.

Чтобы слова эти не остались словами, забегу в сорок третий год. Уйма времени прошла, не знаю, живы ли те, о ком вспоминаю, но не могу этого не сделать, пусть даже это покажется не к месту в заметках футбольного репортера. Другой возможности не представится.

Связист принял телефонограмму: «Восьмому (код начальника станции) к девяти ноль-ноль явиться на командный пункт полка в партбюро». Что КПП за двадцать пять километров от моей «точки», а февральские вьюги наискось, круто перемели дороги и идти придется ночью, лесом— сущие пустяки: к тому времени хлипкий студентик превратился в терпеливого, ко всему привычного солдата. По другой причине разобрало меня приказание. И прежде толковало со мной начальство о вступлении в партию: «Младший командир, десятком солдат управляешь, политзанятия проводишь, образование без одного курса высшее». А я отводил глаза — ни да ни нет. И вот вызывают, не зная про отца. В действующей армии какие анкеты, офицеров, возможно, и пропускали через ртах, а у нашего брата— тоненькая зеленая красноармейская книжка, куда внесены звание

и должность, прохождение службы, прививки, вещевое имущество, номера винтовки и противогаза, размеры шинели, шапки и сапог.

Настал предельный час. Я и в молодости, как до сих пор, доверял больше бумаге, чем красноречию. Сел возле коптилки и принялся строчить на тетрадных страничках. Все как есть. И написав, спокойненько посвистывая, пришил чистый подворотничок на гимнастерку, оделся, сунул пайку хлеба в карман ватника, закинул за спину винтовку, приладил к валенкам лыжи и двинулся целиной впотьмах.

Прибыл вовремя: умели мы рассчитывать дорогу с точностью до минуты. Зашел, доложил. Сидят за столом трое — политруки Баранов, Перельман и воентехник Тихомиров. Далеко не всех однополчан помню по фамилии, а этих мне не забыть. Выкладываю свои листочки перед ними и, как положено, четко выговариваю: «Прошу ознакомиться». Переглянулись удивленно, но просьбу уважили, велели подождать.

В сенях свернул махорочную цигарку, руки чуть дрожат. Сижу и представляю: «Сейчас скажут, что могу быть свободным». И тяжело так думать, но все же и облегчение: совесть чиста.

Долго ждал. За дверью тихо, если и говорили они между собой, то вполголоса. Наконец вызвали.

Когда первый раз заходил, показались они мне свежими, бодрыми — утро же, выспались, позавтракали. А теперь — будто не минуты, а часы прошли — хмурые, постаревшие, ни просвета улыбки, плечи отяжелевшие. И стало особенно заметно моему, привыкшему ко всему армейскому, взгляду, что они не кадровые, а призванные в войну: ни стати, ни выправки, прежнее штатское в них проглянуло. Я стою навытяжку, успел подумать с сочувствием к ним: «Агитировали— и влипли».

Баранов, старший среди них по званию, оглядел меня с ног до головы:

— Слушай, сержант. Ты у нас в полку полтора года. Так? В войну этого достаточно. Рекомендации мы тебе даем.

Повернулся через левое плечо — и в дверь. Как шел на командный пункт — помню, а обратную дорогу забыл — летел, ног под собой не чуя.

С этими тремя, как я потом узнал, коммунистами с двадцатых годов, приходилось мне много раз встречаться и по службе, да и за вольным разговором — политработники же,— но ни один из них ни полсловом не обмолвился о том заседании. Спустя год я был назначен парторгом роты —в этом назначении они не могли не участвовать.

По прошествии многих лет, когда мы, однополчане,

собрались вместе в ресторане «Россия» отметить двадцатилетие Победы, один из троих, Перельман, человек давно уже снова штатский, пожилой, обнял меня за плечи: «Читаю тебя в газетах. Вот видишь!». Значит, держал в уме...

...Мы понятия не имели о кулисах футбола. Он начинался для нас с появления в прямоугольном колодце тоннеля игроков, которых мы узнавали мгновенно по макушкам, лбам и плечам, и заканчивался их сходом на нет в то же заповедное подземелье. Мы ничего не смыслили в тактике и стратегии, если бы кто-то в нашем кругу вздумал козырнуть специальной терминологией, его подняли бы на смех.

Мы видели на поле людей, и нас занимало, как они себя проявляют все вместе и каждый порознь, как стоят за общее дело. Если что-то происходило невпопад, мы воспринимали это не как тактическую или техническую ошибку, а как несуразицу, человеческую слабость, драматический поворот. Мы не сомневались, что форварды, хавбеки, беки и голкиперы игрой живут, что поле и мяч не больше, чем форма, условность, как книжные страницы, театральные подмостки и декорации, живут для того, чтобы особым, футбольным образом посвятить нас в какую-нибудь жизненную ситуацию, которая что-то откроет.

Компания у нас сложилась спартаковская. Выбор безотчетен, необъясним, но уж коли он сделан, доказательств правоты сколько угодно. Нас устраивало, что «Спартак» не представлял никого, кроме самого себя, с ним любой мог просто так, за здорово живешь, стать заодно, объявить его своим. «Динамо», ЦДКА, «Металлург», «Торпедо» кому-то принадлежали, это обязывало и ограничивало, вольность избрания лагеря исчезала. Слышали про промкооперацию, стоявшую за «Спартаком», но так как не знали толком, с чем ее едят, то в расчет не брали. Один из нас, Виктор Беркович, был за «Динамо». Мы прощали его, как заблудшего, жалели, да и некоторый интерес в этом был: отводили душу в подтрунивании. А он, человек благородный, с обостренным чувством товарищества, по-моему, втайне страдал, что вынужден быть в компании голубой вороной. Но тут уж ничего не поделаешь.

Футбол для нас был как один матч: «Динамо» — «Спартак». Шесть чемпионатов—и по три выиграла та и другая команда. Могли подставить ножку киевляне, тбилисцы, ленинградцы, сталинградский «Трактор», «Металлург», «Торпедо», «Стахановец», но это было не смертельно, огорчало ненадолго. Занимало одно: как «Динамо», где «Динамо», что «Спартак»? Если у динамовцев плохо шли дела, как в 1938—1939 годах, то не выиграть чемпионат «Спартаку» было позорно. А их встречи

лицом к лицу шли по высшему счету. Как видно, сами динамовцы и спартаковцы были того же мнения: десять игр (включая неоконченный чемпионат 1941 года) — по две победы и шесть ничьих. Так что и не рассудишь, все поровну, спорь не спорь.

Впрочем, до арифметических доказательств мы не опускались: низкая материя. Как и до грубости, бранных слов. Было это не в правилах нашей компании: поймали бы на примитиве — высмеяли. Не вспоминается, чтобы и на стадионе был в ходу оскорбительный лексикон. Это сейчас всюду выведено: «Спартак» — «мясо», «Динамо» — «мусор», ЦСКА — «кони» — изобретения заборной фантазии.

Противопоставление «Динамо» и «Спартака» велось нами по впечатлению, зависело от манеры команд себя держать, от их поведения. Это было увлекательно, требовались наблюдательность, догадка, воображение. В конечном счете выходило, что «Динамо» — это продуманность, вышколенность, невозмутимость, беспощадность, отточенное, но и холодное умение, тогда как «Спартак» — открытый темперамент, безудержный штурм под настроение и тяжкие срывы, когда настроения нет, непредусмотренность поступков, игра в разные дни то безукоризненная, то растрепанная. Коль скоро и та и другая команда умела добиваться своего, сравнение не ставило крест на одной из них; наоборот, тем и жил постоянный интерес, что динамовский лед гасил спартаковское пламя, а в другой раз пламя растапливало лед.

Из нашей приверженности к спартаковскому лагерю напрасно составлять представление о нас самих.

Мы были разными. Кому-то, как я вижу, полагалось бы испытывать симпатию к строгому динамовскому мастерству, созвучному, близкому их натуре. Но вопреки созвучию, не желая его признавать, они тянулись к спартаковской непредсказуемой одушевленности, видя в ней привлекательность, недоступную для них самих. Может быть, чувствовали, что этого начала они лишены, а хорошо бы его иметь, так пусть по крайней мере окружающим кажется, что они его имеют.

Приняв и развивая противопоставление «Динамо» и «Спартака», мы отыскивали сколько душе угодно подходящих штрихов, версий, догадок. Противопоставление подтверждалось характерами главных героев. А быть может, наоборот, рождалось из характеров. В ту пору игроки выглядели крупнее, рельефнее, самостоятельнее. О каждом, и не обязательно о звездах, легко было составить мнение, отнюдь не только футбольное. Передвигались по полю медленнее, чем сейчас, любому предоставлялось время, чтобы что-то сотворить в одиночку, не

было еще той всеобщей исступленной гонки, когда одно касание мяча, почти незаметное, мимолетное, ценится превыше всего.

Ленинградец Петр Дементьев, Пека, которого его сподвижники по сию пору считают уникумом техники, неповторенным и непревзойденным, тогда мог вызвать разочарование трибун, если бы поскупился и не показал всех своих очаровательных обманов. От него ждали, чтобы он «поводился», ему за это хлопали, потешаясь над попавшимися. Маленького росточка, но надежно, складно сложенный, широкоплечий, подстриженный под бокс, вечный мальчишечка, он был не классиком, а бесом. Все, что позже стало называться «излишеством», Петр Дементьев довел до такого совершенства, что за вопрос «Зачем?» сосед по трибуне мог тебе надвинуть кепку на глаза в знак презрения. Он стоял особняком, ему все разрешалось, как любимому шуту короля. И он пользовался своей привилегией широко и вольно. Думаю, не одному поколению мастеров и зрителей он резал правду в глаза: «Вот что можно вытворять с мячом, глядите!» Не между прочим, не урывками, а показательно, программно предвоенному футболу, не слишком твердо знавшему себя, он внушал, вдалбливал, что мяч послушен не одной силе, а и ласковым хитростям.

Нисколько не сомневаюсь, что веселый иллюзионист Петр Дементьев, никакими медалями не отмеченный, оказал бесценную услугу нашему футболу своими экспромтами напоказ. Бессмысленно старые времена выверять современными мерками. Да, сегодня от правого инсайда Дементьева потребовали бы другого поведения. Но тогда его «агитация» была уместна и необходима: нынешняя скоростная техника брала свои приемы из его наследства, да так, по-моему, всем и не воспользовалась.

Об этом думаешь сейчас. А полвека назад мы на трибунах просто восторгались цирковым укрощением мяча. Петру Дементьеву дозволялось больше, чем остальным. Не по соглашению, не по контракту, а по праву единственного в своем роде умения.

Впрочем, и другие имели возможность себя показать, если им было что показывать.

В «Динамо» выделю троих: Сергея Ильина, левого крайнего, Василия Павлова, левого инсайда, и Михаила Якушина, правого инсайда.

Не знаю, занимался ли Ильин рыбной ловлей, но если бы занимался, то ни за что на свете не согласился бы, что клюнувшая рыба может сорваться с его крючка. И она бы у него не срывалась, как у ротозеев и простофиль, он бы изобрел наивернейшую подсечку. Будучи идеальным «крайком» в системе «дубль-ве»,

быстрым, увертливым, сообразительным плясуном с хитрющими коленцами, он и шагу себе не позволил бы сделать ради того, чтобы подурачить защиту и повеселить публику, каждое движение — ради общей, строгой командной выгоды. Напрасно было бы искать, в чем он уступает, что не любит: он отнял и у противников и у зрителей возможность судить о его сильных и слабых сторонах. Эдакое концентрированное, как в брикете, мастерство. Низкорослый, с газоном он был скреплен намертво: ни столкнуть, ни оттереть. И все-то перед ним маячили чужие ворота, рвался он к ним, как бабочка на фонарь, неотвратимо, упрямо, послушный даже не разуму, а инстинкту форварда. Хмурый, насупленный, он прорывался, пасовал, бил, всем своим видом заявляя: «Я вышел не шутки шутить!» И забивал замечательные голы, особенно удавались ему удары под острым углом с края в дальний верхний угол. Человек железной хватки, он в каждом матче бился, по нему можно было проверять пульс «Динамо».

Василий Павлов — «король гола». Сильный во всем — в ногах, плечах, груди, шее, лысоватой голове. Сила его была глазаста и умна, к воротам он прорывался, держа в поле зрения все углы. Его удары, прямые, сильные, более всего производили впечатление тем, что мяч входил беспрепятственно в открытые, незащищенные проемы.

Уже после войны, когда Василий Сергеевич был тренером, мы с ним познакомились. Приятное для меня было знакомство. Павлов, скромный, уравновешенный, немногословный, отнесся ко мне, молодому репортеру, с терпением, старался быть полезным, чем мог. Я все ждал, что «король гола» рано или поздно примется живописать свои былые подвиги, намекал, раскидывал приманку. Раз как-то он вымолвил: «Кому это теперь интересно...» Наблюдая за ним, давно расставшимся с полем, прихварывающим, я смог, как мне кажется, понять его как форварда: он умел забивать и считал себя обязанным делать то, что умел. Только и всего. И не видел в этом ничего «королевского».

Войну Василий Сергеевич прошел солдатом, был ранен. И об этом молчал. За него другие рассказывали, не так уж много из известных мастеров воевали. «Король» — это не про него. Солдат — да. Из тех, на ком все держалось.

Михаил Якушин, инсайд,— заговорщик, кардинал за ширмой. Трудно ныне представить его костлявым, худющим, но таким он был. Динамовский разум обитал в его высоко вознесенной над полем русой с острым профилем и аккуратным пробором голове. Сколько я знал Якушина-тренера, в общении с ним вечно приходилось считаться, что горазд он потемнить. Помня все

законы игры, он ни за какие коврижки не отступал от одного из них: футбол—дело тайное, не проведешь — не сыграешь. Поначалу я досадовал на его «неточную» информацию, а потом привык, различая в его умолчаниях и отговорках либо начало, либо продолжение игры. Да и как знать, не из секретов ли, больших и крохотных, конструируется матч?! И не удивительно, что Якушину-тренеру неоднократно удавались, вопреки всем предположениям, победы над командами вроде бы более респектабельными.

Играл он с поднятой головой, примечал, прикидывал, от его взора ничто не ускользало. Обманными движениями мы называем приемы, которые разучивают, заимствуют, повторяют. Якушин сам по себе был «обманным движением». Его силуэт был «нанесен пунктиром», ничему нельзя было верить. Кинется вправо, а оказывается — для отвода глаз. Едва почувствует, что ему поверили, вдруг исчезнет — только что здесь был! — и вырастет как из-под земли в середине, примет мяч вдалеке от потерявшего его след «караульщика». Он обманывал поворотом головы, глазами, руками, возгласами. Преследуемый и преследователь, прячущийся и водящий, преступник и сыщик, казак и разбойник — он играл всех сразу. И невозмутимый — ничем его не проймешь, ничего на лице не прочитаешь.

«Динамо», благодаря Якушину, имело в запасе лишний ход — скрытый, которого нельзя было не опасаться.

И из «Спартака» возьму троих: Андрея Старостина, центрхава, Владимира Степанова, правого инсайда, и Владислава Жмелькова, голкипера.

Очевидцы, вспоминающие, как играл Андрей Старостин, превозносят его тактический разум, то, как он вырастал в нужном месте, игру головой, сокрушительные удары по воротам издали, особенно штрафные. Я видел Старостина в деле не один десяток раз и тем не менее вынужден верить этим характеристикам на слово. И верю, конечно, какой разговор, иначе не имел бы он единогласного признания. Но нас он привлекал не техническими параметрами, не игровыми проявлениями— все это воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Старостин был фигурой, поставленной в средоточии матча. Если с него одного не сводить глаз на протяжении полутора часов, нетрудно написать в газету отчет о матче, да не протокольный, а с эмоциями. В те времена мне это в голову не могло прийти, а сейчас думаю, что возможно.

Он ничего в себе не таил. Вот Старостин остановился чуть позади кинувшихся вперед форвардов, которым он только что передоверил мяч. Ноги широко расставлены, плечи наклонены

вперед, предваряя направление атаки, черные волосы взъерошены, сбиты набок, и он не спешит их поправить. Кажется, все послушно его воле. Чего стоило его басистое, зычное, на весь стадион: «Володя! Играть будете?!» Так он взывал К форвардам через главного среди них — Владимира Степанова. Образ крайнего отчаяния, поникшая голова, когда мяч залетал в спартаковские ворота. За всем этим проступала страстная натура, что-то оперное: половецкий хан Кончак. Неспроста много лет спустя Андрей Петрович Старостин в одном из газетных обозрений провозгласил афоризм, который стали повторять как библейскую заповедь,— «темперамент — порох футбола».

За полстолетия, прошедшие с той поры, когда играл Старостин, я не видел другого такого капитана. Возможно, были капитаны, которые незаметно подсказывали, одобряли или одергивали товарищей. Он же капитанствовал на глазах у трибун. Жестикуляция, выговор, похвала, обращение к судье, распоряжение,

как ставить «стенку», назначение бьющего штрафной или пенальти — все шло от него, и публика в сложные моменты искала его глазами, желая узнать, что предпримет, как поведет себя капитан.

В феврале восемьдесят восьмого он вышел на трибуну пленума всесоюзной федерации со словами: «Как старый боевой конь при звуке трубы, я не могу остаться в стороне...» У него, восьмидесятилетнего, подрагивали руки, срывался на фальцет голос, но его страстная речь заставила замереть аудиторию. Мне было совсем нетрудно узнать в нем того молодого, верховодившего, мало сказать в «Спартаке»,— в довоенном футболе.

Владимир Степанов, квадратный, каменный крепыш, с профилем римского легионера, неиссякаемо подвижный, могуче, от души бьющий. Старостин, когда выкрикивал: «Володя!», знал, что делал. Нет, Степанов не ленился, не отвлекался (единственное, на что он иногда терял время, это на взбадривание несколько флегматичного центрфорварда Семенова), он и без того пылал игрой, но голос капитана, как удар набата, делал его неукротимым, потому что спартаковский интерес он не то чтобы принимал близко к сердцу, он носил его в сердце, в чем был равен Старостину. Нить их соединявшая не была тактической связкой — она шла от самолюбия к самолюбию, от совести к совести, от одного бочонка с порохом к другому. Игравшие рядом со Степановым в нападении В. Семенов и Г. Глазков забивали чаще, чем он, но вдохновлял их, а то и вынуждал Степанов.

Когда я с ним познакомился, он руководил спартаковским клубом, выступавшим в первенстве Москвы и двадцать лет подряд это первенство выигрывавшим. Степанову трамваем отрезало ступни ног — он ковылял, скрипя протезами. Показать ребятне ничего не мог, сидел на лавочке возле своего Ширяева поля, где трава не растет из-за того, что футбол на нем идет безостановочно. Клуб — от мужской команды до команды мальчиков — держался по Степанову, как по компасу, его волевой авторитет был непререкаем. Когда не клеилось, он вставал, опершись на палку, и, невысокий, становился виден и игрокам, и зрителям. Знатоки предвкушали: «Сейчас они у него забегают». Он гремел, распекал, бранился. На него не обижались, мальчишки мне говорили: «Дядя Володя зря не выругает».

В шестьдесят девятом, осенью, когда «Спартак» выиграл знаменитый матч в Киеве, после которого двинулся в чемпионы, я стал свидетелем, как ранним утром Степанов встречал команду на Киевском вокзале. Он обнимал игроков, приговаривая: «Спасибо, ребята!», и сиял. Было ему тогда шестьдесят, а надо заметить, не так уж часто ветераны живут воедино с сегодняшними мастерами, переживают издали, возле телевизоров.

«Спартак» больше, чем любая другая команда, был окружен баснями, легендами, анекдотами; футбольному фольклору он щедро давал поводы. Одна из спартаковских легенд — о вратаре Владиславе Жмелькове. Она имеет героя, но в ней отразилась и судьба команды.

В 1938 году «Спартак» вместо Акимова, проходившего воинскую службу в московском «Динамо», завел трех вратарей. Кто из них заменит Акимова, да и возможно ли это? Двое с именем — Квасников и Головкин, третий без имени, известно лишь, что из подмосковных Подлипок. Играли то первый, то второй, но ощущения, что ворота защищены, не возникало. 27 июля матч с ленинградским «Динамо». После первого тайма— 0:3. И тут в воротах появляется тот самый, из Подлипок, неведомый Жмельков. Спартаковцы, потеряв всякую надежду, играют из рук вон плохо, хоть уходи прежде срока со стадиона. Но нас удержал Жмельков. Мяч он пропустил, правда. Но уж очень смотрелись его броски—легкие, точные, без усилий, словно они ему в удовольствие, ничего не стоят, ждет не дождется, когда ударят. И стало ясно — вратарь! Это было поважнее, чем разгромное поражение.

В том- году вместе со «Спартаком» Жмельков стал чемпионом, и Кубок был выигран с его участием. Он и без того всем нравился, а тут еще принялся пенальти отбивать, чем и

вовсе сразил публику.

Спустя год вернулся в «Спартак» Акимов, и стали они со Жмельковым защищать ворота по очереди. Небывалая роскошь! И снова «Спартак» и чемпион, и с Кубком. После сезона «Красный спорт» провел опрос, и Жмельков был избран лучшим спортсменом года. Не вратарем лучшим, не футболистом, а спортсменом. Полтора сезона — и такая честь! Покорил сердца парень из Подлипок!

В 1940 году Жмелькова призвали в армию. За ЦДКА он провел всего один матч и, как разнесла стадионная молва, отказался играть, желая остаться спартаковцем. Такой поступок не мог пройти незамеченным, только и говорили на всех углах о человеческой верности Жмелькова. Дальнейшую службу он проходил красноармейцем в части. Ждали, что, как Акимов, вернется в «Спартак».

Он вернулся в 1946 году, после войны. А войну провел на фронте, в звании старшины, заслужил боевой солдатский орден Славы. Ему было тридцать два. Играл, напоминая того, довоенного, блеснувшего всего-навсего в полутора сезонах, но повторить себя уже был не в силах. Да и «Спартак» возвращался к жизни трудно, тоже только изредка давал повод вспомнить, что некогда ходил в чемпионах. Затем Жмельков играл в «Спартаке» тбилисском и незаметно растворился в Подмосковье, из которого вышел. Вратарь необычайной судьбы.

Был он точь-в-точь таким, каким должен быть в идеальном представлении вратарь,— хоть в бронзе его отливай. Тонкий, налитый скрытой, ракетной силой: быстрота его бросков была равна быстроте полета мяча, он ударом тела и рук отвечал на удары форвардов. Ударом на удар. Жмельков мог напутать в толчее, в скоплении, на выходе. Но, если били с расстояния, с вызовом — в угол, нижний или верхний, под перекладину, Жмельков словно того и ждал. Гордость в нем, по-моему, играла. Никаких особых, отличительных признаков в одежде, походке, манерах, которые могли бы его выделить. Выделял бросок. Неужто взял? «Один Жмель такое может!» — восхищались поднятые на ноги трибуны. И отраженные им пенальти, те, что я видел, были не делом фарта — ударом на удар отвечал он.

Многих, почти всех известных мастеров знал я в лицо. Либо в их молодые годы, когда играли, либо позже. Жмелькова не довелось увидеть близко. И хорошие фотопортреты не попадались. Так и сохранился он в моей памяти человеком в броске. Для легенды — достаточно.

«Динамо» — «Спартак». Матч протяженностью в шесть с половиной лет. Матч так и не разыгранный. Матч характеров.

Довоенные времена. Юность моих друзей и моя. Благословенная пора!

Благословенная? Бывает, скажешь и тут же задумаешься: так ли?

Безденежье нас не трогало, в одном и том же пиджачишке — и в театр, и на лекции, и на свидание. Курили «Бокс», «Прибой», «Красную звезду» — самые дешевые папиросы. Солдатом я берег, как драгоценность, в вещевом мешке пачку «Бокса». Когда пришла новогодняя ночь сорок второго, я извлек ее и мы закурили из нее с сержантом Володей Городенским, тоже из нашего пединститута, историком, и чувствовали себя на верху блаженства.

Если у кого-то из компании заводилась тридцатка (была такая красная купюра), тут же обсуждалось, что можно себе позволить.

Однажды возвращались мы с «Динамо», как обычно, пешком, чтобы наговориться. И кто-то объявил, что есть та самая тридцадка. Вчетвером — «прожигатели жизни» — отправились в кафе «Метрополь». Заказали по крюшону и по мороженому. Сидим дожидаемся. Наше внимание привлек соседний стол, заставленный тарелками и бутылками, за которым тоже четверо, но совсем других, чем мы, людей. По возрасту они нам в отцы годились, костюмы на них — какие мы в кино только видывали. Сидели твердо, тяжело, будто никогда и не встанут, разговаривали громко, бросая в дрожь люстру. И вокруг их столика — круг, граница. Немцы. Мы немецкий учили в школе, нам ничего не стоило прислушаться, понять, о чем их речи. Не сговариваясь, исключили эту возможность. Не потому, что подслушивать грешно, а потому, что хоть как-то соприкоснуться с немцами в тридцать девятом, после войны в Испании, нам казалось недостойным. Вечер был испорчен, наш разговор не клеился.

Пустяк, случайное, беглое впечатление, а врезалось в память. И не только мне. Один из нас четверых, Беркович, с войны не вернулся. С двумя другими, Тарасовым и Барласом, мы и многие годы спустя вспоминали, как наткнулись на немцев в «Метрополе». Не великими мы были политиками в свои девятнадцать, а что-то нас толкнуло.

И футбол к тому был причастен.

Все знают, что некогда к нам приезжала сборная Басконии. У меня уцелела программка к их матчу с «Динамо». Кстати говоря, рука не вывела в предыдущей фразе вроде бы обязательное прилагательное — «московским». Это теперь оно обязательное, а в те годы московское «Динамо» называли просто — «Динамо», а киевское, ленинградское и тбилисское «Динамо» — киевлянами,

ленинградцами и тбилисцами. Тем самым московские динамовцы признавались старшими среди одноклубников.

Матчи с басками были праздником, какого наша футбольная публика дотоле не знала. Удивительно, но победы басков не оставляли ни горечи, ни досады. Слышал, что спортивные круги чувствовали себя задетыми, лелеяли надежду хоть разочек осадить удачливых визитеров. Но населению трибун команда басков нравилась чрезвычайно. Потом на все лады деловито исследовалось «дубль-ве», по которому играли гости, тогда как наши команды по старинке выстраивались на поле по системе «пять в линию», с двумя защитниками. Ни я, ни мои друзья в тактических конструкциях не разбирались. Мы видели красиво игравшую команду в зеленых рубашках, не похожую ни на одну из наших. И не мы одни это видели. Приведу выдержку из программки, документа тех дней, с пылу с жару.

«С классом футболистов страны басков любители футбола познакомились 24 июня, когда на переполненном стадионе «Динамо» гости выиграли 5:1 у московского «Локомотива». Блестящую технику владения мячом и игру головой, прекрасные удары с любого положения при полной корректности — все это продемонстрировали футболисты героической «Страны Басков».

Слова «блестящая», «прекрасная» — об игре и «героическая» — о стране стояли в одном ряду.

Нам казалось, что посланцы республиканской Испании, сражающейся с фашизмом, только так — прекрасно — и должны играть, и не симпатизировать им невозможно. Имена правого инсайда Луиса Регейро и центрфорварда Исидра Лангары вмиг заучила и повторяла вся Москва.

Я видел два матча с басками: динамовский и спартаковский. Тогда я впервые ощутил, что «боление» сложнее, чем кажется на первый взгляд, что оно допускает милость к приезжим и безболезненность проигрышей.

После матча с «Динамо» я записал в дневнике (о нем расскажу чуть позже):

«Огромный стадион необычайно живописен, пенился подвижной живой массой людей, волновавшихся в предвкушении. Динамовцы сразу захватили инициативу. Технично, точно, как по нотам, играла линия нападения: Семичастный, Якушин, Смирнов, Елисеев, Ильин. В середине тайма Ильин прорвался и забил пушечный мяч. А в конце тайма центр нападения басков Лангара с невиданной силой забивает мяч под верхнюю планку. И тут же глупейшая оплошность защитника-динамовца, и пронырливый правый край Горостица делает счет 2:1. Больше голов не было. Так из-за одной оплошности динамовцы проиграли, а игра их

была на одном уровне с прославленными басками. Общее впечатление огромное!».

Мне приятно, что я не ошибся со своим «впечатление огромное!». Хоть нас и уверяли в газетах, что команда басков — «прославленная», информация в ту пору была жиденькая. Много позже я узнал об этой команде все, что полагается, что знают сейчас болельщики о любой зарубежной команде. Лангара до начала гражданской войны в Испании провел за сборную своей страны 12 матчей и забил 17(!) голов, Л. Регейро — 25 матчей (14 голов). Оба они, а также Силаурен, Мугуэрса, Горостица, Ирарагорри играли в чемпионате мира 1934 года (вместе со знаменитейшим вратарем Заморой). Сборная Испании победила бразильцев 3:1 (два мяча забил Лангара, один — Ирарагорри), сделала ничью с итальянцами —1:1 (гол — Регейро). Матч продолжался на следующий день, и испанцы проиграли 0:1 (в отсутствие Заморы и Лангары). Напомню, что чемпионат проходил в Италии и выиграли его итальянцы. Эти сведения, думаю, и современного, образованного, любителя футбола убедят, что в 1937 году у нас гастролировала, без малейшей натяжки, прославленная команда. Силу противников принято преувеличивать, а тогда мы, напротив, не отдавали себе полного отчета в том, кому противостоят наши футболисты.

Может быть, если бы баски сыграли, скажем, всего два матча, впечатление не было бы таким сильным. Они провели девять, их видели, кроме Москвы, в Ленинграде, Тбилиси, Киеве, Минске. И стало ясно, что наш футбол соприкоснулся с футболом невиданным. Хотя наши и проиграли семь матчей из девяти, горечи мы, болельщики, не чувствовали. И баски сами по себе были нам симпатичны, да и игра их восхищала, была открытием, вслед за которым должны были последовать новые, а мы и без того от футбола только и ждали открытий. Да и, несмотря на череду поражений, угадывалось, что в наших командах состоят не мальчики для битья, что, попривыкнув, наши потягаются с басками.

Наша компания имела собственный список «самых главных» матчей. И, как я сейчас понимаю, в составлении списка мы проявляли независимость. Скажем, был выделен матч 14 сентября 1938 года, и не только как финал Кубка, выигранный «Спартаком» у ленинградского «Электрика». Нас тешило и то, что в тот день на «Динамо» на футбол народ впервые ехал в метро, открывая новую эру в болельщицкой жизни.

Так вот, знаменитейшая игра «Спартака» со сборной Басконии, закончившаяся со счетом 6:2, в наш список не вошла. Нет, во время игры, сидя на «востоке», мы срывали голоса, ликуя

после забитых голов, обнимались, жали руки. Но позже два вопроса встали перед нами. Первый: зачем было сборную выдавать за «Спартак», Федотова, Шегодского, Шиловского — за спартаковцев? И второй: не слишком ли велик счет, можно ли ему доверять? Мы были болельщиками - правдоискателями. Не зная ответа на эти вопросы, мы не могли идти против совести и о матче старались не говорить.

В нашем избранном списке выделялся, гордо, неугасимо горел полуфинал розыгрыша Кубка 1939 года. Это целая история — и на стадионе, и еще неведомо где.

8 сентября полуфинал: «Спартак» — «Динамо» (Тбилиси). «Спартак» выиграл 1:0. Игра была так себе, нервная, дерганая. Тбилисцы атаковали чаще, чем спартаковцы, но у тех невозмутимая защита да Жмельков в воротах. Единственный гол был забит во втором тайме. В дневнике я описал его так: «Протасов навесил, вратарь тбилисцев Дорохов упал, свалка, в конце концов мяч пересек линию ворот, и тут же его выбили».

12 сентября финал: «Спартак» — «Сталинец» (Ленинград). Легкая победа, едва ли не формальность. 3:1, а могло быть и больше. «Спартак» сильнее на голову.

Газеты дали пространные отчеты, напечатали ворох поздравлений победителям: ничего удивительного, второй год подряд спартаковцы взяли Кубок, что тогда было в новинку.

После этого «Спартак» продолжал играть в чемпионате.

18 сентября с московским «Динамо» —1:1. Жуткая нервотрепка. Сначала динамовец Назаров пробил пенальти выше ворот. Потом Бехтенев в свалке забил лежа, под носом у лежащего Акимова. Степанова удаляют с поля за нападение на вратаря Фокина. Вик. Соколов ставит подножку Ильину, опять пенальти. Бьет Якушин — выше ворот. Но пенальти перебивается: Семенов до удара выбежал из полукруга. Бьет Назаров, тот, который промазал в первом тайме. Акимов парирует. Старостин кидается в наступление, его сбивает Семичастный. Очередь «Спартака» бить пенальти. Глазков обманывает Фокина.

23 сентября. Очередная встреча, по расписанию— «Спартак» — ЦДКА. Видимо, спартаковцам слишком дорого досталась предыдущая ничья, они проигрывают 0:1, и над таблицей навис знак вопроса: на лидерство претендуют, кроме них, ЦДКА и сталинградский «Трактор».

Немудрено, что после таких событий забылись и финал, и тем более полуфинал Кубка.

И вдруг весть, сначала шепот, а потом и в газетах; полуфинальный матч будет переигран. Вот это номер! Такое и присниться не могло. Что дело нечисто, было ясно. Если

существовал протест тбилисцев, то его полагалось разобрать до финала — тогда бы еще куда ни шло. Но, чтобы принять такое решение после финала, надо было презреть все законы, спортивные и неспортивные. Никто, по-моему, и не сомневался, что футбольное начальство покорно склонилось перед более высоким. В те времена мы всякого нагляделись, но чтобы футбол, к которому мы пристрастились за его вольность, попал под гнет беззакония — это было ударом.

30 сентября. Переигровка полуфинала. В наших глазах «Спартак» играл не за самого себя, не за Кубок, а за нас, оскорбленных в лучших чувствах. Что ж удивляться, что тот матч не то чтобы до сих пор стоит перед глазами, а памятен мне перехваченным дыханием, дрожью во всем теле. Каким же самообладанием должны были запастись спартаковцы, выходя на поле, чтобы не поддаться расслабляющей обиде, принять происшествие, как должное, за очередной календарный матч, который необходимо обязательно выиграть, только и всего. Тбилисцы усердствовали. Их можно понять; оплошать после милости, свалившейся с потолка какого-то кабинета, было бы неловко, полагалось делать вид, что ничего сверхъестественного не произошло. Так что игра шла на высочайших нотах.

«Спартак» все время впереди, судьбу не искушал: 2:0, 2:1, 3:1, 3:2. Все три мяча забил Георгий Глазков, которого мы, как видно не зря, считали самым хладнокровным, даже флегматиком. Пригодилось. Тем и закончилось небывалое сражение — полуфинал после финала. В дневнике появилась строчка: «Справедливость и класс восторжествовали!».

В истории футбола есть случаи, когда результат матча отменяли и назначали переигровку. Тот же «Спартак» в 1958 году, 8 ноября, переигрывал матч с киевским «Динамо». Ставка была высока: победа делала его чемпионом, проигрыш отдавал это звание сидевшим на трибунах московским динамовцам. По совпадению «Спартак» выиграл переигровку тоже 3:2, и это тоже был матч из незабываемых, который наша молодая компания, не сомневаюсь, взяла бы в свою «сборную матчей». Но компании тогда уже не было: другое время, другое поколение футболистов и болельщики в большинстве другие. Происшествие выглядело чисто спортивным, интерес к нему не выходил за пределы стадиона и федерации футбола: было принято во внимание, что летом, в первой встрече («Спартаком» она была выиграна 3:2), судья запоздал со свистком к окончанию на 9 секунд.

Кубковая переигровка 1939 года озадачила всерьез: способен ли футбол устоять, оказать сопротивление злым силам и остаться тем, чем он был для нас,— заповедным островом, где отдыхала и

веселилась душа? Победа «Спартака» была как вздох облегчения, как гора с плеч. Уж и не знаю, что было бы, если бы он тот матч проиграл?!

Не подумайте, что студенты-второкурсники в тридцать девятом были способны на далеко идущие умозаключения. Наоборот: что мы счастливо умели — так это не задумываться, не брать в голову то, что ни мы сами, ни старшие все равно не могли объяснить. Мы вели переполненную, стремительную, молодую жизнь.

Футбол удобно умещался в этой нашей жизни. Нас пробирал озноб болелыцицких страстей. Мы беспрекословно верили людям, подвизавшимся на поле; мячу, влетавшему в сетку ворот; таблицам, которые добросовестно расчерчивали; завлекательным афишам. Оттого и была так остро и больно пережита нами переигровка в тридцать девятом.

Как бы ни загоняли футбол в прямоугольник поля, он не подчиняется, по-своему отзывается на все, что кругом переживают люди. Ни я, ни мои друзья довоенных лег не привязались бы к футболу так крепко и верно, не приняли бы его так близко к сердцу, если бы не различали его созвучия со временем.

Теперь — о дневнике. Диву даешься, как порой будущее нас метит, ставит на наших спинах крестики. Сказали бы мне, первокурснику, что сделаюсь футбольным репортером, посмеялся бы. А дневник вел, аккуратно заносил впечатления о матчах, на которых побывал. Друзья проведали о дневнике, требовали, чтобы дал почитать, а я упрямо отнекивался, знал если высмеют, даже беззлобно, брошу. Мне же почему-то дневник был дорог. Я не усердствовал в выборе выражений, писал второпях, еще не остывший, как бог на душу положит. Вот и вырывалось, скажем, такое: «Проклятие!», «Недаром промок под дождем!», «Жду крови «Металлурга»!», «Чувствовал себя униженным», «4:1, любой эпитет беден!», «Болел изо всех душевных сил, но их оказалось маловато» — и прочее в том же роде.

Недавно ко мне домой смело заявился юноша, с красно-белым шарфиком иод курточкой, представился— Сергей Неделяев, радиотехник, сказал, что мечтает стать футбольным обозревателем и проси г его поучить. Он принес с собой тетрадку, где, как и я когда- то, описывает матчи. Мне было легко сразу же сделать ему внушение за то, что он пренебрегаем наблюдениями, увлекаясь эмоциями. Тот же грех был и у меня в его возрасте. Сережа обещал исправиться. Ну а меня никто не предостерег о будущих сожалениях.

Некоторые строчки из дневника я все же приведу.

1937. «Локомотив» — «Динамо» 2:1. Вратарь Гранаткин

творил чудеса».

«Динамо» — «Металлург» 2:1. У «Металлурга» замечательные края — Потапов и Федотов».

«Москва — Ленинград 5:1. Победа Москвы не тронула, игры клубного чемпионата гораздо интереснее».

1938. «Спартак» — «Динамо» (Ленинград) 0:4. А. Старостин все чаще стал играть третьего бека, и совершенно напрасно».

«Москва — Киев 2:0. Украинцы, как всегда, играли технично и красиво, но по голу не били. Очень хорош был вратарь Трусевич».

«Спартак» — «Динамо» (Ростов) 7:1. Голов что-то многовато. Выделю чудесный бросок Жмелькова, отбившего пенальти».

1939. «Динамо» — «Торпедо» 4:1. Сказывалось отсутствие капитана торпедовцев Маслова. Молодой Трофимов с подачи прекрасно игравшего Якушина забил неопровержимый гол».

«ЦДКА — «Динамо» (Киев) 0:2. Слухи о силе ЦДКА достигали титанических размеров, хотелось проверить. Киевляне не напугались. Со штрафного сильнейший мяч забил Кузьменко. Этот хавбек успевал всюду, провел матч блестяще».

«Спартак» — «Локомотив» 2:0. «Спартаку» били пенальти, но Жмельков необъяснимо отбил. За минуту до конца — еще пенальти, локомотивец ударил выше штанги, наверное, норовил попасть в недосягаемый угол, боясь Жмелькова».

«Металлург» — «Торпедо» 4:3. Страшный нажим металлургов. Правый край Бесков продирается вплотную к воротам и забивает — 3:3. Еще нажим, и победа. Очень понравился Бесков».

«ЦДКА — «Электрик» (Ленинград) 6:1. Состав ЦДКА необычен, в центре пятерки — Федотов. Лучшей игры нападения в сезоне я не видел. Федотова, по правде говоря, хвалить не оригинально, лучший форвард страны, и все сказано».

1940. «4 июня, открытие стадиона «Динамо». Матч «Динамо» — «Динамо» (Киев) 8: 5, который долгие годы будут вспоминать болельщики. Вот как шел счет: 1:0, 1:2, 2:2, 5:2 5:3, 8:3, 8 : 5. Просто чудеса, стадион не замолкал ни на минуту! Превосходный матч!»

«1 сентября. «Динамо» — «Спартак» 5:1. Пять пропущенных мячей, из них четыре во втором тайме — случай единственный в истории «Спартака», еще носящего звание чемпиона. Динамовцы играли замечательно, с колоссальным желанием выиграть. Победа их заслуженна, хотя размеры ее чересчур катастрофичны. Игра у «Спартака» выдохлась. Красные майки с белой полосой ждут молодых игроков. Когда те придут, «Спартак» снова станет чемпионом, хотя, возможно, играть будет иначе, чем в свои знаменитые сезоны 1938—1939 годов. Обычная жизненная

история».

1941. «29 июня: «Спартак» — сборная профсоюзов 6:1. Товарищеский матч на стадионе «Сталинец». Война. Народу почти никого. В первом тайме «Спартак» вышел в одном составе, после перерыва были заменены семь игроков. Счет открыл, как все чаще бывает, полузащитник Рязанцев. После этого полное преимущество «Спартака». Не знаю, можно ли ему верить, профсоюзники ни на чем не настаивали, только Пономарев смотрелся, он и забил. Раньше я с такого матча шел бы окрыленный, а теперь и чемпионату конец, и всей прежней жизни тоже».

Сегодня мне доставляет удовольствие, что юный болельщик с востока высмотрел и оценил талант Григория Федотова, яркую игру киевлян Николая Трусевича и Ивана Кузьменко, расстрелянных в войну оккупантами, метеором сверкнувшего вратаря Владислава Жмелькова, удачи Валентина Гранаткина, Михаила Якушина, Виктора Маслова, Константина Бескова, впоследствии ставших руководителями и тренерами.

С другой стороны, как выясняется, этот болельщик поторопился назвать «чудесным» счет 8:5. Борис Андреевич Аркадьев, в 1940 году тренировавший московское «Динамо», когда я много позже напомнил ему об этом матче, назвал его «ужасающим» и был прав: чудеса творились в решете. И, не разобравшись, упрекнул Андрея Старостина за то, что тот, согласно новым тактическим веяниям, перевоплотился в центрального защитника.

В январе сорокового в МГУ была объявлена встреча с Николаем Старостиным, руководителем «Спартака». Билеты были куплены заранее. Признаться, существовало опасение: впервые представителя футбольного сословия нам предстояло видеть не издали, на поле, а слушать. Ну, как оконфузится, и увянут наши уши?

Опасения исчезли сразу. Высокий, статный, густобровый мужчина, с речью неторопливой, обдуманной, пересыпанной оборотами, словно бы из пьес Островского, ни единого жеста не к месту, он завладел аудиторией по праву знаний, красноречия и властности. Не помню, что он нам излагал и внушал, но то, что мы, придиры, скептики, были восхищены им самим,— помню.

Потом я уразумел, что футболу, кроме играющих и руководящих, позарез необходимы люди, способные его приподнимать, открывать в нем затаенное, перекидывать мостики со стадионов в города, обнажать душу игры, души игроков. Эти люди — не из «лекторской группы», не из «комиссии пропаганды», не назначенные. Они могут быть кем угодно, пусть

рядовыми болельщиками, но им дано различать, угадывать в футболе много больше того, что он предлагает за свои урочные полтора часа. Благодаря им футбол, к счастью, не сходит на нет, до скелетной тренерской схемы. Дарованием такого рода богато наделен Николай Петрович Старостин.

Нет, строго по порядку не получается, снова забежал вперед. Как видно, иначе и не выйдет, коль скоро прикасаешься к тем, особенным, годам.

Прибегну к помощи фильма «Покаяние», всколыхнувшего нас в восемьдесят седьмом. Представьте себе, что его зловещий герой, в пенсне, с бычьей шеей, в юные годы поигрывал в футбол, а когда взмыл к власти, счел себе за удовольствие властвовать и на зеленых полях. Мартын Иванович Мержанов однажды рассказал мне, что в молодые годы судил матч и удалил за грубость с ноля игрока Берию, того самого, который потом стал носить пенсне, известное по портретам. И много-много лет Мержанов молчал об этом происшествии, опасаясь, как бы тот, им обиженный, не ровен час, не вспомнил об обидчике. Так вот, человек в пенсне, реальный, а не из фильма, получив страшную власть, разумеется, не мог смириться с тем, чтобы у подведомственных ему команд, а значит, у него лично, кто-то уводил из-под носа победы. «Спартак», возглавляемый братьями Старостиными, уводил. До поры до времени это ему сходило с рук. Едва началась война, мстительная, злопамятная душа исхитрилась, и группа спартаковцев, в том числе все четыре брата Старостины, была арестована и осуждена на длительные сроки. Вернулись они двенадцать лет спустя.

Несчастное это событие в то время удивить не могло. А после войны, когда в полную силу пошел футбол, радуя и веселя, мы с грустью смотрели на прозябавший, надломленный «Спартак» и не могли не вспоминать братьев Старостиных, которые, по нашим представлениям, не позволили бы команде впасть в оскудение. В этом нас убеждало и воспоминание о Николае Старостине, запомнившемся на кафедре в университетской аудитории.

В послевоенных справочниках братьев Старостиных называли «и другие». Вот она передо мной, книжица 1949 года издания. Кстати сказать, отличная, гарантированная именем автора — А. Перель, из нее до сих пор черпают. Александр Семенович, педант, не прощавший крохотного вранья, ворчавший не раз на моих глазах на Константина Есенина за какие-то для меня неуловимые вольности в цифири, в этом своем справочнике в описании финала Кубка 1938 года написал: «Дважды В. Семенов пробивал защиту «Электрика». Бедный Александр Семенович! Каково было ему выводить эту строчку, когда многие помнили, что Семенов

забил третий гол, а второй — Андрей Старостин. В моем дневничке зафиксировано: «Метров с тридцати Старостин бьет штрафной, и мяч идет мимо «стенки» в угол ворот ленинградцев». И сам Перель — можно не сомневаться — присутствовал на том финале, все знал и помнил. А каково было Семенову принять на себя «криминальный» гол?

Немало ошибок в хрониках. Большей частью они проскакивают глупо, придираться к ним неблагородно. Эта «ошибка» долго стояла как кость в горле. Когда я познакомился с Перелем, мне духу не хватило напомнить ему ту строчку, знал, что брошу соль на рану. Такой вот микроскопический факт...

«Тридцать седьмой». Сейчас мы произносим название этого года и приостанавливаемся: секунда молчания.

Если же я вспомню себя, несовершеннолетнего болельщика, то для меня год тот был совсем не плох. Победа «Спартака» над басками, потом поездки в Антверпен и Париж, где он выиграл два турнира, что по тем временам было крупнейшим событием. Полагается прибавить и победу над «Динамо» в первом круге 1:0 —праздник души. Так это все и засело в дальнем углу памяти.

То, о чем мне предстоит рассказать, произошло лет тридцать спустя, в шестидесятых. Поразительно, даже неправдоподобно для репортера, но я не помню ни года, ни города.

Двое командированных, Андрей Петрович Старостин и автор этих строк, оказались поселенными в одном гостиничном номере. Отужинали мы в ресторане поздно, и ничего иного не оставалось, как лечь спать. Погасили свет, а сна ни в одном глазу. И как бывает в таких случаях, прислушивались друг к другу.

— Не спите? — деликатно справился Андрей Петрович.

И тут он принялся рассказывать свою «одиссею». В темноте и тишине. Только голос, мягкий бас. Ничто не отвлекало: ни внешность, ни жестикуляция рассказчика, ни комнатная обстановка. Один голос. Не знаю, чем было вызвано его нечаянное побуждение, быть может, и тем, что ему было известно о моей контуженности от тех же разрывов, которыми тяжело ранен был он.

Мало того, что я не запомнил ни даты, ни города,— и в голову не пришло, что мне, газетчику, доверен уникальный «материал». На следующее утро все можно было почти дословно перенести в блокнот, но я этого не сделал. Ночной рассказ Старостина я исключил из круга своих профессиональных интересов. Думается, что и Андрей Петрович в ту ночь меньше всего думал о том, что соседствует с журналистом, его скорее всего оскорбила бы мелкотравчатая практичность слушателя.

После того мы с Андреем Петровичем встречались тысячу раз

— ни он, ни тем более я о той ночи не проронили ни слова. Без какой-либо обусловленности все рассказанное осталось в самом деле между нами.

Вот и после того разговора минуло немало лет, почти все выветрилось из памяти. И Андрея Петровича нет в живых. Но по странной случайности один эпизод из его рассказа сохранился, как страничка в середке сгоревшей тетради. Опубликовать его я решился после того, как напомнил о нем Николаю Петровичу Старостину, и тот, выслушав, кивнул: «Да, было такое».

Голос в тишине и темноте:

— Представьте, приезжаем на «Динамо». Выходим из автобуса и —что за чудеса: вокруг ни души, вдалеке какие-то лица мелькнут и скроются. А надо сказать, к нам обычно рвались со всех ног, окружали, чемоданчики подносили. Я имею в виду не болельщиков, а стадионную обслугу, мы ведь уже за барьером. А матч — не рядовой, с «Динамо». Второй круг чемпионата. Ну, думаю, должно быть, новые порядки завели на стадионе. Отшагали, как в пустыне, сидим в раздевалке, переодеваемся. И тут ко мне бесшумно, как тень, подходит Николай Петров (так называл своего старшего брата Андрей Петрович.— Л. Ф.). На нем лица нет. И на ухо мне шепчет: «Андрей, нам несдобровать, если сегодня проиграем».

Николай Петров слов на ветер не бросает, расспрашивать его нужды не было. А мы, как на грех, не в составе, Владимир Степанов не играл. Я как капитан известное влияние оказать мог: одному, другому, третьему, Толе Акимову, Виктору Соколову, Сергею Артемьеву успел намекнуть про исключительное значение матча. Думаю, они почувствовали, что неспроста я им говорю эти слова, вроде бы лишние, ненужные. Выходит, игра не на живот, а на смерть. А «Динамо» при всех своих козырях. В общем мне, центральному защитнику, хоть умри, а к воротам никого нельзя пропустить. И что же вы думали? Выстояли: ноль — ноль. Счет непрезентабельный. А матч? Другого такого и вспомнить не могу...

Тут я вмешался и сказал, что видел те «ноль — ноль», сидел на «востоке».

— Ах, даже так? Могу представить, что вы изрядно поскучали на трибуне. А потом та же картина: идем к автобусу и перед нами мертвый пустой коридор. Теперь пора и объяснить: что все это значило?

Ситуация, которая сделала бы честь ордену иезуитов. Оказывается, мы, спартаковцы, в тот день, того не зная, проходили испытание. Кому-то из власть имущих было угодно усомниться в правомерности нашего выезда на турниры в Париж

и Антверпен. То, что мы там победили, в расчет не принималось. Ход мыслей, заметьте, оригинальнейший: «Спартак» самозванно взял на себя ответственность, не будучи сильнейшей командой, тем самым поставив под возможный удар престиж страны. Матч с «Динамо» и должен был все выяснить. Нет, динамовские игроки ничего этого не знали, как и мы, но те, кто сидел в ложе, ждали: если мы проигрываем, то ясно — авантюристы, выскочки и прочее. В этом случае можно было предъявить какие угодно обвинения. Год-то тридцать седьмой... Те «ноль—ноль» нас не спасли, но на некоторое время оттянули развязку...

Его еще поищешь в старых справочниках, этот матч «Динамо» — «Спартак»—0:0. Да и для меня, видевшего его с трибуны, он оставался матчем без особых примет. И вот, оказывается, как дело было.

Сейчас—просто. Говорим с Николаем Петровичем Старостиным по телефону, и я его, как бы между прочим, спрашиваю:

— Кубковая переигровка в 1939-м что-то для вас значила?

— Я думаю, что она в значительной мере предопределила нашу судьбу. Простить нам ее исход Лаврентий Павлович (такое уж обыкновение у Старостина — всех называть по имени-отчеству) никак не мог, я это скоро почувствовал...

Навряд ли в наше время есть охотники сообщать о своем знакомстве с Берией, человеком в пенсне. Николай Петрович говорил об этом как о чем-то таком, что скрывать смешно. Да, подтверждает он, не раз встречались; тот интересовался футболом и нами, но после переигровки его интерес заметно пропал.

За «знакомство», за «интерес» Старостины и расплатились: Берия с пользой для «своих» команд упек их в лагеря, чтобы не стояли поперек дороги, не путались под ногами.

Так вот и шло: видимое и невидимое.

Довоенный футбол принято обрывать на чемпионате 1940 года, шестом по счету. Для меня, как наверняка и для тех, кто помнит весну сорок первого, еще мирную, существует и седьмой чемпионат, прерванный 22 июня. Было проведено десять туров, лидировали московское и тбилисское «Динамо». Жаль, что его исключили из перечня чемпионатов. Его следовало бы оставить и вечно числить седьмым. Недоигранный, прекращенный, он доносил бы до нас отзвук того года, той беды. К. Есенин, когда составлял списки членов Клуба бомбардиров имени Григория Федотова, прибавил тем, кто играл в седьмом чемпионате, забитые ими голы. Какие могли быть возражения?!

Для меня чемпионат 1941 года незабываем вот почему. Когда

сейчас я пытаюсь представить тот футбол, как мы буйными ватагами врывались в поезда новенькой линии метро — до Сокола или висли на трамваях, ползших к «Сталинцу» от Сокольников, как кричали и обнимались на трибунах, сердце сжимается от мысли, что очень немногие из тех людей вернулись на эти же стадионы в сорок пятом.

В июне сорок третьего получил я на своей зенитной позиции письмо от товарища, Владимира Барласа, из Москвы. Мы только что нашли друг друга. И вот что оказалось в письме:

«Я не мог на матче «Спартак» — «Динамо» первенства Москвы на малом стадионе «Динамо» не вспомнить в те минуты, когда команды, выстроенные в центре поля, щурясь под косыми лучами заходящего солнца, только ждут судейского свистка, чтобы разорвать становящуюся невыносимой тишину ожидания, товарища по многолетней боли и выразительные рукопожатия, какими скреплялось предстоящее полуторачасовое пребывание вне мира и жизни — на большом стадионе «Динамо». Итак, Леонтьев, Сеглин, Вик. Соколов, Бор. Соколов, Вас. Соколов, Малинин, Демин, Глазков, Семенов, Степанов, Смыслов против Медведева, Радикорского, Станкевича, Блинкова, Чернышева, Палыски, Ильина, Н. Дементьева, Карцева, Трофимова, Бескова. Обе команды играли слабовато при несомненном превосходстве «Динамо» (3:0). Выделю ужасный (по моему ощущению) гол в середине первого тайма, гол Карцева—с ходу после подачи с края, пущенный с неистовой силой... Но зато какой был матч «Спартак» — ЦДКА (3:2)! Он напомнил мне виденный с тобою матч «Торпедо» — ЦДКА (4:3) в 1939 году...»

Эти строки были дорогим подарком. Летом сорок третьего такие известия не все могли понять, не до того вроде бы. Но друг мой знал, что писал: футбольные новости как живая вода.

Мне сегодня легко объясняться с людьми, работающими на «футбольной ниве», и с товарищами по перу: общий язык является сразу. И с солидными, в возрасте, болельщиками легко.

Но кто для меня загадка, так это юноши. Они, как и мы когда-то, мчат на футбол компаниями, перекрикиваясь, толкаясь, веселятся на эскалаторах, никого не видят, кроме друг друга, связанные своими горластыми позывными. Я езжу теперь на стадион один, и рад их видеть, не раздражаюсь, когда они обгоняют, задевая плечами, орут и хохочут над ухом в вагоне. С виду их не отличишь от нас, довоенных. Разве что одеты пестро, раздерганно и щеголевато. Но что им футбол?

Догадываюсь, что народ они нахватанный, все само идет им в руки — телевидение, газеты, книги. Осведомленность приобретается без усилий. В сравнении с ними по части

информации мы, довоенные первокурсники, выглядели дремучими провинциалами. Что еще сопровождает их в поездках на стадион?

Люди старшего поколения, держа власть над печатным и устным словом, чрезвычайно охотно, пространно, с видимым наслаждением предаются воспоминаниям о том, как они некогда «болели». Мне созвучны эти рассказы, подернутые грустью об ушедшей молодости, понятны преувеличения, желание чуточку прихвастнуть, не упустить случая прочитать мораль «юниорам», порисоваться перед ними.

Пройдут годы, и сегодняшние юноши, повзрослев, возьмут слово и в свою очередь припомнят в назидание сыновьям и внукам, как увлекателен был футбол в восьмидесятые годы, как по сто тысяч собиралось в Лужниках на матчи сборной, какие громовые бушевали страсти, как забивали голы Блохин и Беланов, кавалеры «Золотого мяча», как лавировал и петлял любимец Москвы — умница Федор Черенков. Повторят ли они то, что читают сегодня в наших мемуарах, или найдут иные слова, доводы и краски?

Что поделаешь, приходится сознаваться — не знаю. Хотя и надеюсь в глубине души, что мы, довоенные первокурсники, сумели бы объясниться с нынешними, пусть и разделяют нас полвека. И рванули бы в метро в тесной компании. Надеюсь...

Нот только не представляю себя и своих друзей в красно-белых шапочках и шарфах. Да и того ли они ждут от футбола, чего ждали мы в те, другие, времена?

МИЛОЕ МЕСТО

Не помню, чтобы в предвоенную пору стадион «Динамо» у нас, юнцов, вызывал какие-либо чувства. Мы торопились к урочному часу, опаздывая, врывались в калитки, теснились и жались на скамьях, а напереживавшись, мчались к метро, когда ждали дела, или не спеша выбирались на прямые аллеи Ленинградского шоссе, где затевали на ходу пылкое обсуждение, и, если до Белорусского вокзала времени нам не хватало, шли дальше, по улице Горького. На стадионе мы проводили час и сорок пять минут, он был для нас местом, где показывают футбол, только и всего.

А после пятилетней разлуки (меня демобилизовали в конце сорок пятого) стадион «Динамо» сделался милым местом, где хотелось бывать, и каждое посещение было приятно проведенным вечером.

Компания наша сохранилась: позврослела, и поредела, и пополнилась. Мы рассчитывали время, чтобы избежать гонки и свалок, билетами запасались загодя, находили удовольствие в том, чтобы посидеть полчасика до начала на еще не заполненной трибуне и минут пятнадцать после окончания, чтобы спокойно войти в метро. Мы по-прежнему ходили на Восточную трибуну, это стало больше чем привычкой. В школьные и студенческие времена рублишки были наперечет, разница между пятеркой за билет на «восток» и семью рублями на «запад», не говоря уж о десятке на «юг», кусалась. Теперь можно было не жаться, у всех не стипендии, а зарплата. Однако «востоку» не изменяли, хотя до него от метро огибали весь стадион, хотя в солнечные дни там слепило, а на «западе» была тень, хотя и обзор не тот, что с «юга» или «севера». Случалось нам попадать и на другие трибуны, но возвращались на «восток», пренебрежительно морщась: «Нет, там не то».

Мы были убеждены, что на дешевой Восточной трибуне собирается избранная публика, знатоки, которых на мякине не проведешь, сами поигрывающие, свистуны, голубятники (с «востока» после гола взлетали белые стаи!), нутром, кожей безобманно чувствующие, когда сыграно классно и когда коряво, «законно» или «фальшиво». «Восток» задавал тон своими взрывами. Если он торжествовал или негодовал, то не попусту, его невозможно было купить ни дешевкой, ни притворством. Другие трибуны, как нам казалось, ждали приговора «востока» и подстраивались к нему. И побаивались. На «востоке» не церемонились в выражениях, мгновенно изобличали пижонов, не

знающих игру, и издевались над ними. Там могли схватиться врукопашную, но не злобно и не надолго, потому что драчунам не терпелось досмотреть футбол. Там можно было узнать об игроках такое, чего не сыщешь в газетах. И болели по игре: московским командам поблажек не делали, чуть только выяснится, что ленинградцы или киевляне получше, их подбадривали хором, а своих освистывали.

В общем, собиралось на «востоке» коренное футбольное население, а на остальных, дорогих, трибунах— публика пришлая, залетная, заехавшая отметиться, покрасоваться ради тогдашней моды на футбол и, как мы гордо говорили друг другу, ни уха ни рыла в игре не смыслившая. Не могли же мы дать себя в обиду из-за того, что платили пятерку, а не десятку...

Только на «востоке» можно было ощутить, что ты в самом деле побывал на футболе и тебя покачало на его волнах. Нередко «восток» был полон, а на других трибунах пустоты. И тогда назревал прорыв. Мысль о нем носилась в воздухе, головы поворачивались к пограничным рядам, ждали, кто начнет. Начинала ребятня, кучей кидавшаяся на барьеры, разделявшие трибуны: перемахивали, кто ловко, лисицей, кто грузно, на животе, так что ноги мелькали вверху. Туда мчались контролеры, милиция, кого-то, пострадавшего за общее дело, хватали. Но прорыв вскипал по широкому фронту, сил обороны не хватало, и людское половодье затопляло соседнюю трибуну. Подмывало и взрослых, и они мчались в прорыв, а контролеры и милиция, махнув рукой, стояли и ждали, когда поток ослабеет, и уж тогда принимались заслонять пробоины. Прорвавшиеся, довольные собой, растекались по полупустому «югу». Гудел, похохатывал весь стадион, болевший за прорыв: с какой стати пустовать хорошим местам?

Был на «Динамо» ресторан, славившийся в городе, под Южной трибуной. Пообедать там за час до матча это полный комфорт. Иногда и мы ездили на стадион с таким расчетом: обслуживали моментально, счет минутам вели и мы, и официанты.

Хаживали с нами жены и подружки, начать ухаживание с поездки на «Динамо» выглядело в ту пору по-светски. Правда, ради таких оказий приобретались билеты на «север» или «юг», и в этом был привкус отступничества, измены. Когда же мы оказывались в «основном составе» снова на «востоке», кому-нибудь полагалось произнести: «Ну, сегодня — без дам!». Это означало: «Поболеем как полагается».

Был со мной случай. Только-только познакомился с девушкой и поехал с ней на «Динамо». Играли «Спартак» и «Торпедо». На

поле все вдруг осложнилось — я выключился как кавалер и вошел в игру. И тут вдруг подметил, что моя спутница симпатизирует «Торпедо». Это было нестерпимо. Я смолчал, проводил, но условиться о новом свидании и не подумал. Глупо? И не «Торпедо» виновато? Скорее всего. Но так получилось. Все-таки на трибуне хорошо иметь рядом родную душу, тогда не так горько, если проиграют «наши»: расстроены оба, стараешься утешить, отвлечь другого и за этим занятием утешаешься сам.

Многие москвичи до сих пор признаются в своем неравнодушии к «Динамо». Живое, приметное место в городе. Стадион бочком, удобно пришвартован к вестибюлям метро, и на трибуны мчишься как по трапам. И сосиски в буфетах были горячи, и мороженщицы ходили по рядам.

Для москвичей стадион «Динамо» такой же родной, как Пушкинская площадь, Тверской бульвар, Кузнецкий мост, Арбат, улица Кирова, возле которой жила вся наша компания и которую мы исходили, прогуливаясь, если бы не асфальт, то, наверное, до дыр, как Малый и МХАТ, как букинисты, кинотеатр «Метрополь», трамвай «Аннушка».

Ну, а уж какие матчи были пересмотрены с динамовского «востока», и не пересказать! Большой, удавшийся матч не уходит, он оседает в памяти, и ждешь, веришь, что и еще такой будет, и, боясь пропустить, снова мчишь на стадион. Если же пропустишь, а другие видели и при тебе обсуждают, сидишь дурак дураком и диву даешься, как мог оплошать и не поехать, и то, что казалось уважительной причиной, выглядит сущей безделицей, клянешь себя на чем свет стоит. Тянуло на «Динамо»: и в футбол верилось, и москвичами там себя чувствовали. Все-таки очень долго — и до войны, и после войны, до 1961 года,— все чемпионские дела вершились в столице, все решающие матчи — здесь, на «Динамо», дома, а уж какая из команд «Динамо», ЦДКА, «Спартак», «Торпедо» — пробивалась наверх, хоть и важно чрезвычайно, но внутренняя, московская забота. Все решалось в своем кругу, и стадион «Динамо» считался главным и в Москве, и в стране.

Наша компания, само собой, осталась спартаковской. В сорок шестом и сорок седьмом «Спартак» был командой-воспоминанием, доигрывали В. Жмельков, К. Малинин, Г. Глазков, А. Соколов, В. Семенов, блиставшие в предвоенные сезоны, симпатия к ним перемежалась с сочувствием, иногда и с жалостью, всем им было за тридцать, чувствовалось, что они не то чтобы продолжают карьеру, а выручают свой клуб по необходимости, потому что нет никого лучше из тех, кто помоложе. Команда была разномастная, запущенная, казалось, никому до нее нет дела, сохранили ей место в высшей лиге за

старые заслуги, и она держится на честном слове. Что-то было в ней от Барона из горьковского «На дне». Новым болельщикам, послевоенного призыва, наверное, трудно было поверить в чемпионское прошлое «Спартака». В сорок шестом он в чемпионате проиграл ЦДКА 2:5 и 1:3, московскому «Динамо» — 1:4 и 0:5, «Торпедо» —1:3 и 1:4, тбилисскому «Динамо» —1:3 и 0:1. Вся верхушка, в которой он состоял до войны на равных, а то и как более знатный, расправлялась с ним запросто и, может быть, с особым прилежанием, чтобы вел себя смирно, не высовывался, как пристало «бывшему».

Правда, в следующем, сорок седьмом году «Спартак» в тех же восьми встречах выцарапал три ничьи и с крупным счетом проиграл только раз, «Торпедо» — 2:6. Для чуткого историка эти изменения имели бы значение, а для очевидцев утешиться тем, что твоя команда проигрывает «более прилично», чем раньше, едва ли возможно.

Но и в эти сезоны выпадали дни, когда мы чувствовали себя на стадионе «Динамо» хозяевами, дни — для нас, а не для цээсковцев и динамовцев, которые в ту пору ходили в героях. То были дни двух финалов Кубка, 20 октября 1946 года и 21 июля 1947-го. В первом случае «Спартак» играл против тбилисцев, во втором — против торпедовцев.

Те два финала не вписываются в логику футбола конца сороковых годов, стоят особняком. Разразились как гром среди ясного дня, одних оставили с вытянутыми лицами, других привели в восторг тем более буйный, что и надежд-то не было никаких.

Сейчас есть право сказать, что финалы нашего Кубка редко дают победителя, которого никто не ждал. Думаю, такими были «Зенит» — ЦДКА (1944), «Шахтер» — «Торпедо» (1961) и СКА (Ростов) — «Спартак» (1981). Остальные финалы либо подтверждали притязания фаворита, либо давали перевес одной из примерно равных команд. Тем более необычны те, спартаковские, финалы, да еще два подряд.

Как же они выглядели с «востока»?

Итак, «Спартаку» удалось превзойти Голиафов. Сейчас, во всеоружии развившихся знаний, наверняка отыскали бы тактические уловки, сослались на тщательность предматчевой подготовки, отчаянную психологическую настроенность победителей и шапкозакидательские настроения у побежденных.

Должен заявить, что, хотя мне на протяжении репортерской практики приходилось постоянно составлять «заключения» о разных матчах, самое большое впечатление производили те из них, после которых оставалось развести руками и признаться

самому себе, что удобных версий не видно, просто так вышло, вопреки и назло всем тем точным знаниям, которыми ты, обозреватель, нашпигован. Тогда настает черед самому интересному — догадкам о том, насколько матч зависел от человеческих проявлений, которые похитрее футбольной алгебры.

«Спартак» в те годы нес на себе отметины времени: не было Старостиных, его вожаков и попечителей, которые, можно верить, не допустили бы разорения; потрепала команду война; некоторые игроки ушли (Кочетков, Тучков, Морозов, Акимов, Демин) в другие московские клубы, покрепче, остались самые верные, с именами громкими, но уже не атланты. Удачно, конечно, что, сохраненные особым попечением, лучшие мастера образовали сразу после войны две великолепные команды — ЦДКА и «Динамо», и настрадавшиеся наши люди получили в подарок захватывающие представления. Но не забудем и того, как трудно жилось тогда киевскому и минскому «Динамо», сталинградскому «Трактору». И «Спартак» оказался среди тех, кому предстояло подниматься из руин.

Те два кубковых финала (полагаю, что финал 1944 года был таким же, но я его не видел), кроме клубных болельщицких чувств, пробуждали в зрителях чувства посложнее: в «Спартаке» видели пострадавшего, чуть ли не увечного, за него даже не болели, а страдали. Во всяком случае, тем жил «восток», уставившись с замиранием сердца на поле. Не знаю, передавалось ли это настроение футболистам «Спартака», но они вели игру точно так, как того хотели и ждали трибуны. Было ощущение, что мяч слушается нас, что он с нами в сговоре. Но не в таком сговоре, когда творятся чудеса и дико везет. Это было бы неправдоподобно, не того ждали. Испытание было мученическое.

В финале сорок шестого против тбилисского «Динамо» спартаковец Конов открыл счет. Тут же «Спартак» одернут голами Гогоберидзе и Антадзе. Я уже упомянул, что в том сезоне тбилисцы дважды били «Спартак». Они в себе уверены, да и по всем игровым статьям лучше, никаких сомнений. Понимает это и неошибающийся «восток», он затих, замер. И своего мига дождался. Глазков, поставленный на место левого края, хотя всю жизнь играл справа, тот самый Глазков, который в 1939 году, в кубковой переигровке с тем же тбилисским «Динамо», забил три мяча, Глазков, которому, как мы знали, уже тридцать четыре, и прыти никакой, сверхъестественным усилием убегает от защитников и точно бьет.

Весь второй тайм играется в одни спартаковские ворота. Тбилисцы, получив свободу на захваченном полуполе, комбинируют, не спеша ищут слабые места, для них еще один гол

—дело времени и техники, «Спартак» приперт к своим штангам. По всем разумным представлениям класс должен взять ему причитающееся. И не было бы в таком исходе ничего особенного, обычное дело. И опять «восток» затих и ждет. Чего ждет — сам не знает. Только и оставалось, что восторгаться прыжками вратаря Леонтьева — бесстрашного, неимоверно упрямого, когда на него находило. И тут на него нашло. Да и товарищи стояли стеной: не до хорошей игры им было, лишь бы поспеть, изловчиться, отбить мяч подальше, перевести дух. Тяжко дышалось «Спартаку». Как и нам на трибунах.

Пришлось играть еще полчаса. Какие уж тут виды, когда и на второй тайм силенок еле хватило? Но что это: «Спартак» атакует? Авантюра? При последнем издыхании? Странное дело, особенно усердствуют те, кому за тридцать — Глазков, Дементьев, А. Соколов, Рязанцев. Их двинуло вперед понимание игры. Не мог пройти безнаказанным для тбилисцев целый тайм напрасных атак, напрасного преимущества, должен завестись в их душах червячок сомнения, должны смешаться их стройные ряды хоть ненадолго. Тут самое время ошеломить неожиданностью. И надо же—удалось! Полузащитник Тимаков — он-то молод, в расцвете сил, ему еще предстоит поиграть в сильном «Спартаке» в паре с Нетто, стать чемпионом — прыгнул на летящий вдоль ворот мяч и «боднул» его, крутанув золотоволосой головой. Случилось это в «восточных» воротах к полному восторгу «востока» — он все прекрасно разглядел. Так явилась невероятная, немыслимая победа.

В финале сорок седьмого тоже трудно было поверить, что «Спартак» способен победить команду Пономарева: опять силы неравны. Да и не исчерпал ли год назад «Спартак» отпущенную свыше квоту счастья, не хватит ли с него? Здесь ведь Пономарь, который запросто забивает и ЦДКА и «Динамо», не то что «Спартаку». По трибуне ходили россказни, что автозавод заготовил колонну машин, на которых торпедовцы поедут с кубком домой, и никто не удивился: хозяйственная предусмотрительность.

В «Спартаке» тогда центральным защитником играл Сеглин, более известный как хоккейный защитник. Был он под стать Пономареву: тоже невысокий, кряжистый, тоже человек прямых, откровенных действий, тоже заводной и азартный. В футболе против ловкачей и хитрецов он не смотрелся: его стихией был хоккей, где он брал силой, напором, стеной вставая перед разбежавшимися форвардами.

В финале, оказавшись один на один с Пономарем, он по-хоккейному поставил своей целью не переиграть его, а заслонить

ворота. Они были в том матче как две шахматные ладьи: белая — Пономарев — норовила шаховать короля красных, а красная ладья — Сеглин — вставала на пути. Спартаковскому защитнику удалась игра в заслон, он неотлучно ходил перед Пономаревым, остальные играли без них. Идея не хитрая: Пономарева, пробивного и упорного, все так сторожили, да только не всех хватало до конца. Умел он дождаться, когда сторожу надоест тупое преследование,— ему и требовалось то одно мгновение, чтобы вырваться. Но тут, в финале, когда на счету каждая минута, Пономарев был заметно в нетерпении, нервничал, а от этого всегда хуже. Он словно бы забыл о матче и своей команде, лишь бы переиграть во что бы то ни стало «этого» привязавшегося Сеглина. Размен был в пользу «Спартака»: торпедовцы остались без вожака, на которого привыкли оглядываться, а спартаковцы атаки вели полным составом.

Сначала издали, после откидки мяча назад А. Соколовым, забил Дементьев характерным для него длинным рапирным выпадом. Потом, после углового, Тимаков ворвался в штрафную, прыгнул и головой забил второй мяч в ворота «Торпедо», которые защищал сам Акимов, тогда лучший вратарь. Это была победа. Такая же непредусмотренная, как и год назад. Но попроще. Если тогда за спартаковцами осталась концовка, то теперь они дерзнули с места в карьер.

Тимаков спустя три года еще в одном финале Кубка, с московским «Динамо», забил гол в прыжке головой, и все эти его похожие голы дарили «Спартаку»

победу. А Алексей Соколов в сорок седьмом сыграл . свой пятый победный финал (в 1936 году — за «Локомотив», остальные —за «Спартак»). Это то, что принято называть личными рекордами, которые тем хороши, что украшают команду, иллюминируют ее успех. Тимаков мог бы забить голы в трех финалах, но, если бы «Спартак» при этом проигрывал, рекорд впечатления не произвел бы, оставшись в самом деле — личным. А так он—и Тимакова и «Спартака», и занесен в хроники Кубка. Как и удачливость Алексея Соколова. Футболу к лицу такие счастливые совпадения, болельщики их любят, на них держится радуга над стадионами.

О «Спартаке» издавна говорят — «самая популярная команда». Референдумы не проводились, настаивают по впечатлению. Для Москвы это, пожалуй, вне сомнений, а в масштабе страны — судить не берусь.

Откуда берется популярность? Футбол как зрелище не изучен. Когда сходятся сборные команды стран, тут, можно считать, все ясно. Хотя оттенки существуют.

Думаю, что сборная собирала дополнительные симпатии, когда в ней состояли, скажем, Х. Оганесян, представлявший Ереван; М. Месхи, С. Метревели, М. Хурцилава, А. Чивадзе — Тбилиси; А. Банишевский — Баку; С. Андреев — Ростов; О. Протасов и Г. Литовченко—Днепропетровск; С. Алейников и С. Гоцманов — Минск; В. Хидиятуллин, Ю. Гаврилов, Ф. Черенков — «Спартак» и, разумеется, О. Блохин со своими многими товарищами — Киев. Это в порядке вещей: желая удачи сборной, присматривать за «своим» — как он там,— испытывать гордость, что обедни не испортил, помог, выручил, показал класс, а если еще и гол забил, то и вовсе прекрасно, словом, знай наших!

Все ясно и в городе, имеющем одну команду. Правда, я не решился бы настаивать, что за нее болеют поголовно. Люди меняют место жительства, уезжают учиться, служат в армии, наконец, смотрят футбол у телевизоров и могут возле них обзавестись симпатией. Встречал болельщиков, которые добросовестно стоят за свою команду, но, зная, что чемпионом ей не стать, держат в уме другую, из числа лидеров, которой горячо сопереживают: хочется же быть причастным к вершинным страстям!

Бывало, в некоторых городах квартировали по две команды высшей лиги, и каждая имела своих сторонников. В Ленинграде, кроме «Зенита», «Динамо», в Тбилиси, кроме «Динамо», «Спартак», в Одессе кроме «Черноморца», СКА. И завязывалось ревнивое соперничество. В наши дни есть один такой случай: СКА и «Ростсельмаш»—в Ростове, в первой лиге. Любопытно: зрителей на матчах «Ростсельмаша» побольше, чем на матчах СКА, хотя СКА на протяжении многих лет и в первой и в высшей лиге, когда был один, собирал полные трибуны. Но это редкость.

Тем более интересна футбольная Москва, имеющая пять известных команд. Можно услышать от иногородних доброхотов: «У москвичей силы разрозненны, им бы слить лучших игроков и одну команду, и стала бы она непобедимой». Чепуха на постном масле!

Вся прелесть московского футбола в том, что он— чемпионат в чемпионате. Когда высшую лигу покидал «Спартак», а потом — ЦСКА, Москве их недоставало. Не было в календаре матчей «Динамо» и «Торпедо» со «Спартаком» и «Динамо» и «Спартака» с ЦСКА. Были нарушены привычки, сложившиеся с незапамятных времен. Если когда-то в этих матчах определялся чемпион, то и позже они мало что потеряли в глазах коренных московских болельщиков. Кажется, не так уж и много матчей чемпионата проводят они между собой, но как задевают сердца болельщиков! И выигрыш и проигрыш дороже, чем во встречах с иногородними

командами. Московская публика, поделенная на лагери, ведет собственные подсчеты, и проигрыш «Динамо» или «Спартака» противоположными лагерями воспринимается когда с тайным, а когда и с нескрываемым удовольствием. В Москве, с ее обширным репертуаром, люди могут специально пойти на матч «Торпедо» или ЦСКА с иногородней командой, чтобы поболеть не «за», а «против», если того требуют интересы «Динамо» или «Спартака». Так прямо и выражаются: «Вчера ходил болеть против «Динамо». И никто не удивляется «антиболению» — оно в Москве заведено исстари.

Московские стадионы нередко выглядят странновато, особенно в тех случаях, когда публики собирается не слишком много. Трибуны тогда оказываются заселены болельщиками приезжей команды: «Арарата», тбилисского «Динамо», «Нефтчи», «Пахтакора», которые скандируют на своем родном языке, освистывают судью, если он, по их мнению, милостив к москвичам. Столица, здесь каждый день гостей столько, что им нетрудно занять трибуны стадиона!

Москву болельщицкую не понять, единообразие ей не свойственно, она поделена, изменчива и капризна. Не угадаешь, как поведет себя стадион. Некоторые москвичи вздыхают по единству и даже объясняют неудачи столичных клубов отсутствием громоподобной поддержки трибун, той, которой обеспечены команды Киева, Тбилиси, Минска.

А мне нравится, что Москва рассредоточена, что на ее стадионах любая команда может заручиться поддержкой, встретить своих болельщиков. Неспроста и тренеры, и футболисты, и судьи, кого ни спроси, говорят, что свободнее всего они себя чувствуют на московских стадионах. Свободнее себя чувствовать — значит быть ближе к игре, к ее правилам.

На этом рассеянном, размытом фоне выделяются матчи московских клубов между собой. Тут все четко поделено, никаких конъюнктурных расчетов. Можно не оказаться чемпионом, но быть в таблице выше остальных московских клубов — уже кое-что, уже утешение. «Торпедо» и «Локомотив» в Москве на положении младших, болельщиков у них поменьше. Тем заманчивее им справить победу над «Динамо» или «Спартаком». От матчей москвичей между собой легко ждать если не выдающейся игры, то уж во всяком случае столкновения самолюбий.

Как же образуются лагери? Мы плохо это знаем, принимаем как свершившийся факт, что одни — спартаковцы, другие — динамовцы или цээсковцы. Бывали, правда, события, которые пополняли тот или иной лагерь. Поездка «Динамо» в Англию

зимой 1945 года и радиорепортажи Вадима Синявского оттуда обратили в динамовскую веру огромное число людей. Думаю, что прибавку дал и Лев Яшин. Послевоенный ЦДКА с Григорием Федотовым и Всеволодом Бобровым, олицетворявший Армию-победительницу, покорил множество сердец. Возможно, несправедливые карательные меры, обрушившиеся на команду в 1952 году, еще более укрепили ее болельщиков. «Торпедо» должно быть обязано тренеру Маслову, создавшему в 1960 году красивейшую команду, которой невозможно было не любоваться. От тех времен тянется представление о торпедовском легком игровом стиле, и, хотя от него остались рожки да ножки, прежняя слава теплится в золе, как уголек. Для «Торпедо» вербовали сторонников сначала Александр Пономарев, потом Эдуард Стрельцов, Валерий Воронин, Валентин Иванов — игроки, которых всем хотелось увидеть лишний раз.

Затрудняюсь назвать период массового призыва у «Спартака», хотя были у него и чемпионские годы, и годы яркой игры. Привлекательность «Спартака», как мне представляется, состоит в том, что на протяжении всей истории его сопровождают драматические события. Я рассказывал о переигровке кубкового полуфинала в 1939 году, о кубковых финалах 1946 и 1947 годов. А были еще кубковые финалы с минским «Динамо» в 1965 году и ростовским СКА в 1971-м, продолжавшиеся по два дня, где победа добывалась в тяжких муках; переигровка матча с киевским «Динамо» в 1958 году.

А матч в Киеве в 1969 году, выигранный «Спартаком» 1:0, несмотря на исступленный натиск динамовцев, трижды подряд чемпионов, привыкших всех одолевать на своем стадионе! А история «вылета» из высшей лиги в первую в 1976 году и возвращение, да еще прямо в чемпионы. А то, что «Спартак» на протяжении многих сезонов не склонял головы перед общепризнанным лидером, киевским «Динамо», и хоть уступал ему в призовых итогах, но по трактовке игры, по влиянию на другие команды, спорил с ним на равных.

И неудачами своими, сколько помню, он брал за душу. Еще осенью 1937 года мы остались в грустном недоумении, как мог «Спартак» не выиграть последний матч у слабого ЦДКА. Армейцы забили два мяча, спартаковцы еле сквитали, после чего отстали от чемпиона, «Динамо», на очко. А как его жалели, бедствовавшего после войны!

Вечно что-то случалось со «Спартаком», не оставлял он своих болельщиков в безразличии, серединки на половинку не предлагал.

И пошла гулять молва о спартаковском духе. Не помню, когда

она родилась, но очень давно. Вообще говоря, дух — не мистика, не выдумка, он свойствен любой на что-то замахнувшейся команде, да и вообще без него футбол — немыслим. Наивно предполагать, что старые успехи ЦДКА и московского «Динамо» и новые — киевского «Динамо» бездуховны, зависят только от чертежа движений. В любом значительном свершении затаен дух.

И все же быть отмеченным характеристикой «спартаковский дух» что-то значит. А значит это, что «Спартак» особенно часто давал повод говорить о его духе, неспроста выражение это из стадионного просторечия перекочевало на печатные страницы, стало привычным оборотом, как и несменяемая форма команды — «футболки красные с белой поперечной полосой».

Борису Андреевичу Аркадьеву, точно мыслившему, не было свойственно повторять за другими общеизвестное. Осенью 1969 года, после того как «Спартак» стал чемпионом, он, зайдя в редакцию «Футбола — Хоккея», произнес слова, которые я записал на настольном календаре.

— Послушайте, «Спартак» оставил прямо-таки освежающее впечатление. Спартаковцы же играют, они эмоционально выражают себя! Что ни говорите, спартаковский дух существует. Сколько лет клубу, а что-то постоянное всегда у него есть. Просто какая- то спартаковская секта! На чем она держится? Думаю, что тут влияние братьев Старостиных. Да и вообще, они умеют игроков перевоспитывать в своих...

Аркадьев работал в разных командах. «Спартак» для него вечно вырастал как противник, так что не сбоку, не издали он судил.

Широкую популярность свою «Спартак» приобретал год за годом, он ее выслужил, сотворил себе сам.

Год, когда «Спартак» восстал из пепла, — сорок девятый. Тогда был зафиксирован не просто скачок в таблице. Случилось нечто неожиданное: «Спартак» оказался совсем другим, чем был в довоенные годы. И мы, старые болельщики, не знали, радоваться или огорчаться. Случай, мне кажется, единственный в истории нашего футбола.

За полвека наблюдений могу смело сказать, что все клубы в общих чертах сохраняют своеобразие. Это не удивительно: команды не начинают с нуля, они всегда продолжают, пополнение новыми игроками происходит в то время, когда в строю прежние и что-то обязательно передается по наследству. И тренеры обязаны считаться с тем, что было до их прихода, какими бы они ни были реформаторами.

Московское «Динамо», пусть через него прошло несколько поколений футболистов, пусть оно из безоговорочного лидера

надолго превратилось в команду среднюю, тем не менее оставалось похожим на самого себя. Это не выверишь ни таблицами, ни фамилиями, ни тактическими построениями. Стремление к ясным линиям, подчеркнутая простота, класс невидимый, для пользы дела, хладнокровие, когда внешним эмоциям ходу не дают, а выражают их проведенным маневром, забитым голом, — все это динамовское со времен Михаила Якушина — игрока и Михаила Иосифовича Якушина — тренера. И сейчас все это узнается, хотя и в виде наброска. Стоит «Динамо» сильно провести матч, как родство так и выпирает.

И киевское «Динамо», высоко взмывшее от своих сезонов тридцатых и сороковых годов, все же в манере, в повадках хранит прошлое. Шегодский, Шиловский, Кузьменко, Гребер, Виньковатов, Коман, Сабо, Турянчик, Трояновский, Биба, Каневский, Серебренников, Базилевич, Веремеев, Мунтян, Буряк, Онищенко, Рац, Бессонов, Блохин — называю фамилии игроков, которых соединить сумеет только фантастическая машина времени, но в воображении все они—из одной когорты, легко бы могли — деды и внуки — сыграть вместе. У них классность щеголеватая, темперамент сдерживаемый, но то и дело прорывающийся, все они хотят сыграть и на команду, и чуточку на себя, воспламеняются, когда это необходимо, а могут и, как ни в чем не бывало, с некоторым даже безразличием, сыграть напоказ.

И ЦСКА, как никакая другая из знаменитых команд, изведавшая годы выставочные и пропащие, сберегает свою напористую быстроту, прозрачность намерений. Одной линией можно прочертить через множество сезонов облик тбилисского «Динамо», «Торпедо», «Шахтера», «Зенита», «Арарата»... Это хорошо. Собственное лицо, узнаваемость выделяют команду, сближают ее со зрителями.

«Спартак» в довоенные годы отличался игрой мужественной, волевой, в нем были подобраны люди крепкого сложения, надежные, он мог переиграть противника, а мог и взять его измором, силой, натиском. Я допускаю, что московское «Динамо», основной его конкурент, игрою было тоньше, ловчее, хитрее, но это не давало превосходства: «Спартак» имел чем ответить, чем уравновесить. Его стихией была самоуверенность сильных людей, знающих, что они свое возьмут, когда захотят.

А после войны на спартаковское пепелище стали стекаться игроки совсем другого внешнего вида и других манер. Рязанцев, Дементьев, Сальников, Тимаков, Парамонов, Симонян, Нетто, попозже Ильин, Татушин, Исаев... В гвардейские полки их бы не отобрали: ни ростом, ни разворотом плеч они не вышли. Но все

— технари. И спартаковский футбол круто переменился. Тогда и было положено начало той игре «Спартака», которую мы знаем сегодня.

Возможно, это произошло само собой, без какой- либо программы. Но все-таки думаю, что к превращению приложил руку Абрам Христофорович Дангулов, тренировавший «Спартак» пять лет, с 1949 по 1953 год. Перед ним открылась редкая возможность создать команду заново, ибо к приходу Дангулова не осталось никого из старых, стянулся народ молодой, новый, вот и затеялась совсем другая игра. И дело пошло: «Спартак» при Дангулове выдвинулся в чемпионы, брал Кубок. Какие еще нужны аргументы?!

И мы, довоенные болельщики, какое-то время повздыхав о команде, где капитаном был Андрей Старостин, приняли этот «Спартак». Я имею в виду образ игры. Ну а то, что было нам особенно дорого — открытость характера, обязанность быть среди первых,— осталось в целости и сохранности, передалось.

Так что спартаковская игра — легкая, рисованная, в которой полезная очевидность переплетена с необязательными затейливыми петлями,— появилась на свет в самом конце сороковых. И лишь немногие, из моего поколения, имеют право при случае обронить: «А помните, когда-то «Спартак» был совсем другой».

Дангулов-тренер обойден вниманием историографов, фигура полузабытая. Наверное, и я ограничился бы предположением, что он повлиял на стилевое изменение «Спартака», и только. Но меня однажды свела с ним репортерская тропа.

Осенью 1953 года «Спартак» съездил в Польшу и Болгарию, сыграл удачно (из семи матчей выиграл шесть) — такие турне тогда ценились высоко, да к тому же «Спартак» был чемпионом. О матчах никто ничего не знал. Получил я в «Советском спорте» задание записать впечатления Дангулова. На мой телефонный звонок Дангулов ответил приглашением к нему домой. Я являюсь в назначенный час, вижу сервированный стол, хлопочущую возле него хозяйку, в голове мелькает, что, должно быть, ждут гостей и я некстати. Но выясняется, что ждали меня, малоизвестного, начинающего репортера. Мы садимся втроем, я окружен доброжелательностью, мне улыбаются, меня потчуют, а я не могу решить, удобно ли вытащить из кармана блокнот. Абрам Христофорович, догадавшись о моем затруднении, предлагает:

— Если не возражаете, мы будем потихонечку разговаривать, и вы делайте свое дело.

Было ему тогда за пятьдесят, в моих глазах человек пожилой, кавказец, полуседой брюнет, глаза горячие. Футбольная тема его

возбуждала, однако он, помня о цели моего визита, старался сам, без подсказок, выбирать то, что интересно для газеты, словом, работал со мной заодно, шел навстречу, чем и выражал свое гостеприимство и расположение. Задание оказалось легким и приятным.

Рассказ Дангулова был опубликован в двух номерах. Прошло много времени. И вдруг звонок Дангулова.

— Тут какое-то недоразумение, прошу вас завтра быть в редакции, я заеду.

Мы встретились.

— Послушайте, меня пригласили получить гонорар. За что? За удовольствие посидеть с вами и приятно побеседовать? Если вы не хотите меня обидеть, прошу принять, что я получил. Некрасиво поступила редакция. Мы с вами исправим ее ошибку. Я превосходно провел тот вечер. Да и жена мне не простит...

Всего одна встреча. Не знаю, скажет ли она что- нибудь читателю об этом человеке.

Выходец с Северного Кавказа, Дангулов как футболист и потом как тренер был воспитан на футболе южном, техничном, щеголеватом и свой вкус не мог не проявить, став тренером возрождающегося «Спартака». Так мне, во всяком случае, кажется.

Для нашей компании послевоенный футбол нисколько не потускнел из-за того, что «Спартак» поколачивали. Никто из нас не подумал осесть дома до лучших времен, ходили на все маломальски стоящие матчи. Противостояние ЦДКА и «Динамо» было богатырским, им нельзя было не увлечься, оно захватывало.

Семь лет оно длилось, и его ареной был стадион «Динамо». За кого болели мы? Не знаю. Мне кажется, что этим двум командам я обязан не столько переживаниями, сколько размышлениями. ЦДКА и «Динамо» стоили друг друга: сколько ни разбирай и ни сравнивай их игроков, сколько ни вникай в таблицы, невозможно было найти простенькое решение и объявить, что одна из них «похуже», а другая «получше». В том и состояла загвоздка, оттого и тянуло их видеть в деле. Нас не убеждало, что ЦДКА чаще становился чемпионом. Если одним этим все было бы исчерпано, тогда нечего было бы таскаться на стадион. Интерес был неиссякаемый, неудовлетворенный.

В те годы о зарубежном футболе мы знали понаслышке. Смешно сказать, но в Москве до 1952 года московское «Динамо» провело всего три международных матча: с «Партизаном» (Белград), «Локомотивом» (София), «Вашашем» (Будапешт); ЦДКА —один с тем же «Партизаном». «Спартак» — ни одного. Были турне: у «Динамо», кроме Великобритании,— в Швецию, Норвегию и ГДР, у ЦДКА — в Югославию и Чехословакию, у

«Спартака» — в Албанию и Норвегию. Телевидения не существовало, и нам оставалось изумленно судить да рядить, что означает победа «Динамо» над шведским «Норчепингом» — 5:1, «Спартака» над норвежским «Квиком» — 7:0 или проигрыш ЦДКА командам «Острава» и «Братислава». О том, что в 1950 году в Бразилии был разыгран чемпионат мира, узнавали из сухих заметочек либо из разоблачительных статей о профессионалах, которые были в ходу. Одна из таких статей в «Советском спорте» имела заголовок «Кубок какого мира разыгрывается в Бразилии?».

Нам полностью хватало своего футбола, и я не помню, чтобы мы страдали из-за отсутствия международных встреч: весь строй жизни не позволял ощущать такого отсутствия. Наверное, сегодня нас полагается назвать «невеждами», «профанами», но в ту пору мы, болельщики, обвинения не приняли бы. К нашим услугам были ЦДКА и «Динамо», и мы были непоколебимо убеждены, что в их исполнении видим самый что ни на есть распрекрасный футбол.

Минуло несколько десятилетий, и какого только футбола не довелось увидеть за это время! Легче всего было бы с высоты мексиканской «Ацтеки» или аргентинского «Ривер-плейта» скептически и добродушно улыбнуться в сторону тех полузабытых ЦДКА и «Динамо». А я не вижу ни повода, ни надобности для того, чтобы отступить от старых верований, и по-прежнему убежден, что два первых наших клуба послевоенных лет были — по игре —выдающимися.

Прежде всего—это важно во все времена — ЦДКА и «Динамо» вели игру самобытную, оригинальную. В советском футболе еще не завелся вирус глупой, мелкой, неразборчивой подражательности иностранным чемпионам, до этого гибельного поветрия еще оставалось несколько сезонов. В нашем футбольном отечестве правили свои пророки, их еще не унижали и не отвергали. Я имею в виду тренеров: армейского — Бориса Аркадьева и динамовского — Михаила Якушина. Именно тогда оба они сделали целую череду тактических открытий (в «Динамо» — четыре защитника, в ЦДКА — сдвоенный центр нападения), и их клубы играли с опережением времени лет на десять. Несколькими изданиями вышел учебник Б. Аркадьева, в котором провозглашены принципы энергетического футбола, «игры изо всех сил», принципы, главенствующие поныне.

Моя уверенность основывается и на том, что ЦДКА и «Динамо» в те семь послевоенных сезонов достигли совершенства ансамбля, где что ни игрок, то фигура. Потом оба эти клуба, как ни старались, так и не сумели себя повторить. Разумеется, обе команды, согласно требованиям времени, видоизменяли игру,

ЦСКА еще раз сумел пробиться в чемпионы, а «Динамо» — еще шесть раз. И все же никогда больше они по подбору мастеров не становились вровень с командами тех семи сезонов — те остались классическими. Когда это чудодейственное совпадение одиннадцати свершается, команда делается величиной, сегодня ли это случилось или сорок лет назад. Такие совпадения редкостны, у ЦДКА и «Динамо» они тогда состоялись, поэтому я и верю в абсолютную ценность обеих команд.

ЦДКА тех лет прочерчивал по полю стадиона «Динамо» линии ясные, твердые, постоянные. Двоим — Григорию Федотову и Всеволоду Боброву — дозволялось вносить в схему свое, благодаря чему угадать до конца игру ЦДКА было невозможно. Безупречный порядок плюс два импровизатора.

У «Динамо» чертеж был со многими пунктирами, тайные замыслы рождались сообща, игра динамовская была, на мой взгляд, сложнее, сюрпризнее, неожиданнее, тоньше.

От ЦДКА ждали заранее известной игры и атаки, и оставалось восхищаться тем, как ему удается гнуть свое, настаивать на своей простой правоте от начала до конца. От «Динамо» ждали нестандартного, небывалого, и можно было только поражаться, как динамовцы застают противника врасплох; на ходу, с шиком сочиняют комбинационные росчерки.

Быть может, полная ясность игры армейцев и давала им конечное преимущество в турнирных достижениях, тогда как динамовцы в своих поисках чего-то недобирали.

Стадион «Динамо» был в наших глазах главным на Земле, а ЦДКА и «Динамо»—самыми лучшими командами. Мы знали: живем в столице, к нашим услугам—столичный, первостатейный футбол. В голову не приходило, что нужны бы еще матчи с сильными зарубежными противниками. Надолго осели в наших душах игры «Динамо» в Великобритании. Если до сих поп справляют юбилеи того турне (сорокалетний — в 1985 году), то нетрудно представить, что по горячим следам оно казалось абсолютно достоверным свидетельством мощи нашего футбола.

Вспоминая те годы, я думаю, что обязан им многим, как будущий репортер. Они приучили интересоваться футболом независимо от боления.

И после войны я продолжал вести дневник матчей. Уже не в тоненьких тетрадочках, где на задней обложке таблица умножения, а в толстой, в картонном переплете. Последняя запись — от 29 июня сорок восьмого года о матче «Спартак» — «Динамо». «Спартак» в тот день впервые за послевоенные годы одолел «Динамо»— 3:0.

Несколько фраз из того домашнего, для себя, отчета:

«Три года динамовцы без промаха избивали спартаковцев. И сейчас они на шесть очков впереди. Жаркий день, на трибунах теснотища, стадион волнуется еще до начала. Игра — в середине поля, мяч часто в ауте — знак нервного напряжения. Обоюдные атаки. Но динамовцы близко к воротам «Спартака» не доходят, один Карцев иногда бьет издали. Трофимов и Архангельский прикрыты, Бесков без партнеров не знает что делать, а Соловьева своей силой обезвреживает Сеглин. Спартаковцы, напротив, то и дело выбегают к самым воротам «Динамо». Мяч у Рязанцева, он оглядывается, кому отдать, и так правдоподобно, что на него не нападают. Доходит до штрафной и резко бьет. Хомич не успевает. 1:0. Хотя и видно, что на спартаковцев снизошло вдохновение, а динамовцы играют без души, все еще может перевернуться, объективно-то «Динамо» сильнее. После перерыва сразу же решительная атака «Спартака». Корнер подает Конов. Мяч пущен поодаль от ворот, к нему кинулись и защитники и Хомич, но мяч их обманывает, перелетает на левый край, а там Смыслов, падая на спину, бьет по воротам. Мяч хитро, потихоньку катится, но остановить некому, все выбежали вперед. Еще одна атака, Рязанцев выкатывает мяч ушедшему направо Дементьеву, длинный удар в дальний нижний угол. Третий гол, это победа, тем более что вратарь Леонтьев чувствует мяч безошибочно. Что же произошло? Неизвестно почему оказавшиеся не в духе динамовцы рассыпались, разорвались, а спартаковцев сблизила воля, одна на всех, поровну. Это уже на что-то похоже».

В том сезоне дела у «Спартака» стали налаживаться. Казалось бы, мне полагалось усердствовать с дневником. А я его забросил. В то время я работал в «Комсомольской правде» корреспондентом отдела учащейся молодежи, у меня начало кое-что получаться, ездил в командировки, писал «подвалы». И любительский футбольный дневничок стал мне казаться блажью, баловством. С какой стати журналисту, обязанному отвечать за свои слова на газетной странице, кропать на досуге никому не нужные заметки о футбольных матчах, позволяя себе безнаказанные вольности?! Уж если писать, так всерьез, для печати. А футбол состоял в разряде удовольствий, рабочей темой я его не представлял.

Я не излагаю историю послевоенного футбола, рассказываю то, что помнится, что производило впечатление.

Стадион не так уж часто смеется. На стадионах комедий не ставят, там в чести драмы, а то и трагедии. Но были случаи, когда стадион «Динамо» содрогался от смеха. Если не весь амфитеатр похохатывал, то значительная его часть, а другая, в силу болельщицкой уязвленности, била себя по коленям в досаде и посылала к небу проклятия. Это происходило на матчах ЦСКА и

«Динамо» с куйбышевскими «Крылышками». В 1947 году «Динамо» сыграло с «Крылышками» 1:1 и 0:1, в 1948 — 2:2 и 0:1. В 1949 году ЦДКА, у которого за сезон всего было пять поражений, два из них, по 0:1, потерпел от «Крылышек». Кстати говоря, именно тогда, по-моему, эту команду и стали называть нежно — «Крылышками». А она была десятой, не выше.

Сейчас уже не скажу, какие матчи из названных видел. Но зрелище было потешное: шла комедия под названием «Напрасные хлопоты». Защитники еще не были так хорошо воспитаны, как сейчас, когда им вменяется в обязанность аккуратно отдать мяч вперед или самим двинуться вместе с форвардами. Защитников ценили за «непроходимость», за умение выбить мяч из-под носа атакующих, выбить посильнее, подальше, хоть свечой, хоть на трибуны. «Крылышки» и выходили на матчи с ЦДКА и «Динамо», подрядившись не позволить себе забить, как на тяжелую работу. И мало-помалу, разогревшись, входили в артельный раж. Мяч отлетал от их ворот в разные стороны, казалось, он и сам удивлялся своим невероятным кривым полетам. Его возвращали, но короткой передышки хватало, чтобы защитники «Крылышек» хватанули воздуху и ретиво продолжали работу. Игрой это назвать едва ли было возможно. Играть пытались их знаменитые противники: комбинировали, подавали угловые, били штрафные и оказывались обманутыми всякий раз, когда мяч улетал то в поднебесье, то на беговую дорожку. Да и заметно сникали они, падали духом, оказавшись перед несуразной задачей — биться лбом об стенку.

Тех, кто без конца нападал и тем не менее проигрывал, мы чтим до сей поры — Бескова, Карцева, Трофимова, Соловьева, Блинкова, Николаева, Демина, Гринина, Г. Федотова, Боброва. Что ни имя — звезда. А тех, кто стоял стеной и выигрывал, вспоминают сейчас разве что куйбышевские старожилы. Вратари Виноградов и Головкин, Мурзин, Скорохов, Петухов, Поздняков, Ржевцев, Ширяев, Карпов, Зайцев, Бурмистров, Проворное, Новиков, Гулевский. Тогда их имена знали все московские болельщики, отдававшие должное их необоримой, былинноновгородской стойкости. Разница в классе была по меньшей мере двойная. Скажем, динамовцы в чемпионатах 1947 и 1948 годов забили 85 и 57 мячей, тогда как их обидчики «Крылышки» — 32 и 22, армейцы в 1949-м — 86, «Крылышки» — 40.

Как бы мы ни относились к варианту игры куйбышевцев, названному «волжской защепкой», он существовал, творил сенсации, позволял не слитком сильной команде состоять в высшей лиге. Тренировал тогда «Крылышки» А. Абрамов. Почему-

то его имени нет в толстом справочнике «Всё о футболе». А ведь «защепки» известны ныне на берегах многих рек. Другое дело, что грубый след от «защепок» отзывается на игре, но ведь никуда не денешься: право слабого!

Тогда, мало что зная о тактических тенденциях (футбольная образованность пышно расцвела после чемпионата мира 1958 года, когда пошли мелькать по страницам прессы магические цифры 4—2—4), стадион «Динамо» чистосердечно потешался над тщетностью нервных усилий общепризнанных героев, пытавшихся без успеха проскочить под крыльями ходко вращавшегося ветряка у ворот куйбышевцев. Ветряк их отбрасывал. И это в самом деле выглядело смешно. И как было не сочувствовать «Крылышкам», дерзнувшим не согласиться со своей обреченностью! Отбиваясь, отмахиваясь, пуляя мяч куда подальше, они улучали момент, иногда один-единственный, когда их форварды удирали от защитников, тоже знаменитых как на подбор, и забивали гол. Нет, аудитория не обманывалась, понимала, что неспроста ЦДКА обыгрывал куйбышевцев в те же годы 7:0 и 5:1, «Динамо» — 5:0. Но тем заманчивее были матчи, в которых все шло наперекор разуму. Они, эти матчи, оставляли нас, болельщиков, с ощущением, что в футболе не все можно заранее рассчитывать и угадывать.

По тогдашним представлениям у команды ценилась продольная линия, «хребет», на которой все держалось: вратарь, центральный защитник, центрфорвард. Хомич — Семичастный — Бесков в «Динамо», Никаноров — Кочетков — Федотов в ЦДКА, Акимов— Гомес — Пономарев в «Торпедо». Эти три «хребта» считались крепчайшими. Английскую поговорку «Покажите мне ваших полузащитников, и я скажу, какова ваша команда» болельщики узнали позже.

Вратарь извечно был фигурой исключительной. Чувствую, что тут я задержусь, застряну и нарушу последовательность повествования.

Одним из самых захватывающих матчей, который мне довелось видеть на «востоке» был матч «Динамо»— «Спартак» 1 октября 1949 года. Мы с Ильей Шатуновским ловко улизнули из своей «Комсомолки» и были вознаграждены. Помню, когда кончилось, хотя и надо было торопиться со стадиона на улицу Правды, на вечернее дежурство, ноги не несли, еле дотащились, столько сил отдали болению. Матч многократно пересказан в литературе, и повторяться не стану. 5:4 — так выиграло в тот вечер «Динамо». «Спартак» трижды вел в счете, «Динамо» трижды сквитывало и два раза выходило вперед, последний раз за три минуты до конца и уже насовсем. Как бы ни пиршествовали в том

матче нападающие (забили спартаковцы Сальников — 2, Симонян, Терентьев; динамовцы Конов, Трофимов, Савдунин — 2, Бесков), все решил вратарь Вальтер Саная. Он заменил Хомича после того, как тот пропустил четвертый мяч и «Спартак» повел 4:3. Было видно с трибун, что Хомич «поплыл», в шоке, движения стали неверными, и, промедли тренер Якушин с заменой, «Динамо» бы не сдобровать. Саная оборвал, пресек разгулявшихся спартаковцев, в воротах появился хозяин. Игра перевернулась — «Спартак» растерян. В распоряжении Саная были считанные минуты, но настолько он был тверд, что никто не сомневался: небывалое сражение выиграно им. Тогда такой оборот событий чудом мы не считали, знали, что вратарям дано одерживать победы.

Негоже, чтобы Алексей Петрович Хомич, герой динамовского турне по Великобритании 1945 года, мой добрый товарищ по работе в редакции «Футбола— Хоккея», где он состоял внештатным фотокорреспондентом, на этих страничках выглядел кругом виноватым. Да, угодил тогда под град Алексей Петрович, и голова у него пошла кругом. Он никогда не вспоминал о том матче. Для равновесия расскажу с его слов о другом.

Был Хомич отчислен из «Динамо» с официальной формулировкой «за потерю прыгучести», о чем говорил с возмущением до своих последних дней. Перешел в минский «Спартак», и этот незаметный клуб с Хомичем в воротах в 1954 году добыл третье призовое место. Настал черед встречи с московским «Динамо». Своему родному клубу майор Хомич оставался предан до конца, но его спортивная душа жаждала отмщения за оскорбительную «формулировку».

Вот его рассказ, который он повторял неоднократно. Слушая, я посмеивался: четверть века же прошло, а Алексей Петрович каждый раз горячился так, словно это было вчера.

— Играть нам с «Динамо» в Минске, и это был, как вы понимаете, мой матч. У них (динамовцев он называл «они», не иначе) состав будь здоров: Яшин, Крижевский, Борис Кузнецов, Володька Савдунин, Серега Сальников, Алик Мамедов, Генка Шабров, Ильин Володя — в общем, компания не нам чета, чемпионами они в тот год стали. Я к матчу готовился как никогда, в большом порядке был. И завелся, злость такая, что не расскажешь. В центре выстроились, а я незаметно так подхожу к ним, вроде бы как к старым товарищам. И говорю: «Вы меня знаете: я себя не берегу. Предупреждаю, кто выскочит, не пожалею. Смотрите!» Они мою историю с отчислением знают, чувствуют, что не шучу. Может, и по лицу увидели. В общем, игра пошла, они пару раз мне ударили издалека. На сближение не

идут. Но надо весь матч отстоять, так я, как кто-нибудь из них ближе подойдет, напоминаю: «Ты меня знаешь! Смотри!» В тот день я не имел права пропустить, любой мяч тащил. Так никто из них и не обострил. А минчане один как-то там закатили. Ну и выиграли мы 1:0. Мне бы жизни не было, если бы они меня «расстреляли»...

Уж и не знаю, все ли тут правда или присочинил что-нибудь Алексей Петрович. Но он всей своей вратарской судьбой проверил, что вратарь способен выиграть матч. И ему это удалось в матче его чести, его расплаты.

Матчей, главными героями которых становились вратари, было сколько угодно. Один из таких, даже тогда, буквально потряс стадион «Динамо». В 1950 году играли ЦДКА и «Зенит». Играли в одни ворота, зенитовские. А их защищал Леонид Иванов, в сером невидном свитере, вроде спецовки, в рабочей кепчонке, плотный, широкогрудый, с сильными руками. Как только не били ему знаменитые армейцы, все тщетно, мяч — у него. Стадион ахал и вздыхал, большинство- то держало сторону ЦДКА, но постепенно, как это порой бывает с футбольной переменчивой публикой, восхитился вратарем и уже был не прочь, чтобы он не пропустил, чтобы свершилось небывалое. Иванов и не пропустил. Его, Иванова, ничья, целиком и полностью. Два года спустя тренер армейцев Б. Аркадьев, когда ему поручили создать сборную, ворота доверил Иванову. Мне легко предположить, что тот матч стоял перед его глазами.

Мы давно согласились с тем, что современные нападающие, игроки середины поля и защитники зримо отличаются от форвардов, хавбеков и беков прошлого. И если сейчас, отдавая дань одаренности и подвигам кого-то из некогда блиставших, говорим, что он и в наши дни был бы хорош, непременно добавляем: «Применился бы, перестроился, привык». Звезды футбола загораются не сами по себе, их выдвигает та командная игра, которую выработало время. А некоторым из звезд удается и самим продвинуть футбол вперед. Разумеется, есть в опыте мастеров былых дней черты и достоинства неувядаемые, передающиеся от поколения к поколению. И все же игра, которую предлагают нашему вниманию сегодня, неминуемо требует, чтобы каждый из тех, кого называют полевыми игроками, отвечал духу времени.

Л вратари? Отличаются ли они чем-то от старых голкиперов? Или, быть может, искусство защиты неизменных восемнадцати квадратных метров ворот от бешеного, коварного мяча каким было, таким и осталось?

Закрываю глаза и пытаюсь представить, в каком движении,

самом характерном, чаще других повторявшемся, запомнился мне Владислав Жмельков, спартаковский довоенный вратарь. И вижу его в броске. В каком угодно углу, в нижнем, в верхнем, под перекладиной, он летит, тянется в ниточку, кончиками пальцев отводит мяч.

А теперь пробую в воображении остановить спартаковского вратаря Рината Дасаева в его характерном движении. Для меня он — в выбеге из ворот, изогнувшийся, с пойманным мячом в высоко поднятых руках. И угрозы как не бывало.

Полвека разделяют эти скульптурные композиции. Быть может, просто разные люди, у каждого своя манера? Думаю, что такое предположение к разгадке нас не приблизит. Мне представляется, что неспроста Дасаев нисколько не напоминает Жмелькова: другие времена, другая игра.

Не раз, бывало, смотришь матч с участием иноземной команды и мелькнет: «Этого игрочка неплохо бы к нам». О вратарях никогда так не думалось, никакой зависти. Ясно, что и в других краях появляются отличные вратари, однако нигде так постоянно, без перебоев, как у нас. Сколько лет минуло после того, как в голу стоял (так в его время говорили) Николай Евграфович Соколов, а классные вратари не переводятся. Вот и сейчас мы как должное принимаем выдвижение А. Сацункевича, Д. Харина, С. Черчесова. Существует ли особый секрет, есть ли право говорить о вратарской школе?

Алексей Хомич на протяжении многих лет на следующий день после матча приносил пачку снимков и раскладывал их на столе редактора.

— Алексей Петрович, вы же стояли возле тех ворот, куда забили два мяча. Где же эти моменты?

Хомич мнется, чешет в затылке:

— Не нажал. Но как можно было, скажите пожалуйста, пропускать такие мячи? Я ему, пижону, кричу...

И дальше следовал показ: Хомич вставал перед дверью, которая должна была изображать ворота, приседал, выбрасывал в сторону руку.

— Только и надо было сделать шаг влево, а потом отталкиваться...

Я терпеливо смотрел и слушал, зная, что редакторское внушение бесполезно, опять Алексей Петрович «играл», позабыв про затвор фотокамеры. Так до конца и осталось его любимым занятием подсказывать из-за спины вратарям.

Лев Иванович Яшин говорил мне: «Ну кто нас, вратарей, мог учить? Побьет второй тренер по воротам — и на том спасибо. Друг у друга перехватывали. Я — у Хомича... Он, наверное, еще у

кого-нибудь...»

Хомич однажды, в нечаянную минуту крайней откровенности, поведал мне историю, которая его самого смущала и страшила.

— Оставляли меня, пацана, дома с сестренкой, ей, должно быть, год был. А ребята со двора хором орут: «Хома, выходи!» Как выходить, сестру не оставишь? Я ее в одеяло завертывал, и вниз. И укладывал вместо штанги. Она спала, а мы бились. Так я вам скажу, под ту руку, где она лежала, забить мне было невозможно. Вот что мы, дурачье, вытворяли. Если бы я увидел своего сына за таким делом, не знаю, что бы с ним сделал...

Хомич сидел потупившись: и много лет спустя его жуть брала. Молчал и я: что тут скажешь, оба в возрасте дедов. И, чтобы снять неловкость, хоть чуть оправдаться, Хомич повторил:

— Верно говорю, под ту руку я бы мышонка не пропустил, сам бы убился...

Дасаев написал книгу «Команда начинается с вратаря». Из нее можно узнать, что его сначала опекал вратарь астраханского «Волгаря» Юрий Маков, что неизгладимое впечатление на него, мальчишку, произвел Анзор Кавазашвили, приезжавший со «Спартаком» на товарищеский матч в Астрахань, что позже он был многим обязан Александру Прохорову в «Спартаке» и Вячеславу Чанову в сборной.

Какой разговор, вратарь — последняя надежда команды, о нем так прямо и говорят: «выручил» или «не выручил». Он живет общими интересами с командой, может быть в ней влиятельным человеком, капитаном, как был Яшин в свое время, как Дасаев в «Спартаке» и в сборной. Однако в ремесле своем, вратарском, он —один, сам по себе. Вратарей тянет друг к другу, их разговор особенный, и на футбол они смотрят по-своему, и игра у них своя, и переживания иные, чем у остальных мастеров. Сколько мне ни приходилось слушать Анатолия Акимова, Алексея Хомича, Алексея Леонтьева, Льва Яшина, Владимира Маслаченко, Анзора Кавазашвили, о матче — вкратце, общими словами, а о вратарях — хоть час, хоть два, малейшее движение помнят, разберут. И всегда с сочувствием, с готовностью войти в положение, оправдать, ну а уж если «пенка», то с горечью, словно и они виноваты, что посрамлен человек их профессии.

Пожалуй, все-таки есть право говорить о советской вратарской школе. Школа эта не в каких-то специальных учебных группах, не в штате преподавателей и уж конечно не в велеречивом рассусоливании о «неиссякаемом роднике» и «непрерывающейся эстафете». Школа в том, что у нас издавна сложился не отвлеченный, не расплывчатый, а по-рабочему точный образ классного вратаря, и каждый юноша, дерзнувший

встать между тремя штангами, знает уровень, достигнув которого, можно заслужить признание. Среди полевых игроков терпят тех, кто «так себе», но вратарь с подобной аттестацией — это невыносимо, беда да и только, одни страдания. И юные вратари вкалывают, помня, что прощения им не будет, ничто не поможет, если не тянуться за Яшиным, не повторять его гордое труженичество.

Обязан признаться, что Ринат Дасаев долго как вратарь внушал мне сомнения. И вряд ли я смог бы внятно объяснить, что мне мешало считать его надежным. Когда сомнения улетучились, я понял их причину. Его тонкая фигура, его тонкое лицо почему-то наводили на мысль о возможности рисовки, опрометчивости, легкомыслия. Наверное, потому так казалось, что все вратари, которых я прежде видел, были сложения более внушительного, с лицами обветренными, резкими, грубоватыми. А тут человек ну прямо-таки нежный. Что если — везун? Верно, ни в «Спартаке», ни в сборной лишних голов не пропускал. Но каков окажется, если вдруг угодит под град ударов?

Своими сомнениями я ни с кем не делился и уж тем более не позволял себе их выразить в журналистской работе. Да и смешно было бы, когда Лев Яшин, не размышляя, твердо как-то мне сказал: «Дасаев? У нас — лучший!», когда Николай Петрович Старостин, начальник «Спартака», столь же твердо отозвался: «Ринат — человек умный, и в коллективе ведет себя умно и играет с умом».

Потом еще один разговор с Яшиным. И такое его рассуждение:

— Труднее теперь стало вратарей оценивать. Матч идет, сидишь смотришь: вратарь без дела, пустяками занимается. Тут хлоп — мяч в сетке. И непонятно, что за вратарь?

Яшин произнес это, как ему свойственно, мягко, с улыбкой, не настаивая, скорее недоумевая.

А для меня его слова были дорогим подтверждением того, над чем думал.

Так отличаются ли нынешние вратари от старых голкиперов?

Да, отличаются. И сильно. Говоря попросту, прежде вратари были в игре, в деле чаще, чем теперь, им чаще били.

Защитники играли против нападающих «один в один», до «чистильщика» додумались позднее, и вероятность прорыва, выхода прямого к воротам была не то что велика, а постоянна. Да и наличие пяти (потом четырех) нападающих, каждый из которых чувствовал себя обязанным оправдать свое наименование, свой номер на спине ударом по голу, — все это обеспечивало вратарям полную занятость. Если сейчас вратарь в течение матча

отобьет два-три сильных уда- ра, он удостаивается печатных похвал. Прежде это дало бы повод отозваться, что он прохлаждался, бездельничал.

Если до сих пор фамилии Трусевича, Идзковского, Акимова, Хомича, Никанорова, Маргания, Леонтьева, Зубрицкого, Иванова, Макарова окружены нимбом почтительности, то это потому, что в каждом матче они совершали подвиги, кидались в ноги, отбивали удары в упор, ныряли в свалку — словом, показывали себя невероятными храбрецами.

В Льве Яшине сошлось решительно все, чтобы вылепить образ всем миром признанного вратаря. Все — это преданность делу, бесстрашие, неуязвимость перед славословием, готовность признать, что сплоховал, неприятие бесчестности в любом виде, уважение к противникам, привычка к тренировочному труду, высокий рост, длинные руки, чуткость тела к ответу на пущенный в его сторону мяч, называемая реакцией, и даже то, наконец, что, будучи рожден для вратарского занятия, дорожил этим и ни на что другое не отвлекался.

И тем не менее, думаю, лепка его образа оттого удалась в полной мере, что он поднялся в то время, когда вратарям, а значит и ему, много били. Он вырос на том, что отразить десяток «мертвых» мячей за матч — не доблесть, а норма. Он никогда не кидался с упреками на своих товарищей-защитников, и, если гол забивали, его длинная фигура выражала смущение и досаду, виноватым он считал себя одного.

Что же изменилось? Сокращение числа форвардов до двух было бы формальной версией, и кроме них есть готовые стрельнуть по воротам: игроки середины поля и даже защитники. Совершенно иной сделалась тактика обороны. У хорошо организованной, мобильной команды, едва противник перехватит мяч, в оборону включаются все десять полевых игроков. Если безучастен один — уже изъян. И перед воротами возникает движущаяся, живая стена. И на глаз видно, как часто удары по воротам принимают на себя защищающиеся, и мяч отлетает далеко в сторону без вмешательства вратарей. Форвард уже не знает, сколько их ему надо обвести, чтобы вырваться и ударить, прошел одного, второго — нет, тут как тут третий. Такая теперь раскидывается по-шахматному продуманная, частая заградительная сеть.

Нынешние вратари, если вдруг в обороне мелькнет просвет, пусть угроза кончилась ничем, горячо отчитывают партнеров за этот просвет. Они — разгадчики, им мало быть заряженными реакцией на удар, в них ценится реакция на игровые метущиеся перемены. Рискну заметить, что по умению угадывать ситуацию и

разряжать ее аккуратным, быстреньким, чистеньким выходом на перехват мяча, по умению отдавать распоряжения партнерам-защитникам лучшие из нынешних вратарей превосходят своих предшественников.

Но игра остается игрой, рвутся самые крепкие сети, увлекшихся наступлением ловят на контратаках, форварды наносят по-прежнему «мертвые» удары, хоть и реже, чем во времена Г. Федотова, А. Пономарева и Н. Симоняна. Есть и сейчас среди них звезды, кого издавна называют «грозой вратарей»: О. Блохин, Р. Шенгелия, О. Протасов, О. Беланов, С. Родионов... Работы в прямоугольнике ворот хватает, несмотря на то что многое в этой работе стало выглядеть иначе.

Ринат Дасаев и воплотил в себе, выразил то, как игра вратаря ответила на новые веяния в футболе. Он вратарь современный, эры тотального футбола с его комбинационными перестроениями, с участием большого числа игроков и в наступлении и в обороне, когда любая угроза стала замаскированной и надо ее предвидеть, разгадать, быть готовым к любому обороту событий. И если так представлять его обязанности, то тонкая фигура и тонкое лицо оказываются как нельзя кстати.

Вполне возможно, что кто-то не согласится со мной, я не настаиваю, пусть это будут вольные вариации на вратарскую тему.

Если во вратарях мы видели хозяев прямоугольника ворот, то центральные защитники были хозяевами другого прямоугольника — штрафной площади. Они редко его покидали, разве что с отчаяния, чтобы поднять в атаку команду. Им полагалось сторожить центрфорварда противника—игрока самого опасного. Да и на них держался весь редут, они обязаны были поспевать всюду, где тонко. Говоря современным языком, они совмещали обязанности переднего и заднего центральных защитников, стоппера и «чистильщика». Трудно представить, как они управлялись. Но управлялись, и наградой им была любовь трибун. И капитанами их часто выбирали. И хоть знали мы, что футбол — для храбрых, центральные защитники выглядели воплощением храбрости. Не рассуждали мы тогда, каковы они в отборе мяча, в прыжках на высокие передачи, в выборе позиции, в подстраховке — все это было скрытыми подробностями, секретами ремесла. Мы видели, как они принимают на себя атакующие валы и рассекают их, как добираются до мяча, чего бы это ни стоило, как встают под страшные удары. И там, где они, реял над несдающейся баррикадой клубный флажок!

Все они, люди последнего рубежа, крайних мер, к которым

больше, чем к кому-либо, подходил девиз — «Один за всех!», рисовались нам людьми, иссушенными заботой, с впалыми щеками, горящими глазами, подвижниками, которым хоть костром грози, а они не дрогнут.

Михаил Семичастный, динамовец, некогда удачливый правый крайний нападения, сделался знаменитостью, став центром защиты. Худой, костистый, резкий, с профилем тевтонского рыцаря.

Иван Кочетков, армеец, приземистый, расторопный. с задорным смоляным чубчиком, лицо скуластое, глаза красивые, разбойничьи, беспощадные.

Василий Соколов, спартаковец, высокий, тощий, казавшийся отцом, дядькой своим товарищам, начинавший, и хорошо, в тридцатые годы крайним защитником, в послевоенные годы выглядел последним из могикан, тянувшим за собой спартаковское племя, не давая ему сгинуть. Доиграл до 39 лет, а в следующий год после ухода с арены, в 1952-м, в должности тренера сразу стал чемпионом.

Августин Гомес, торпедовец, выросший у нас из спасенной испанской детворы. Имел фигуру крепыша, округлую и мягкую, и играл мягко, чисто, точно. Его круглая, рано начавшая лысеть голова всегда была заметна, хоть и невысок он был, легко прыгал, брал расчетом, умом, сноровкой, был точь-в- точь, как те баски, которые приезжали в тридцать седьмом.

О центрфорвардах тех лет — Бескове, Федотове, Боброве, Пономареве, Пайчадзе, Симоняне, Соловьеве — я писал в книжке «Форварды». Она вышла не так давно, в 1985 году и, возможно, попадалась читателю — любителю футбола.

Сейчас не угадаешь, кто в матче забьет гол.

А тогда, увидев на поле знакомую «девятку», мы проникались уверенностью, что гол будет обязательно. Нет, мы не были простачками, знали цену всем форвардам; в каждой команде было по пять, да в дублирующем составе столько же. Скажем, в чемпионате 1949 года участвовало 18 клубов и форвардов, выходит, сто восемьдесят. И все они состояли на болельщицком учете. Сейчас ориентироваться проще: в высшей лиге состоят в форвардах, включая резервных, хорошо если человек шестьдесят. Втрое меньше. Зато не перечесть игроков середины поля — людей загадочных, которые вдруг пробьются, выскочат и пошлют мяч в сетку. Правда, и невозможно предвидеть, когда это произойдет.

Тогдашние «девятки» забивали регулярно. Игра строилась таким образом, что «девятку» партнеры всегда имели в виду как козырную карту. И подбирались центрфорварды с большим разбором. Их искали, переманивали, считалось, что без хорошего

центрфорварда команда мертва. С них не сводили глаз трибуны, и если команда оплошает, забьет меньше, чем противник, первый, кого брали в оборот, был центрфорвард.

В наше время выдвинулся Олег Протасов. Вот он — родня, прямой потомок тех центрфорвардов. Он кружит около штрафной площади: то ли ждет передачи на рывок, то ли сторожит заминку чужого защитника, то ли сам затевает короткую остроугольную комбинацию, то ли прыгает, чтобы достать мяч, летящий вдоль ворот. И бьет без колебаний, жадно, удар полновесный, как и полагается игроку, от которого ждут попадания.

«Тройка», «девятка», «туз», «хребет» команды — так вырисовывалась магическая формула игры сороковых годов. Три эти роли требовали игроков выдающихся, общепризнанных героев. И у нас, ездивших на футбол, постоянно перед глазами были личности, мы переживали за них, восхищались ими, жили в предвкушении встречи. И узнать, что матч пропускают, скажем, Бесков, Кочетков, Акимов, Пономарев, Симонян, Гомес, было сильным разочарованием.

Я пытаюсь передать, каким казался футбол сороковых годов с динамовского «востока». У меня нет ни желания, ни причин выставить его в противовес футболу нынешнему. Тем более мне было бы некорректно этим заняться, что свою, если угодно сознательную, жизнь в футболе, репортером, я начал позже. Для меня старинный футбол — прошлое, цветные картинки, образы, впечатления, которые я берегу в памяти. И, пожалуй, верно будет сказать, что берегу поодаль, отдельно от того футбола, о котором позже стал писать.

Прежде чем обозначить начало репортерства, попробую порассуждать о том, чем был для нас футбол в те годы. Картинки картинками, а ведь что-то задевало и душу.

В годы Великой Отечественной один из нашей компании оказался «белобилетником», по болезни освобожденным от призыва, а остальные были солдатами. Трое с войны не вернулись. Мы от отцов и матерей своих не как лозунг и клятву, без всякой патетики, просто как принятый в семьях образ жизни, заимствовали потребность участвовать во всем, чем жили все вокруг, согласно выражению Маяковского, которым мы безоглядно увлекались, «каплей лились с массами». Бедный житейский быт нас не угнетал, скорее, наоборот, помогал легко переключаться на духовные сферы.

Мы были заядлыми пионерами, не снимали галстука ни в гостях, ни в театре. Восхищались челюскинской эпопеей, полетами Чкалова и Громова, испытывали боль за Леваневского и стратонавтов, сострадали испанским республиканцам, увлекались

репортажами Михаила Кольцова.

В институтские годы ставили и играли «Город на заре» Арбузова и «Дачники» Горького; выпускали рукописный журнал, сдавали нормы на значок «Ворошиловский стрелок»; посещали сборища в редакции «Огонька» на Петровском бульваре у Ефима Зозули, где еще не начавшие печататься поэты и прозаики читали свои сочинения, где нас, вечно голодных, угощали шикарными бутербродами. Чтение продолжалось и на бульваре, а если летом, так до рассвета.

Горячая песня бродяжит в крови,
Горячими зорями мир перевит.
Кто вышвырнет двери, кто в ветер поверит,
Кто землю тугими шагами измерит,
Кому не сидится под крышей — вперед!
Срываются птицы в большой перелет.

Это—голос Бориса Смоленского, двадцатилетним погибшего в ноябре сорок первого. Его голос долго был со мной, только голос. А потом случайно набрел на крохотную книжечку его стихов, изданную крохотным тиражом спустя 35 лет после гибели. Теперь у меня есть и его слова. Помню голос Севы Багрицкого, сына Эдуарда Багрицкого, тоже погибшего.

А нас испытывали арестом моего отца и отца Виктора Берковича. И, наверное, потому, что наша жизнь, дневная, та, что на виду, уж слишком противоречила другой жизни, скрытой от глаз, ночной, глухой, непонятной, мы даже в своей надежной компании обсуждений не затевали, все, что мы могли, — это жить как ни в чем не бывало, хотя бы с виду.

Нас, гуманитариев, решавших для себя заново все «вечные вопросы», дня не живших без чтения, ставило в тупик официальное отрицание Достоевского, Есенина, Ахматовой, Гумилева, Цветаевой, Грина, Зощенко, Шостаковича, Мандельштама, Пастернака. В наших домашних библиотеках, начатых отцами, было кое-что из запретного, мы обменивались и диву давались, почему все эти высоты духа, ума и красоты читаем тайком, почему в школьных, а потом и в институтских программах, в газетных статьях о них говорилось такое, чему невозможно поверить.

Что делать, учились, воевали, работали.

В сорок седьмом я был взят в «Комсомольскую правду» литературным сотрудником отдела пропаганды. Мудреный и

опасный был отдел. Через него проходили рецензии на тома сочинений Сталина, каждая размером в полосу, короче нельзя было. Мы с Ильей Шатуновским выверяли эти рецензии, которые писали доктора философских и исторических наук. Делалось это в присутствии авторов. Стоило нам усомниться в каком-либо выражении, как обеспокоенный автор, являвшийся обычно с портфелем, набитым книгами, немедленно открывал нужную страницу, и мы убеждались, что выражение не что иное, как «раскавыченная» фраза из первоисточника. Мы с Шатуновским были начинающими, нам и тридцати не было, но очень скоро мы прониклись ироническим сочувствием к докторам наук, для которых каждое собственное слово грозило обернуться опасной отсебятиной.

А у нас руки чесались по репортерской работе — хотелось ездить, быть с людьми. За первый год я не написал ни строчки: считалось, что нахожусь на чрезвычайно ответственном участке. Мы мечтали переменить род занятий, и нам это удалось: Шатуновский начал писать фельетоны, а я был назначен в отдел учащейся молодежи, где облегченно перевел дух. Журналистская жизнь налаживалась.

Но не тут-то было. Кадровичка из ЦК ВЛКСМ, осуществляя проверку, обнаружила в моем «деле» неблагополучие в графе «родители» и забила тревогу. Редакция за меня заступилась, но не помогло: пришлось уйти «по собственному желанию». Благо был одинок, на свой страх и риск сел дома за повесть о зенитчиках. Напечатали в «Знамени» в 1951 году. Чего, кажется, лучше? Да осталась у меня от печатания этой повести оскомина: настолько ее, пусть слабенькую, но правдивую (писал все как есть), перекорежили, что я ее и узнать не мог, одни благостные, безупречные сцены, жизнь не та, что была, а такая, какой должна была быть по принятым тогда представлениям.

Мой друг Николай Тарасов (из нашей болельщицкой компании), наделенный поэтическим даром, писал стихи еще в школе, за партой, за которой мы с ним сидели. Писал и потом, будучи студентом, военным корреспондентом газеты «Водный транспорт» в блокадном Ленинграде, заведующим отделом и ответственным секретарем «Советского спорта». Писал от случая к случаю, ни на что не надеясь. У него все было благополучно — семья, должности, поездки за границу. А стихи его не печатали. Первая его книга «Белые мосты» была издана в 1969 году, когда ему было пятьдесят. А потом подряд вышли еще несколько сборников, и оказалось, что все ранее признававшееся «не созвучным» имеет право на жизнь. Сколько же времени ушло ни на что, даже невозможно представить, каким он стал бы поэтом,

если бы смолоду его талант был поощрен.

Так чем же для нас, проживших свою молодость во времена то поднимавшие, то казнившие, то озарявшие верой, то тяжко гнувшие, был футбол?

Тогда вряд ли кто-то дал бы ответ. Сейчас легче. Собственно, ради этого я и вдаюсь в некоторые подробности, к футбольному повествованию прямо не относящиеся.

Интересов у нас было достаточно и помимо футбола. И тем не менее футбол вторгался. И не как блажь. Увлечение? Привычка с детских лет? Несомненно. Перебивка для отдыха, расслабление после трудов праведных? И это верно.

И все-таки футбол тех лет потому так властно к себе притягивал, что в нем мы видели безобманность, постоянство, прочность. Он был всегда, в каждом дне своем, самим собой и ничем кроме того. Одни проигрывали, другие выигрывали, одни играли прекрасно, другие отвратительно, кому-то фартило, а кому-то убийственно не везло. Но все это свершалось по законам игры — они одни правили балом, им нельзя было не довериться. Надежным видели мы футбол; каждому в нем воздавалось по заслугам, в точную меру умения и одухотворенности. Ничего подспудного, подстроенного, фальшивого — вот оно, прямоугольное поле, поле игры и поле зрения, все видно, ясно, доступно, объяснимо. Тогда ничто не дополэало до нас из-за кулис, матч начинался, длился и заканчивался, и что видели, то и было к нашим услугам.

Мы болели за «Спартак» со всем возможным пылом. Но я не помню, чтобы наше боление заслоняло от нас достоинства других команд, — все взвешивалось на точных весах, истиной мы дорожили более всего. В послевоенные годы мы были увлечены поединком ЦДКА и «Динамо», он нас занимал, мы шли дальше в постижении футбола и его людей.

Потому нас всех и резанула переигровка кубкового полуфинала в тридцать девятом, о которой я рассказывал. Мы не были готовы к такому повороту, он противоречил нашему идеальному представлению о независимом острове футбола. Да и «дело Старостиных» смущало. Но что мы могли знать?! Пожимали плечами.

Мне хотелось дать понять, с чем приходят в газету репортеры, с каким рюкзаком. Все мы по происхождению из болельщиков. Что зачерпнули, чего успели набраться, от чего предстояло отказываться, в каком направлении двинуться, когда тебе выдан блокнот, на обложке которого вытиснено название газеты, — вот в чем дело.

Я чрезвычайно обязан «Советскому спорту». В нелегкое время

он приютил меня, открыл свои страницы, там я состоял на партийном учете. О зачислении в штат не думал, меня устраивало, что разъезжаю и пишу. Нет, не о футболе. Газета тогда перестраивалась, ей предстояло, кроме жанра деловых, коротких рецензий на спортивные события, в которых она исстари преуспевала, осваивать и другие, публицистические, очерковые.

Появились Виктор Васильев, Владимир Пашинин, Александр Кикнадзе, Станислав Токарев и я среди них, рекомендованный Николаем Тарасовым. Редактор «Советского спорта» Николай Иванович Любомиров мне благоволил, норовил поручить что-нибудь позаковыристее. Наверное, оттого и задержалось мое приобщение к футболу: Любомиров считал, что с этой темой справятся и без меня.

Я писал очерки о физкультурниках Крыма, Одессы, Астрахани, Днепропетровска, о физическом воспитании в яслях фабрики «Гознак», об автомобильных гонках на такыре под Небит-Дагом, статьи к Первомаю и Дню физкультурника, заметки о конькобежцах, лыжниках, легкоатлетах — словом, все, что редакции было угодно. Именовался я внештатным разъездным корреспондентом и судьбой был доволен.

Если бы речь шла о выяснении стажа, скажем для празднования юбилея, можно было бы назвать несколько ранних дат начала работы в футбольной теме. Но не о юбилее речь, и я склонен стаж не растянуть, а сжать.

Смешно было бы считать дебютом 18-строчную заметочку под названием «В напряженной борьбе», напечатанную в «Комсомольской правде» в августе сорок девятого, да еще без подписи. Я выручал товарища из отдела спорта: «Не могу пойти на стадион, а ты все равно идешь, ну так продиктуй, эко дело!» Я и выручил, передав по телефону отчетик о матче «Спартак» — ВВС, состоявший из «железных» фраз: «С первых минут матча спартаковцы прочно захватили середину поля и надолго перевели игру к воротам летчиков». Сколько потом пришлось остерегать себя от фраз, лежащих под рукой! Но тогда я свято верил, что не подведу товарища, только если исполню «как у людей».

Не годится и отчет о матче ЦДСА—София, опубликованный в июне 1952 года в «Советском спорте». Его поручили Николаю Тарасову, а он, поскольку в нашей компании я слыл более осведомленным, чем он, прихватил с собой меня. Тот матч был встречей сборных СССР и Болгарии, наши его замаскировали под странным названием, видимо боясь конфуза. Так что для меня он стал первым отчетом об игре нашей сборной, первым в длинном ряду, тянущемся по сей день. Матч закончился 2:2, и мы

добросовестно его изобразили.

Случайным выглядит и отчет «Встреча друзей» о матче «Торпедо» — «Ист-Бенгал клуб» в августе пятьдесят третьего. Матч, надо заметить, был презабавный. В индийской команде защитники были в бутсах, а нападающие играли, по сути дела, босиком: на ногах у них были ремешки, а пальцы торчали наружу. За них было страшновато. И добрый наш стадион «Динамо» откровенно болел за босую команду. И она не сплоховала, сыграла 3:3. Восторг трибун вызвал мяч, забитый издалека сильнейшим ударом одного из босоногих. Под этим отчетом кроме моей стоит подпись Павла Каминского, тогда заведовавшего отделом футбола. Меня привлекали к футболу с опаской, не оставляли одного.

Вероятно, экзамен в совместной работе с заведующим отделом я выдержал, и месяц спустя мне поручили написать заметки к итогам чемпионата. Назывались они не слишком оригинально — «На широкую дорогу». Возможно, приняли во внимание, что я был известен как болельщик «Спартака», а он в том году стал чемпионом.

В этих маловыразительных заметках в заслугу себе могу поставить один абзац:

«Начались прогнозы на будущий год. Особенно громко звучат голоса в пользу московского «Динамо». Это не случайно. Если в прошлом году в игре этой команды лишь с трудом можно было обнаружить черты «Динамо», то в этом первенстве мы порою видели истинно динамовские комбинации».

Написано не бог весть как, но все же, если принять во внимание, что в следующем, 1954 году чемпионом стало «Динамо», начинающему автору нельзя отказать в проницательности. Да и не помню, чтобы в нынешние годы обозреватели (и я в том числе) позволяли себе в день торжества чемпиона предрекать, кто его сменит. Условностями в ту пору еще не обросли.

Любопытна фраза из этих заметок: «Едва ли не самыми захватывающими состязаниями были последние два». Состязания? Да. Ни с того ни с сего подверглись запрету иностранные слова: «форвард», «корнер», «хавбек», «пенальти», «голкипер», «аут», «арбитр» и т. д. Запрещено было и слово «матч», вместо него ввели «состязание». Почему-то при этом забыли отменить название игры — «футбол». Как бы то ни было, с год, наверное, пишущим о футболе приходилось ловить себя на каждом слове во избежание выговора в приказе.

В пятьдесят четвертом о футболе я писал вволю. Не знаю, устраивало ли это газету, но мне было полезно. Я прошелся снизу

вверх по грани футбольной пирамиды. Темами очерков были: дворовый футбол, клубные команды мальчиков, всесоюзный юношеский турнир, дублеры. Никаких открытий, если иметь в виду интересы редакции, я не сделал, проблем не нашарил, но повидал немало. Пожалуй, в том году по количеству опубликованных строк (такой показатель существует в редакциях) меня можно было принять за футбольного обозревателя. Да и я бы не возражал, если бы...

...Если бы мне, как и год назад, не доверили итоговых заметок после окончания чемпионата. И вот как они выглядели.

«Позавчера мы собрались на «Динамо». Сильный ветер гнал на восток полотнища спортивных флагов. То и дело принимался идти дождь. Мы сидели в темных осенних пальто, под зонтами, под дождевыми накидками. Менее предусмотрительные укрывали головы газетами. Из тоннеля вышли судьи и заметно быстрее, чем обычно, зашагали к центру поля. От пронизывающего холода и судей, и игроков, и нас, сидящих на скамьях, мог избавить только свисток к началу игры. Начиналась последняя, 156-я встреча на первенство страны».

Начато как будто складно, и пейзаж и настроение.

«Осталось сказать, кто такие мы. Мы — это, разумеется, болельщики».

Вот те на! Итоговые заметки о чемпионате от лица болельщика? Вообще говоря, допустимо, если сопроводить рубрикой «Глазами зрителя». Но ведь стоит подпись журналиста, уже не раз писавшего в газете на футбольные темы. Смешение жанров ничего хорошего не обещает.

«Спартаковцы за игру рукой одного из железнодорожников получают право на 11-метровый удар. Капитан команды, заслуженный мастер спорта Симонян, тщательно устанавливает мяч на белом кружке. Отошел, разбежался, ударил... Откройте глаза, болельщики «Локомотива»! Гола нет! Симонян послал мяч так- слабо и неуверенно, что вратарь Грачев легко его парировал!»

Ну, еще куда ни шло, хотя можно было обойтись без нагнетания — капитан, заслуженный мастер спорта, три восклицательных знака.

Но дальше?!

«Разве кто-нибудь мешал Симоняну точно ударить с одиннадцати метров? Нет, ему мешало неумение. Скажем точнее, Симонян разучился бить по воротам. Если за прошлый сезон он забил 29 голов, то в нынешнем лишь 8. Должно быть, многие помнят, как беспомощно пробил Симонян по воротам, оказавшись в нескольких шагах перед Яшиным в игре второго круга

чемпионата между столичными командами «Динамо» и «Спартак». А ведь это была встреча лидеров, во многом решившая, кому быть чемпионом. О Симоняне следовало поговорить не только потому, что он не забил 11-метровый (что, кстати говоря, считает для себя позором любой футболист дворовой команды). За последние годы у нас как-то перевелись центральные нападающие. Симонян играет «девятку» в составе сборной Союза. Вообще говоря, право на это место у него есть, ибо в недавнем прошлом он был самым результативным нападающим. Казалось бы, видя свою «незаменимость», Симонян должен был проникнуться особой ответственностью и совершенствовать мастерство, а он его за этот сезон, наоборот, растерял...»

Хоть стой, хоть падай. И сказать нечего. Разве что принести извинения Никите Павловичу Симоняну. Лучше поздно, чем никогда. Познакомились мы с ним, если не ошибаюсь, в дни шведского чемпионата мира, четыре года спустя после этих заметок. Ни разу он о них не вспомнил, но, зная его, не сомневаюсь, что, читая, был оскорблен. Да и как было не оскорбиться ему, первоклассному центрфорварду?!

Не могу понять себя — поклонника дарования Симоняна,— прекрасно знавшего, как многим обязан ему и наш футбол, и «Спартак». Злую шутку сыграл со мной глупый, темный болельщицкий перехлест, который не сумел в себе подавить. Готов предположить, что в тот момент пыжился и гордился тем, какой я лихой рубака. И ведь нашлись, наверное, среди читателей-болельщиков такие, кто потирал руки от удовольствия: «Поделом врезали!».

Тут и другой вопрос: «Почему напечатали, не остановили, позволили автору распоясаться?»

Пишу и думаю: «А что, если кто-то из сегодняшних читателей отвергнет мою самокритику?» И представляю доводы этого читателя: «Зря автор отказывается от своих слов, нечего церемониться с мастерами, их надо держать в страхе, чтобы играли как следует, а то вечно пресса замалчивает да милует, вот они и мажут. Журналист врезал, как полагается, а теперь одумался и кается».

Репортеру легче легкого даются резкости, если он мало знает, лишен чувства справедливости, хватается за оружие в гневе и досаде. Футбольное зрелище из сильнодействующих, оно будоражит чувства. Не раз бывало, сидя на каком-то матче, возбужденный, как вскипающее молоко, я решал, что камня на камне не оставлю от позорно проигрывающей команды, выведу на чистую воду судью, прозевавшего офсайд, пропесочу тренера с

его трусливым планом, ткну носом знаменитостей в их ученические ляпы. Все эти зароки я давал про себя, молча, сжимая кулаки и смиряя дергающиеся колени. Однако предусмотрительно ни товарищам своим по ложе прессы, ни близким знакомым — болельщикам не говорил ни слова. Эмоции — ладно, от них никуда не денешься, это наша слабость, которую надо переломить. И, оказавшись во власти переживаний, знал, что возбуждение уляжется, схлынет, все встанет на свои места и за машинку сяду с ясной головой, проигрыш из «позорного» станет объяснимым, достоинства противника несомненными, ошибки судьи отменит замедленный телеповтор.

Всему этому еще предстояло научиться. А тогда, в пятьдесят четвертом, мне ничего не стоило выхватить шашку наголо, не подумав, что смазанный пенальти не дает права обрушиваться на признанного мастера, не разузнав, почему ему не удался сезон (причины, разумеется, были), не желая помнить, сколько побед «Спартаку» приносили забитые им голы в пяти предыдущих сезонах.

Так что и эту, по размеру крупную, статью дебютом считать совесть не позволяет.

В следующем, 1955 году по-прежнему футбольная тема шла для меня урывками, между многими другими. Но отчеты о матчах «Торпедо» — «Руда Гвезда» (Братислава), «Спартак» — «Партизан» (Белград), «Спартак» — «Вулверхэмптон» (Англия), которые мне доверяли, были приближением к настоящей работе.

И вот 23 октября. На стадионе «Динамо» матч сборных команд СССР и Франции. Он был всего тринадцатым по счету для нашей сборной, одним из тех, которые принесли советскому футболу международное признание. В памяти он остался красочным, веселым и добрым. Право первого удара по мячу было предоставлено киноактеру Жерару Филипу, чрезвычайно популярному у нас благодаря сыгранным им ролям Жюльена Сореля, Фабрицио, Фанфана-Тюльпана. Судил англичанин Артур Эллис, тогда самый известный из судей. Среди французов звезды — вратарь Реметтер, защитники Марш, Жонке, нападающие Копа, Пьентони, Вэнсан. И у нас немало тех, кем мы гордились,— Нетто, Стрельцов, Симонян, Сальников, А. Ильин, Татушин. Не было, правда, Яшина: он за неделю до этого был удален с поля в финале Кубка и отбывал дисквалификацию. Но и Разинский, его заменивший, вратарь-красавец, срывал аплодисменты. В общем, парад да и только!

«Советский спорт» отвел матчу, если перевести на нынешний формат, целую полосу. Там расположились поминутная стенограмма матча; схема всех нанесенных обеими командами

ударов по воротам; отзывы об игре тренеров Г. Качалина и А. Батэ, судьи Эллиса, игроков Марша и Реметтера; репортаж о том, как переживали на трибунах Жерар Филип (ему понравились Реметтер, Нетто и Татушин), актрисы Дани Робэн (Разинский!) и Николь Курсель (Татушин!); пять хороших снимков фотокорреспондента Олега Неёлова. Это не было расточительством газетной площади — и матч того стоил, да и любители футбола получили подарок, который звал их снова на стадион. Сейчас мы протокольно, скуповато освещаем самые большие матчи, зато щедро тратим место на обсуждение вопроса, как привлечь зрителей.

На этой полосе мне поручили изложить свои впечатления. Сознаюсь, я с большим опасением достал с нижней полки книжного шкафа ту пожелтевшую газету. Ну, как забракую?

Но нет, ни стыдно, ни смешно мне не стало.

«Французский футбол до матча сборных был нам куда менее знаком, чем французская кинематография. «Жиронда», гостившая у нас прошлым летом, теперь это можно сказать определенно, показала нам далеко не все лучшее, чем располагает футбол Франции. И вот в ответственнейшей встрече главных сил — ничья.

Чем привлекательна игра французов? Прежде всего бросилась в глаза прочность и стойкость линии защиты, возможно, это оказалось неожиданным для нашей команды. Нет, французы играли не по зональному принципу, как сообщалось в программе, выпущенной к матчу, а напротив, бдительно сторожили каждый «своего» нападающего. В атаках они не стремились создавать численный перевес. Но и малым числом они действовали умело и остро. Французские нападающие подолгу удерживали у себя мяч, как бы размышляя, что предпринять. Затем кто-либо один резко шел вперед, пытаясь на ходу обыграть наших защитников. Именно так они забили оба гола. Первый раз это сделал кандидат в сборную мира центральный нападающий Копа, потом левый полусредний Пьентони. Расчетливые, экономные выпады удавались французам благодаря уверенному владению мячом.

Наша команда лишь в отдельных эпизодах была похожа на себя. Ей не удалось предложить свой привычный стремительный темп, редки были фланговые широкие атаки. Как только Татушин прорвался с мячом к угловому флангу и оттуда послал мяч в центр, последовал гол, спокойно и точно забитый Симоняном. Но большей частью советские нападающие атаковали кучно, каждый стремился занять позицию в центре напротив ворот».

Что ж, с тех пор и до сегодняшнего дня немало матчей не было выиграно нашими командами из-за того, что оставались в

забвении фланговые атаки, нападающие сбивались в кучу в середине и быстрый темп не выдерживался до конца.

Вот и найден день, с которого, как мне кажется, я могу начать отсчет исполнения профессиональных обязанностей футбольного репортера.

Спустя несколько месяцев, летом 1956 года, вошли в строй Лужники, и стадион «Динамо» сдал свои полномочия главного. Основные футбольные события пошли в новых, величественных, декорациях.

Болельщицкому житью пришел конец. Вскоре мне предложили штатную должность разъездного корреспондента. Отец был дома, в его документах хранилась справка, что освобожден «за отсутствием состава преступления». Анкета моя приобрела безупречный вид, меня ввели в состав редколлегии «Советского спорта», еще через год назначили заместителем главного редактора. А летом 1958 года я был командирован впервые за границу и сразу — на чемпионат мира по футболу, в Швецию. Тем самым я окончательно был утвержден в звании футбольного обозревателя. Но подробнее об этом позже.

На стадионе «Динамо» приходилось бывать пореже, чем раньше, и сидел уже не на «востоке», а на «севере», в ложе прессы. Когда я сейчас езжу в Лужники, по дороге я обычно размышляю о предстоящем матче, привожу себя в рабочее состояние. Если же еду на «Динамо», то, хочу того или нет, обращаюсь к годам юности, к друзьям своим, к футболу, который жил не в разуме, а в сердце. Ни «Маракана», ни «Уэмбли», ни «Уллеви», ни «Ацтека», ни «Ривер-Плейт», ни «Сентенарио» сделали меня футбольным репортером, а «Динамо». Стадион — отчий дом, милое место, где все началось.

ИСКУССТВЕННОСТИ ЛЬДА

Сразу после войны на нас, болельщиков, обрушилось новое наваждение — хоккей. Называли его сначала «канадским», чтобы отличить от старого, русского, а когда он переманил к себе весь люд, готовый мерзнуть на трибунах, стали звать просто «хоккеем», тем самым признав его торжество. На матчи по русскому хоккею в довоенные годы мы ходили изредка, когда уж очень тоскливо становилось без футбола, да и то лишь в сравнительно теплые дни. А тут — в любой холод и не ради замены футбола, а из интереса к этому самому хоккею. Словом, любовь с первого взгляда.

К хоккею у меня как у репортера сложное отношение. По зову сердца влился в ряды его болельщиков с самого первого чемпионата, с увлечением писал о нем, затем отказался писать, перестал ездить на матчи, пересел к телевизору, а в последнее время включаю его в часы особо разрекламированных встреч, три-четыре раза в году.

И в этом случае пойду по порядку.

Это нынешние болельщики сдают шубы в гардероб, усаживаются в кресла и лакомятся мороженым. А начинался хоккей под открытым небом, и с термометром сверяться не было принято.

Полукольцо Восточной трибуны стадиона «Динамо» можно было принять за кипящий котел. Остро сверкал в глубине подсвеченный, живой, настоящий лед, клубился пар от дыхания тысяч людей, не смолкал топот ног на деревянных, прокаленных морозом до ксилофонной звонкости скамьях, темные ряды зрителей ритмично раскачивались. Но кипение обманывало, скоро ты промерзал весь, от ног до носа, и теплоту хранило только то, что называют душой. Еще в метро узнавали болельщиков по валенкам, буркам, ватным брюкам, шарфам, повязанным вокруг поднятых воротников, меховым варежкам. Бесформенные, грузные фигуры обнаруживали медвежью прыть, когда выскакивали из вагонов и мчались к эскалаторам.

Позже, бывая в раздевалках и наблюдая, как хоккеисты обстоятельно прилаживают на себе боевую амуницию, я вспоминал, что и мои болельщицкие приготовления занимали не меньше времени, и я, как игроки, раздавался вширь.

По заведенным тогда порядкам рабочий день в «Комсомолке» начинался в два часа дня и продолжался до одиннадцати вечера, нередко мы и ночами дежурили за своими столами. Так что на хоккей мы с Шатуновским отпрашивались с клятвенным

обещанием по возвращении отсидеть, сколько нашему редактору будет угодно. Однажды подошел час ухода на «Динамо», а редактора нет, застрял на заседании. Подумали-погадали мы с Ильей и решили улизнуть без спроса. И вот по длиннющему, ярко освещенному, с натертым паркетом, парадному правдинскому коридору неслышно направились к выходу две закутанные, толстенные фигуры в валенках. А навстречу — наш редактор, Юрий Константинович Филонович, вышагивает быстро, четко. Человек он воспитанный, деликатный, но напрочь чуждый спортивным страстям. Увидев своих сотрудников в таком виде, он растерялся. Мы завели было нестройным дуэтом свои объяснения, а он и слушать не захотел. На его лице испуг.

— Сейчас же — по местам! — И зачастил в своих легких ботиночках. Мы повернулись и поплелись за ним. Лопнул наш хоккей. Когда потом мы втроем благодушно вспоминали этот случай, наш редактор, желая оправдаться, повторял одно: «Вы и представить не можете, как дико выглядели!».

В ту далекую, прямо-таки неправдоподобную пору на наших глазах возникшего, пронизывающего новизной и холодом хоккея самые прекрасные и возвышенные болельщицкие переживания были связаны с Всеволодом Бобровым, которого на трибунах иначе как Бобром не величали.

Бобров создал колдовство хоккея. Новой игре повезло, что она началась с ним во главе. Верно, конечно, что каждый из тех, кто на льду, равно необходим. Верно и то, что согласованная, разумная, отрепетированная игра импонирует нам, удовлетворяет желание видеть «порядок». И все же привораживает нас игрок выдающийся. Им восторгаются, его любят, его ждут.

Юношей я видел в Малом театре Остужева в «Отелло» и «Уриэле Акосте». Полагаю, что спектакли были прекрасно поставлены и все актеры хорошо играли, а помню одного Остужева. Не возьмусь рассуждать о его искусстве. Одно знаю: Остужев ни на кого не был похож движениями, голосом, блеском глаз. Он не играл, ремесло не выглядывало из-за спины, он выходил на сцену, гортанно, певуче произносил первое слово, и чудо свершалось: зал видел Отелло и верил ему беспрекословно. Этот артист дарил людям театр.

А Бобров преподносил хоккей. Вот он выезжает на лед, небрежно волоча за спиной клюшку. Большеголовый, курносый (это видно и с верхотуры), вроде бы крупный, внушительный, однако в фигуре его какая-то необычная гуттаперчевость, он весь изгибается, как бы струится. Размашистый разбег—и Бобров не объезжает, а огибает, обтекает защитника, не давая до себя дотронуться. До сих пор можно услышать, что забросить шайбу,

объехав сзади ворота, — прием Боброва. Удается это нынешним мастерам изредка, а Боброву маневр давался благодаря длинному, змеиному движению. Он успевал обогнуть ворота раньше, чем вратарь —кинуться из одного угла в другой. Суетливую, кропотливую работу, на которую у хоккеистов уходят все силы, Бобров не считал для себя обязательной. Наставал миг прорыва, и тут вся его скрытая, сбереженная энергия взрывалась, и он по тайной, одному ему ведомой и доступной извилистой ниточке, клонясь из стороны в сторону, каким-то чудом устаивая, иногда на одном коньке, шуруя клюшкой то широко, то меленько, как ему было с руки, обводил, обманывал, обгонял — и вырастал перед воротами. Запомнилось, как в матче со «Спартаком» он, сметенный защитниками, паря в воздухе параллельно льду, ткнул-таки шайбу кончиком крюка и забил гол.

Говорят, теперь Боброву не видать бы приволья: и вратари надежнее, и защитники суровее, и опекуна, шустрого, назойливого, постылого «ухажера», к нему бы пристроили, да и вообще, нынче хоккей «контактный», тесный, не разбежишься. Может быть. Но как стайер Владимир Куц, как гимнастка Лариса Латынина, как штангист Юрий Власов, пусть со временем побежденные и превзойденные, надолго остались символами, так и Всеволод Бобров до сих пор для меня олицетворяет хоккей. Он делал все мыслимое и немыслимое и дал нам понять, какая красота движений возможна в коробке катка, посреди грубо сшибающихся тел. Не боюсь сказать, что второго Боброва не будет.

Бобров из тех героев, чья участь — одним своим именем вызывать доверчивое поклонение и у тех, кто его не видел на льду. Он заслужил эту участь. Даже если бы у меня появилось желание хоть в малой мере, в пустяках найти изъян в его хоккейном искусстве (а у нас не упускают случая это делать, говоря о звездах), я был бы бессилен.

И тем не менее судьба его сложилась не безупречно. Не ледовая, а человеческая. В начале 1950 года Бобров из ЦДКА перешел в клуб ВВС. Болельщики не приняли его в другой, полосатой, форме, какие бы подвиги он ни продолжал совершать, несмотря на то, что вэвээсовцы в трех чемпионатах подряд, до того как их расформировали в пятьдесят третьем, становились первыми. И сколько раз приходилось слышать на трибунах скандирование: «Бей Бобра!» Грубость, хамство, неблагодарность? Несомненно, если иметь в виду великого хоккеиста Боброва. Готов согласиться и с тем, что переходил он в ВВС, имея на то свои уважительные резоны. Да и что, казалось бы, особенного, сменил один армейский клуб на другой.

Но причина глубже. Новоявленный клуб ВВС подавляющее большинство болельщиков —цээсковских, динамовских, спартаковских, людей испытанных, твердых в принципах, — не приняли. История старая, сейчас память о ВВС музейная, хранится в справочниках. Но история не бесстрастная, не прощенная и не безразличная.

Клуб ВВС возник из ничего, на ровном месте. Многотысячное население трибун было прекрасно осведомлено, что командующий ВВС Московского округа В. И. Сталин—спортивный меценат. Да и видели его едва ли не на каждом матче стоящим особняком, поодаль от свиты, как рисовали полководцев на старинных батальных полотнах. И ясно было, что ему в его самолюбивом увлечении практически все доступно.

Мне приходилось слышать, что созданный на широкую ногу клуб ВВС помог развитию спорта в те трудные, бедные годы. Может быть. Твердо знаю другое. В спорте существует вечный соблазн приобретать победы, призы и медали, не считаясь с добропорядочностью. Этот соблазн обеспечивается снисходительной уверенностью, что блеск приобретенного затмит в глазах наивных, легковерных, восторженных созерцателей закулисные тайны постановок побед — «любой ценой». Верно, одни похлопают, погалдят, восхитятся. А кто- то смолчит, затаит в душе обиду. И на каких весах измерить, что перетянет?

Так сложилось, что спорт, создававшийся на благородных началах, как бы на некоем возвышении над суетой каждодневности, принято идеализировать, подразумевая, что все в нем должно происходить непременно честно и чисто, что уж его-то нравственность не в пример тому, с чем мы сталкиваемся на каждом шагу, не вызывает сомнений и только в этом случае он чего-то стоит. Я нисколько не боюсь этих слов, кажущихся, возможно, выспренными. Уверенность в безупречности, порядочности всего происходящего на спортивных аренах и вокруг них не меньше, если не больше, чем медаль, важна зрителю — болельщику.

В традиционном, устойчивом, с крепкой сопротивляемостью футболе вновь созданной команде ВВС, несмотря на привлечение ряда известных мастеров отовсюду, не суждено было подняться выше заурядности. В молодом, неустоявшемся хоккее, где выбор игроков невелик, клуб летчиков быстро выдвинулся на первые роли. Фокус нехитрый: в ЦДКА, «Спартаке», «Динамо», «Крыльях Советов», в Риге, Ленинграде, Челябинске перехватывали лучших игроков, а то и сразу целые звенья. Уже одно то, что после трехлетнего самозванного владычества (1951 — 1953 годы) клуба ВВС, когда он заодно со сталинским культом личности приказал

долго жить, хоккей наш благополучно набирал силу и без него, доказало необязательность своевольной затеи.

Всегда сочувствуешь безвестной команде, пробившейся наверх и задающей трепку именитым. Если же выдвижение обеспечено протекцией либо безмерными посулами, это оскорбляет чувства болельщиков и искажает естественное развитие событий: у дутых величин оказывается и дутая мускулатура. Такие команды, хотя обычно они недолговечны, успевают оставить о себе недобрую память. Да и как их забыть, если, живя за счет других, паразитируя, они вступают в непримиримый конфликт с общественным мнением. Добытые ими некогда медали никто и не вспомнит, кроме архивариусов, а обиды, ими нанесенные, отзываются десятилетиями.

Клуб ВВС можно считать классическим примером эгоистичного, неразборчивого, всесильного меценатства. Мне кажется, именно тогда был создан прецедент и, если с тех пор и не возникало ничего равного по масштабу, сама идея вмешательства «отдельных лиц» в спортивную жизнь стала опасно притягательной и заманчивой. Да и живучей.

Слава Боброва, игрока и человека, устояла. В 1954 году он снова в ЦДКА: капитан сборной и герой первого выигранного ею чемпионата мира. В поздних «поминальниках», куда отбирают одно лестное, не возвращались к вэвээсовским сезонам Боброва, когда трибуны ему свистели — что на хоккее, что на футболе. Но как же глубоко были задеты, оскорблены болельщицкие чувства, если даже Боброву не простили переодевания в форму другого цвета!

Один из первых своих спортивных очерков я написал весной 1950 года о хоккеистах ЦДКА, ставших чемпионами. Задание «Советского спорта» мне пришлось по душе, ведь было известно, что несколько самых лучших из этой команды, во главе с В. Бобровым, уже в ВВС. Тогда завязалось мое знакомство с тренером армейцев Анатолием Тарасовым. Он был первым из известных тренеров, с кем я один на один вел беседы.

Трижды — в 1961 году в Лозанне и Женеве, в 1963-м в Стокгольме и в 1964-м в Инсбруке — был я специальным корреспондентом «Советского спорта» на чемпионатах мира по хоккею. В те годы я охотно писал об этой игре, издал две небольшие книжки.

Хоккей тех лет мне памятен остро. Если в Лозанне и Женеве нашу сборную непринужденно превзошел канадский любительский клуб «Трейл смок интерс» (сейчас это трудно вообразить!), если в Стокгольме наша сборная после долгого перерыва выиграла золотые медали, хоть и отважно сражаясь, но

все же благодаря тройному совпадению обстоятельств в последний день (ничья в матче ГДР — США, победа Чехословакии над Швецией и наш выигрыш у Канады, как по заказу — с разницей в две шайбы), что иначе как неслыханным везением не назовешь, то, начиная с Олимпиады в Инсбруке, наши захватили всю власть. Проигрыш даже не чемпионата, а одного матча был всем на диво.

В годы воцарения советского хоккея выделялись армейская и спартаковская тройки: Локтев — Альметов — Александров; Старшинов — братья Борис и Евгений Майоровы. Они стояли плечом к плечу в сборной. И не было для них большего удовольствия, чем переиграть друг друга, когда встречались их клубы. Тренеры ЦСКА и «Спартака» их иногда на льду разлучали, пускаясь на хитрости ради победных очков. Тренер ведь режиссер, который должен уметь поставить победу, обо всем остальном, в том числе и о вечных, нетленных ценностях и красотах хоккея, он охотно рассуждает, если победа в кармане.

Когда всё же эти звенья сходились на льду, мы получали выставочный хоккей. Если Бобров явил миру искусство одного хоккеиста, то тут возникла иная стихия игры. В той и другой тройке хоккеисты, борясь, сталкиваясь, падая и вставая, ни на миг не теряли между собой связи. Не знаю, видели они друг друга или угадывали. Скорее угадывали. И у тех и у других ворот вычерчивались когда простые, а когда и запутанные линии пасов и перемещений: выходом, решением, счастьем был бросок по воротам. Каждая из троек, как и их приверженцы, вела свой счет соперничества. И все же арифметике в данном случае полагалось помалкивать. Тут перекрещивались изящное мастерство, самолюбие, характеры. Тройки сходились, чтобы побеждать. Но в равных боях, которыми можно было любоваться бесконечно, они, сами того не подозревая, еще и показывали себя, как бы заявляя: «Вы хотели увидеть хоккей? Извольте!..»

С противником послабее, выигрывая в счете, не выиграешь в совершенстве игры, только равным по классу дано вместе славить хоккей. Позже вершиной, украшением чемпионатов сделались поединки армейцев Харламова, Петрова и Михайлова со спартаковцами Якушевым, Шадриным и Шалимовым. А еще позже, когда в ЦСКА создалась очередная образцовая тройка — Макаров — Ларионов — Крутов, ей пришлось выступать, по сути дела, в одиночестве, вне конкуренции. Успехом стало считаться, если какому-то звену удавалось ее сдержать, а о том, чтобы переиграть, и речи не заводили. ЦСКА год за годом становился чемпионом задолго до конца турнира, и как зрелище, как загадка хоккей стал оскудевать.

Тут начальственные лица, недовольные, что трибуны московских залов полупусты, принялись искать причины, самые разные. И договорились до того, что виноваты журналисты, недостаточно заманчиво изображающие хоккей, который, по их разумению, красочен сам по себе, да и дает возможность полюбоваться на избранных мастеров. Беспомощные, наивные претензии. Борьба — воздух спорта, без нее он задыхается. Ею, борьбой, он вызван к жизни, взращен, она придает ему смысл и одаряет всеобщим вниманием. Отвлеченные спортивные композиции всерьез и надолго занять нас не в состоянии. И если есть у спорта что-то приближающее его к искусству, то это сюжеты нерассудимой, непредсказуемой борьбы, в которой различимы не столько приемы, сколько люди.

Вернусь к тем тройкам, которые запали в душу, о которых мне приходилось размышлять, чтобы писать. Тройки были разными. И по тактическому рисунку, и по человеческому самовыражению. Армейская была проницательна и мудра, спартаковская — порывиста и интуитивна. Такими же я видел этих людей и в часы не хоккейные. Александр Альметов, Константин Локтев, Вениамин Александров — сдержанные, владеющие собой, рассудительные, наблюдательные, молчаливые. Борис и Евгений Майоровы, Вячеслав Старшинов — легковозбудимые, резкие, вечно чем-то обеспокоенные, спорящие, доказывающие, обидчивые.

Не возьмусь взвешивать, какая из троек перетянула бы. Напрасное, неблагодарное да и некорректное побуждение. Условимся — в хоккейном выражении они были равны. Но как же они отличались своей судьбой! Тройка Альметова имела за спиной прекрасно слаженную армейскую команду, привыкшую побеждать. Эта тройка не была картой, на которую ставилось все, она увенчивала свой ЦСКА, придавала ему блеск. Тройка Старшинова замахнулась на невероятное. Для нас, зрителей, невероятное, а они трое, наверное, только бы и сказали: «А как же иначе, для чего живем?»

Познакомился я со спартаковцами в 1961 году на чемпионате мира в Швейцарии, где впервые оказался хоккейным спецкором «Советского спорта». Тройку Старшинова тогда впервые ввели в сборную. Возможно, меня как новичка привлекли хоккеисты-новички. Советская команда на том чемпионате заняла третье место, что, конечно, явилось жестокой неудачей. И тут я застаю спартаковскую неразлучную троицу в автобусе на задних сиденьях хохочущей. Они разглядывали свои бронзовые медали и веселились, что в тот грустный день выглядело более чем странно. Мне было заявлено без тени смущения: «А мы и таких не

видывали, первые в жизни!».

Со своих мальчишеских лет они не были избалованы, их «Спартак» застрял во второразрядных. И по мере того, как эти трое подрастали и мужали, начала карабкаться в гору и их команда. С обязанности хорошо играть, на которой для большинства мастеров все и замыкается, их роль только начиналась. Эти колючие, заносчивые сокольнические парни, с детства и на всю жизнь поверившие в «Спартак», как в бога, потащили его за собой.

Нелегкий крест им достался. На льду это выглядело так: и в меньшинстве, и в большинстве — майоровская тройка, все решающие голы — ее, если надо спасать матч—опять она, почти без передышки. Они были двужильные, эти парни, без доспехов, никакие не ледовые рыцари, а трюкачи, искусники, конечно наделенные неугасимой спортивной гордыней. Знаю, полагалось бы упомянуть и других, кому обязан «Спартак» взлетом. И все-таки красно-белый флажок несла эта тройка. Он то опускался, то вздымался, но ни разу его не видели приспущенным. Сначала благодаря им «Спартак» стал «командой одной тройки». Мало-помалу креп, появлялись молодые игроки, привлеченные дерзостью вожаков.

В 1962 году «Спартак» прорвался в чемпионы. Все висело на волоске, Евгений Майоров в самом конце самого важного матча с ЦСКА забросил самую важную шайбу. И несколько лет «Спартак» безбоязненно, как равный противостоял могучему ЦСКА, не давая угаснуть огоньку конкуренции. В 1967 году, имея на тренерском мостике Всеволода Боброва, снова выиграл чемпионат. Думаю, что то были лучшие, благополучные годы нашего хоккея. Подтверждается это просто: с 1963 по 1971 год советская сборная девять раз подряд становилась чемпионом мира, легко, без натуги, не зная кризисов и сомнений. Она представляла хоккей, в котором горел дух борьбы.

Старшиновско-майоровская тройка постоянно играла на нервном, эмоциональном пределе, ей не на кого было надеяться, кроме как на саму себя. И ничего удивительного, что все трое обостренно воспринимали каждую малость в игре, в действиях партнеров и противников, в судействе, горячо реагировали на любую неправильность. Тогда даже был изобретен не слишком честный тактический вариант — «завести Майоровых». Но и это вытерпели три мастера необычайной судьбы, наделенные тончайшим по чести и по совести восприятием хоккейных коллизий. Мне кажется, что то восприятие много лет спустя помогло Евгению Майорову стать телекомментатором, который не позволяет себе, да и просто не способен отклониться хоть на

йоту от справедливости.

Об этом вспоминаешь и с удовольствием и с печалью. Нынче в хоккее воцарился дух покорности судьбе, нет тренеров, которые бы «восстали» и на радость зрителям, заждавшимся острых переживаний, поспорили бы с ЦСКА, бессменным чемпионом. А сборная тем временем изведала и кризисы и сомнения.

Единственное в своем роде свершение удалось спартаковской тройке во славу хоккея!

Есть еще человек, чья роль исключительна: Анатолий Владимирович Тарасов. Полковник, много-много лет тренер самодержавного клуба ЦСКА. Теоретик, автор целой полки книг, кандидат педагогических наук. Журналист, выступающий в печати не только основательно, но и с самолюбивым желанием выглядеть литературно самобытным.

Давным-давно сошлись мы с ним у стола для пинг-понга в подвале редакции «Советского спорта» на Ленинградском шоссе. Несколько пробных ударов, и мне ясно, что я «техничнее» и должен выиграть. Как и предполагал, партия за мной.

— Еще! — отрывисто, тоном приказа произнес Тарасов.

По праву победителя я снисходительно пожал плечами.

Дальше началось непонятное. Я не стал менее «техничным». Но вдруг почувствовал, что делаю все не так, как надо, а словно бы по заказу Тарасова. Какое- то наваждение, дурной сон. Тарасов не брал ни единой паузы, сыпал удар за ударом, промахиваясь, не восклицал с досадой, а торопил, чтобы я быстрее подавал. И от темпа, отнюдь не любительского, от угрюмого молчания, несвойственного подобным «матчам», от нацеленного на меня с другого конца стола упрямого лба противника, от нежданно возникшей драматичности я понял, что помимо желания оказался участником какого-то чрезвычайного события. Я не был к этому готов и, делая ошибку за ошибкой, проиграл.

Он припечатал ракетку к столу и с дерзким, ехидным смешком, отчетливо, чуть ли не по складам, выговорил: «Так-то! А вы, небось, решили, что играете лучше...»

Тарасов — это великий темперамент. И вдохновенный, и перебарщивающий, и ведущий к постижению, и упорствующий в заблуждениях. В чем угодно — он неизменно темпераментен, открыто, не замаскированно, не сглаженно. Он смолоду учился на футбольного тренера, да и ревниво неравнодушен к футболу.

Меня нисколько не удивило, когда он в 1975 году вдруг дерзнул стать тренером футбольной команды ЦСКА. Самонадеянность его была привлекательна отвагой, риском.

Я внимательно следил за ним на протяжении того года. Поначалу важный, сановитый, с усмешкой криво загадочной,

которая должна была убедить окружающих, что ему, прославленному хоккейному воеводе, не составит труда водить в походы и футбольную рать, он неделя за неделей, месяц за месяцем выглядел все более растерянным, осунувшимся, фанаберию сдуло вместе с усмешкой. Не мог он, привыкший, что хоккейные коллеги внимают ему с трепетом, не чувствовать одиночества, изоляции. Для футбольных коллег он был чудак, пожилой и начинающий, они и к хоккею-то в своем большинстве относились снисходительно, как к игре маленькой и простенькой, ничего общего с громадным и сложным футболом не имеющей, да еще раздражавшей своими легкими успехами, в которые дилетанты тыкали их носом. На послематчевых пресс-конференциях, в то время обязательных, Тарасова, чья команда чаще проигрывала, чем побеждала, слушали с иронией и, что бы он ни произнес, аудитория улыбалась: «Говори, говори, это тебе не хоккей». ЦСКА как был до Тарасова тринадцатым в чемпионате, так и с ним остался на том же месте.

Я не жалел его. Наоборот, вся эта история вызывала симпатию. Не получилось? И не беда. Иначе и быть не могло. И не потому, что поздно взялся, да и экспромтом, с налета. Его человеческое естество идеально подходило именно для хоккея, скоростного и азартного. И кипящее самолюбие, которым он отмечен, не вынесло бы испытания долготерпением, необходимым футбольному тренеру, знающему, что абсолютного первенства быстро и надолго никому не дано добиться. А в хоккее, в сильнейшем, прочном клубе, полновластие оказалось достижимо. И в таблицах, и в теории, и в печати, и в публичном признании.

Большая удача, что Тарасов всего себя отдал хоккею, с первых его шагов у нас. Вместе с ним взмыл на гребне победной волны и получил от него все, что положено лауреату «Гран-при»: известность, почетные звания, право быть высшим судьей в проблемах игры. В Канаде его называют «отцом советского хоккея», по его книгам там учатся, его методы тренировки перенимают.

Сезон 1970 года ЦСКА начал без него.

— Почему ушли? — спросил я его при встрече.

— Здоровье, нервы... Губит меня тренерская скамейка. Не выдерживаю волнений.

— Не верю, вернетесь.

— Год передышки — наверняка.

Он вернулся спустя три месяца. И команда, до этого вялая, разрозненная, проигрывавшая более слабым, казавшаяся устаревшей, чуть ли не вчерашним днем хоккея, с первого же

матча под его началом принялась побеждать и заиграла, как и раньше. И никто не удивился перемене: устной молвой Тарасов был давно возведен в сан всемогущего хоккейного владыки.

Человек крутого, противоречивого, изменчивого нрава, человек не без коварства, Тарасов, сам о том не помышляя, создал нечто вроде моральной проблемы: что простительно, чем можно пренебречь в человеческих отношениях ради побед, ради игры высокого класса? Речь не о прописных вещах, не о выпивке, курении, сквернословии, расхлябанности... У Тарасова со многими функционерами, тренерами, бывшими игроками, журналистами были либо вконец порванные, либо надтреснутые отношения. Его версия: «Я превращаю безвестных игроков в чемпионов, да, я неумолим, безжалостен, но пусть хоккей, один хоккей с его высшими интересами, нас рассудит». Их версия: «Мы прекрасно знаем, что он выдающийся тренер, все им содеянное — на виду, но разве нельзя одновременно быть человеколюбивым, великодушным, не считать, что за успехи все спишется?»

Думаю, неспроста на тех мировых чемпионатах, на которых нашу сборную единолично возглавлял Тарасов, она первой не становилась. Когда же старшим тренером поставили Аркадия Ивановича Чернышева, человека уравновешенного, спокойного, с повадками старого московского интеллигента, а Тарасов был при нем вторым, дела пошли на лад. Хоть и видывал их в работе на чемпионатах мира, не возьмусь судить, каким образом сливались воедино эти два разных человеческих начала. Но сливались. Тарасов обострял, Чернышев сглаживал, и получалось как надо. Поначалу Тарасов, как мне кажется, несколько тяготился тем, что он «второй», а потом смирился, практичность сосуществования стала очевидна и для него. Тем более что общественное мнение без него, второго тренера, дуэта не мыслило: дома-то Тарасов со своим ЦСКА оставался первым, а Чернышев со своим «Динамо» — хорошо если вторым, а то и третьим.

Душевные соприкосновения людей в моменты наивысшего напряжения сил и нервов, в разгар конфликта привлекали и, чем дальше, будут привлекать к себе еще сильнее. В спорте эти соприкосновения и наиболее заповедны, и наиболее интригуют. Расхожий афоризм «победителей не судят» произведен на свет как широкий жест всепрощения в момент долгожданного торжества. Афоризм шикарный. Да только слишком далеко он уводит.

Спорт разведывает возможности тренированных людей, это несомненно. Но гонка за победами вынуждает порой опережать эти возможности. Тогда нарушается смысл спорта, он уходит от людей в область затаенную и секретную, о которой помалкивают.

Думаю, что на этом направлении его поджидает тупик;

мнится момент, когда придется заворачивать оглобли и выезжать снова на прямую магистраль. Рассуждение, понимаю, общего характера, но невольно оно напросилось, коль скоро было упомянуто, что одним из многообещающих и надежных резервов являются поиски наилучших человеческих отношений. Про одного тренера мне говорил его сподвижник, наблюдательный и знающий: «Он никогда не выведет команду в чемпионы — для этого людей надо объединять, а он разъединяет, ссорит».

Тарасов создал лучший наш клуб, руководил сборной, когда она обосновалась на вершине любительского хоккея, изобрел оригинальные методы тренировок, обладал даром так готовить и нацеливать игроков, что они в каждом матче, без исключения, не давали противнику ни передышки, ни поблажки — всего этого более чем достаточно, чтобы признать его заслуги выдающимися.

Он пошел дальше: взялся объяснять и обосновывать хоккейную игру. Незамысловатая, она под его неугомонным пером стала приобретать облик игры тончайшей и бесконечно разнообразной. Он расчленял, анатомировал азартную стихию гонки и столкновений, чтобы выделить, подчеркнуть тактическую гармонию и целесообразность. Читая его книги, люди стали с любопытством приглядываться к хоккею, задумываться.

И от чтения напористых работ Тарасова и от разговоров с ним у меня обычно оставалось ощущение, что ему в хоккее тесновато, что он дует в шарик, который уже не в состоянии больше раздуться. Перед одним из чемпионатов мира по футболу мы говорили по телефону, и мне запомнилась его фраза, сказанная едва ли не с болью: «Слушайте, как я вам завидую, у вас даже сборная Перу и та интересна...». В его трактовке хоккей выглядит много сложнее, чем он есть на самом деле, в своих книгах он напридумывал больше, чем способна воспринять эта игра. Тактические варианты хоккея ограничены размером катка, числом действующих лиц (пять на пять), распределением обязанностей между ними. Тарасов вводил, как он выражается, новые мотивы. Одному из нападающих присвоил наименование «полузащитника», одну пятерку клуба назвал «системой» и уверял, что она играет особенным образом, но, по-моему, никто, кроме него самого, этого не разглядел. Его влекло к новинкам, выдумкам, да борта тесны... Однако порядок в командных действиях он выдерживал всей силой своей темпераментной убежденности, и имел благодаря этому явные выгоды. Может быть, и Бобров, уникальный игрок, его задевал, не давал покоя, потому что тот пренебрегал стройными исчислениями, «просто», по-своему всех обыгрывал и забивал, не мудрствуя лукаво.

На протяжении многих лет шла дискуссия между Анатолием Тарасовым и Николаем Эпштейном. Любопытна она была скорее не сутью своей, а исполнением, аргументами, поскольку оба спорщика — люди незаурядные, самостоятельно мыслящие. Да и обязательно надо иметь в виду, что они футбольные по происхождению люди. Дискуссия не завершилась, да и не могла завершиться. Она не была умозрительной и, кроме газетных страниц, развертывалась и на ледяных прямоугольниках. Тарасов представлял ЦСКА, Эпштейн—«Химик». Казалось, какие могут быть противоречия между тренером суперклуба и тренером скромной команды из подмосковного Воскресенска? Однако спор шел не на жизнь, а на смерть.

Тарасов, выступая с позиции силы, предъявлял Эпштейну, который занимал позицию слабого, обвинение в том, что его команда играет «неправильно». Тарасов проповедовал хоккей атакующий, когда команда никого на свете не опасается, большую часть любого матча проводит в наступлении. Тарасовский ЦСКА так и играл, такой игрой он добыл себе первенство дома, признание за рубежом. А «Химик», видите ли, не желает играть в том же ключе и ищет, как бы ему защититься от прославленных чемпионов, а при случае, исподтишка, их запутать и обмануть. Эпштейн со своей подмосковной командой разработал способ игры, называемый «игра от обороны», когда за игроками противника устанавливается неусыпный надзор, когда их навязчиво и надоедливо преследуют, когда команда первым делом гасит пламя атак на свои ворота, а потом, сбив противнику игру и дыхание, норовит извернуться и нанести несколько ударов.

И мало-помалу — круговая оборона, два игрока, как постовые, на «пятачке» у своих ворот, бесконечные прижимания шайбы к борту, чтобы выиграть время и погасить темп, ужесточение силовых столкновений, замедленные смены игроков. Все это меняло облик хоккея. На льду становилось тесно, как на узком перекрестке в часы пик. Даже на слух стал другим хоккей: вместо четких синкоп сухих щелчков по льду и шайбе — глухие удары тел о борта.

Как бы мы ни относились к этим переменам, происходили они не по чьей-то злой воле. Одна из вечных игровых загадок: как нам, будучи похуже, обыграть тех, кто получше? А хоккей — из игр крайне чувствительных к доматчевому соотношению сил. К тем, кто слывет посильнее, победа является обычно сама собой, рано или поздно. Скромный «Химик», наверное, остался бы приговоренным к заурядности, если бы не взялся за разгадку. И команда, из которой постоянно (и до сих пор) выхватывали

лучших игроков, где всегда много «приготовишек», тем не менее благодаря паутине, сотканной Эпштейном, иногда покусывала ЦСКА, две трети игроков которого — в сборной страны. Тарасов был убежден, что козни Эпштейна создают игру второго сорта, тянут хоккей назад. Он призывал всех играть так же смело и твердо, как ЦСКА, — это, мол, столбовая дорога. Эпштейн посмеивался: «Нет уж, дудки, нам так играть против заведомо более сильных — все равно, что поднять руки вверх. Мы хотим побеждать, для того и существуем. А как побеждать — это наше дело». Когда «Химику» не удавался его «паутинный» вариант, он бесповоротно, иногда с двузначным счетом, продувал, а если удавался — то мог выиграть «чуть-чуть» или же «сбежать» на ничью, приобретая драгоценнейшее очко.

Не думаю, что одного из участников дискуссии следует объявить человеком передовых взглядов, а другого — отсталых и вредных. Дискуссия была рождена хоккейной явью: в рамках любого турнира сосуществуют команды разной силы, разных возможностей. Одно из несовершенств хоккея, на мой взгляд, как раз и состоит в том, что в нем чересчур много матчей, результат которых мы знаем наперед. Эпштейн был, возможно, первым из тренеров, дерзнувшим замутить воду. Позже его идеи получили права гражданства, «игру от обороны» не раз видели мы на мировых чемпионатах. Бывало, наша сборная, игравшая по Тарасову (сменивший его в ЦСКА и в сборной Виктор Тихонов выдерживает ту же линию), терпела поражения, проведя весь час игрового времени на половине поля противника.

Тарасов, этот архиреалист, вдруг оказался одиноким идеалистом. Позиция у него была красивая. Но она — для той команды, которая заведомо сильнее остальных. И потому для этих остальных — не пример для подражания. Да и эволюцию игры не повернешь декларациями.

Я умышленно упомянул, что участники той дискуссии — люди футбольные, их спор — из футбола. Тарасов был близок к знаменитому ЦДКА послевоенных лет, почитал, как младший, как ученик, его тренера — Бориса Аркадьева. А армейские футболисты в те сезоны, зная себе цену, выходили на поле с открытым забралом, считая своим предназначением переигрывать, атакуя, что им и удавалось. Эпштейн состоял в «Локомотиве», эта команда жила, подобно хоккейному «Химику», по принципу: не до жиру, быть бы живу.

Так что обе спорящие, конфликтующие стороны ориентировались на свои футбольные воспоминания. В футболе неравенство в классе совсем не обязательно выразится в результате одного матча — итог любой встречи гадателен. И сама

игра сложнее, и давным- давно разработана оборонительная тактика. И вполне естественно, Эпштейн свою хоккейную разгадку искал по аналогии с футболом.

Назвав Тарасова идеалистом, таким же вижу и Эпштейна. У обоих были благие намерения, оба по-своему пеклись о будущем хоккея, видимо, смутно чувствуя, что в игре скоростной, дух захватывающей, привлекшей к себе симпатии зрителей, далеко не все ясно и благополучно.

Да, как ни странно, хоккей живет трудно. Его счастьем было, что он прижился и понравился в нашей стране. Представьте так называемый мировой хоккей без советских команд. Пусть существовала бы Национальная хоккейная лига в Канаде и США, как и сейчас, сама по себе. А команды европейских стран разыгрывали бы потихонечку свой чемпионат, и выглядел бы он незаметным, провинциальным. Да и то удивительно, что спустя сорок лет после появления хоккея в СССР на мировой арене все те же действующие лица: Чехословакия, Швеция, Финляндия. Завели хоккей в ФРГ, но силу набрать он никак не может. Из года в год одни и те же противники. Среди них сборная СССР выделяется подобно тому, как в нашем клубном хоккее — ЦСКА. Турнир, заведенный по подобию футбольного и носящий громкое название Кубка европейских чемпионов, для ЦСКА превратился в разновидность приятного туризма.

Совсем удивительно, что хоккей прямо-таки томится, изнывает из-за того, что в нем не выработаны понятия о добре и зле. Громко сказано? Что ж, разберемся. Все знают, что в ходе матча возможны самые вульгарные потасовки, один на один и групповые, что при этом наотмашь бьют в грудь и по лицу, сваливают с ног. На первый взгляд, кулачные схватки караются, для чего служит скамья штрафников. Но послушаем в этот момент телекомментаторов: «Ну вот и осложнения», «Не надо было горячиться», «Это лишнее», «Судьи сейчас разберутся и наведут порядок».

На судей смотреть жалко. Они в отцы годятся хоккеистам, а вынуждены нырять в схватку, разнимать, оттаскивать, рискуя получить нечаянную зуботычину. Потом их еще и обвинят за то, что не доглядели, не приняли мер вовремя. Хоккеисты медленно разъедутся с чувством исполненного долга. Двое, по одному из каждой команды, кого судья признает зачинщиком, усядутся ненадолго на скамью, и их покажут крупным планом на телеэкранах. Комментатор им сочувственно вслед: «Теперь можно успокоиться». И инцидент исчерпан, игра продолжается.

В зале возбуждение, пересуды, смех, словно только того и ждали. Для некоторых хоккей без драк пустоват, пресен. Если

свалка приобретает облик скандала, произносятся обличительные речи. Но все равно, в следующем матче всех, кто махал кулаками, мы увидим на льду.

Расследование происшествий — занятие бесполезное. Кто-то начал, кто-то ответил, другие вступились. Но большей частью все участники заварушки считают себя не только правыми, но еще и молодцами, постоявшими за себя, за товарищей, за команду. Да и тренеры так называемые бойцовские качества хоккеистов проверяют по их умению «дать острастку».

Так ведется исстари, в играх любого уровня. К этому все привыкли. Что бы ни говорили блюстители хоккейного порядка, всем известно, что игрокам не возбраняется подраться. Если представить, что у хоккеистов действовал бы футбольный кодекс, после двух- трех матчей некого было бы выпускать на лед.

Кивают на канадцев: им, изобретателям хоккея, присущи драчливость, буйство, распущенность. Но канадцы играют и в футбол: видели мы их на Олимпийских играх, на чемпионате мира, и ничего плохого сказать нельзя, послушны, как миленькие, всем футбольным запретам.

Вытравить потасовки не так уж и сложно, для этого надо отредактировать, ужесточить правила, безжалостно карать каждого, поднявшего руку. Сложнее другое: прийти к общему согласию, решиться на этот шаг. Так и живет хоккей по единственным в своем роде «моральным» установлениям, каких нет ни в одной другой спортивной игре. Две минуты штрафного времени за право съездить по физиономии на глазах у тысяч людей. Соблазнительная возможность! После этого пойди разберись, где джентльменство, а где хулиганство.

На свою беду хоккей разобщен. Трудно представить, чтобы за стол переговоров сели представители канадской национальной лиги и мировой. Канадцы, судя по всему, довольны тем, как у них идут дела, да и с какой стати им кого-то слушать, если они придумали и подарили миру хоккей. Ради редких показательных встреч с европейцами затевать реформы им ни к чему. Как и ради чемпионатов мира, куда ездят канадцы из клубов, занявших последние места в национальном чемпионате, да еще те, кого удастся уговорить. Даже Олимпийские игры зимы 1988 года, проходившие в Калгари, не соблазнили канадцев выставить сильную сборную, хотя участие профессионалов разрешалось. Так и сложилось, что каждая из сторон считает возможным прожить без другой. Даже размеры катков в Европе и за океаном и то не совпадают, как и некоторые правила.

Только если когда-нибудь берега хоккея, разделенные Атлантикой, сомкнутся с помощью регулярных турниров, в

которых будут разыгрываться главные призы, станет возможным договориться о единых принципах.

Самое большое, лучше сказать громадное, впечатление осталось после серии матчей сборных СССР и Канады в 1972 году. Тут было все, что может пообещать игра. Получилось то, что и должно было получиться: сборная канадцев и советская сборная обнаружили практическое равенство сил при заметном стилевом отличии, что и сделало эту хоккейную «фреску» незабываемой. Замечу, как бы в скобках, что и тогда драк на льду было хоть отбавляй. Не столь существенно, что канадцы имели на одну победу больше, важнее общее впечатление. Желание повторения мучило почитателей игры, как сердечная тоска: «Было ведь, можно же...»

Спустя пятнадцать лет, в сентябре 1987 года, повторение состоялось. В розыгрыше Кубка Канады сборным СССР и Канады довелось провести между собой четыре матча: один в рамках турнира, где между собой встречались шесть команд, и три — в финальной серии. Вот их итоговый счет: 3:3, 5:5 (в дополнительное время шестую шайбу забили наши хоккеисты), 5:5 (теперь шестая удалась канадцам) и 6:5 в решающей встрече в пользу канадцев. Нельзя не вспомнить, что в 1972 году сборная Канады выиграла восьмую встречу в Москве с тем же счетом — 6:5. Как будто бы не прошло пятнадцати лет, как будто бы не выступало на льду другое поколение игроков!

Что же это означает? Думается мне, что эти два крупнейших сражения должны прежде всего унять амбиции и позволить прийти к обоюдному удовлетворению. Нашим нет необходимости горевать из-за маковой росинки проигрыша, а канадцам торжествовать по поводу такой же величины выигрыша. Дальновиднее всего признать, что существуют, к счастью для хоккея, две равные силы, и на них все держится. Все — это благополучие игры. А благополучие — это существование загадки на будущее. В конце концов, чемпионаты мира с хоккейной точки зрения стали пресноватыми, однообразными, приедаются. Хотя изредка командам Чехословакии, Швеции и Канады (не самой лучшей) удается вымучить победу или ничью во встречах с нашей сборной, все же на протяжении многих лет сложилось отчетливое представление, что сборная СССР — фаворит. С ней и играют как с фаворитом: приспосабливаются, ловчат, хитрят, пользуются ошибочками как заведомо слабейшие.

Матчи сборных СССР и Канады (восемь в 1972 году и четыре в 1987-м) одарили хоккеем, какого нигде и никогда больше не увидишь. Перед зрителями были две команды, считающие себя не хуже (а может быть и лучше) противника. С этим сознанием они

обе и вели игру, обе — на победу, только на победу, и в открытую. Отсюда — драматизм, неожиданности и высочайший класс. Посмотришь такой хоккей и печалишься: «Что же он так редок, случаен, ему бы стать регулярным, обязательным?!»

У канадцев хоккей возник сам по себе. У нас он вырос как ответвление от сильного ствола футбола и хоккея с мячом. Отсюда, как мне кажется, и различия. Футбольное начало проглядывает у всех европейских команд, ведь и в Швеции, и в Чехословакии — первоклассный футбол. Канадцы взращены на молодечестве, ухарстве, желании покрасоваться, быть заметными. У них свой набор любимых приемов, включая кулачные. Тамошняя публика, дорого платящая за билеты, и любит своих хоккеистов такими. По выучке канадцы не уступают европейцам, а в чем-то и превосходят. Когда же им приходится противостоять командным, строгим, позаимствованным из футбола маневрам европейцев, они оказываются в чужеродной, загадочной среде и даже не понимают, почему им то и дело туго, несмотря на то, что и катаются, и бьют по шайбе, и обводят, и кидают на борта не хуже, чем приезжие.

Они мало знают о практике сборных команд, детально изученной в Европе, где мировые чемпионаты для сборных разыгрываются ежегодно. Для канадцев сборная — компания игроков, ненадолго съехавшихся накануне выхода на лед. Сборные европейских стран за сезон проводят матчей не меньше, чем клубы. Так что хоккей, несмотря на считанное число стран, его культивирующих, лишен единства, и выражение «мировой хоккей», по аналогии с мировым футболом, ему не по росту. Поэтому и не удивительно, что в хоккее существует рукоприкладство, к которому не знают как подступиться. Негоже драться на глазах у публики, надо бы этот атавизм выжечь. Но как без единства?

Я позволил себе сравнение хоккея и футбола. Но лишь для ясности. Дележ некорректен хотя бы потому, что у нас на хоккейных матчах в большинстве собирается та же публика, что и на футболе. И юноши — с одного двора, из одних школ, приятели — потом расходятся кто в футбол, кто в хоккей. Двойная мораль (одним можно, другим нельзя) — к добру не ведет. Это не довод, что стычки хоккеистов безобидны, схватились и разъехались, никто не пострадал. А аудитория? Наши телевизионщики отводят камеры от сомнительных сцен, и их нетрудно понять: неловко, стыдно.

Понимаю людей, влюбленных в хоккей. Слышу их голоса: «Сколько голов, и темп какой, и схватки, и ничьих не бывает!» А не лучше ли признать, что у этих игр больше различий, чем

совпадений? Смотрите, термины те же: вратарь, нападающий, гол, ворота, офсайд... Однако и вратари несхожи, как и ворота, и нападающие, орудующие клюшками, голы забрасывающие, и офсайд совсем другой. В хоккее счет и должен быть крупнее: шайбе легче прошмыгнуть в ворота, бросают ее руками, и голевых моментов можно успеть создать уйму, передвигаясь по небольшой площадке со скоростью конькобежца-спринтера. В гандболе, скажем, еще больше голов, чем в хоккее, однако я не слышал, чтобы по этой причине кто-нибудь предпочел хоккею гандбол...

Нет, не давайте затягивать себя в водоворот беспредметного, пустозвонного спора о том, какая игра лучше. Футбол и хоккей мало в чем совпадают и ни в одном пункте не противоречат друг другу. Точнее всех это знают хоккеисты. Они относятся к футболу с превеликим уважением, и ни один настоящий мастер не позволит себе даже в шутку проводить выгодные для своей игры сопоставления. И ни хоккей футболу, ни футбол хоккею не указ. А вошедшие в моду фут- больно-хоккейные аналогии ничего не в силах доказать, кроме слабого знания предмета.

Но каждая игра имеет свою среду обитания. Хоккею остается посочувствовать. Он заслуживает жить яркой, броской жизнью. А живет однообразно, даже стал терять зрителей.

Сначала как болельщик, потом как журналист я влез в хоккей с головой. Мне было интересно в нем разобраться, что-то для себя открыть. И, пожалуй, подходил я к нему с футбольными мерками, искал и находил знакомые проблемы, конфликты, ситуации. Так или иначе, создалась у меня репутация журналиста, который способен «сделать материал» на хоккейную тему.

Однажды прозвучал звонок из редакции журнала, кажется «Огонька», с предложением написать «что-нибудь хоккейное». Для журналиста такое предложение наиболее лестное: тебе доверяют самому выбрать, придумать. В подобных случаях я обычно беру два дня для обдумывания. С футболом осечек не помню. А тут промаялся, ничего не придумал. Позвонил в редакцию и отказался. Заодно дал зарок, что больше за хоккей не возьмусь: повторяться, сочинять вариации об одном и том же, высасывать из пальца — это не настоящая работа.

Спустя много лет, в 1981 году, в редакции «Советского спорта» оказалось некого командирован, на чемпионат мира в Швецию, и мне предложили «тряхнуть стариной». Потом меня убеждали, что этот чемпионат из крайне неудачных, что мне не повезло, но, как бы то ни было, я все время натыкался на его игрушечность, кукольность. Все те же команды Чехословакии, Швеции и Финляндии, те же случайно, в разные дни приехавшие разномастные канадцы, где рядом с двумя звездами, Лефлером и

Робинсоном, подвизались игроки посредственные, не понимавшие друг друга. Наша сборная обыграла шведов, считавшихся ее главными противниками, 13:2. Как бы ни была приятна победа своей команды, в таком матче при всем желании невозможно увидеть что-либо заслуживающее разбора и подробного описания. Шведские зрители расстроенными не выглядели: посмеивались, шутили. И все, как один, объясняли: «Что удивительного, если двадцать четыре наших лучших игрока в отъезде, играют в клубах НХЛ». И нельзя было не подумать, как бы выглядела наша сборная без стольких же лучших?

Работал я добросовестно, однако чувствовал, что пишу формально, внешне, душа подремывала. И был рад, что на дворе апрель и, вернувшись домой, окажусь в начавшемся футбольном сезоне. С удовольствием сходил на стадион «Уллеви», в Гётеборге, тот самый, где в 1958 году наша сборная дебютировала на чемпионате мира, встречаясь с командами Англии и Бразилии.

Хоккей как игра тут ни при чем. Не было соперничества, борьбы, вопросов. Даже если тот, шведский, чемпионат был не из удачных, а какие-то другие разыгрывались интереснее, все равно остается ощущение, что хоккей под названием «мировой» таковым не является. Он не устроен, разрознен.

Еще раз скажу: хоккей хорош. Он и телегеничен, целиком укладывается в телеэкран, только смотри. Но никакая спортивная игра не способна заинтересовать нас сама по себе, напоказ. Все они живут, процветают, радуют и прогрессируют в матчах и турнирах, как принято говорить, достойных соперников. Если это условие нарушено, достоинства игры сходят на нет. По журналистам это бьет особенно сильно. Мне трудно представить, как можно разнообразно писать о наших чемпионатах, если одиннадцать лет одна и та же команда, ЦСКА, первая, и все это знают со дня открытия. Возможно, клуб-фаворит удобен для сборной, он легко в нее трансформируется, переодевается. Но каково при этом хоккею и его приверженцам? И не беспощаден ли уклад, когда во всех значительных турнирах с нашей стороны одни и те же лица? Попробовать бы на турнире «Известий» команду молодых. Куда там! Но тогда чего же удивляться, что так редко появляются новые звезды?

О хоккее у нас пишут изрядно, но большей частью именинно, на десерт к призам и медалям. Лишь в последнее время, озадаченные несколькими проигрышами международных турниров да однообразием чемпионатов страны, журналисты стали проявлять беспокойство. Как мне представляется, с опозданием. Оттого на них и косятся те, кому хотелось бы продолжать жить на проценты с хоккейной славы. Если

установлено, что наши команды умеют тренироваться, то в одном разделе у них зияющий пробел — они не испытаны реализмом, правдой в глаза, остротой суждений. «Великолепная пятерка и вратарь» — припев бодрый, но не ведущая тема. Ведущая тема — «Как хоккею быть лучше?». Нас дома она тревожно вопрошает: что за ненормальность, столько сезонов позади, а один клуб вне конкурса?

Дважды «Спартак» становился чемпионом во главе с тренером Николаем Ивановичем Карповым. Для нашего клубного хоккея достижение уникальное. А между тем избранные знатоки не спешат принять Карпова в свою компанию, снисходительно улыбаются ему вслед, считая простоватым, хотя ни одному из них и не снилось дважды побеждать в чемпионате при «живом» ЦСКА. Когда я однажды завел об этом речь с Николаем Семеновичем Эпштейном, он уклончиво произнес:

— Ну, Коля для «Спартака» хорош...

Не видел ни одного тренера, который был бы так беззащитно непосредствен, как Карпов. На его крупном лице, как на экране, отражалась вся игра, и радость и боль. Он не курсировал деловито, как заведенный, туда-сюда вдоль скамейки, не строчил таинственно в блокноте, заставляя нас предполагать, что готовится диссертация, не изображал язвительную усмешку, которая дала бы понять, как ему тяжко руководить бесталанной компанией. Он стоял как обреченный, поводил плечами, будто повторял движения своих игроков, вздрагивал и при каждом завихрении чуть не вываливался на лед через бортик. И удивительно — команда была послушна его порывам, откликалась на них. Если бы у хоккеистов не получалось, Карпов был бы смешон. А у них получалось, и его страстное дирижерство оказывалось в самый раз, вело игру.

Глядя на него и помня, что он дважды чемпион, я невольно задумывался о том, какими же разными могут быть удачливые тренеры.

Однако нынешние молодые тренеры, образованные, умеющие решительно все разложить по полочкам, кажутся мне заранее расписанными «по департаментам», по местам со второго по десятое, благоразумно исключившими даже мысль о возможности потягаться за звание чемпиона.

Карпов-тренер не вошел в большую прессу, и это умолчание лишило нас ниточки, за которую надо тянуть, чтобы распутать клубок неясностей и затруднений. И сколько еще таких ниточек!

И тут как тут — новая напасть: НХЛ наложила свою лапу вслед за шведским, финским и чехословацким и на советский хоккей. Вдруг обнаружилось, что уже давно все наши мало-

мальски заметные игроки там, за океаном, приписаны к местным клубам и дело за формальностями.

Контракты заманчивы, и ничего удивительного, что наши хоккеисты, во главе со звездами — Фетисовым, Макаровым, Ларионовым, были рады их подписать. Чисто житейски — все понятно.

Должен признаться, что сама НХЛ, с ее двадцатью одним (и все сильные!) клубом, с ее миллионными прибылями, с нескудеющей зрительской аудиторией, с рекламой и прессой, вызывает у меня почтение и зависть как едва ли не идеальный пример крупного, с размахом, спортивного предприятия, о чем мы можем лишь мечтать... И с этой точки зрения администрация НХЛ вполне закономерно прибирает к рукам, «покупает» наших мастеров. А что ждет советский хоккей? Он и до этого сделался беднее личностями, в наших чемпионатах полно пустых матчей, как и пустых стульев в залах. Не создастся ли со временем у нас еще и хоккейный дефицит и не начнем ли мы судить об этой игре по ее импортному варианту?

ГОРНАЯ ЦЕПЬ

В 1970 году в Мехико, в пресс-центре, мне несколько раз показывали на одного человека: «Он видел все чемпионаты!» На вид ему было лет семьдесят, в нем угадывался бывший жгучий брюнет, одет пестро, щегольски, с цветным платочком в кармашке пиджака. Он обычно сидел безучастно, вяло, для виду посасывал сигару. Когда меня с ним на ходу познакомили, он вместо того, чтобы, как принято в пресс-центрах, назвать имя и газету, без улыбки, привычно произнес и мне перевели: «Был на всех чемпионатах». Он вошел в роль достопримечательности, никто и не думал отнестись к нему юмористически, в глазах репортеров то, что человек ведет свой стаж с 1930 года, с первого, уругвайского, чемпионата, было достойно уважения, независимо от того, какой он репортер и как пишет. Я посматривал на него с интересом редакторским: «Вот бы заполучить серию статей очевидца о всех чемпионатах мира!» У нас ведь о первых пяти никто толком не знает: какие-то «пунические войны». Но возможности подступиться к нему я не нашел. Да и, признаться, мне как редактору старый щеголь доверия не внушал.

Сейчас вряд ли разыщешь человека, который видел все чемпионаты. Может, и есть такой, но лет ему должно быть под девяносто. Живут ли столько журналисты?..

Я не собираюсь рассказывать о мировых чемпионатах, на которые в свое время был командирован. В газетах, журналах и книгах все по-футбольному примечательное, что сумел подметить, изложил. Но коль скоро речь о репортаже, обойти чемпионаты невозможно, наша работа на них — единственная в своем роде.

И снова — по порядку.

I

1958 год. VI чемпионат. Швеция.

«Еду — не еду?» Ромашка — для нас, репортеров. Двое журналистов, которых планировали послать от

«Советского спорта» в Швецию и заранее аккредитовали, поехать не смогли: один увольнялся, другой проштрафился. Оставались считанные дни. Кандидатура Владимира Пашинина сама напросилась. Ведущий очеркист, о футболе, правда, не

писал, но «побаливал», на «Динамо» хаживал, да и оформить его поездку просто: частенько ездил за границу.

Со мной было куда сложнее. О футболе писал регулярно. А если иначе взглянуть, через документы, — редактор отдела учащейся молодежи, и что ему делать на чемпионате? Да и моя «реабилитация» состоялась совсем недавно, о зарубежных командировках ни руководство, ни я сам не заикались. Потом мне стало известно, что на редакцию нажал Мартын Иванович Мержанов, сам собиравшийся в Швецию от «Огонька». Он терпеть не мог, когда за футбольную тему брались случайные люди. Мы не были тогда коротко знакомы, но, наверное, во мне он видел журналиста, которому футбол близок. «Бумаги» были посланы. Меня вызывали в разные здания и кабинеты, проводили со мной разведывательные беседы, интересовались и тем, как поживает, что поделывает мой отец. Пашинин уже улетел, а для меня «добро» не прозвучало. Мне в те две недели важнее всего было держаться, как будто ничего не происходит. А провода нервов гудели, но слышал их я один. Сказали бы: «Твои дела в порядке, билетов только нет», и я был бы счастлив.

Прихожу в редакцию, встречаю в коридоре Владимира Андреевича Новоскольцева, главного редактора, и он напускается на меня для виду: «Где вы пропадаете? Берите машину, и — в «Аэрофлот», рейс завтра утром. Нам нечего печатать о футболе, а вы тут разгуливаете!»

Так я и покатил. В голове ни единой мысли ни о неведомой заграница, ни о чемпионате. Не смутило и то, что шведских крон не выдали, моя доля — у руководителя делегации, в Гётеборге, а туда надо добираться из Стокгольма поездом. Хорошо, что нашлись снисходительные люди в посольстве, выручили странного репортера с пустым карманом.

Что и говорить, особое, личное значение события сделало меня легкомысленным. Первые дни я пребывал в радужном настроении, рассматривал вблизи эту самую заграницу и в чемпионат включиться никак не мог. Помню, наибольшее впечатление на меня произвело левостороннее движение, принятое в Швеции, старался побыстрее приспособиться — москвич же, не провинциал, — но то и дело совался невпопад на переходах и с позором отступал.

Репортер не заявляется на стадион свеженький как огурчик, ни о чем не помышляя, чтобы только там нахвататься впечатлений и изложить их на бумаге. Нет, мы приходим с выношенными, обдуманными предположениями, больше того, мы жаждем, чтобы наша точка зрения восторжествовала. Читатель может этого и не заметить, но в том, что мы передаем со

стадиона, обычно торчат уши внутренней борьбы, мы полемизируем сами с собой, сами себя убеждаем. Да и как иначе, если живешь жизнью футбола.

Я же на шведском чемпионате высадился в полном неведении, точнее сказать, в обольщении. Мне было легко думать, что у нашей команды дела пойдут прекрасно, недаром же она за два года до этого выиграла Олимпийский турнир в Мельбурне, побеждала в товарищеских встречах сборную ФРГ — чемпиона мира, сборную Венгрии — второго призера, сборные Швеции, Польши, Югославии, делала ничьи со сборными Англии, Франции. Не один я, а все тогда у нас переживали горделивое удовольствие от бодрого выхода на международную арену нашей сборной. Она только начинала, первый матч в рамках чемпионата мира был для нее всего-навсего тридцать третьим, все предыдущие мы знали назубок, и никаких тревог не испытывали. И никто — ни тренеры, ни игроки, ни журналисты, те, кто были постарше меня, — понятия не имел, с чем едят эти самые чемпионаты мира.

Все это вместе — и мое настроение, и мое неведение — привело к тому, что ничью с англичанами я принял как досадное недоразумение, тем более что в ворота нашей команды был назначен пенальти за нарушение, случившееся до линии штрафной площади. Такого рода судейские ошибки потом приходилось неоднократно видеть и в международных встречах, и на чемпионате страны — они всегда возмущают, они наглядны, особенно после появления телеповторов. Тогда и вовсе осталось ощущение как от небывалой нелепости.

Самомнение позволило мне не поехать в город Бурос на матч СССР — Австрия («наши выиграют, какой разговор») и остаться в Гётеборге на встречу Англия — Бразилия. На это мое решение повлиял

тренер-наблюдатель Константин Бесков, с которым мы поселились в одной комнате. Он успел посмотреть бразильцев с австрийцами и по секрету сказал мне, что чемпионами станут бразильцы: играть лучше, чем они, невозможно.

Матч этот закончился «по нулям», счет наиболее сложный для выводов, аргументы не явные, не подтвердившиеся — в таких случаях надо дать волю воображению, представить будущее обеих команд на основании их скрытых достоинств. Мне тогда это было не по силам, к матчу я отнесся сдержанно, хотя, разумеется, и разглядел, что у бразильцев два центральных защитника и два центральных нападающих. Но что из этого следует, не понял, всего лишь 0:0, все равно что ?:?.

Чемпионат для меня начался на «Уллеви» с матча СССР —

Бразилия, того самого, когда на поле впервые вышли Пеле, Гарринча, Зито и бразильская сборная оказалась в том составе, в котором она мало того что стала чемпионом, еще и стала надолго недосягаемым образцом команды, составленной из одиннадцати звезд.

В апреле восемьдесят первого я был в Гётеборге на хоккейном чемпионате. Зал, где с шипением резали лед, сухо похрустывали клюшки, трещали борта, глухо сталкивались тела, находился в двух шагах от стадиона «Уллеви», заколдованного тишиной и ожиданием. Улицы были сухими, чистыми, полными солнца, попадались афиши, сообщавшие, что в ближайшее воскресенье по всей Швеции — открытие футбольного сезона. Я вздыхал, шагая на работу в зал мимо запертого стадиона. Искушение томило душу. И я улизнул от своих спецкоровских обязанностей. Не простил бы себе, не сделав этого.

Медленно шел вдоль высокой трибуны с ребрами скамеек, отыскивая те, где в пятьдесят восьмом располагалась ложа прессы. Ноги сами принесли, озираться и примериваться не пришлось. Сел там, где сидел без малого четверть века назад.

Память немедленно предложила Гарринчу. Вот здесь, на этой полосе, именуемой правым флангом, совсем рядом, под скамьями прессы, он мелькнул с одиннадцатым номером на спине. Крадучись приближался с мячом к защитнику Б. Кузнецову, тот пятился как загипнотизированный. Бразилец склонился влево, до самой травы, словно подстреленный, а когда защитник, поверив, сделал шаг в ту же сторону, неуловимо быстро выпрямился (недаром бразильцев зовут «кобрами»!) и справа пронесся к воротам. Штанга басом загудела, потрясенная ударом мяча. С этого эпизода начался тот знаменитый матч.

Наши проиграли 0:2, оба мяча забил центральный нападающий Вава, а состоявший с ним в связке 17- летний Пеле в день своего дебюта, как видно, еще не освоился (в моем блокноте он ни разу не упомянут). Свою головокружительную карьеру «короля» он начал в следующем матче, забив гол сборной Уэльса.

К поражению нашей команды я заранее не был готов, долго внутренне сопротивлялся, на что-то надеялся. Но ближе к концу почувствовал, что мое простодушное боление за своих не исчерпывает впечатлений, что тут какой-то невиданный футбол и его грешно прозевать. Помимо моего желания прорвалось восхищение игрой бразильцев, потеснившее горечь. Я уходил со стадиона в смятении. Знал, что некрасиво, нечестно отступаться от своей команды, но ничего не мог изобрести ей в утешение и оправдание: бразильцы покорили.

В автобус, в котором я должен был ехать вместе с

футболистами, вошел, стараясь остаться незамеченным, уселся далеко сзади и дал обет молчания. Так всегда лучше держать себя репортеру после поражения, а в этот раз я боялся выдать свою раздвоенность, в которой еще не разобрался.

Когда мы тронулись, в автобусе вопреки обыкновению задвигались и заговорили, да оживленно, наперебой, едва ли не весело. Я прислушался и понял, что моя раздвоенность не преступна, что и мастера, как их ни огорчило поражение, покорены игрой бразильцев, игрой, с которой им сталкиваться не приходилось. Для меня услышать эту звонкую, добрую разноголосицу было огромным облегчением, мне тоже захотелось принять в ней участие, я заговорил с соседями, и они кивками и улыбками встретили мои восторженные восклицания.

Потом, когда в полуфинале французам и в финале шведам бразильцы забили по пять мячей, да еще с подчеркнутой легкостью, я оценил по достоинству проигрыш нашей команды. Это был тот проигрыш, когда за побежденных нисколько не неловко, когда их достоинство не пострадало. Оттого, наверное, наши мастера и позволили себе с легкой душой расхваливать бразильцев, что сами не сплоховали, заставили победителей помучиться.

После этого матча футбол вышел для меня из турнирных рамок и задал уйму вопросов. Ответить на них я не умел, но почувствовал, что обязан учиться отвечать.

Как спецкор на том чемпионате я отработал слабенько, по-школярски, писал кое-что и кое о чем. Критических отзывов в редакции после возвращения я не услышал и объясняю это тем, что тогда, в пору нашего первого приобщения к мировым чемпионатам, никто толком не знал, как их освещать. Если бы сейчас редакция получила корреспонденции подобные тем, которые я передавал из Швеции, меня бы уволили. Что ж, и мы, репортеры, проходим свою дорогу вместе с теми делами и теми людьми, о которых пишем. Как наш футбольный мир открывал для себя неведомое, так и наша пишущая братия брела на ощупь.

Я мог, например, позволить себя написать следующее: «Мы видели на чемпионате много сильных и отличавшихся друг от друга коллективов. Французы играли иначе, чем немцы, а англичане—не так, как шведы». И все, даже не попытавшись поискать, подумать, в чем же отличие.

Мог, сославшись на реплику болельщика, соседа в поезде — «мы, французы, дорожим хорошим настроением», одним этим настроением объяснить победу сборной Франции в матче за третье место над сборной ФРГ.

К счастью, мне удалось по достоинству оценить бразильцев.

Время для этого у меня было: я видел четыре матча с их участием. Да и вся обстановка заставляла смотреть за ними в оба: все вокруг ими восхищались.

И тем не менее в отчете о финальном матче, где подводились итоги, вижу такое место: «Что же выделило сборную Бразилии? Схема расстановки игроков общеизвестна: 4—2—4. Бразильцы не имели преимущества и из-за какой-то исключительной быстроты...»

Вот тебе на! Система четырех защитников, примененная бразильцами на чемпионате, в то время как все остальные придерживались «дубль-ве», когда и дома все клубы играли с тремя защитниками, и другого варианта я просто-напросто не мог видеть, вдруг объявлена спецкором «общеизвестной». Нахальное невежество! Наш футбол на эту систему переходил мучительно долго, лет пять, должно быть, а спецкор ничего, заслуживающего внимания, в ней не разглядел.

А как можно было не подметить взрывной быстроты бразильцев? Их знаменитая аритмия и тогда действовала, на ней издавна и до сей поры строится игра бразильцев. Кажущаяся, обманная медлительность и в непредсказуемый момент — выстрел.

Я, видимо, равнялся на постоянную скорость движения игроков, свойственную нашим командам.

Позже я не раз возвращался к шведскому чемпионату, к его героям, но воспоминания были подсвечены поздними впечатлениями, когда появилась возможность сравнивать.

Как бы то ни было, из Швеции я вернулся с ощущением, что футбольное поле для меня — поле деятельности и теперь только и начнется настоящая работа, что быть самоуверенным — стыдно, футбол тот, который я увидел, этого не примет и не простит.

II

Только спустя восемь лет, в 1966 году, отправился я вновь на чемпионат, в Англию.

Эти восемь лет представляются мне наиболее красочными в истории нашего футбола. Любое время имеет свой смысл, свой пафос, но эти годы были насыщенными, как никакие другие.

Футбол опирается на факты. Сначала о них. После первого выезда на чемпионат мира, который сам по себе был поворотным пунктом, в 1960 году в Париже наша сборная выиграла Кубок Европы.

Нет, я не собираюсь рассказывать о матче сборных СССР и Югославии, которым завершился первый розыгрыш Кубка Европы. Когда заходит речь об этом событии, красной строкой вошедшем в хронику советского футбола, я почему-то вспоминаю не поле под туманом мелкого теплого дождя, не перипетии захватывающей борьбы, потребовавшей дополнительных полчаса, не голы наших форвардов Славы Метревели и Виктора Понедельника, а тесную раздевалку сразу после матча. Пожимая чьи-то руки, кого-то обняв, кому-то сказав слова поздравления, я помнил — такова уж доля специального корреспондента, — что мне необходимо взять у всех футболистов и у тренеров коротенькие интервью. Но все были так прекрасно возбуждены, что мне полагалось выдержать паузу. И я подсел к столику, стоявшему в углу. На нем по-домашнему, среди бутылок с оранжадом, стаканов, рассыпанных абрикосов стояла высокая амфора на подставке из зеленого камня, та самая, которую только что пронес по овалу стадиона капитан Игорь Нетто.

Она была новешенькая, только что от ювелиров, ей предстояло первое путешествие — в Москву. Я не мог удержаться, чтобы не прикоснуться к ней: неожиданно она оказалась теплой, хотя остро сверкала чистым серебром. Постучал ногтем, и она послушно, певуче отозвалась.

Это сегодня, много лет спустя, напрашивается изречь: самый славный трофей в истории советской сборной! Но тогда такая пышная фраза и в голову не приходила. История сборной выглядела коротенькой, и то, что вслед за золотыми медалями на Олимпиаде в Мельбурне в 1956 году завоеван Кубок Европы, представлялось просто-напросто добрым началом. Серебряной амфоре, при знакомстве с которой я позволил себе некоторую фамильярность, суждено было на многие годы стать героиней репертуара, удачами и неудачами проверявшей положение вещей в нашем футболе. Приближение или удаление от амфоры достоверно характеризовало нашу сборную: ее серебро оказалось безобманно чутким.

Та победа забавно коснулась меня, спецкора. Командировка выписывается на строгий срок. Получилось так, что согласно расписанию авиарейсов, чтобы соблюсти срок, я должен был сесть в самолет утром, не дождавшись финала СССР — Югославия. Закрыв глаза на грозившие неприятности, я остался. Денег на оплату номера уже не было, и я попросился переночевать на диване к Андрею Петровичу Старостину, начальнику команды. Он меня приютил. В общем, жил я на птичьих правах, «незаконно», но помалкивал, решил все взять на себя: не уезжать же в самом деле, не увидев финала? Ну а толкнуться со своей незадачей к

руководству постеснялся, догадываясь, что перед таким матчем не до меня.

Когда все было позади, в полночь, меня вызвали в «штабной номер», где жил руководитель делегации

Дмитрий Васильевич Постников, заместитель председателя Спорткомитета. Шел я с ощущением, что мое самовольство раскрыто и предстоит разбирательство.

— Садись,— широким жестом показал на кресло Постников. Тут же были Гранаткин, Старостин, Качалин.

— Просьба к тебе. В Лужниках будет чествование сборной. Поедем туда прямо с аэродрома. Должен выступить капитан команды Нетто. Набросай коротенькую речь, потеплее. Но без зазнайства. Сделаешь? Да, мне тут сказали, что у тебя командировка кончилась. Продлим. Валентин Александрович, — обратился он к Гранаткину, — сделай, как полагается, и деньги выдай...

Победа милостива. Так я избежал неприятностей, и за страничку, написанную ночью, получил «гонорар» — суточные во франках, — какого сроду не получал.

Наша сборная без осложнений выходила в финальную стадию чемпионатов мира в Чили и Англии, дошла до финала второго розыгрыша Кубка Европы в 1964 году. Эти маршруты и эти места (в восьмерке лучших в мире и в четверке — в Европе) сделались «своими», считалось, что иначе и быть не может.

И домашние дела шли увлекательно. Чемпионами страны становились, кроме привычных московских «Динамо» и «Спартака», еще и «Торпедо», киевское «Динамо», тбилисское «Динамо», все чемпионы привносили что-то свежее, их отличавшее.

Какие незабываемые матчи разыгрывались! «Спартак» — «Динамо» (Киев) осенью 1958-го в Лужниках, переигровка после окончания сезона, решавшая, кому стать чемпионом (3:2). «Динамо» (Киев) — «Торпедо» в Киеве в 1960-м (1:2), завершившая блестящий сезон торпедовцев. Кубковый финал в том же году «Торпедо» — «Динамо» (Тбилиси) с дополнительным получасом (4:3). «Динамо» (Тбилиси) — «Торпедо» в Ташкенте в 1964-м, дополнительная встреча за звание чемпиона (4:1). Двухдневный финал «Спартак» — «Динамо» (Минск) в 1965-м (0:0 и 2:1)...

В 1965-м киевское «Динамо» дебютировало в розыгрыше Кубка кубков, открыв новую страницу, без которой теперь и футбол не футбол.

И какие мастера подвизались на полях в те годы! Всех достойных упоминания не перечесть, но хоть нескольких назову:

Яшин, Шестернев, Воронин, Нетто, Стрельцов, Иванов, Метревели, Месхи, Хурцилава, Хусаинов, Понедельник, Войнов, Сабо, Шустиков, Гусаров, Турянчик, Биба...

Я бы сказал так: футбол наш в те годы был на замахе, от него ждали больших побед, претензии были самыми высокими, а критика — из лучших побуждений. Словом, мы в футбольном Большом театре сидели на хороших местах, в партере, не подозревая, что не за горами время, когда придется перебираться на галерку.

То время отличала напряженная дискуссионность. После того как была сломана перемычка и наш футбол влился в русло мирового футбола, информация хлынула, как в распахнутое после зимы окно, и хотелось надышаться ей.

Летом 1960-го футбол получил собственный печатный орган — еженедельный журнал «Футбол». На его страничках и развернулись дискуссии. О тактических новинках, разных школах игры, звездах, об энергетике, интенсификации и универсализме.

Кроме радости от новых познаний была в этом и практическая необходимость. Как-то так получалось, что наши команды и тренеры, долгие годы проживавшие в самодовольной изоляции, не поспевали за бурным течением, медлили, опасались, норовили проплыть там, где тише, привычнее. Дискуссии это обнаруживали. Кто-то из тренеров был против четвертого защитника, другой стоял на том, что два крайних форварда («крылья») совершенно обязательны, без них не взлетишь, третий опасался засилья игроков в середине поля.

Говорилось и писалось разное, противоположное. Сейчас нетрудно, полистав страницы газет тех лет, выявить консерваторов, упорно стоявших за старину, либо торопыг, подобострастно хватавшихся за каждую черточку у иноземцев, чтобы немедленно ее скопировать. Но это было бы нечестно. Те дискуссии велись открыто, как на духу, из одного единственного побуждения — желания добра нашему футболу. Это, наверное, дороже всего. Тогда было особенно заметно, как высоко ставят все причастные к футболу общие интересы, какая готовность за них сражаться.

На чемпионат в Англию мы полетели вместе с Мартыном Ивановичем Мержановым, он от «Футбола», я от «Советского спорта». И в самолете, и в отеле, где мы поселились в одном номере, и на прогулках по Гайд-парку мы с ним говорили и говорили о футболе, из матчей, которые увидели, черпали аргументы и доказательства. Не в пример шведскому, за этим чемпионатом мы вели наблюдение во всеоружии знаний и взглядов. События не кружили нам голову, если и встречалось

что-то прежде невиданное, мы тут же подбирали объяснения. Мы оба знали, что обязаны дойти до сути футбола середины шестидесятых годов,— в этом, а не в добросовестном описании матчей видели свою репортерскую службу.

Тот чемпионат долго прятал свои тайны. Поначалу слишком много матчей отличались не своеобразной игрой, а однообразным упорством. Но упорства можно насмотреться на любых стадионах, для этого не обязательно ждать чемпионата мира.

А тут рухнула сборная Бразилии, от которой многие ждали уже не неожиданного, как в Швеции, а предусмотренного чуда. Был сражен предательскими, бесчестными ударами Пеле.

Я ездил в Ливерпуль на матч Бразилия — Венгрия. Венгры играли, мало сказать, вдохновенно, им захотелось переиграть бразильцев, двукратных чемпионов мира, не иначе как «по-бразильски», утонченно, во всей красе технических изысков. Они играли не для публики, нет — для самих себя, для собственного наслаждения. Немало я перевидал футбола с участием венгров и до этого матча и после, но такой игры напоказ, где бы им удавалось все, что они любят, не видел. Любуясь венграми, среди которых особенно блистал высокий, худой Альберт, я в то же время подозревал, что матч — из тех, которые удаются однажды и повторить их невозможно. Бразильцев было просто-напросто жаль: разрозненная компания прекрасных мастеров, не знающая, что ей делать, растерянная, даже как бы униженная. Можно проиграть, выбыть из турнира прежде срока и оставить о себе память. Бразильцам в тот год нечего было сказать футбольному миру.

Но кто же тогда скажет?

И мы вели поиски. С этой целью я ездил из Сандерленда в Бирмингем (две бессонные ночи в автомобиле) на матч Испания — ФРГ и, хоть был он увлекателен, ответа не предложил. Тогда я впервые увидел молоденького Беккенбауэра и запомнил сразу и навсегда.

У нас, журналистов, тогда сложились ни на что не похожие отношения с руководством делегации. В начале самого первого матча советской сборной с командой КНДР наши изрядно нервничали. Это нашло выражение в эпизоде, который в отчете Г. Радчука в «Футболе» был описан так: «Удары не клеятся. После одного из них мяч отправляется даже на крышу стадиона, эдак метров на 30 выше перекладины». Необыкновенный удар нанес один из двух центрфорвардов — Э. Малофеев. За мячом долго бегали, и игра остановилась. Все, кто был на стадионе, отнеслись к этому происшествию юмористически. Потом наши взяли себя в руки и уверенно выиграли 3:0, причем два мяча забил Малофеев.

Когда номер «Футбола» с отчетом Радчука был доставлен в расположение нашей команды, ее руководители прочитали его первыми и тут же постановили, что его ни в коем случае нельзя показывать игрокам, что их обидит, чуть ли не разоружит та фраза. Номер был изъят, а заодно было выражено недоверие всему журналистскому отряду. После этого и Мержанов, и я с руководителями делегации на протяжении чемпионата не встречались, полагая, что те, пребывая во взвинченном состоянии, в собеседники не годятся.

Ума не приложу, по какой причине так часто в футбольных делегациях искусственно нагнетается сверхнапряженная обстановка. Делается это намеренно, считается обязательным, но, как я не раз убеждался, цели не достигает, скорее, наоборот, отрицательно сказывается на команде, делая игру скованной.

С этим впервые я столкнулся на шведском чемпионате 1958 года. Наставляя игроков перед встречей со сборной Швеции, один из руководителей (не тренер), сам бледный от волнения, насупив мохнатые черные брови, говорил мелодраматическим полушепотом примерно следующее: «Я призываю вас вспомнить Полтавское сражение, как его описал Александр Сергеевич Пушкин. Читали, надеюсь? Завтрашний матч ему не уступает по значению». Сидевший рядом со мной Сергей Сальников, которому предстояло играть, наклонился и шепнул: «Чего это он: война что ли?» Я пожал плечами. Допускаю, что в иных случаях для возбуждения самолюбия могут потребоваться сильнодействующие средства. Однако применять их надо с умом, с чувством меры, а не так, чтобы у игроков ноги дрожали от волнения.

Вот и на английском чемпионате стараниями сопровождающих команду начальственных лиц была высосана из пальца экстремальная ситуация. В этом, с одной стороны, проявляется незнание спортивной жизни, неуважение к мастерам, которых равняют с учениками, а с другой — желание иметь право впоследствии «доложить», что было предпринято все возможное, и тем самым приобщиться к победе либо откреститься от поражения.

Однажды Никита Павлович Симонян, и поигравший, и потренировавший, уже седой, на заседании, где обсуждалась какая-то неудачная игра, вдруг горестно воскликнул: «И что мы, в самом деле, вечно перенапряжены, оттого и проигрываем!» Кстати говоря, и он тогда слушал, с «девяткой» на спине, про Полтавское сражение...

Наша сборная в Англии впервые выиграла четвертьфинальный матч. Факт знаменательный, на двух предыдущих чемпионатах наши футболисты в полуфинал, в

четверку лучших не пробивались. Мне предстояло писать в газету, и до матча я размышлял о предстоящей работе, ходил по улицам и проговаривал отчет в уме. Знал, что буду ограничен во времени. Решил сочинить два варианта — для победы и для поражения. Вышло так, что вариант для поражения не получился. Пожалуй, не потому, что он нежеланен и уныл — работа есть работа, просто мне не верилось, что наша команда не обыграет венгров. И не мог себя заставить, так и пришел на стадион с заметками в блокноте — на случай победы.

Мне всегда нравилось, как играют венгры. Футбол хороших манер, хорошего воспитания, галантный, с изысками, в котором особо ценится (публика этого требует) все красивое, редкое, я бы сказал, гусарское. Только что в Ливерпуле венгры отвели душу, сплясав великолепный чардаш, затмивший бразильскую самбу. С нашей командой это у них не могло повториться. Часто какая-то команда объявляется для другой неудобной. Так бывает. Тут сказывается и психология, и стилевые противопоказания. Для венгерской сборной наша как раз и является неудобной.

Думаю, это началось с 1952 года, когда сборная Венгрии провела два матча в Москве, один из которых проиграла, другой свела к ничьей. А надо помнить, что венгры тогда имели основания считать себя лучшими в мире. Пушкаш, Кочиш, Божик, Хидегкутти, Грошич — все это были крупные звезды. И их тактика с выдвинутыми вперед инсайдами была оригинальной. Тем не менее с нашей командой они справиться не сумели (а она в тот год только объявлялась на свет). Венгерских мастеров это должно было озадачить. И загадка так и осталась на долгие годы, до сих пор. На фоне энергичной, скоростной, длинноманевренной игры нашей сборной технические изыски венгров становились напрасными, тщетными, им приходилось, того не желая, включаться в состязание по быстроте, выносливости, упорству, и они его не выдерживали —не та закалка, не то терпение. За редкими исключениями венгры чувствуют себя не в своей тарелке, играя с нашими командами, что со сборной, что с клубами.

Так все и получилось на стадионе в Сандерленде. Венгры справились с «неудобством» лишь во втором тайме, а счет уже был 2:0 не в их пользу. Правда, тут они начали добираться до штанг ворот Яшина, трясли их, но лишь однажды «яблоко» упало в сетку. В общем, все сбылось: и венгры себя показали и наши сыграли со знанием дела, в духе сложившихся футбольных отношений. И мой отчет в блокноте наполовину был готов.

Когда улеглось возбуждение после победы, какой у нашей сборной до этого не было, и отчеты были продиктованы в Москву,

мы с Мержановым, запершись в номере, снова разобрали матч. Спора не получилось, оба пришли к заключению, что и советская команда не тянет в образцовые на чемпионате. Слишком она была традиционной, постоянной, без вариантов, со своей схемой 4—2—4, соблюдавшейся неуклонно. Она жестко придерживалась этой расстановки, получившей еще в 1958 году название «бразильской». Хорошо выученные, но все же вчерашние уроки.

В дни чемпионата я познакомился с Львом Абрамовичем Кассилем. Произошло это легко, словно и не познакомились, а встретились. Я с детства помнил его «Кондуит» и «Швамбранию», видел «Вратаря», да и его заметки футбольные почитывал. А он сразу мне заявил, что имеет привычку, которой верен всю жизнь, не пропускать ничего, что пишется о футболе в прессе. Мы с ним провели прекрасные полдня в Национальной галерее, где, разумеется, о футболе не говорили.

При выходе из галереи Кассиль в киоске приобрел план Лондона и сунул его в карман пиджака так, что он форсисто наполовину высовывался. На улице он посмотрел налево, направо и сделал мне знак остановиться.

— Сейчас мы с вами проложим маршрут к отелю.— И достал план.

— А я помню дорогу...

— Да? Сомневаюсь. Такой великолепный план! Итак, за спиной у нас Трафальгарская площадь. Находим ее... Наша улица вот здесь. Что я вам говорил? Без плана как без рук. Как вообще можно по Лондону ходить без плана? Смотрите, есть и другой маршрут. Второй подлиннее, но там на пути что-то интересное помечено. Так как?

Несомненно: со мной был Лев Кассиль, детский писатель. Я больше не настаивал, что знаю дорогу и без плана. По-моему, и он ее знал.

Я попытался подбить его сделать что-либо для газеты о чемпионате.

— Вам это, быть может, незаметно, а я вижу, как изменилось то, что пишется о футболе. Не хочется попадать пальцем в небо.

— Неужто так?

— Что вы! Вы теперь в игре такое замечаете, что мне и не снилось. Мне, чтобы «соответствовать», надо переучиваться. Я приехал полюбоваться и поболеть. Это вы здесь — «при исполнении». Так что увольте...

В Москве я позвонил Льву Абрамовичу и попросил написать для «Футбола» историю романа и фильма «Вратарь». Он согласился моментально и написал.

А там, в Лондоне, я позавидовал его «приехал полюбоваться и

поболеть». Нисколько не сомневаюсь, что Кассиль и о чемпионате написал бы интересно. Но, как видно, он в самом деле был добросовестным читателем футбольной прессы, и ее исследовательский характер его озадачивал и смущал.

Мне, спецкору, любоваться и болеть было половиной дела. Надо было продолжать поиски.

Чемпионат был спасен и оправдал свое предназначение в двух матчах: полуфинале Англия — Португалия и финале Англия — ФРГ.

Сборная Англии к своей победе пришла своеобразно, на ходу перестроившись и сделав все необходимые открытия. Повидав ее в день открытия в матче с уругвайцами, я был разочарован и потерял к ней интерес. Нудная нулевая ничья, которую не скрасил и переполненный знаменитый «Уэмбли», побывать на котором давно хотелось, ни присутствие королевы, ни марш-парад военных оркестров.

В общем, я счел для себя возможным оставить английскую сборную в стороне и ездил на матчи других команд. До полуфинала, в котором она встретилась с командой Португалии. Это был выдающийся матч. И португальцы были хороши, а англичан так просто было не узнать — другая, я бы сказал непобедимая, команда, настолько продуманным, обоснованным, ловко пригнанным было их сочетание одиннадцати.

Если сделать простенькое, формальное сравнение, которое обычно само напрашивается, то оказывалось, что из состава матча открытия были исключены всего двое, Гривс и Конелли, вместо них появились Херст и Питерс. Но замены всего не объясняли, хотя в последнем, финальном, матче со сборной ФРГ из четырех победных мячей три забил Херст и один — Питерс.

Изменился весь строй игры. Гривс, знаменитейший бомбардир, был центрфорвардом времен «дубль-ве», а Конелли — хорошим левым крайним старого образца. Долговязый, худой Херст атаки свои начинал с середины поля, все время держа связь с партнерами. Белокурый Болл заставлял поломать голову: кто он — полузащитник или нападающий? И Питерс такой же. И Бобби Чарльтон. И Стайлз, колючий как еж, легко отрывался от своей обороны, мелькал в атакующих рядах, покусывал, дразнил защитников противника. Да еще крайние защитники Коэн и Уилсон поддавали жару рывками вперед. Разве только что выдвинутый вперед нападающий Хант меньше маневрировал, он был затаенной угрозой, отвлекал, оттого товарищам его больше было простора. Словом, вся английская команда находилась в непрерывном движении, причем не в очевидном, повторяемом, а в непредсказуемом.

Частенько, глядя за игрой, мы опережаем события, угадывая, что сейчас мяч откатят обязательно налево, больше некуда, что такой-то игрок кинется по прямой в надежде на высокую передачу. И если наши отгадки постоянно сбываются, то приходится задуматься, так ли уж хороша игра.

Англичане предложили футбол, изобретаемый на бегу, тут же, при нас, с пылу с жару, тот футбол, в ходе которого боишься пропустить хоть что-нибудь, потому что самое интересное может быть создано в любое мгновение. Тут уж не станешь листать газету, жевать бутерброд, болтать с соседом, весь превращаешься в зрение.

Власть Игры (пусть слово это будет с большой буквы) сильна необычайно. Для меня не существовало никаких причин, в силу которых я сделался бы вдруг болельщиком бразильцев или англичан. Но я им становился: в прошлый раз, в 1958 году, мне совершенно необходима была победа бразильской сборной, а теперь — английской. И позже это случалось. На следующем чемпионате, в Мексике, я снова душевно был с бразильцами, потом, в ФРГ и Аргентине, — с голландцами, хотя в двух последних случаях мои упования и не сбылись.

Игра, думаю, и есть то, к чему мы прикомандированы, приписаны, при чем состоим, чему служим. Тут не обойдешься без обольщений, ошибочных пристрастий, заблуждений по первому впечатлению. Но в конечном счете, пусть и не сразу, облик Игры, той, которую мы признаем и объявим современной (высокая похвала!), нас должен покорить, мы должны найти ее разгадку, объяснение, записаться в число ее деятельных поклонников и стоять за нее горой. И тогда по контрасту делается очевидным, что другие разновидности игры, даже приносящие временами весомые дивиденды, оказываются старообразными, провинциальными, неполноценными, приспособленческими. Футбола на белом свете гораздо больше, чем Игры, и в умении ее опознать, выделить, представить мы, репортеры, и обязаны более всего преуспевать. Принимать же любой футбол за Игру — вредное заблуждение, ведущее к топтанию на месте, к засорению мозгов читателей, это медвежья услуга тем командам, о которых пишешь.

Чемпионаты мира — ярмарки футбола, где получаешь представление даже не о сегодняшнем, а о завтрашнем дне. Четыре полузащитника сборной Англии, представившиеся для всеобщего обозрения в 1966 году, живут-поживают и сегодня, как и их динамичное взаимодействие в атаке с двумя форвардами. Именно тогда всплыл термин «команда-звезда», заменивший собой прежний — «команда звезд».

Мы ищем среди тех, кто на поле, героев. И находим. Грош цена футболу, если не различимы люди.

Выбор большой, на любой вкус. Можно даже какому- то игроку отдавать предпочтение тайно, не объявляя о своей симпатии, зная, что он никакая не звезда, и радуясь малейшей его удаче. Можно, наоборот, не жаловать общепризнанную звезду и про себя вести счет его промахам и прегрешениям. Ничего удивительного: не один разум властвует на трибунах.

И все же есть игроки, вокруг которых споры не возникают. Они наперечет. Дело не в их личных достоинствах и доблестях. Это те игроки, с именами которых связаны перемены в футболе. На английском чемпионате таким игроком стал Бобби Чарльтон. Именно он отчетливее, показательнее, чем кто-либо иной, предъявил образец игрока середины поля, который делал то, что до него не умел никто — ни бразилец Диди, ни француз Копа. Он был един в трех лицах: защитник, когда это требовалось, диспетчер — ум в движении и форвард, наносящий прямые, точные удары. Создавалось впечатление, что тренер Рамсей взял его в команду первым и к нему присоединял остальных, таких, которые были ему под стать.

В его внешности, в его манере себя держать, в его невозмутимости ничего не было героического, выдающегося. А тем не менее вся игра английской сборной зависела от него, она с ним согласовывалась, заданный им тон держала. Величие его было не в неповторимости, а, напротив, именно — в повторимости, в примерности для всех, кто намерен был следовать футболу новейшему, развивающемуся.

В конце концов наши репортерские поиски увенчались успехом. Игра была опознана. И было ясно, какими теперь глазами смотреть на футбол дома, с чем сравнивать, на что держать курс.

Чемпионат напоследок имел обескураживающий аккорд, отраженный от полуфинала ФРГ — СССР. Матч этот до известной степени был искажен травмой полузащитника Сабо (замен тогда не проводили) и удалением с поля правого крайнего Численко. Так вот, во всем этом некоторые должностные лица заподозрили злой умысел со стороны арбитра — итальянца Лобелло. И заподозрив, именно под этим углом вчитывались в отчеты о матче в «Советском спорте» и «Футболе». В газете автором отчета был Мержанов, в еженедельнике Латышев, наш самый знаменитый судья. Мержанов оставил без внимания судейство. Латышев, как ему полагалось «по должности», свое мнение высказал. Вот два отрывка из его отчета:

«В штрафной площади сборной ФРГ после столкновения

падает В. Паркуян. Через минуту такая же картина у наших ворот — падает Эммерих. Но судья Лобелло не дает пенальти. С моей точки зрения, делает это правильно. Вообще нужно сказать, что, как в этом матче, так и в других, которые мне пришлось видеть, футболисты очень легко падают и подолгу лежат, видимо рассчитывая на карающий свисток. Но судья Лобелло хорошо понимал театрализованные падения и не очень-то обращал на них внимание».

«Перед самым перерывом судья Лобелло удалил с поля Численко, который, проиграв единоборство, умышленно ударил по ноге Хелда, причем в момент, когда тот был без мяча. Другого решения судья, естественно, принять не мог».

Я этот матч смотрел вместе с тренером В. Масловым. Мы, как водится, переживали за свою команду, но не помню, чтобы в обсуждении перипетий упоминался судья. Возможно, он и ошибался, но не настолько, чтобы заподозрить в нем злодея.

Как бы то ни было, и Мержанову, и Латышеву по возвращении были предъявлены претензии в «аполитичности». Претензии такого рода не фиксируются, в лицо их не высказывают, они — в разговорчиках, в слухах, они невидимые, и это хуже всего, потому что не с кем объясниться, ты кругом виноват, хотя неизвестно, кто обвинитель.

Был и другой острый момент. В том же матче второй мяч после розыгрыша углового из-за штрафной площади мимо сгрудившихся перед воротами игроков обеих команд, которые заслоняли Яшину видимость, уверенным ударом забил полузащитник Беккенбауэр. Ничего лучше не было придумано, кроме того, что Яшин «зевнул» этот мяч. И принялись об этом судачить. Хотя Яшин на том чемпионате в полной мере отвечал своей мировой славе, руководство нашей делегации этой его славе нанесло укол.

Футболу едва ли не постоянно, особенно когда наступает пора решающих матчей, сопутствует нервозное окружение. Но кто-то обязательно должен оставаться уравновешенным, держать себя в узде. Чрезвычайно важен выбор руководителей делегации на больших турнирах, таких руководителей, которые реально оценивали бы происходящее, могли «отчитаться» здраво, по существу, а не искать наобум виновных, лишь бы показать собственную безупречность.

Ну и, конечно, не имеет права терять голову журналист. Это нелегко. Одно из двух: либо веришь своему глазу и разуму и на том стоишь, либо подпадаешь под посторонние влияния и в угоду им пишешь то, во что сам не веришь.

III

Следующий отрезок между чемпионатами мира был тоже содержательным. Киевское «Динамо», «чемпионившее» три года подряд, с легкой душой можно было считать командой, отвечавшей мировым стандартам по строю и характеру игры. Наблюдения не противоречили тому, что мы видели в заключительных матчах английского чемпионата мира, она шла по главному фарватеру. И самое приятное состояло в том, что киевляне не меняли срочно тактическую «одежду» на английский манер, они пришли к ней самостоятельно, одновременно с лидерами мирового футбола, угадав ведущие тенденции. Интересные образцы игры, не повторявшие слепо масловско-киевский, а предлагавшие ее разновидности, показывали московские клубы «Спартак», «Динамо», «Торпедо», тбилисское «Динамо». Применялись варианты с двумя форвардами и четырьмя полузащитниками, с тремя форвардами и тремя полузащитниками, тактическая дискуссионность сохранялась и в обороне, то зонной, то персональной, то смешанной. Все это говорило о биении тренерской мысли. Не существовало разногласий в том, что игра непременно должна быть активной, интенсивной, с щедрой тратой сил.

В те годы в устном общении частенько возникал вопрос: «Почему бы Виктора Маслова не назначить тренером сборной?» Такие назначения окружены тайной, как тогда, так и сейчас. Не знаю, примерялись ли к кандидатуре Маслова всерьез, хотя как было не вспомнить о нем, тренере трехкратных чемпионов страны? Если примерялись, то мне нетрудно представить причину отвода.

Виктор Александрович был до мозга костей тренером-профессионалом, начисто лишенным дипломатичности, умения произносить обтекаемые фразы, ублаготворять начальствующих лиц ни к чему не обязывающими обещаниями: «Приложим все силы», «Все от нас зависящее выполним», «Уверен, ребята не подведут». Он слишком тонко осязал, угадывал футбол: общие, для него — пустые, слова ему претили, он доверял реальным, живым обстоятельствам и ничему, кроме них. А как раз реальное мышление обычно тяготит, затрудняет, наводит скуку на тех, кто руководит издали, — дела толком не знают, удовлетворяются приятными, удобными словесными гарантиями.

Маслов терпеть не мог, когда его спрашивали: «Ну что, опять станете чемпионами?» или «Кубок, можно считать, ваш?» Он напускался на спрашивающего, гневно сдвинув черные брови: «Вы что, пустомелю из меня хотите сделать?! Вам известно, как наша

команда будет выглядеть через два месяца? И как поведут себя противники, тоже знаете? И что вратарь наш не поскользнется, и наш бомбардир не порвет мышцу? Так вот, я, в отличие от вас, всего этого не знаю, и в словесные бирюльки играть не намерен. Поищите кого-нибудь другого — мастера болтать».

Я встречал многих, кто полагал его грубияном, путаником, с которым кашу не сваришь. Этот переполненный идеями тренер всем тем, кто под идеей понимает лозунг и реверанс, казался безыдейным. Такая была у него участь: с 1960-го по 1970-й, сделав для нашего футбола необычайно много, он слыл неудобным, в лучшем случае его называли оригиналом, но и в этом отзыве сквозило отрицание.

Никогда не спрашивал его, хотел бы он тренировать сборную. Но видя, с каким пристрастием, как зорко он за ней наблюдает, как переживает неудачи, могу предположить, что руки у него чесались. Да и был он тогда в могучей силе, если кого-то шестидесятилетие и ограничивает, то к Маслову это не относилось.

На чемпионате 1970 года в Мексике, где Маслов снова, как и в Англии, был наблюдателем, он выбрал для себя подгруппу в Гвадалахаре, где играли команды Англии, Бразилии, Чехословакии и Румынии, по- моему, намеренно, чтобы быть вдали от нашей сборной. Он слишком хорошо знал, что вмешательство, подсказки ни к чему хорошему не ведут, он и сам бы их не потерпел. Ну и чтобы не огорчаться.

А тогда сложилась ситуация, которая как раз более всего огорчала Маслова. Сборная существовала сама по себе, поодаль от ведущих клубов. Игроки приходили в сборную из клубов — динамовских Киева, Тбилиси, Москвы, из «Спартака», ЦСКА, но там линия их игры была другой.

Разговоры в журналистском кругу о том, что было бы славно Маслову поработать в сборной, возникали и из-за его человеческой колоритности, и из-за достижений на клубном поприще, но более всего они были реакцией на недоумение: почему сборная стоит особняком от клубов, выглядит отстающей, старообразной? Мы не знали, как объяснить, но это повторялось трижды.

На чемпионате 1958 года, где наша команда играла по общепринятым образцам, система четырех защитников, предложенная бразильцами, явилась новостью в равной мере для всех.

Четырех лет оказалось недостаточно, чтобы наша сборная перешла на эту систему — в 1962 году она осталась верна «дубль-ве».

В 1966 году, освоив наконец систему четырех защитников, она повторяла расстановку бразильцев восьмилетней давности, а за это время лучшие команды продвинулись вперед.

И в 1970 году, даже если считать, что схематически игроки были расставлены согласно новым требованиям, схема не ожила, осталась схемой, не объединила, не слила воедино футболистов, чувствовался разрыв между защитой и нападением, которые порознь занимались своим делом.

Там, на «Ацтеке», был сыгран матч, который для меня до сих пор, хотя прошло много лет, остается в памяти катастрофой, неким Ватерлоо. Это матч с уругвайцами в четвертьфинале. Ни с того ни с сего в составе появились пять защитников. Сам по себе факт мог и не быть криминальным, если бы у команды было надежное взаимодействие. Но когда и без того игра сшита на живую нитку, прибавление еще одного защитника равнялось капитуляции, безверию, ставка делалась на оборонительную надежность.

Это еще можно было бы понять во встречах с командами Бразилии, Англии, ФРГ. Но с Уругваем? Заранее ясно, что команда не из инициативных, что она сама согласна сидеть в осаде, ловя случайные шансы. Да и психологически подоплека (она бывает у каждого матча) складывалась в пользу наших мастеров. Над уругвайцами не могла не нависать память о пяти встречах, предшествовавших этой, в которых советская сборная без промаха и без особых затруднений одерживала победы, в том числе на первенстве мира 1962 года и дважды в Монтевидео в окружении злотемпераментных трибун «Сентенарио». Мне дважды приходилось писать отчеты о матчах СССР—Уругвай, и это была нетрудная задача, игры принимали односторонний характер: уругвайцы понятия не имели, как с нашими играть на победу, во избежание худшего избирали нулевой вариант, но выхлопотать его им не удавалось.

Не стану искать другие слова. Вот что я продиктовал в «Советский спорт» из Мехико. Непосредственные впечатления вернее всего. Отчет был озаглавлен «Чужая игра».

«О том, как огорчителен проигрыш, ничего нового не скажешь, каждый, кто в ту ночь сидел у телевизора, пережил его сполна.

По опыту предыдущих встреч с уругвайцами было известно, что нашим необходимо широко меневрировать, применять длинные передачи, подольше держать мяч, потому что эта команда терпеть не может оставаться без мяча, в нетерпении совершает опрометчивые шаги. С уругвайцами нельзя ввязываться в игру мелкую, тогда ничего не добьешься, ибо обороняться на

узких участках они привычны.

Первые минуты показали, что нашим футболистам известны эти общие соображения. Проходы по углам, прострелы вдоль ворот — все как надо. Вернейший голевой момент возник быстро. Еврюжихин обогнал защитника, послал мяч в центр на Хмельницкого, но тот, будучи метрах в восьми от ворот, засуетился и не подобрал мгновения, чтобы ударить. Примерно полчаса наши имели преимущество.

А потом случилось то, чего следовало опасаться. Игра приобрела уругвайский орнамент. Возле мяча стали возникать скопления игроков, игра дробилась на единоборства, пошла мелко, в обе стороны много штрафных. Уругвайцы в таких случаях не церемонятся, фолы их не смущают. В эпизодах они получше, благодаря ловкому обращению с мячом. В общем, они в своей стихии: мяч чаще у них — за ними и середина поля.

Правда, наша защита не оставляет им шансов для атак. Как и в предыдущих матчах, отлично играл Шестернев. И все же заметно, что оборонные линии нашей команды выполняли лишь одну, разрушительную, часть задачи. Каждый, кроме «свободного» Шестернева, был привязан к кому-то из противников и не помышлял о помощи нападающим. Да и наши крайние нападающие чересчур буквально заботились о предотвращении рывков защитников, уругвайцев, на что истратили уйму сил, больше, чем на организацию атак.

Словом, наша сборная начала играть, применяясь к противнику, никак себя в ответ не проявляя. К добру это не ведет. Матч принял закрытый характер, когда можно только ждать, что подвернется счастливый случай в образе какой-либо оплошности. Встреча шла к ничьей и совсем немного оставалось до той минуты, когда будет брошен жребий. Обе стороны, изнемогающие от двухчасовой борьбы, были, по-моему, согласны довериться слепой судьбе...»

Потом, как об этом многократно рассказывалось в футбольной литературе, на 116-й минуте уругваец Эспарраго забил мяч в наши ворота с передачи Кубиллы, по сути дела в незащищенные ворота. А незащищенные потому, что наши защитники и вратарь Кавазашвили подняли руки, показывая, что мяч, с которым колдовал Кубилла, пересек линию. Ни судья в поле, ни его помощник сигнала не подали. Наивная вольность наших игроков была жестоко наказана.

И вывод:

«Каждый матч мы обязаны оценивать в целом. Наша сборная провела его неорганизованно, без ясного плана, хуже, чем могла, если судить по предыдущим играм. Неудача тем более досадна,

что уругвайцы не оставили впечатления. Легко было представить, как при иной, не чужой, а своей игре наши могли их переиграть».

С тех пор минуло много времени. Тогда невозможно было предвидеть, что последует за этим матчем, было только чувство стыда. И до этого на трех чемпионатах мира наша сборная терпела поражения, но никогда — без боя, никогда — безвольно, никогда — отказавшись от активной борьбы. Пусть не ходила она в фаворитах, но с ней считались, ее побаивались, за счастье считали у нее выиграть. И на тебе, она или не она?

И ведь игроки в ней состояли крепкие. Смотрите: Кавазашвили, Афонин, Шестернев, Капличный, Дзодзуашвили, Хурцилава, Мунтян, Асатиани, Еврюжихин, Бышовец, Хмельницкий, на замену выходили Логофет и Киселев.

Я назвал их не для того, чтобы сказать — вот виновники. Нисколько не сомневаюсь, что каждый из них мечтал о победе, старался как мог и тяжко переживал проигрыш. Не удивлюсь, если и по сей день все они не забыли тот матч. Но они играли не так, как хотели, они были потерянные, разобщенные, не было командной идеи, которая объединяла бы, вела, умножала силы. Так и появился, и надолго, в практике сборной футбол ограниченный, приспособительный, опасливый, от сих до сих.

За чемпионатом мира 1970 года последовала лихая година: двенадцать сезонов без выхода на мировую арену и, вполне логично, без европейской арены — в чемпионате континента пропуск с 1972 по 1987 год. Годы застоя. Началось все это с матча с уругвайцами, как потом выяснилось. Неспроста такое гнетущее впечатление он оставил.

Не знаю, как у других, а у меня тогда пошатнулась вера в нашу главную команду. До этого было привычно, не теряя надежд, вести речь о всякого рода несовершенствах, рассчитывая, что нелицеприятность репортерская, глядишь, дает хоть небольшую пользу. После того матча думалось не о конкретных дефектах, не о тактических просчетах. Под сомнение было поставлено другое — чувство собственного достоинства, высота претензий, смелость, самостоятельность, то, что превыше любых частностей и деталей. Настало безвременье, наша сборная потеряла место и лицо.

Тогда в мировом футболе наиболее актуальным вырисовывалось соотношение откровенно оборонительных и атакующих начал. Съезд главных сил в Мексике рассматривался под этим углом. Нашу сборную вместе с уругвайской «записали» в разряд откровенно оборонительных. Туда же относили и итальянскую.

Тут грянул полуфинал Италия — ФРГ. Итальянцам удалось

забить гол, после чего их перестало что-либо интересовать, кроме своей штрафной площади. Оцепив этот прямоугольник, они с прилежанием полицейского наряда охраняли запретную зону. Смотреть на это однообразное занятие было тягостно: вместо игры —

туповатое препирательство по приказу «Не пущать!». Футбольная игра испарилась, исчезла: толпа в белом куда-то рвалась, а толпа в голубом преграждала ей дорогу. И право же, если бы не знать, что это матч, возник бы вопрос: что происходит, чего эти люди добиваются, что не поделили? Последний порыв немцев. К нему присоединился защитник Шнеллингер, он по прямой пробежал половину поля, его заметили, откинули мяч, и он, как бежал, в том же направлении изо всей силы ударил. А силен он был необычайно. И мяч угодил в нижний угол. Это показалось мне как нельзя более справедливым, «полицейская акция» итальянцев обернулась пустыми хлопотами. И подумалось: ну все, голубой итальянский шарик лопнул, порок наказан, добродетель торжествует.

Добродетель и восторжествовала, но совершенно неожиданным образом. В дополнительное время итальянцы кинулись играть. Немцы, как видно, готовились их «дожимать», веря в свое превосходство в атаке. И получилось полчаса ошеломляющего, головокружительного футбола. Сборная ФРГ забила два мяча, а сборная Италии — три. И нельзя было не почувствовать, что в основное время итальянские мастера занимались по принуждению не своим делом, а получив волю, отвели душу. Оборонительный футбол, когда к нему прибегают умеющие атаковать, не что иное, как футбол под запретом, посаженный в клетку. И думалось, теперь и в финале, проверив себя, итальянцы зададут работу бразильцам.

Но в финале итальянцы снова были отправлены в клетку (или сами в нее забрались?), бразильцам была предоставлена возможность вести игру, как им хотелось, без опаски. Свою, по сути дела сольную, партию они исполнили как признанные знаменитости на гастролях, зная, что дают представление на глазах у всемирной аудитории. Коль скоро для футбола обязательны две команды, то, кроме них, на «Ацтеку» выпустили итальянцев как необходимый фон, и пьеса была разыграна. 4:1. Не знаю, чего на этот раз боялись итальянцы, почему жались к своим воротам? При любом исходе их никто бы не упрекнул за проигрыш великолепным бразильцам. А сдача на милость победителей зачернила их призовое серебро, трудно было согласиться, что они — вторые в мире.

Мексиканский чемпионат стал чемпионатом Пеле. В 1958

году на стадионах Швеции 17-летний бразилец — худой, головастый, с глазами навыкате, лягушонок, радующийся чуду своего появления в сборной и на радостях творящий чудеса, — выглядел вундеркиндом, уникумом, на него и смотрели, ожидая, какую штуку выкинет. Та сборная Бразилии была прекрасна и сильна и без него, она предоставляла одаренному мальчишке себя проявить, помогала ему, гордилась им, ею выращенным.

Следующие два чемпионата для Пеле обернулись несчастьем. Оба он не доиграл, безжалостно выбитый из строя теми, кто получил задание «не дать играть этому самому Пеле». Он даже заявил во всеуслышание, что ноги его не будет на чемпионатах.

И вот тридцатилетний Пеле на своем четвертом чемпионате мира. Душа великого игрока воспротивилась поспешному, сгоряча, отказу. Это был и тот Пеле, что в Швеции, форвард, для которого нет ничего невозможного в фокусах с мячом (лучше сказать, с мячиком), но еще и другой Пеле —схватывающий и предвидящий всю игру, уже не форвард, не диспетчер, а предводитель. Он то играл один, сколько нужно, ни мгновением дольше, то заодно с товарищами, и тоже сколько нужно, без задержки, без лишнего. Уже не худой и эксцентричный — его сложение приобрело скульптурную законченность, мускулатура не ограничивала скользкую ловкость, рост и прыжок давали свободу в игре головой, легкий, неслышный бег неуловимо переходил в удар.

Пеле создавал живой образ игрока, все, что он задумывал, хотел, делал, было Игрой, он добыл, извлек из футбола все невидимое, тайное, головоломное и предъявил. У многих звезд, самых именитых, что-то получается лучше, что-то хуже. Пеле был равен самому себе в любом движении. Он был воплощением футбола. И то, что его называли «королем», это, на мой взгляд, близко лежащее, традиционное прозвище. Я не отвергаю его, пусть — «король». Просто Пеле, верный духу игры, был начисто лишен властолюбия, был истинным демократом, зная, что именно эта «форма правления» торжествует на зеленых подмостках.

Любопытно, что в фильме, ему посвященном, Пеле, отвечая на вопрос, какой из команд он отдает предпочтение — сборной 1958 года или 1970-го, назвал первую, несмотря на то, что и он сам, да и мы все понимаем, что за годы, их разделяющие, игра пошла дальше. Почему же он так ответил? Может быть, потому, что первая команда ему отдавала свою силу и он не мог этого не ценить, не испытывать благодарности, тогда как вторая была сильна его силой.

Со всеми этими впечатлениями я и вернулся из Мексики домой. Они не складывались в хорошо подобранный букет,

который можно было преподносить письменно или устно. Из «букета» жестко высовывалась неправота нашей команды перед футболом, тот странный зигзаг, который она совершила, да так, что голова пошла кругом.

Журналист в любых условиях должен выполнять свои обязанности. И все же, хочешь того или нет, дает о себе знать уровень, на котором работаешь. Не могу представить себя футбольным обозревателем в Люксембурге, на Мальте или Кипре. Для самоуважения, чтобы знать, что имеешь право судить о матчах мирового значения не отвлеченно, не сбоку, а сопоставляя и сравнивая их с теми, которые идут на своих стадионах, испытываешь необходимость, чтобы футбол, который ты представляешь, был представительным.

Не по душе мне, когда в прессе малейшая неудача своих команд сопровождается жалостливыми «к сожалению» и «увы». Это слезинки для приличия, чтобы показать преданность. Они не выручают, пустое дело «ахи» и «охи», всплеск растерянных, слабых рук. Неудача для нас звонок к началу работы.

Осенью 1986 года киевское «Динамо» в розыгрыше Кубка чемпионов переиграло «Селтик» из Шотландии, а год спустя в том же турнире уступило «Глазго Рейнджерсу», клубу из той же страны и такого же класса. В первом случае все подавалось как должное, а во втором — растерянное «к сожалению». Но за год киевское «Динамо» пошло на снижение, это и должно было стать предметом репортерских исследований и забот.

Как не сочувствовать своим футболистам, знакомым, близким, как за них не болеть! Но для журналистов чистой воды любительство поддаться сожалениям и отвернуться от смысла происшедшего. Иногда хочется пойти на стадион просто поболеть за какую- нибудь команду, как в юные годы. И не получается. Видишь, что противник играет лучше, и его победу, которая, казалось бы, должна тебя огорчить, воспринимаешь как логичную, и, хотя тебе не нужно писать о матче, в голове выстраивается рецензия, ничего общего не имеющая с симпатиями, которые ощущал, едучи на стадион.

Все это я отчетливо пережил на двух следующих чемпионатах: в 1974 году в ФРГ и в 1978-м в Аргентине. Там нашей сборной не было, и мы, журналисты из Советского Союза, смахивали на туристов. Необязательность давала о себе знать на каждом шагу.

В Англии, где наша сборная вышла в полуфинал и потом играла в матче за третье место, советским журналистам отвели на «Уэмбли» лучшие места — в первом ряду ложи прессы, за шикарными широкими пюпитрами, с великолепным обзором. Так

полагалось, и мы, как аристократы, пользовались всеми своими преимуществами. В ФРГ и Аргентине билеты мы получали не скажу что неудобные — на чемпионатах представителей прессы принимают как дорогих гостей,— но все же не в центре, а левее или правее. Попросить место получше не осмелишься: по какому праву?

В Аргентине со мной произошло то, что никогда не случалось. Я передал в Москву номер телефона пресс- центра и час, когда меня вызвать. Ни в тот день, ни на следующий редакция меня не вызвала, и я два дня промаялся с исписанными листочками. Ко мне то и дело подходили здороваться иностранные коллеги, знакомые по прошлым чемпионатам, и, как принято для начала разговора, протягивали сигаретные пачки. Я отказывался, пять лет как бросил курить. О своем злоключении помалкивал, не хотелось, чтобы жалели, делал вид, что посиживаю вроде бы от нечего делать, кого-то жду. В конце второго дня напрасных ожиданий из очередной протянутой пачки сигаретку я вытащил дрогнувшей рукой. А потом, чтобы не побираться, пошел и купил пачку. Нам не жизнь без связи, как разведчикам. В конце концов разговор с редакцией состоялся, все наладилось. Если бы на чемпионате играла наша команда, происшествие признали бы чрезвычайным. А тут ни работники редакции, ни я сам никакого дознания не производили, эко дело, газета смогла обойтись и без корреспонденции из Аргентины: наши там не играют.

IV

Существует в истории сборной смутная страница. Перед чемпионатом 1974 года наша команда попала в отборочную группу, победитель которой должен был встретиться в двух матчах с победителем одной из южноамериканских групп. Наши футболисты стали первыми в турнире с участием Франции и Ирландии. И теперь на очереди два матча с командой Чили. Первый — в Москве 26 сентября.

А за две недели до этого дня в Чили произошел переворот, власть захватила военная хунта, приспособившая стадион в Сантьяго под концентрационный лагерь. Мне довелось побывать на стадионе «Насьональ» прежде, в 1965 году: четкий контур, простор, молодой парк вокруг. Нашу команду тогда тепло встречала чилийская публика, возле отеля, где мы жили, с утра до вечера толпилась молодежь, каждому из делегации

аплодировали. Превратить в концлагерь стадион, на котором люди собирались в свои веселые часы, было вызывающим оскорблением народа. Уже по первым телеграммам было понятно, что нашей команде не к лицу появиться на обесчещенном стадионе.

А день матча с чилийцами в Лужниках приближался. И наша спортивная дипломатия сплоховала, не разобралась. Логично было бы обратиться с просьбой к ФИФА оба матча с чилийцами провести на нейтральных полях: один в Европе, другой в Южной Америке. Сделано это не было, и 26 сентября первый отборочный матч СССР — Чили состоялся. Ему сопутствовала обстановка растерянности, его не транслировали по телевидению, прессе не рекомендовали его освещать. Но 60-тысячная аудитория собралась.

Задолго до этих событий в редакции «Футбола — Хоккея» было обговорено, что писать об этом матче поручается мне. Так уж было у нас заведено, что заковыристые встречи комментирует редактор. Я, разумеется, не мог предположить, что меня ожидает. По своему значению матч заслуживал разворота — двух страниц еженедельника. Но накануне стало ясно, что появиться может лишь небольшая информация. Она и появилась — 50, строчек. Под ней нет подписи, но по праву автора приведу ее:

«Матч получился шаблонный и малоинтересный. Одна сторона, в лице нашей сборной, непрерывно вела атакующие операции, другая, чилийская, самозабвенно оборонялась. Бывает, что и при нулевом счете игра запоминается, если в действиях команд есть содержание и острота. В данном случае атакующие, постоянно пребывая на территории соперника, тем не менее создали считанные опасные моменты, обороняющиеся же даже не ловили шансов для контратак и все внимание сосредоточили на том, чтобы подальше отбивать мяч либо подольше его держать в сетях мелких передач.

Судя по составу, в котором вышла на поле наша сборная, она изготовилась к обоюдоострой игре, не предполагая, что развитие событий примет односторонний характер. Сделанные довольно быстро замены, после чего в команде оказалось четыре форварда, показали, что курс был изменен — на решительное наступление. Однако, выступая, по сути дела, в новом варианте состава форвардов (Гуцаев, Кожемякин, Онищенко, Блохин) при двух полузащитниках, из которых лишь Мунтян оказывал помощь передней линии, наша команда не нашла подходящего для данного случая способа игры. Атаки носили индивидуальный характер с явно обозначенным направлением угроз, что облегчало защищающимся, которых возле ворот никогда не было

меньше девяти, перекрывать эти направления. Наша сборная в этом сезоне провела немало ответственных матчей в Лужниках перед аудиторией любящей и взыскательной. Редакция надеется вернуться к впечатлениям и выводам об этой серии международных встреч».

Заключительная фраза, звучащая несколько зловеще —сейчас момент не подходящий, не до того, а после мы вам зададим, — требует пояснения.

Перед встречей с чилийцами для сборной в Лужниках были устроены четыре товарищеские встречи. И какие! Со сборными Англии, Бразилии, Швеции и ФРГ. Весь цвет мирового футбола «контролировал» наших. А результаты вот они, в том же порядке, в котором перечислены противники: 1:2, 0:1, 0:0, 0:1. Один гол Владимира Мунтяна — вот и все, что удалось в этой выдающейся серии. Что и говорить, экзаменаторы были строжайшие, и все же тщетность атак нашей команды была выявлена с предельной наглядностью.

И вот 0:0 с чилийцами. Все то же самое, если не принять во внимание, что противник был не чета предыдущим, да и значение матча во всех отношениях особое.

После того как первый матч был сыгран, наши организации обратились в ФИФА с заявлением, что ответный матч должен быть проведен на нейтральном поле. Заявление было отклонено, и право на поездку на чемпионат мира в ФРГ получили чилийцы, где они дальше первого круга не продвинулись.

Международные футбольные организации, как всемирная ФИФА, так и европейская УЕФА, сколько я помню, отличаются тем, что свято чтут букву закона, она, буква, символ их веры. Руководители ФИФА рассудили элементарно: коль скоро первый матч проведен на поле одного из противников, второй должен состояться на поле другого; правило это освящено веками, и, хоть все вокруг будет гореть ярким пламенем, оно должно соблюдаться. Если же кто-то не согласен, то это его дело, мы не неволим.

Повторю: наше заявление имело бы вес, если бы было сделано до матча в Лужниках. Теперь же, будучи правы по существу, наши футбольные организации оказались уязвимыми с точки зрения буквы регламента.

Футбольная дипломатия, как и любая другая, имеет свой «протокол». Отказ от встречи с чилийцами (она была назначена на 21 ноября) для всех нас был совершенно естественным, никому и в голову не могло прийти, что советская команда может появиться на поле «Насьоналя». Но жаль, что не был использован шанс с предложением о двух играх на нейтральных полях.

Что же до футбольного состояния нашей сборной, то оно большого доверия не вызывало. Хороших игроков немало, а постоянная командная игра не вытанцовывалась. Футболистов тасовали как карточную колоду, меняли, пробовали то одно сочетание, то другое. В упомянутой серии из пяти матчей на поле выходили 27 игроков, и только трое — Ловчев, Мунтян и Блохин — во всех пяти. Не было ясно, ни кому играть, ни как играть.

Какой разговор, конечно, хочется, чтобы твоя команда была на чемпионате. Но если бы она тогда и поехала в ФРГ, мне трудно представить ее среди лучших; скорее всего выше «своей» восьмерки она не поднялась бы, было бы повторение пройденного, не больше. Хотя, конечно, полезные уроки могли быть получены.

В 1974 году объявились две превосходные команды — сборные ФРГ и Голландии. Наверное, вернее было бы написать — Голландии и ФРГ, хотя чемпионом стала немецкая команда. Бразильцы на том чемпионате были не в ладах с самими собой, дерганые, злые, обиженные на весь свет за то, что не получается, как у их предшественников четыре года назад. Неоправданные претензии всегда вызывают жалость.

Но и в те дни, и сейчас, когда я их вспоминаю, всё затмевало одно имя — Круифф. Чемпионат Круиффа. Может ли быть такое, справедливо ли по отношению к смотру мировых сил, в котором участвовали прекрасные команды, замечательные мастера? Прошли годы, но я не отказываюсь от своего впечатления. И попробую его защитить.

Прежде всего я даю себе зарок обойтись без прилагательных в превосходных степенях; они сделались слишком стертыми от нашей чрезмерной щедрости в превознесении звезд разной величины. Образ Круиффа может только проиграть от шлейфа эпитетов, он заслужил право в пересказе отличаться от других звезд.

В январе 1967 года в редакцию «Футбола» доставили заграничный материал из трех фотографий и небольшого текста. Это было рекламное сообщение об игроке, которого признали самым большим открытием в европейском футболе 1966 года. Говорилось, что в первом круге чемпионата Голландии он забил 20 голов в 17 матчах. Результат хорош, но голландский футбол в ту пору считался провинциальным, и успех форварда «Аякса» в цифровом выражении фурора вызвать не мог.

В сообщении привлекло другое. Мимоходом, как о чем-то само собой разумеющемся, было упомянуто о технике и скорости, а упор делался на то, что 19- летний голландец, будучи хрупкого сложения, наделен неиссякаемой энергией и неистребимой волей

к победе. И фотографии должны были доказать именно это: на первой позировал худенький юнец с аккуратным пробором школьника, на другой он буйно радовался голу, на третьей, как петушок, наскакивал на судью, годящегося ему в отцы и раза в два его массивнее. Были приведены слова вратаря английского «Ливерпуля» Лоуренса, пропустившего от юного голландца в двух матчах три мяча: «Я не мог угадать, собирается ли он дать пас, начать дриблинг или пробить по цели». Комплимент не общего свойства — наблюдение профессионала. В 19 лет так владеть собой и мячом — большая редкость.

Фотоочерк был напечатан, заочное знакомство с Круиффом состоялось.

А увидел я его в деле на стадионах ФРГ в дни чемпионата мира. К тому моменту он был знаменит, как Пеле. Бразильский «король» только что ушел в тень, и все взоры перекинулись на Круиффа, вожака сборной Голландии, внезапно из безвестности шагнувшей к рампе и потому особенно импонировавшей всесветной аудитории, обожающей чудеса.

У Круиффа к чемпионату вся грудь была в орденах: и его клуб «Аякс» трижды подряд выигрывал Кубок чемпионов, и два «Золотых мяча» хранились у него дома.

Но награды лишь отчасти характеризовали Круиффа. Тогда у всех на устах был термин «тотальный футбол», его связывали с «Аяксом», со сборной Голландии, с тренером Михелсом, а чаще всего с Круиффом. Иными словами, титулованный форвард имел славу первооткрывателя, сказавшего новое слово в футболе, что повыше, чем репутация сильного игрока.

В начале семидесятых годов «тотальность» выглядела модерном, доступным далеко не всем, ее изучали, к ней примеривались и от чемпионата мира ждали полной ясности.

Стадион в Гельзенкирхене, матч Голландия — ГДР. Самое первое впечатление от Круиффа—мальчишество и увлеченность. Это было странно, потому что ему 27 лет, возраст расцвета, он знаменитость, его только что приобрела у «Аякса» богатая испанская «Барселона», он не мог не знать себе цену. Но это было и прекрасно, ибо счастлив тот мастер, которому, несмотря на возраст и заслуги, футбол в радость, как и в те дни, когда он с нетерпением ждал своего часа.

Худое лицо с впалыми щеками, легко рассыпающаяся прическа, которую он не спешил поправить, мелькание по зелени газона беленьких игривых подошв его бутс, ловкость лавирования среди преследователей и сторожей, словно он, как в детской возне, удирал, не позволяя никому себя коснуться.

А когда игра закрутилась, вскипела, Круифф открылся в

зрелом искусстве. Приходилось вертеть головой и напрягать внимание, чтобы не терять его из виду. Форвард, он оказывался в любых точках поля, за исполнением любых обязанностей, даже на месте заднего центрального защитника, «чистильщика». Складывалось впечатление, что Круифф поступал так, чувствуя себя хозяином игры, обязанным наведываться всюду, где могло понадобиться его участие. Он играл и руководил, собственным примером заставляя партнеров быть верными избранной для всех линии. И атака, и оборона, и отбор мяча касались всех, кто был в оранжевых, огненных, жарких футболках, все должны были уметь сделать то, чего требовал момент, отвергнув старые представления о разделении труда, никому не дозволялись паузы и простои, постоянно в движении все десять.

В футболе давно ощущалась потребность ухода из-под гнета строгих тактических схем — это генеральная линия развития игры, ради нее пускались на разные ухищрения, но никто до голландцев, до Круиффа не заходил так далеко, никто так решительно не менял строя всей игры.

Тот матч сборная Голландии выиграла 2:0 без каких-либо затруднений, он был для нее не из сложных.

А следующий, полуфинальный, ей предстояло провести с бразильцами. Испытание по всей строгости.

Прекрасная была игра, одна из тех, по которым складывается суждение о чемпионате в целом. Бразильцев одним движением и скоростью не одолеешь, более всего они не выносят, когда их подолгу оставляют без мяча. В отчете об этом матче, удивленный увиденным, я написал: «Кто тут бразильцы?!» Сопоставление с изощренными в технике мастерами открыло еще одну сторону классного тотального футбола. Не будучи внешне столь пластичными, как бразильцы, угловатые с виду голландцы не уклонились от вызова посостязаться в тонкой работе с мячом и вышли победителями. А Круифф так тот просто отводил душу в этом состязании, оно его вдохновило, прибавило интереса.

Два красивейших гола увенчали игру — именно игру — голландцев. Они были похожи: прорыв по флангу, передача в центр на бегущего партнера и удар по летящему мячу. В первом случае комбинационный росчерк принадлежал Круиффу и Неескенсу, во втором — Кролу и Круиффу. Роли и пасующего, и забивающего Круифф исполнил безукоризненно.

Оказался прав тот безымянный автор, который в 19-летнем голландце выделил неиссякаемую энергию и неистребимую волю. Таким же выглядел Круифф и в 27 лет, это было его человеческой сутью, его природным даром. Он как нельзя лучше был создан для того футбола, который избрал для себя.

Он выделялся бы и в команде среднего достоинства. Его счастьем стало, что одновременно с ним выдвинулась группа больших мастеров: Хаан, Рисберген, Крол, Янсен, Неескенс, Реп, Ренсенбринк, Сурбиер, Ван Ханегем... Мастеров, которым по плечу и по нраву была игра нового направления. Голландская сборная во главе с Круиффом была нова, как в витрине на Елисейских полях, любой непредвзятый наблюдатель не мог не вообразить ее чемпионом.

Финальный матч голландцы проиграли сборной ФРГ —1:2. Объективно рассуждая, ничего несуразного в этом нет. Их противники в том году были сильны как никогда, среди них было достаточно звезд— Майер, Беккенбауэр, Мюллер, Фогтс, Брайтнер, Бонхоф. Да и коса нашла на камень: сборная ФРГ вовремя уловила тенденцию и перестроилась согласно требованиям тотального футбола.

Все это так. И, однако, осталось загадкой, почему не нашел себя в том матче, матче всей его футбольной жизни, Круифф. Он начал с поразительно дерзкого рывка на первой же минуте, в результате которого был назначен пенальти, забитый Неескенсом. Но больше ничего ему не удавалось. В гущу борьбы он не вторгался, на себя ничего не брал, лишь помогал, подыгрывал, подавал угловые, бил штрафные, но не руководил, не вел партнеров за собой, выглядел в лучшем случае советчиком, подсказчиком, суфлером.

Как такое могло случиться, судить не берусь. Тот день, 7 июля на стадионе в Мюнхене, не стал днем Круиффа. Большой футбол не так уж объясним, как может показаться, и эта загадка — одна из многих, хранящихся в его долгой истории.

Пеле дважды участвовал в финальных матчах чемпионатов мира и оба раза был их героем и в памяти остался не только искуснейшим, но и победителем. Круиффу не судьба была повторить путь Пеле, стать с ним вровень.

А в заслугах перед футболом Круифф способен потягаться с кем угодно. И с Пеле тоже. Если великий бразилец создал образец игрока, то Круифф — образец игры. Желание подражать вызывали и другие звезды — Диди, Копа, Чарльтон, Беккенбауэр, и это шло футболу на пользу. Но они становились примером для мастеров определенного круга обязанностей — свободных защитников, диспетчеров, атакующих хавбеков. Круифф, как и они, оказал влияние, имел последователей в разных странах. Скажу больше: в каждом из ныне играющих футболистов есть что-то от Круиффа. Хотят они того или не хотят, думают об этом или не думают, получается у них или не получается, но, играя в футбол, который мы называем современным, они продолжают

начатое Круиффом и его партнерами по «Аяксу» и сборной Голландии. Вот уж истинно — звезда путеводная!

Еще раз напомню: рассказываю о чемпионатах мира как об отправных точках для работы репортера. Оперативные заметки, впечатления о странах, знакомства, переживания на стадионах — все это можно предвидеть, даже запланировать. А для работы впрок что- то должно удивить.

Вот, например, центрфорвард чемпионов мира— Гердт Мюллер. Он забил в финале второй, решающий, гол. И в полуфинале — тоже. Его я не раз видел и раньше, и можно было сколько угодно разводить руками по поводу феноменальности этого игрока, с гаубичными короткими ногами, приземистого, которого ни разу не видел лежащим на земле, настолько он устойчив. Играя в своей сборной, Мюллер голов провел больше, чем матчей, — один он, наверное, такой в мировом футболе. Но он — сам по себе, играл по-своему, в свой собственный, уникально результативный футбол, был исключением и ни для кого не мог служить примером. Скажем, если бы я, вернувшись с чемпионата, печатно заявил, что «нужно воспитывать мюллеров» — это было бы несбыточной нелепицей.

А игра Круиффа — хотя и было ясно наперед, что снять с него копию, пустить его под копирку невозможно, да и не нужно, — останется надолго образцом, по которому можно сверять игру не обязательно звезд, но и рядовых мастеров, отыскивая не похожесть, а принципиальное повторение.

V

Следующий чемпионат, аргентинский, заставил задуматься над новым явлением. Так повелось, что с 1958 года, как только приближалось время очередного чемпионата, наибольшее любопытство вызывали сообщения из бразильского лагеря. Три победы, завершившиеся тем, что «Золотая богиня» была навечно увезена в сейфы Рио-де-Жанейро, создали сборной Бразилии неслыханную репутацию. Перед ее победами и блеском ее игры склонялись самые гордые головы. Неудачи других достаточно известных команд на чемпионатах тут же забывались, когда же неудача подстерегала бразильцев, ее обсуждала на все лады пресса всего мира не один месяц и не один год. Бразильцы были завоевателями в том, должно быть, единственно приятном значении этого слова, когда оно несет не беду, а удовольствие и благодарность. И когда они не доходили до вершины, это

комментировалось не как закономерность или отступление, на первый план выходили побочные причины: просчеты тренера, травмы игроков, внутренние распри, финансовые неурядицы, роковые случайности. Первенство в футбольной одаренности не оспаривалось. Так было и в 1966, и в 1974, и в 1978 годах, замечу наперед, что и в 1982, и 1986 годах. И это не было всеобщим ослеплением, низкопоклонством, гипнозом, традиционным мышлением. Бразильцы, и не добираясь до главного приза, успевали восхитить аудиторию, оставить ее под впечатлением незаслуженности своей неудачи, вызвать сочувствие и симпатии.

И всегда были наперечет команды, которым можно было бы со спокойной совестью предсказать большую удачу, игра которых просилась бы в образец. Большинство участников чемпионата проходили по его сцене незамеченными.

Аргентинский чемпионат 1978 года заставил смотреть во все глаза, не дожидаясь финала, там интересных, играющих классно команд оказалось больше, чем можно было предположить, больше, чем бывало на прошлых чемпионатах. Редакция мои маршруты не контролировала, я мог выбирать какие угодно матчи и писать о чем душе угодно. Благодаря этой свободе, я повидал команды Венгрии, Австрии, Испании, Франции, Швеции, Италии, ФРГ, Бразилии, Голландии, Аргентины на стадионах, да и все остальные в пресс- центре — по телевидению. И хотя чемпионат этот был пятым, на который меня командировали, он оказался сложнее для выводов, чем остальные. Впечатления дробились, как отражение солнца на водной зыби. Так называемых проходных матчей не было, едва ли не каждая команда предлагала собственное истолкование господствовавших тогда идей. Впереди — по игре — оказались не одна-две команды, как прежде, а несколько, и то, что неумолимый турнирный нож отсекал их одну за другой, вызывало сожаление.

Царственные бразильцы ни разу не проиграли, и в этом выразились их ловкость, помогавшая выпутываться из головоломных ситуаций, их интуитивное, в детстве приобретенное понимание игры. Однако в свои наступательные операции они не вкладывали вдохновения и азарта, словно ожидая, что удача явится сама в награду за виртуозность. От своих великих предшественников эти бразильцы унаследовали шикарные внешние манеры, но духом борьбы пренебрегли. Как это ни чудовищно, ни оскорбительно звучит по отношению к бразильской сборной, но она по всему своему поведению была оборонческой. Вот уж чего никто не мог предположить! Ее третье призовое место не отвлекло наблюдателей от более чем странного превращения. Мне думается, бразильцы пустились на

наивную попытку сыграть на чемпионате в европейской манере, «по-научному». Но это был не их футбол, не родной. Какие-то иностранные бразильцы! Их не признали ни на стадионах Аргентины, ни тем более на родине — маскарад не удался.

Общее впечатление о чемпионате сложилось быстро и в оптимистическом духе: футбол хорош, борьба нешуточная, никто ни перед кем шапку не ломает. И вдруг диссонанс: Италия — ФРГ. Немцы предложили образчик примитивного, отсталого футбола. Махнув рукой на свое звание чемпионов мира, они запрограммировались на нулевую ничью. Оставив на всякий случай впереди одного форварда, Фишера, они занялись мельничной работой, жерновами спрессованной обороны перемалывали наступление итальянцев. Искомая ничья и очко были добыты. Вскинулся, зашумел, сердито застрекотал клавишами машинок всесветный пресс-центр. Сборной ФРГ не простили, в том числе и журналисты ее страны, добровольного ухода от игры самостоятельной, которая только и может принести признание. Такая дружная реакция мировой прессы показала, что представление о большом футболе несовместимо с опасливой, перестраховочной линией поведения, с поисками половинчатых шансов. Такую реакцию видеть было приятно, она подтверждала, что и ты у себя дома не белая ворона.

На том чемпионате мне пришлось давать интервью. И очень трудное. Ко мне то и дело обращались в пресс-центре с вопросом: «Что у вас происходит?» — имея в виду, что советская сборная уже второй чемпионат пропускает. Я пожимал плечами, отшучивался, переводил разговор на другое, в общем актерствовал. Но один журналист, из Швейцарии, вцепился в меня как клещ. Человек в возрасте, с розовым лицом, обрамленным сединой, он отверг шуточки и солидно, по-деловому попросил дать ему интервью. На следующий день он отыскал меня, с ним был переводчик, нашли тихий уголок, и деваться было некуда. Да в конце концов существует профессиональная солидарность, в пресс-центре принято помогать друг другу.

Сразу выяснилось, что мой собеседник знает все, что служит поводом для интервью. Знатоками я не решился бы назвать всех, кто носит значок прессы, немало и случайной публики. Но есть знатоки. Это люди, следящие за футболом в мировом масштабе, энциклопедисты, располагающие обширным досье, с широким кругом знакомств, они с усталой скептической улыбкой отвергают возможность каких-либо симпатий, кроме совершенно объективных, заслуженных — по достоинству игры. Это считается высшим классом поведения и работы. Они не суетятся, не

гоняются за сенсациями и слухами, не ходят на пресс-конференции слушать тренеров после матчей, живут своим умом, следуют собственной программе. Вот такому знатоку и потребовалось запастись сведениями о советском футболе, несмотря на то, что он не был представлен на чемпионате.

Журналисту из Швейцарии было известно, что в отборочном турнире наша сборная проиграла венграм в Будапеште и грекам в Салониках, что и не позволило ей приехать на чемпионат. Он помнил, видел воочию проигрыш наших в 1970 году уругвайцам и, упомянув о нем, покачал головой. Были названы и неудачи наших олимпийцев в 1972 и 1976 годах. И то, что нашей команды не было в заключительных матчах чемпионата Европы 1976 года. Он сослался на матч ФРГ — СССР в Брюсселе, финальный чемпионата Европы, проигранный 0:3, и опять покачал головой.

Второе место, занятое в том розыгрыше, мы вправе числить среди заслуг, что и делаем, составляя исторические хроники. Но собеседник был не промах, он призвал в свидетели тот финал, потому что слишком легко, не в пример прошлым встречам этих же команд, была переиграна наша сборная. Он даже — и это меня удивило — знал, что у нас в чемпионате страны с этого года введен лимит ничьих, и знал, по каким причинам. Выговорив всю эту информацию, видимо, для того чтобы не заниматься фактами, он и задал свой единственный вопрос: «Как вы все это объясняете?» Дальше я видел его розовый лоб, склоненный над листом бумаги, и бесстрастные глаза изготовившегося переводчика.

Я признал, что семидесятые годы наш футбол переживает трудно, что он потерял ранее забронированное место и что наша пресса сейчас тем и занимается, что ищет причины. Я говорил намеренно медленно, как будто диктовал, по фразе, по слову. Сидя над бумагой, какую-нибудь фразу переделаешь несколько раз, пока она тебя не устроит, а тут сказал — и возврата нет. На всю жизнь запомнил один фокус. Писал я для «Франс- футбола» и выразился так: «Не каждый год удается увидеть всех лучших мастеров». Что может быть безобиднее? А там, в редакции, ее перевели следующим образом: «Не каждый год советским журналистам удается увидеть всех лучших мастеров». Ловко сработано, и не придерешься.

Доложил я швейцарцу все, о чем сам думал. Что сборная наша и ее тренеры не сумели примениться к происшедшим в футболе изменениям, не перестроились на тотальный лад и, видя свое отставание, чтобы остаться на плаву, ударились в оборонительные построения, как сборная ФРГ в матче с Италией, вместо того чтобы развивать игру, искать новое, принялись

хвататься за соломинку спасительных очков и ничьих, которые до поры до времени создают видимость приличного существования. Но это чистой воды обольщение, и пока так все и будет продолжаться, ничего путного не получится.

Сказал я и о том, что, как всегда, в борьбе идей и концепций рано или поздно побеждают здоровые силы, напомнил о выигрыше киевским «Динамо» Кубка кубков в 1975 году (швейцарец, не поднимая головы, одобрительно закивал), о победе советских юниоров на чемпионате мира в Тунисе в 1977 году (и опять он согласно закивал). Пообещал, что на следующий чемпионат мира, в Испанию, наша сборная приедет.

По опыту встреч с иностранными журналистами знал, что может прозвучать вопрос о нашем любительском статусе. Репортеры пожелтее задавали этот вопрос с подвохом, вроде бы разоблачая. Такие знатоки, как этот швейцарец, относились иначе: «Послушайте, вам же самим хуже, футбол — серьезное дело!» Предваряя этот вопрос, сказал о том, что нам еще предстоит отыскать наилучшую форму существования футбола, что его юридическая и финансовая сторона не реализованы, но мы пока не знаем, как это полагается делать (швейцарец опять закивал).

Закончив монолог, я почувствовал облегчение. И не потому, что формулировки требовали напряжения. Я одновременно и для себя самого выговорился. Мне это, наверное, было необходимо: первоклассный футбол, предложенный на чемпионате, дразнил, травил душу, заставлял каждую минуту остро чувствовать отсутствие своей команды.

В самолете, который нас повез домой через Чили, Перу, Кубу, салон первого класса пустовал, и экипаж любезно предложил его занять нам, журналистам и тренерам-наблюдателям. Знак внимания был приятен вдвойне: не забыли, верят, надеются. Командир выдал каждому из нас диплом о пересечении экватора, и я его храню как память не столько о полете, сколько о бодром настроении нашей компании. Летели мы к своим делам, к своему футболу. В салоне ночью мы уединились с Валерием Лобановским возле задернутого шторкой окошечка. Не помню, о чем шел разговор. Помню только, что круто спорили. И это было хорошо: нам всем предстояло разобраться во впечатлениях, понять, что ждет, что делать. Мы увидели сразу много сильных команд, и не быть среди них нашей просто нестерпимо.

На XII чемпионат мира, проходивший в Испании, «Футболу — Хоккею» командировку не выписали. Меня спрашивали: «Как же так?» Я ответить не умел. Дела этого рода в учреждениях решали келейно, окружали тайной, так что было бесполезно, да и некому,

задавать вопрос, почему единственное специальное издание осталось без корреспондента.

Люди мы ко всему привычные, и я вовсе не себе в утешение, а умиротворенно решил: «Нет худа без добра, проведу месяц возле цветного телевизора, полюбуюсь в свое удовольствие, голова не будет заморочена необходимостью писать, в конце концов, на своем веку и поездил и поработал достаточно».

Не вышло как хотел. «Огонек» и «Юность» в покое не оставили, несмотря на отговорки: «Но я же в Москве». «Ну и что?»—услышал я в ответ. С редакциями этих журналов я дружен много лет и артачиться было бы некрасиво. Работать с телеэкрана мы научились, в «Футболе — Хоккее» на этот случай изобрели рубрику «Вместе у телевизора». Читая материалы под этой рубрикой, читатель понимает, что у журналиста те же наблюдения, что и у него, и предстоит сверить оценки.

Способен ли диван напротив домашнего экрана конкурировать со скамейкой ложи прессы? Не упоминаю дорогу, толкотню в метро, дождь, холод, отвлекающие пожимания рук и разговоры— для репортеров все это несущественно, к месту события нас тянет, мы ни с чем не считаемся, у нас собственный, с оттенком гордости отсчет: «Был, присутствовал», и отсчет этот с годами дорожает: приятно козырять тем, что не прозевал, был свидетелем. И все же то и дело остаешься один на один с экраном.

Многим сидевшим на стадионе известно ощущение после матча: «Надо будет обязательно взглянуть «по телику», в программе «Время» или в «Футбольном обозрении», как забивали гол. То ли рикошет, то ли защитник столкнулся с вратарем? А пенальти за что?» Когда-то, в дотелевизионную эпоху, обо всем, оставшемся неясным, мы выведывали друг у друга, обращались к авторитетам, выуживали объяснительное словечко в газетах. Теперь к нашим услугам телеповторы, рентгеновские показы драматических моментов с разных точек.

Во время Олимпиады 1972 года в Мюнхене несколько дней из-за радикулита я провел в гостиничном номере возле телевизора. Вечерами меня навещали коллеги, вернувшиеся со спортивных арен. Разгоряченные, они живописали увиденное, прежде чем сесть за работу. Я им завидовал, однако не без удовольствия поправлял и уточнял их рассказы — какое-то преимущество перед ними у меня было. Не знаю, пользовались ли они моими замечаниями, но уши вострили.

Достоинства телепоказа несомненны. И все же, если говорить о футболе, который пока в экран не вмещается, достоинства эти не в силах полностью заменить впечатлений, полученных на

стадионе. Совершенно точно знаю, что не взялся бы подробно писать о Круиффе, если бы видел его только по телевидению. Думаю, что не написал бы и книжку «Форварды» о членах Клуба имени Григория Федотова, если бы всех их воочию не перевидал на зеленых газонах.

Телепоказ избирателен: кадры на экран шлет режиссер, и, как правило, все они неотлучны от мяча, он — в фокусе. И правильно: транслируется событие, надо идти за ним шаг в шаг, особенно не отвлекаясь. Да и огромную телеаудиторию, следящую за сюжетом, это устраивает.

А журналиста, кроме сюжета, интересует и многое другое. Это тактический рисунок атак; расстановка защитников; то, что происходит на том фланге, где мяча нет; поведение игроков, находящихся вдали от завихрения. И, наконец, хочется не терять из виду главные фигуры, независимо от того, участвуют ли они в эпизоде. Скажем, в матчах, где играл Круифф, я с него глаз не спускал. Мне это было нужнее, чем зигзаги мяча.

Если матч удается на славу, я обычно жалею, что поленился, не поехал на стадион, не все понял. Матчи средненькие, серые сожаления не пробуждают, наоборот, думаешь, что бог миловал: не хватало ради такого сомнительного зрелища терять время.

Есть и другая сложность — комментарий. Телекомментатор — такой же журналист, как и ты, со своим видением, со своими представлениями о футболе, о нравственности и о русской речи тоже. Ваши взгляды и слова могут совпасть. А если не совпадают? Если принципиально расходятся? Если вульгарность пояснений убивает картинку? Легко ли, скажем, терпеть назидательный тон, когда любая—понятная, натуральная, извинительная—неточность большого мастера сопровождается нудными попреками, указаниями, как он должен был поступить? Противно слушать, когда поучали Марадону, Платини, Блохина, словно первоклашек.

Журналисту необходимо самому прийти к выводу, самому заметить достойное внимания. Пусть потом выяснится, что он не один того же мнения, но все же он сам вывел свое заключение. А повторять с чужих слов — гиблое дело.

Николай Озеров, Владимир Маслаченко, Коте Махарадзе — мои товарищи, я уважаю их знания, опыт, взгляды, но не думаю, что из этого должно следовать полное с ними согласие. Да и аудиторию вряд ли устраивает одноголосие откликов, она охотнее вылавливает варианты, особенности, расхождения, чем совпадения.

В комментировании матчей у нас в чести стиль, который я назвал бы «сентиментальным». Он построен на эмоциях, на

нагнетании страстей, рассчитан на болельщика, который подскакивает на своем диване.

Игра на чувствах—занятие обоюдоострое. Войдя в роль, комментатор, хочет он того или нет, впадает в перехлесты. И глядишь, желаемое выдается за действительное, неважная игра — за превосходную. Происходящее на экране меркнет за завесой слов, голос за кадром неведомо по какому праву обретает исключительное значение, начинает существовать сам по себе, и неясно, что же делать: смотреть или слушать?

Построенный на чувствах репортаж искажает зрелище; пустяковый промах ни с того ни с сего превращается в вопиющее безобразие, случайная удача — в подвиг, поражение — в трагедию, скромная победа — в триумф. Один лишний пропущенный гол оборачивается поводом для скоропалительных выводов не только о сегодняшней игре, но и в целом о бедственном состоянии дел в футболе, и, наоборот, один лишний забитый — преподносится как знак процветания.

Такой комментарий, как мне думается, все более устаревает, он рассчитан преимущественно на аудиторию слабо подготовленную, а потому легковерную. Если она и была такой когда-то, то ныне наших болельщиков, представляющих крупнейшую спортивную державу, одной чувствительностью не обольстишь.

Комментатор, казалось бы из лучших побуждений торопящийся чрезмерно превознести победителей либо в пух и прах разнести побежденных, на самом деле ставит футболу и аудитории подножку. Это бросается в глаза, когда одна и та же команда вскоре после победы терпит поражение или после поражения одерживает победу. Тональность комментария меняется до неузнаваемости: неделю назад разруганные превращаются в молодцов, а вчерашние молодцы — в мокрых куриц. Нагнетание чувств не что иное, как нервический стиль, который никогда никого не приближал к истине.

Да и кроме того, слушая комментарий, который по аналогии с известной разновидностью игры заслуживает наименования «Бей — беги!», начинаешь думать, что репортер не просто работает в той манере, которую выбрал и готов защитить и обосновать, а умышленно, нарочно ею пользуется, чтобы произвести благоприятное впечатление своей воинственной преданностью. На кого же произвести впечатление? А просто долгие годы было принято делать хорошую мину при плохой игре, неудачи считать случайностями, валить вину на судей, что легче и дешевле всего. Благодаря такому звуковому ряду, пусть он и не совпадал с изобразительным, а то и прямо ему

противоречил, удавалось наводить тень на ясный день. Кто-то на своих диванах попадался на удочку, а из умевшие смотреть диву давались.

Бьют пенальти в ворота нашей команды. Комментатор либо прямо заявляет: «Ни за что!», либо произносит: «Оставим это решение на совести судьи», да таким тоном, что ясно: какая там совесть?!. Бывало, я не выдерживал и звонил Николаю Гавриловичу Латышеву: «Что скажете?» — «Чистейший пенальти, никаких сомнений». Я успокаивался, но ведь не каждый может свериться с авторитетнейшим арбитром. И что остается? Негодовать, развивать в себе подозрительность. Но какого же поведения тогда ждать от зрителей?

Всей душой я за комментарий реалистический. Тот, при котором во главу угла ставится то, что действительно есть, а не то, чего хотелось бы, заставляет смотреть правде в глаза, а не выдувать мыльные пузыри иллюзий. Комментарий мужественный, как сам футбол, умный, разнообразный, как сам футбол, и, как футбол, не терпящий суеты, суесловия и подтасовки.

Работать для газеты или журнала возле телевизора не так просто, как может показаться. Иногда, если почувствуешь, что закадровый голос начинает уводить в сторону, морочит голову, выключаешь звук. Смотришь «тихий» футбол, и все становится на свои места; уходишь из дискуссии, которую внутренне вел, и начинаешь привычно, самостоятельно работать, готовишь свой отзыв об увиденном.

Конечно, репортеру, находящемуся у телевизора, необходим такт: с самого начала надо дать зарок не равнять себя с теми, кто смотрит матч на стадионе, и уж тем более не воображать себя искусником, которому нипочем расстояние в тысячи километров. Оно сказывается: нет общения с коллегами в пресс-центре, которое всегда наводит на мысли, не можешь выслушать тренеров, взглянуть вблизи на футболистов, почувствовать их состояние, неощутима погода, реакция зрителей. Картинка есть картинка, она сжата в рамке пространства и времени: полтора часа игры и ни минутой больше.

Значит, и брать на себя надо то, что можешь взять. И обязательно с первых же слов признаться читателю, что ты не там, а здесь, а то иногда фальшивят, умалчивают, пишут так, что можно подумать, что автор на чемпионате.

Я не то что допускаю, а совершенно уверен, что, будучи «московским спецкором» испанского чемпионата для «Огонька» и «Юности» и мексиканского — для «Известий», далеко не все сумел так рассказать, как если бы был спецкором испанским и мексиканским. Но, видимо, отчасти выручала память о

чемпионатах, на которых бывал ранее, имел с чем сравнить, чем дополнить «картинку».

Скажем, проявившееся еще на чемпионате 1978 года увеличение числа сильных, разных команд, способных оспаривать призовые места, что стало ведущей тенденцией мирового футбола, было отличительной чертой и двух следующих чемпионатов. Для такого вывода достаточно телевизора.

Не оставило телевидение в секрете и причины того, почему советская сборная и в Испании, и в Мексике раньше срока выбывала из борьбы. Старая, бесконечно повторяющаяся история: никак не научатся у нас привести в соответствие игровой класс футболистов со всем тем, от чего зависит его проявление. Если раньше, как уже говорилось, наша команда отставала в тактике, запаздывала с модернизацией, то в 1982 году в Испании ее подвел тренерский разнобой, несовместимость К. Бескова и В. Лобановского. В 1986 году в Мексике скоропалительная подмена за 19 дней до начала сборной, которую возглавлял Э. Малофеев, киевским «Динамо», только что выигравшим Кубок кубков. Экспромт удался наполовину: позволил команде, приехавшей в Мексику с корабля на бал, произвести первыми матчами впечатление, но затем растерявшей и задор, и стройность, что, справедливости ради, полагалось объяснить отсутствием необходимой подготовки.

В который уже раз что-нибудь да не слава богу! Впрочем, для того чтобы знать о нашей неорганизованности, не требуется ехать за тридевять земель: она нам известна, и возле телевизоров.

Сомневаться в игровом умении наших мастеров давно уже не приходится. Но с удивительным постоянством они попадают в экстремальные ситуации «наибольшего неблагоприятствия». Вернее, не попадают, а привозят их с собой из дома.

Каждый чемпионат мира нов и по-своему прекрасен. Дистанция в четыре года между ними не кажется чрезмерной: этого срока как раз хватает, чтобы улеглось взбаламученное футбольное море, чтобы собраться с умом и силами перед очередным дальним плаванием.

Мне, репортеру, работавшему уже на семи чемпионатах (а это более тридцати лет), ничего не остается как закончить вопросом: придет ли время, когда наша сборная явится на чемпионат во всеоружии своей игры, свободной от вериг недоразумений, неподготовленности, неорганизованности? Вывод, может быть, и печален, но все ее провалы и полууспехи на чемпионатах мира в большей мере предопределяются дома, чем на полях игры.

Но что бы то ни было, чемпионаты мира, эти горные цепи, всегда будут властно тянуть к себе, владеть сердцами, сведя с

ними знакомство, уже не мыслишь без них большого футбола.

НОЧЬ В ПОЕЗДЕ

Ни в какой другой город я столько не ездил, как в Киев.

Ни по какому другому городу столько не кружил. Наши командировки весенние, летние: тянули к себе днепровское плавное кудрявое взгорье, длинные набережные с неподвижными, как их поплавки, удильщиками, стадиончик «Динамо», где и без футбола приятно посиживать на дальней скамье в тени старых деревьев. Киевские площади, театры, музеи, редакции, церкви, памятники, скверы, рынки, вареничные, гостиницы, маршруты метро и троллейбусов я не то что припоминаю, я их знаю, как свои московские, знаю так, словно среди них живу.

Июньский солнечный день, открывали памятник расстрелянным оккупантами четырем динамовцам. Строем стояли мальчишки из футбольной школы, старавшиеся быть серьезными, женщина — секретарь горкома разрезала красную ленту. Неподалеку, в бассейне, прыгали в воду, гулко вскрикивали, и тишина вокруг памятника казалась хрупкой, стеклянной. И пока эта тишина была цела, в глазах стояли двое из четверки, те, кого видел: вратарь Николай Трусевич и хавбек Иван Кузьменко — сильные, молодые, на зелени предвоенного московского стадиона «Динамо».

Мне нравилось слоняться во внутреннем дворике республиканского стадиона, мавританском, с колоннадой, слушать степенные, солидные речи до матча и горячечные — после; нравилось, проводив оба автобуса с командами, не спеша выйти на улицу, еще возбужденную, перекрикивающуюся, толкающуюся. Как и дома, в Киеве я обзавелся собственным ритуалом посещения матчей.

.Кроме знакомств необходимых мне, там выпала удача найти надолго душевную близость. Михаил Михайлов, работавший в журнале «Старт», перед футболом благоговел, любил его возвышенно и всепрощающе. Меня он высмотрел при первом появлении на киевском стадионе и отличил без выведывания и приглядывания: для него было достаточно моей причастности к миру футбола. Завязалось сотрудничество: он писал для «Футбола — Хоккея», я для «Старта». Прогулки по Киеву, в которых он был восторженным, неутомимым гидом, вечера в кругу его милой семьи — все это сделало свое дело: мы подружились.

Среди журналистов, пишущих о футболе, немало таких, для кого эта тема единственная, — трудно представить, чтобы они занялись чем-то другим. А есть и такие, кто пришел к футболу, сделав выбор. Михайлов пописывал рассказы, лирические,

юмористические, и сообщал мне об этом не без смущения, проверяя, как я отношусь к измене. Для вида я журил его — ему, при его влюбленности в футбол, по-моему, этого даже хотелось. Но в глубине души я знал, что футбольной теме совершенно необходимы люди в ней не запаянные, как в ампуле.

Михайлов изрядно потрудился для киевского футбола: он преподносил его в центральной прессе, помог написать книги известным мастерам Юрию Войнову и Леониду Буряку, знакомил нас со взглядами тренеров Виктора Маслова, Александра Севидова, Валерия Лобановского, для «Футбола—Хоккея» проинтервьюировал, должно быть, всех футболистов, игравших в киевском «Динамо» в чемпионские сезоны. С помощью Михайлова я знал о команде и ее людях, кажется, все, что можно знать.

Перечитав предыдущий абзац, приостановился на словах «потрудился для киевского футбола». Не убрать ли «киевского», не лишнее ли? Заминка вынуждает объясниться.

Журналисты, которые команду города, где живут, видят воочию, на стадионе, раз двадцать в году, а все остальные — по разочку, которые в своих газетах всю жизнь пишут о своей команде, и когда их из Москвы просят «дать материал», то тоже об их команде, такие журналисты тем не менее обидятся, если их назвать «местными». Любому человеку нашей профессии с руки, да и необходимо философствовать о футболе в мировом масштабе. И все-таки у тех, кто породнен с одной командой и душевно и служебно, она — и отправная- точка, и пробный камень, и символ веры. Так заведено от сотворения журналистики. Таков закон спроса. Когда мне заказывали обозрения для газет Киева, Тбилиси, Вильнюса, непременно напоминали: «Надеемся, что о нашей команде вы отзоветесь поподробнее».

Киевских коллег их единственная команда повела за собой далеко, снабдив впечатлениями европейского и мирового значения. Мы, москвичи, числящие себя представителями центральной прессы, в глаза не видели Кубок кубков (а киевляне — дважды), московские игроки в сборной наперечет (а киевских — большинство), нам осенью присылают билеты на чествование призеров (а киевляне то и дело посещают вечера, где славят чемпионов). Уж и не помню, сколько раз ездил на такие торжества в Киев с призом «Крупного счета» или с дипломом «Лучшему игроку года» и выходил на сцену с поздравительной речью.

Может показаться, что столичность московские журналисты приобрели исторически, в годы главенства своего футбола. Такое объяснение лежит на поверхности. Есть и другие.

Нас держит в узде работа. Условие первое, непременное, соблюдение которого мы же сами и контролируем — выделять в многообразии футбола то, что истинно заслуживает внимания. Клубным симпатиям, точнее сказать слабостям, подвержен каждый сотрудник «Советского спорта» и «Футбола — Хоккея» — это в порядке вещей. Нам они известны и становятся поводом для подтрунивания, оживляют, веселят редакционные будни, но всерьез не принимаются. Заняты мы поиском наилучших игровых проявлений, равно как и болевых точек, требующих срочного критического вмешательства. Этим и измеряется наша квалификация. И не в «инстанциях», а в редакции, друг перед другом. Однажды пришло письмо: «Всех вас надо выселить, лишить московской прописки, вы только и пишете про другие команды, а не про наши». Мы обсудили его в своем кругу и сочли несостоятельным: московские клубы в тот момент ничего собой не представляли.

Я говорю о всесоюзных изданиях, которые иные горячие головы причисляют к московским. Признаться, с грустью наблюдаю за футбольными рубриками городских московских газет. Было время, они держали столичную марку, освещали чемпионаты без местного акцента. Постепенно, не знаю под каким влиянием, угол зрения сузился до «наших земляков». Тем самым было проявлено неуважение к читателям: нелепо же предположить, что искушенных москвичей интересуют исключительно свои клубы, а об остальных, играющих лучше, достаточно двух строк. Как-то «Вечерняя Москва» предложила мне написать обозрение. Московские команды играли тогда скверно, что и было отражено. Редакция принялась «советоваться» — куда-то мое обозрение возили на просмотр — и в конце концов с извинением вернула: «Для нас чересчур остро». Обозрение было тут же напечатано в «Футболе — Хоккее» и «чересчур острым» читателям не показалось. С тех пор я взял себе за правило контакт с московскими читателями держать помимо городской печати, чтобы не мельчить с оговорками и реверансами.

Мы как журналисты взращены на противоречиях. Для нас футбол с мальчишеских лет — нескончаемая задиристая полемика. Мне трудно представить, какими бы мы были, если бы Москва имела одну команду. К счастью — их пять. Благодаря этому есть гарантия, что любому московскому клубу ничто не будет прощено: оценку выставит не милостивый согласный хор, а жюри, которое рассмотрит самые разные доводы. Перехваливать «Спартак» или «Динамо» нам не к лицу: будет неловко взглянуть в глаза товарищам по редакции. Состязательность во взглядах — какая игра достойна поддержки, как созвучная идеалу, и какая ее

не заслуживает, будучи примитивной,— вошла в привычку, без нее мы не мыслим работы. Нет ничего легче потрафить болельщикам, футболистам, тренерам, получить благодарственные отзывы, но за это придется расплачиваться, когда нарвешься на скептические усмешки в стенах родной редакции. Это опасение незримо витает за спиной, когда сидишь за машинкой, и верой и правдой нам служит.

Так сложилось. Ради того чтобы центральные издания взвешенно вели футбольную тему, Москве и полагалось иметь несколько команд.

Киевским журналистам труднее. Даже при условии, что «Динамо» — первоклассная команда, что вкус развит и наблюдений предостаточно, все же она одна, всегда одна, более полувека, и волей-неволей становится печкой, от которой все танцы.

У журналистов, вынужденных глядеть сквозь одну призму, представление о всех других командах создается от их короткого полуторачасового пребывания на местном стадионе, где далеко не каждой хватает мужества быть самой собой, не подстраиваться под «чужое» поле. Постоянное сравнение всех со своей командой таит в себе изолированность любопытства и заведомую схематичность выводов. Каково было журналистам Еревана, Тбилиси, Алма-Аты, когда, скажем, в чемпионате 1987 года их клубы дома регулярно побеждали, а из других городов летели столь же регулярно известия о проигрышах?

Принимаясь за чтение отчетов в «Советском спорте», заранее знаю, что победу своей команды местный автор преподнесет как пример отличной игры, а поражение объяснит усталостью, внезапной инертностью, непростительными ошибками защитников и вратаря, если не судьи. Достоинства победивших гостей будут отмечены из вежливости, скороговоркой, как бы в пику своей команде, чтобы подчеркнуть досаду. В этом я не вижу намеренной предвзятости — так годами сориентировано восприятие журналиста. Выработался даже стилистический прием: рассказав, как играла своя команда, автор, словно опомнившись, задается вопросом: «А что же гости?»-—и приписывает несколько невразумительных фраз.

Михаил Михайлов по части информации о киевском «Динамо» заменял агентство, он водил нежное знакомство с игроками. Когда же я переводил разговор на другие разделы, он превращался в слушателя, чаще удивлялся, чем спорил, честно восклицал: «Неужели? Я как-то об этом не подумал». Ему не свойственно было строить из себя всезнайку — этот распространенный в нашей среде грех его счастливо миновал.

И еще одному киевлянину я многим обязан — Рафаилу Моисеевичу Фельдштейну. На протяжении сорока лет, с 1934 года, он служил администратором киевского «Динамо». В его бытность сменились двадцать два старших тренера, сотни мастеров, и о каждом из них у него наготове отзыв, большей частью добрый. Много потеряют историографы знаменитого клуба, не записав его живописные рассказы, его «сказки о тысяче и одном матче».

Мы до сих пор с Рафаилом Моисеевичем состоим в переписке. Вот кусочки из его писем:

«Бываю у Кости Шегодского, бывшего нашего игрока, который играл в 1937 году за «Спартак» против басков. Он один из первых награжден орденом «Знак почета». В 1938 году его по доносу посадили, а спустя два года выпустили. Перенес инфаркт, не двигается, никто его не вспоминает...

50 лет назад в Киеве я принимал сборную Басконии, поселил ее в гостинице «Континенталь». Тренер Михаил Давыдович Товаровский мне сказал, что Лангара и Регейро просят показать мячи, какими будем играть. Я принес один белый, другой красный. Они сами надули и поинтересовались, кто их изготовил. Мячи были макшановские, ленинградские, тридцати-двухдольные...»

Служба открывала Фельдштейну футбол изнутри, с изнанки. Хватаясь за сердце, он рассказывал:

«Вы представить не можете это босячество. Договорился, что нашему игроку, между прочим заслуженному мастеру спорта, продадут мебель, как только привезут. Ребятам же некогда пороги обивать, они в разъездах, вкалывают. И так получилось, что его отчисляют: честно закончил. Заезжаю в магазин — смеются: «Опоздали, он уже не играет». И никто помочь не мог. Отрезанный ломоть. Нет, вы скажите, есть правда? За что человека обидели? Весь Киев им восхищался».

Начав с того, что ни в какой другой город я столько не ездил, как в Киев, продолжу: ни о какой другой команде столько не писал, как о киевском «Динамо». Никакие другие мои работы, судя по откликам, не читались так привередливо. Иначе быть не могло: если кто и имел право на амбиции последние лет двадцать пять, то, разумеется, киевское «Динамо» и его бесчисленные, ревностные сторонники. Большой клуб!

Пора закончить вступление и пойти по порядку.

Чтобы не выглядеть поздним реставратором, ворошу довоенные тетрадочки. В описании матча сборных Москвы и Киева 6 октября 1938 года нахожу: «Матч был живой, противники достойны друг друга. У Москвы больше силы, у Киева — техники.

У Москвы непробиваемая защита, у Киева — активное нападение. Явного перевеса ни на чьей стороне не было, хотя Москва выиграла 2:0».

Если юный московский болельщик всего на третьем году своего знакомства с футболом обнаруживает, что «у Москвы больше силы, у Киева — техники», то нет сомнений, разница бросалась в глаза. Ну а техника и тогда, как и сейчас, равнодушным не оставляла, победы победами, а есть и удовольствие от созерцания изящного.

С самых первых чемпионатов киевское «Динамо» было мне симпатично. Споры о столичных клубах — «Спартаке», «Динамо», ЦДКА, «Металлурге», «Торпедо», «Локомотиве» — крутились по-семейному: кто сильнее? Футболистов, состоявших в московских командах, сравнивать было просто: все имели «должности» и, скажем, при обсуждении, кто лучший правый инсайд, выбор шел из шести фамилий. Само собой, нас интриговало, кто победит в предстоящем матче, кто станет чемпионом. А вот о самой игре московских команд не помню, чтобы мы подолгу рассуждали: как видно, поводов не подворачивалось, их успехи измерялись вкладом личностей, имели человеческий подтекст.

Стиль игры киевского «Динамо» довоенных лет был иной, чем у московских клубов: мягче, затейливее, тоньше, щеголеватее. В сравнении с напористыми, в себе уверенными московскими мастерами мастера киевские вносили в общую панораму свой оттенок — тут как раз и можно было посостязаться во вкусах. Кроме киевских динамовцев еще и динамовцы Ленинграда и Тбилиси предлагали нам игру привозную, «импортную».

Тогда мы воспринимали все увиденное таким, как оно есть, и объяснить разноплановость зрелища не пытались. Да и не смогли бы. Это теперь ясно, что заметное деление футбола на атлетический и техничный отражало молодость игры, то, что она у нас развивалась изолированно, тренеры, которые только- только объявились, вели дело на свой страх и риск, как бог на душу положит. Встряхнул приезд басков, принудив перейти на «дубль-ве». Баски открыли нам глаза еще и на то, что классная игра должна быть и атлетической, и техничной. То, что сегодня доказывать не нужно, тогда выглядело чуть ли не откровением. Думаю, что московские клубы сумели раньше к своей атлетичности добавить техничности, чем киевское «Динамо» к своей техничности —атлетичности. Это опережение надолго предопределило главенство москвичей.

Для нас много значило, состоят ли в команде игроки выделяющиеся. В киевском «Динамо» они были.

Легонько, невидимо управлявший нападением худенький

умница центрфорвард Константин Шегодский. Яркий блондин Виктор Шиловский, инсайд, заметный и внешне, и своими неординарными приемами. Круглолобый краек Макар Гончаренко, упрямо скашивавший углы, чтобы забить. Черноволосый яростный хавбек Иван Кузьменко, от которого ждали страшного удара издали. А чего стоили вратари, игравшие по очереди: Антон Идзковский и Николай Трусевич — оба тонкие, оба «воздухоплаватели», летавшие во все углы! Вратари тогда одевались в темное, носили кепки, а выходец из Одессы Трусевич — без кепки, с пышной шевелюрой, в полосатом, тигрином, красно- черном свитере.

Киевское «Динамо» было в чести у московских зрителей, его уважали — «красиво играет!». Относились к нему добродушно и снисходительно, зная, что — не конкурент. Да и сами киевские футболисты, способные время от времени показать класс, как-то уклонялись от борьбы за первые места, вечно срываясь там, где не должны были срываться, выглядели «легкой фигурой» в сравнении с «ферзями» — «Динамо» и «Спартаком».

После войны и оккупации киевская команда долго мыкалась. Это было понятно, ей сочувствовали. Футбольная жизнь, переменчивая, ломкая, капризная, где, что ни год, у команд другие места в таблице, все же не в силах повлиять на сложившиеся представления. Вот и киевское «Динамо», занимая последние и предпоследние строчки, оставалось командой с именем, с ней считались по-прежнему и, даже догадываясь, что она скорее всего проиграет, на ее матчи ходили. Не одно имя привлекало: пусть и хрупко, тоненько, но в игре ее продолжали сказываться хорошие манеры.

Когда в 1954 году киевляне в Москве, на стадионе «Динамо», выиграли финал Кубка у ереванского «Спартака», их успех был принят как должное, он казался задержавшимся.

Второй, решающий, гол правого инсайда Михаила Комана помнится до сих пор: выбежал к воротам, а с ударом медлил, поиграл на нервах, пока не улучил момент наверняка. Коман был в той команде самой влиятельной фигурой. Выходец из Закарпатья, одарившего киевское «Динамо» многими мастерами, он, как и его земляки Товт, Юст, Михалина, вносил в строй игры команды твердость, расчет, ясность без изысков и выкрутасов и, вполне возможно, в какой-то мере предвосхитил будущие изменения.

До 1960 года все шло по заведенному порядку. Никому не приходило в голову, что футбольная Земля вертится, свято верили, что она возлежит на трех китах, чемпионах,— московских «Динамо», «Спартаке» и ЦДКА.

И тут взошла ярчайшая звезда — «Торпедо». Очаровательная команда! Счастливый подбор мастеров — один к одному, рафинированные перемещения в стиле позднего «дубль-ве», направления уже заканчивавшегося, но еще не скомпрометированного. Вспоминая то «Торпедо», первым я вижу Виктора Александровича Маслова, тренера. Ему исполнилось пятьдесят, и он, прежде не слишком удачливый, я бы сказал, провинциал среди столичных знаменитостей, высоко взмыл вместе со своим родным замоскворецким клубом. Маслов оказался тем, кого называют сильной личностью. Такой человек как раз и был необходим для того, чтобы замахнуться на чемпионство с командой, которая до этого в притязаниях не заносилась, среди московских слыла окраинной.

«Торпедо» взбунтовалось не в одиночку. Параллельным курсом рванулось и киевское «Динамо». Той осенью я ездил на завершающий матч этих команд в Киев. Торпедовцы выиграли 2:1, они были чуть лучше. Приметой матча остался протест динамовцев, причем без видимых оснований. Случай давнишний, в свое время я о нем писал подробно. А сейчас вижу в нем то, чего не мог заметить тогда. В досаде на поражение и в протесте, выразившем досаду, проглянуло то новое, что несколько лет спустя преобразило команду: пробудившееся честолюбие. Заканчивалась ее жизнь в покорности судьбе, в отдалении от призов. Киевляне жаждали побыстрее увериться, что они им доступны. Но «Торпедо» перешло дорогу.

В следующем году киевское «Динамо» взяло свое, оно — чемпион. Для меня одним из верных признаков, что команда хороша, служит то, что, сколько бы лет ни минуло, ее состав легко вспомнить. О. Макаров, Н. Кольцов, А. Сучков, В. Щегольков, И. Сабо, Ю. Войнов, О. Базилевич, В. Серебренников, В. Каневский, А. Биба, В. Лобановский. Написал по памяти, проверил — не ошибся. Эти два сезона были вершиной в тренерской карьере ученика Б. Аркадьева — полузащитника команды лейтенантов Вячеслава Дмитриевича Соловьева.

Несправедливо умолчать, что команду исподволь собирал другой тренер — Олег Александрович Ошенков. Он из того поколения тренеров-первооткрывателей, которое свою науку постигало на бегу. Людям этого поколения, жившим своим умом, было в радость говорить о футболе хоть день, хоть ночь напролет. Я имел с ним немало вольных бесед. Олег Александрович не поучал, не оглоушивал каменными тезисами, рассуждал на равных, защищался и нападал, был терпелив, покладист. Тренеры того поколения, преданно служа командам, умели говорить о футболе как о неделимом, разгадки они искали всюду, где только

можно.

...Итак, свершилось! Как разгибают подкову, так была разомкнута троица старых московских чемпионов.

Что же дальше? Могло показаться, что бунт подавлен: два года чемпионы—столичные «Спартак» и «Динамо». Потом — тбилисское «Динамо», которому полагалось вырваться в чемпионы. Возникла «большая шестерка».

А у киевского «Динамо» места — пятое, девятое. Угомонилось, отступило, задвинуто в ангар, туда, где мирно обреталось много лет?

В 1964 году в Киев переехал из Ростова Виктор Маслов. Классическим примером недомыслия меценатов стало его увольнение из «Торпедо» за... второе место. Это было настолько нелепо, что авторитет Маслова от увольнения только вырос. За два сезона он выправил, настроил, как рояль, ростовский СКА.

Мне доводилось выслушивать разные версии по поводу того, откуда и когда взяло начало то киевское «Динамо», каким мы знаем его сегодня, где вбит столб, от которого полагается вести отсчет. В истории большой команды ничем нельзя пренебрегать, тут каждое лыко в строку. Наверное, нелишне держать в уме даже и то, что в самом первом мини-чемпионате 1936 года киевское «Динамо» — второй призер.

Все же новая глава была открыта с приездом Маслова. Единичный успех не невидаль, у нас одиннадцать клубов побывали первыми. В разное время то тех, то других может обуять дерзкий порыв. Перековать дерзость в обязанность — нечто совсем иное. Маслов и осуществил это превращение. Не на ровном месте, разумеется,с помощью и участием многих. Его крутая воля, темперамент воителя, колдовская интуиция, может быть, и раззадоренное самолюбие после обиды в родном «Торпедо», и то, наконец, что знал он: времени для хорошей работы у него в обрез — все это вместе взятое позволило 55-летнему могучему человеку совершить то, что до него удалось у нас одному Борису Аркадьеву, — создать команду, которая из года в год ни о каких других местах не помышляла, кроме первого. Деятельность Аркадьева была грубо оборвана. Сделанное Масловым продолжено и развито.

В 1964 году — Кубок, в 1965-м — второе место (отбросил киевлян проигрыш последнего матча кутаисскому «Торпедо»), в 1966-м — чемпион, в 1967-м — чемпион и Кубок, в 1968-м — чемпион, в 1969-м—второе место. За шесть масловских лет киевское «Динамо» преобразилось. Из клуба приятного, но неконкурента, вырос суперклуб с европейской известностью, лидер, отныне не согласный ни на какие промежуточные,

утешительные цели. Победы стали жизненной нормой. В этом суть переворота.

Маслов не был собирателем очков, ловкачом, в нем горел дух созидателя. Еще не успело забыться созданное им «Торпедо» — воздушное, парусное, изящное, но в то же время и традиционное, — как он перестраивает на совершенно иной лад, до рези в глазах, свою новую команду. «Дубль-ве» приказало долго жить, исчезло, отменено. У киевского «Динамо» — четыре защитника, четыре полузащитника, два нападающих. И в атаке и в обороне в любую минуту достаточно сил, команда мобильна, никто не стоит, все в движении. Это уже не парусник, а бронированный крейсер. Нравится или не нравится такой футбол — не важно, пусть кто-то из наблюдателей называет команду «волчьей стаей», Маслов знай себе ухмыляется, хитро щурит глаза.

В дни чемпионата мира в Англии в 1966 году мы с ним много бродили по лондонским улицам, сиживали рядом на трибуне. Он толкал меня локтем в бок: «Видите? Нет, вы как следует вникайте! Не отвлекайтесь на фокусы, глубину схватывайте!»

А глубина для него в том, что игра лучших команд—сборных Англии и ФРГ — того же фасона, что и игра киевского «Динамо». Он называл английских полузащитников—Питерса, Чарльтона, Болла, Смайлза, — заставлял смотреть, где они оказывались в разных эпизодах, и ничего не оставалось, как вспоминать Мунтяна, Сабо, Медвидя, Бибу, чего мой собеседник и добивался. Маслов прямо не настаивал на аналогии, а подводил к ней, хотя и с нажимом, даже плечами, так что сидеть становилось тесновато.

К нашей сборной, на том чемпионате занявшей четвертое место, он относился скептически: «Ну что могут в середине поля сделать вдвоем Валерка с Иосифом (так он называл своих учеников Воронина и Сабо), они на части разрываются, четыре — два — четыре, будь оно неладно, это же вчерашний день, опять мы застряли».

В годы работы Маслова тайным побуждением для поездок в Киев были встречи с ним. Я подбирал важный матч как повод и садился в поезд. Он навещал меня в гостинице «Москва», хотя «протоколом» это не было предусмотрено. Он охотно шел на сближение с журналистами, правда с разбором. Долгая дружба связывала его с Александром Яковлевичем Виттенбергом (Витом), они вместе ездили в отпуск, собирались писать книгу, да так и не собрались. Маслов называл Вита Сашкой, в этом прорывалась нежность, признание равенства, Вит в его глазах был крупнейшим знатоком. Любил он Винокурова, Валерку, над статьями соглашался работать только с ним, доверял не одному его перу, но и глазу, считал, что тот, хоть и молод, но улавливает

тонкости.

За нами, журналистами, он вел такое же наблюдение, как за футболистами, хотел понять, как он выражался, кто чем дышит. Спросил меня однажды на стадионе: «Почему этот красавчик ходит вместе с вами, ему бы по другой линии двинуться, какой из него журналист? Уж больно собой занят». Поговорив с одним репортером, нахмурясь, расстроенный, сказал: «Не могу понять: как только я с ним о серьезном, глаза у него делаются, как у снулой рыбы. Зачем мучается человек? А ведь играл когда-то?» Признавал Олега Кучеренко (Олежка), Геннадия Радчука (Генка). И уж если кого признавал, то брал в собеседники на равных, без намека на тренерский апломб.

В футболе настал переломный момент, тактика круто менялась, далеко не все было ясно. Маслов, заводила, работал с засученными рукавами, горячился, удивлялся и огорчался, встречая отрицание. Он раньше многих тренеров предугадал, что время схематического футбола кончается.

Прекрасной, выдающейся чертой Виктора Александровича было его радение не за одну команду, где он работал, а за весь футбол. Мне казалось, что победами киевского «Динамо» он гордился как доказательствами своей правоты, не сами по себе призы и медали его соблазняли. Р. Фельдштейн шептал мне по секрету: «Вы не поверите, Виктор Александрович не ходит в кассу, он всю получку мне доверил, я знаю, сколько послать жене, сколько оставить. Ему некогда, весь в работе, вечно занят. Другого такого тренера я не знал...»

«Что делают с футболом!», «До чего довели московские клубы!», «Неужели некому стукнуть кулаком?», «Старички!» (о тренерах, которые моложе его, но вели игру по старинке) — восклицал Маслов, отвлекаясь от своего киевского «Динамо».

Мы запирались с ним в гостиничном номере («Здесь не найдут»,— говорил он) и открывали переговоры.

Мне далеко не все было понятно. Победоносность киевского «Динамо» можно было объяснить и тем, что слали конкуренты, да и игра киевлян казалась упрощенной: движения было больше, чем тонкого обращения с мячом. С Масловым не полагалось деликатничать: сам человек крутой, он не принимал обтекаемых слов. Для меня эти разговоры без блокнота были университетами, нарочито идя наперекор, задавая колючие вопросы, я вынуждал его приоткрывать то, что тренеры обычно замалчивают. Виктор Александрович был охоч поговорить. Но красноречие его как лесная чащоба, сквозь нее слушателю надо было продираться, отводить от лица колкие ветки, обходить пни. Смею уверить — интереснейшее занятие. А он, переполненный ощущением своей

мысли, пробовал слова и тут же отказывался. «Как вы сказали? — вдруг переспрашивал, — Вот это похоже на дело». Имея в виду молодых, более образованных, чем он, тренеров, Маслов говорил: «Они делают то же, что и я, проверял, только их терминов я не знаю».

Борис Андреевич Аркадьев, смело варьировавший систему «дубль-ве», прозорливо предвидел будущие изменения. Осуществить их не было суждено, ему было 53 года, когда подрубили крылья: расформировали ЦДКА, чемпиона страны. Аркадьев, внешне не подав виду, что оскорблен, ушел в сторону, сохранив достоинство и всеобщее уважение. В своей практической карьере ни на что не претендовал, работал тихо и мирно в «Локомотиве», «Нефтчи», «Пахтакоре», свои идеи пропагандировал в печати и на тренерских конференциях.

Виктору Александровичу Маслову первому среди наших трекеров удалось реализовать предвидения Аркадьева. Сам Маслов не вел преемственности от Аркадьева (в его слушателях и читателях он, разумеется, состоял), ему казалось, что развитие игры носилось в воздухе, надо уловить, угадать, он всецело доверял своей интуиции. Аркадьев внимательно наблюдал за работой Маслова в киевском «Динамо» и не раз с удовольствием говаривал, что команда грамотно выстроена, обязанности между игроками и в атаке и в обороне распределены разумно, игра надежно скоординирована.

В общем, как мне представляется, большак нашего футбола лежал от пункта А (Аркадьев) к пункту М (Маслов). Тем более важно отдать себе в этом отчет, что футбол наш с излишком поколесил по проселкам подражательности, надолго застревал в колдобинах старомодности. Пока эти два крупных тренера работали среди остальных, окружающие, как это часто бывает, отдавая им должное, не умели оценить, нет, не медали ими завоеванные, а их предвидение. И оба они нарывались на непонимание и иронию.

Ничего этого тогда я сказать бы не смог, должны были пройти годы, требовалось повидать футбол восьмидесятых годов, чтобы различить в нем мысль Аркадьева и интуицию Маслова. Но и тогда от игровых преобразований Маслова исходило притяжение, интриговали они даже своей спорностью, своим несовпадением с привычными представлениями о «красивом футболе».

Вот и не упускал я случая его послушать. В Москве, когда он приезжал, времени не находилось, а в Киеве мы наговаривались вволю. После этих разговоров и посмотрев динамовцев в деле, я уезжал домой, чтобы продолжать размышлять о вечно собой

недовольной футбольной игре. И помнились слова Маслова: «Если в очередном чемпионате ничего новенького не придумаешь, считай — год пропал».

Из той поры запечатлелся матч киевского «Динамо» с шотландским «Селтиком» в октябре шестьдесят седьмого. Шотландцы были хранителями Кубка европейских чемпионов и с киевлянами встречались уже в следующем турнире. То был второй матч, в Глазго динамовцы выиграли 2:1. В Киеве я оказался проездом, писать не надо, хотелось сопоставить игру лучшего клуба Европы с игрой динамовцев. Сложная получилась встреча, все висело на волоске. Необходимую ничью киевляне отвоевали. А в итоге — равенство. Ровным счетом ничего такого не предложили шотландцы, что могло показаться необычным. Бывает ведь, результат в нашу пользу, а мы, остыв, признаемся: «Все-таки те были получше». Здесь ни за что нельзя было зацепиться, самый придирчивый глаз не обнаружил бы перевеса приезжей команды. Был матч, в котором противники показали футбол именно этого, шестьдесят седьмого года, полностью совпадавший с теми образцами, которые завещал недавний чемпионат мира. С легкой душой уезжал я из Киева: приятно было убедиться, что наш лучший клуб «как денди лондонский одет». А ведь на двух предыдущих чемпионатах мира, в Чили и Англии, футбол наш носил костюмчик, вышедший из моды, пусть и из добротного материала.

Возможно, молодому читателю покажется преувеличением внимание к тактике. Из песни слова не выкинешь: футбол менялся ускоренно, наши команды не поспевали, тогда это была злоба дня. Сейчас вопросы эти не нависают, не грозят, в восьмидесятых годах и наша сборная, и ведущие клубы влились в поток мирового футбола и чувствуют себя в нем непринужденно. Сейчас исследуются варианты тактики, что, надо полагать, будет вечно. А в шестидесятые годы напряженно обсуждалось, как в целом строить игру.

Журналистская ли забота вторгаться в заалтарные тайны игры? Людей дипломированных, с полевым и скамеечным опытом хоть пруд пруди, им бы и карты в руки. Мы их и тащили в те годы на страницы, предоставляли трибуну. Разноголосица страшная, мнения диаметрально, воинственно противоположные. Хочешь не хочешь, а приходилось и нам, репортерам, склоняться над макетом поля. И мы тоже плутали, отрезали, семь раз не отмерив. Не так просто было разгадать своевольную логику футбола, пожертвовать устоявшимися удобными представлениями, напоминавшими о прошлых успехах, ради смутно, зыбко маячившего вдалеке нового, ради идей, носившихся в воздухе.

Ими легче легкого было пренебречь (и пренебрегали), их можно было не понять (и не понимали). Маслов не пренебрег, понял, опустил носившиеся в воздухе идеи на зеленую арену, поверил в них и отстаивал как на поле, так и в словесных схватках. Тем и знамениты сезоны конца шестидесятых.

Футбольная мысль наша под этим напором колебалась, сопротивлялась, шаталась, прежде чем смириться и вновь выпрямиться. В самом деле, за каких-то восемь лет, с 1958 по 1966 год, от четырех форвардов пришли к двум и от двух полузащитников к четырем. Это формула, а за ней пересмотр движений игроков, маневров и комбинаций. Менялась и эстетика игры, и к этому тоже надо было привыкнуть.

Есть возможность для точного сопоставления. До 1961 года киевское «Динамо» в 22 чемпионатах страны взяло всего-навсего 4 призовых места. С 1965 по 1986 год тоже в 22 чемпионатах—11 раз чемпион и 8 раз призер. Даже не верится, что речь идет об одной и той же команде.

С 1965 года, кроме киевского «Динамо», перебывали в чемпионах десять команд. По разочку, на годочек. Одному «Спартаку» удалось это четырежды, да девять сезонов подряд не опускаться ниже призового места. Остальным пороху хватало ненадолго.

Дистанция времени позволяет сказать и другое: не все из мелькавших чемпионов оставили о себе память игрой, такой игрой, которая несла бы в себе зерно открытия. Это обозначалось, проступало у динамовцев Тбилиси в 1980—1981 годах, у «Спартака» и минского «Динамо». Игра этих команд была конкурентной другим образцам, в том числе и киевского «Динамо», а потому и дискуссионной, в ней воплощались замысел, идея, желание показать свой футбол, а не общий, усредненный.

Киевское «Динамо» заняло все без исключения командные высоты, чего ни коснись, командных ли достижений, или индивидуальных. К счастью, «монархический» способ правления в футболе не приживается, и киевскому «Динамо» приходилось делиться призами с другими командами, но тем не менее его роль в нашем футболе напоминает роль ЦСКА в хоккее. Принципиальное отличие между этими суперклубами вижу в том, что хоккейный ЦСКА всегда имел льготные условия, ибо его благополучие официально связывалось с «интересами сборной», тогда как киевское «Динамо» и создано было, и продолжает благоденствовать как клуб..

Нередко поговаривают (точнее — ворчат), что киевское «Динамо» не что иное, как сборная Украины. В доказательство

приведут имена игроков, ранее игравших в Харькове, Днепропетровске, Одессе, Ворошиловграде. Аргумент дребезжит, ничего не доказывает. И тбилисское «Динамо», и «Арарат», и «Жальгирис» пользуются ресурсами своих республик, а в московских клубах мы видим игроков со всех концов страны. Залежи дарований не столь богаты, чтобы не раскапывать их, где бы они не находились.Другое полагается различать в возвышении киевского «Динамо». Этот клуб, как я вижу, потому оторвался от остальных, что он, насколько было в его возможностях, отказался от мягкотелого, путаного любительства и, как девиз, начертал на своем вымпеле: профессиональный подход к футбольному занятию. Началось при В. Маслове, продолжалось в годы В. Лобановского. Думаю, что Лобановский, игравший на левом краю нападения киевского «Динамо» в 1961 году и получивший золотую медаль, уже тогда не мог не ощутить ненадежность успеха, ибо та команда поднялась на счастливом подборе одиннадцати мастеров, отпраздновав успех, не развила его, ибо жила но законам любительства, где преобладает случай.

С 1974 года Валерий Лобановский во главе киевского «Динамо». Он начал на отвоеванном В. Масловым и А. Севидовым плацдарме. Ему предоставили неограниченный кредит времени, он употребил его с выгодой для клуба и стал у нас первым среди людей его профессии, кому удалось семь раз возглавлять чемпиона страны и дважды обладателя Кубка кубков. В наградах отражено то, что он сумел сделать, вытравляя любительство и приближаясь к профессионализму. Его деятельность не измеряется одними тренерскими мерками, в его лице мы приобрели человека, последовательно выполняющего организационную программу.

По моим наблюдениям, наши команды, да и игроки трудно переносят успехи. Нередко слышишь: «зазнались», «посчитали задачу выполненной», «переоценили свои возможности», «позволили себе расслабиться». Знакомые песни, не правда ли? Но так уж у нас повелось, что к подобным упрекам отношение, в общем, снисходительное. Прощали «Зениту» и «Днепру», что они, достигнув чемпионского уровня, с него сползали; «Спартаку», лица не терявшему, однако оступавшемуся; тбилисскому «Динамо», после выигрыша Кубка кубков в 1981 году сразу начисто себя исчерпавшему; «Торпедо», из года в год дававшему слово стать призером, но обещание не сдерживавшему; московскому «Динамо», все собирающемуся оживить стародавнюю репутацию, о которой молодое поколение болельщиков может узнать лишь из справочников. Жизнь вполоборота к прошлому, где есть что вспомнить, чем

прихвастнуть, простительна любителям. Людей, дорожащих профессией, устроить она не может. И киевские динамовцы впадали в размягченность после своих побед. Но не на годы, как другие. С 1965 года всего-навсего четыре сезона без призовых мест — в этом читается устав, программа, закон, назовите как угодно, по которому живет команда.Мало сказать, что киевское «Динамо» — самый сильный у нас клуб. Дороже всего, что имя свое он приобрел, утверждая футбольное дело, живя согласно его нормам и требованиям. А это тем более значительно, что понятие профессионализма находилось под запретом.

Киевское «Динамо» поднялось на два пика—в 1975 и 1986 годах. Они на удивление похожи, эти пики, хотя только тренер В. Лобановский и форвард О. Блохин участвовали в обоих. Признаться, не помню другого случая, когда бы так повторилась ситуация.

В сезонах, предшествовавших пикам, в 1974 и 1985 годах, киевское «Динамо» становилось чемпионом страны, считаясь командой молодой, многообещающей. В мае 1975 и 1986 годов она выигрывала Кубок кубков: первый раз — в финале у будапештского «Ференвароша» — 3:0, второй раз 3:0 у «Атлетико» (Мадрид). Эти ее громкие достижения на фоне блеклых выступлений сборной выглядели настолько впечатляющими, что спортивное руководство передавало ей в полном составе, во главе с тренером В. Лобановским, право защищать честь сборной. И киевское «Динамо» в тех сезонах справлялось со всеми задачами, не забыв победить и в чемпионате страны.

Повторение этим не исчерпывается. В 1975 году 8 киевских динамовцев были признаны первыми номерами сезона, в 1986-м — девять. Лучшим игроком года журналисты избрали О. Блохина, а одиннадцать лет спустя — А. Заварова. О. Блохин был награжден европейским «Золотым мячом» в 1975 году, И. Беланов — в 1986-м. Любопытно и то, что фарфоровая ваза с портретом Григория Федотова — приз наиболее результативной команде оба раза доставался киевскому «Динамо» с одинаковым числом голов — 53 (в тех чемпионатах участвовало по 16 команд).Но что более всего роднило команды одного названия разных лет, так это игра. Призы, победы, голы поддаются учету, а игра, даже будучи запечатленной на схемах, даже воспроизведенная в видеозаписи, все- таки в значительной мере живет в воображении, в памяти очевидцев и пересказать ее едва ли возможно. Дистанция в одиннадцать сезонов велика, футбол меняется, и за ним приходится поспевать. Но я убежден, что облик классной игры не должен корректироваться поправками на время. Если мы утверждаем, что были первоклассными командами в

послевоенные годы «Динамо» и ЦДКА, «Спартак» в 1956 году, «Торпедо» в 1960-м, киевское «Динамо» в 1966—1968 годах, то так оно и должно оставаться, без пересмотра, потому что игра этих команд соответствовала времени. Соответствие времени — надежный свидетель.

Возможно, в 1975 году киевские динамовцы в чем- то специальном (зоны действий, объем работы, количество технико-тактических приемов, взаимозаменяемость и т. д.) чуточку уступали своим преемникам из команды 1986 года. Но это дело наживное, натренированное. Было бы противоестественно предположить обратную картину, что одиннадцать лет назад команда во всех отношениях была лучше. Тогда, выходит, годы ничему не научили, ни к чему не обязали ни тренера, ни мастеров.

Все мы храним в душе, быть может идеальное, представление о том, какими должны быть отношения между людьми. Футбол — дело, которое людей объединяет. Назовите это случайным, внешним совпадением, но в годы войны в моем зенитном расчете было, как и в команде, одиннадцать солдат. И как же было важно, чтобы по сигналу «К бою!» все одиннадцать оказывались на местах в считанные секунды, молча, без напоминаний делали все, как полагается, ни один бы не нарушил порядка, не сбился, не подвел других. За этим стояли ежедневные занятия, воинский долг, строгости службы. Все это так. Но нам и самим нравилось, что мы работаем как часы! И друг к другу относились с доверием не потому, что все на подбор распрекрасные, а потому, что чувствовали свою связанность, верили, что никто ее не нарушит. Вспоминая тех солдат, дорогих товарищей своих, я думаю, что обязанности, которые в войну ощущались обостренно, они выполняли, работая красиво, открывая в себе все лучшее.

Образ удавшейся работы живет в нас. Зрелище футбола и задевает эту струну. Мы разочаровываемся, мы оскорблены в лучших чувствах, если видим разнобой, непонимание, вялость, безразличие. И мы воодушевляемся, обнаруживая единство, увлеченность, верность каждого игрока обязательствам, взятым перед товарищами. Мне не приходилось встречать нормального болельщика, который бы отозвался об игре так: «Они удачно интерпретировали вариант с пятью полузащитниками». Однако на протяжении полусотни лет на всех углах слышал: «Дружно вчера играли!»«Дружно»—это и есть приближение к вечной нашей мечте о работе в согласии. Любая деятельность изменяется. Неизменно наше отношение к ней. Потому-то футбол, несмотря на все свои преобразования и ухищрения, остается для аудитории одинаково притягательным. Однажды драматург Алексей

Николаевич Арбузов сделал признание: «Футбол иногда настраивал мою душу на тот лад, который весьма содействовал плодотворной и счастливой работе за письменным столом. Это и заставляет меня относиться к нему достаточно серьезно».

Хорошая игра команды не измеряется одними кубками и медалями. Она западает в душу очевидцам, живет неугасающим язычком огня, делает нас добрее и одаряет надеждой, что и нам в своих сферах удастся так же хорошо «сыграть».

В этом смысле киевское «Динамо» и в 1975 и 1986 годах имеет равные заслуги перед миром болельщиков: оно дало образцы дружной игры, порадовало, заставило собой полюбоваться, дало понять, чего могут достичь одиннадцать мастеров своего дела.

У читателя, конечно, уже наплывает вопрос: «Почему выделены два сезона, тогда как киевское «Динамо» было чемпионом страны еще и в 1977, 1980, 1981 годах?»

Юнцом после значительной победы «Спартака» и тем более после того, как он брал Кубок или становился чемпионом, я не мог жить спокойно без того, чтобы не заглянуть во все газеты и не продлить удовольствие. Авторы — М. Ромм, М. Мержанов, А. Вит, И. Бару, Ю. Ваньят, А. Перель, Г. Колодный, Еф. Рубин— оценивались прямо пропорционально количеству похвальных фраз.

Не забыл своего возмущения статьей М. Ромма, в которой он критически, даже язвительно отозвался о «Спартаке» — осеннем чемпионе 1936 года. Я вырезал ее из «Красного спорта», спрятал на дне ящика письменного стола и много-много лет не доставал. Достал, познакомившись с Михаилом Давыдовичем, интереснейшим человеком, прочитав его книгу «Я болею за «Спартак». Тут и открылось мне, насколько в той статье был он прозорлив.

После сезона 1939 года («Спартак» второй год подряд выиграл и первенство, и Кубок) меня оскорбила статья (забыл, правда, автора), где превозносились форварды ЦДКА. Что с того, что армейцы забили на 10 мячей больше, чем спартаковцы, не они же чемпионы?! Царапина саднила долго. Потом память о ней пригодилась, чтобы воздать должное автору, разглядевшему признаки кризиса у «Спартака» в пору его полновластия и поддержавшему оригинальную атаку ЦДКА во главе с Григорием Федотовым.

И тут начало разговору, ради которого пишется эта глава.

Сторонников и поклонников у киевского «Динамо» легион. Не мудрено: приятно болеть за команду, сделавшую так много. Ясно, что немало таких, которые, как и я когда-то, ждут для «их

высочества» любимой команды низких мушкетерских поклонов с шляпой по полу. А вместо этого — сдержанные кивки, речи без почтения и лести. И тут в первую очередь попадают под подозрение журналисты-москвичи, намеренно умаляющие успехи киевской команды, будучи обиженными за неудачи своих «китов».

Мысль, если она всего одна, перестает быть мыслью. Футбольная журналистика увлекла меня более всего тем, что открыла возможность за движениями на поле различать движения мысли. Не трудно повторять «киевское «Динамо» — сильнейший наш клуб». Ошибки тут нет. Но и ничего ровным счетом не сообщено. Как жил-поживал клуб двадцать с лишним лет, в чем сказывалось его влияние, всегда ли была его дорога гладкой и верной, что им пережито, найдено и отвергнуто? Таблицы чемпионата могут об этом промолчать, а то и обмануть. Наивно же считать 2 очка и счет 1:0—символами футбольной веры, которые требуют от нас безропотного послушания с руками по швам. Если директор швейной фабрики рапортует, что план изготовления сорочек выполнен, а мы эти сорочки покупать не торопимся, если считается, что у театра обширный репертуар, а на некоторые спектакли билеты продают «в нагрузку», то почему занятые командами места должны примирять с той игрой, которую нам предлагают? Заранее известно, что в любом турнире кто-то окажется первым, но это не означает, что турнир непременно удастся.

Долгое время я был преисполнен почтения к чемпионам и в голову не приходило усомниться в их правоте. Даже когда в 1947 году ЦДКА при равенстве очков опередил московское «Динамо» благодаря перевесу в одну сотую в соотношении мячей (57:15 у динамовцев и 61:16 у армейцев), я не позволил себе скептически взглянуть на эту «песчинку». Чемпион — ЦДКА, и никаких гвоздей! А ведь то, что «Динамо» осталось позади на «песчинку», отнимало у него в глазах большинства право на признание, никому в те дни не было дела до его достоинств. Случилось бы наоборот, точно так же обошлись бы и с армейцами. Просто и жестоко!

В 1963 году чемпион — московское «Динамо». Команда прочная, в воротах — Яшин, на поле хорошие мастера—Аничкин, Рябов, Глотов, Мудрик, Кесарев, Царев, Гусаров, Короленков, Численко, Фадеев. В 38 матчах всего 4 поражения, всего 14 мячей пропущено, второй призер отстал на 3 очка. Какие могут быть разговоры?! Разговоров и не было.

А меня смутили 12 нулевых ничьих чемпиона, да и то, что он забил лишь 47 мячей, тогда как масловский ростовский СКА —73, киевское «Динамо» — 68, «Спартак» — 65, тбилисское «Динамо»

— 56. Как было не задуматься: какой же линии следовал чемпион? Хочешь не хочешь набегало—однобокой, оборонительной.

«Динамо» в том сезоне привело аргументы в пользу того, что с помощью безотказной защиты, последовательности, тактической дисциплины, даже не имея впечатляющей атаки и не претендуя на восторги публики, можно выиграть продолжительный турнир. Так-то оно так, а сможет ли и как долго команда идти узким фарватером и не сесть на мель?

Впервые я ощутил, что «к мандатам почтения нету», что чемпионское звание меня не заворожило. Ощущение возникло не на ровном месте. К тому времени накопились наблюдения, в воображении (особенно после чемпионата мира 1958 года) проступили приметы той прекрасной игры, которую вечно ищут и вечно будут искать. Ощущение не подвело: в следующем чемпионате «Динамо» откатилось на седьмое место. Именно тогда команда и потеряла свою роль гегемона в нашем футболе. И вот ведь странность (а быть может, и неспроста?): началось с ее чемпионского года, когда она прошлась по веревочке меленькими, цепкими, птичьими шажками.

Дальше стал обыкновением, вошел в круг служебных обязанностей досмотр за чемпионами. За кем же, если не за ними, если первая позиция вернее, чем любая другая, позволяет понять, здоров футбол или куксится?!

Меня тронуло, что в 1970 году чемпионское звание досталось ЦСКА. Долго бедствовавшая команда после 18-летнего перерыва дала о себе знать, заставив вспомнить команду лейтенантов Б. Аркадьева. Трогательность победы была подчеркнута тем, что тренировал армейцев полковник В. Николаев, один из послевоенных лейтенантов, а решающие мячи в дополнительном матче за первое место с московским «Динамо» забил Владимир Федотов, сын Григория Федотова.

Но как бы ни были трогательны воспоминания, чемпион доверия не внушал. Его игра была элементарна, без намека на какие-либо откровения, прочная сегодняшняя игра, ничего не обещавшая на завтра. Радуясь за армейцев, при всем желании невозможно было порадоваться за футбол. Никого, по-моему, не удивило, что год спустя ЦСКА остался двенадцатым и снова принялся вызывать сочувствие неустроенной судьбой.

Пришел год ворошиловградской «Зари», 1972-й. Команда работящая, разучившая свой маневр, подвластная сильной руке и громогласию тренера Германа Зонина, в игре не без тонкостей, благодаря незаурядным форвардам В. Онищенко и В. Семенову. И все бы ничего, да уж очень густо роились вокруг нее слухи о

нахрапистом покровительстве, как местном, так и центральном, потому как Управление футбола возглавлял человек, выдвинутый из Ворошиловграда. В том году я съездил в этот город, чтобы ближе познакомиться с «Зарей», и потребовалась твердость, чтобы отклонить разного рода «любезности» лиц из окружения команды.

Никогда прежде мушиный шлейф сомнительных слухов не сопровождал чемпионов. Верить не хотелось, но и не отмахнешься. Позже все подтвердилось, вознесение «Зари» сделалось официально признанным примером неправедной акции широкого масштаба. А по-футбольному все это выразилось в том, что «Заря» ни до 1972 года, ни после не смогла осилить хотя бы призовое место, ее единственный «холмик» торчит одиноко и, наверное, в будущем станет загадкой: а какая такая «Заря» была чемпионом?

Игру чемпионского уровня команды либо находят, постепенно двигаясь вверх, либо сохраняют, оставаясь среди ведущих. Если же все силы сгорели в топке одного турнира, плохо верится, что такой чемпион оставит след.

Место в таблице и место в футболе далеко не всегда совпадают. Только железная хватка помогла сборной ФРГ на XII и XIII чемпионатах мира стать вторым призером (к счастью, все-таки — не первым!), а веского игрового обоснования она не предъявляла. Напротив, сборная Голландии, совершившая переворот в истолковании игры, которой за одно это причитались золотые медали, на X и XI чемпионатах проиграла финальные матчи. «Оранжевых» голландцев мало того что помнят, по их образцу и подобию продолжают играть.

В 1975 году я ездил в Киев четыре раза. В апреле на матчи СССР — Турция (3:0) и «Динамо» — «Эйндховен» (3:0), в мае на СССР — Ирландия (2:1) и в октябре на «Динамо» — «Бавария» (2:0) за Суперкубок. Побуждение было иное, чем за десять лет до этого, яснее и проще: манил к себе первоклассный футбол, благо для этого не требовался заграничный паспорт.

Я перечитал свои тогдашние киевские репортажи. И уж если я их забыл (судьба всех наших оперативных работ), то читатели и подавно забыли. Я мог бы заново изложить впечатления. Но зачем? Те репортажи хранят в себе тепло непосредственности и точность. Из четырех выбираю тот, что о матче СССР — Ирландия. Незадолго до этого, предыдущей осенью, наша сборная проиграла ирландцам отборочный матч чемпионата Европы 0:3, после чего перестала существовать, ее права были переданы киевскому «Динамо». В повторном матче сборную СССР полностью представлял клуб. Вот кто вышел на поле киевского стадиона: Рудаков, Трошкин, Коньков, Фоменко, Матвиенко, Мунтян,

Веремеев, Колотов, Буряк, Онищенко, Блохин. Напомню, что к тому дню эти игроки уже выиграли Кубок кубков.

«Матч, остановившийся при счете, обычно встречающемся, когда сходятся равные противники, ощущения равенства сил не создал и, думаю, не мог создать. Встречались команды разного игрового класса. Наша была на голову выше.

Ирландцы являли собой футбол обыкновенный, в котором нет откровений, хотя нет и ничего разочаровывающего. Все как полагается: и наиболее употребительная исходная расстановка игроков, и фланговые проходы, и прострелы, и индивидуальные рывки двух форвардов, и грамотно расставленные силки защитных линий, и недурное взаимопонимание, и прочные связи передач. Однако этот неплохой футбол прозрачен, мы на трибунах угадываем все, что будет сделано в следующую секунду. Угадывает и противник. Успех в таком разе приносят повторения ходов, настойчивость, добросовестность и зевки обороняющихся. Привычная футбольная работа, так играет большинство команд на белом свете.

Наша сборная сейчас способна предложить многое, выходящее за рамки обыкновенного футбола. Она уловила и освоила чередование скоростей, легко, мягко их переключает, мгновенно переходя от лукавой перепасовки для отвода глаз к спринтерскому розыгрышу коротких, простых комбинаций, форварды Блохин и Онищенко и хавбек Колотов умеют делаться неуловимыми для защитников противника на достаточные для гола мгновения, диспетчеры Веремеев, Мунтян, Буряк каждый в своем стиле стремятся сделать не что-нибудь, а голевую передачу, в ней для них и цель и наслаждение, а может быть, и соревнование между собой.

По-разному трактуют футбольную красоту. Динамовцы увидели ее в молниеносности росчерка, в ошеломляющей простоте. Подбор игроков счастливо оправдывает замысел и, в свою очередь, развивает его, ибо ясно видно, как разыгрываются варианты «на Блохина», «на Онищенко», «на Колотова», а не какие- то отвлеченные комбинации.

Характерны оба эпизода, приведшие к голам.

Ирландцы пошли вперед большим отрядом. Матч недавно начался, и им еще не приходило в голову, что лучше бы действовать с оглядкой. Наступление задохнулось, последовал прямой и быстрый ответ. Веремеев получил мяч от Буряка, немного прошел и, увидев рванувшегося вперед Блохина, сделал ему пас под удар, пас как любезность, как товарищеская услуга. И Блохин, войдя в ритм передачи, на ходу ударил мимо защитника и вратаря в дальний угол. Это был вариант «на Блохина»,

отличающегося и скоростью, и скользкостью, позволяющей ему лавировать в чужих штрафных площадях.

Веремеев с мячом. Вдалеке вратарь ирландцев и защитник. И Веремеев делает на первый взгляд странный ход, кидая мяч между двумя ирландцами. Но, думается, он знал, что будет дальше. Из-за спины защитника метнулся и упал навстречу низколетящему мячу длинноногий, эксцентричный Колотов и с цирковой сюрпризностью, головой отправил мяч в цель. Быстро, сложно и красиво. Это был вариант «на Колотова».

Веремеев все взвешивает, все меряет, словом, «отпускает» игру. Не он один регулирует движение на поле, в таком случае игра динамовцев выглядела бы по нынешним временам примитивной, но он, как никто другой, пасует с дальним прицелом.

Игра у команды родилась не вдруг. Она — прошлогодний чемпион страны, который то впечатлял, то оставлял равнодушным, то брался под сомнение. А оказывается, становясь чемпионом, команда искала, строилась, росла и тренерам Валерию Лобановскому и Олегу Базилевичу надо было иметь терпение, чтобы выиграть время, чтобы отмолчаться, пока проявится эта самая искомая желанная игра.

Вспомним, как на протяжении ряда лет комплектовалась команда, как были привлечены в ее ряды игроки из других клубов и как это пошло на пользу и команде, и этим игрокам, и признаем за сильным, ищущим коллективом право на привлечение необходимых ему способных футболистов и попутно подумаем, что вместо безрассудного словечка «переманивание» лучше бы сгодилось другое — «выдвижение».

Вспомним и о том, что быстрота, подвижность, ловкость и (что особенно приятно!) техничность команды — результат чрезвычайного внимания к процессу тренировки, к образу жизни футболистов.

Тем, кто захочет «смоделировать» образ ведущей команды, надо рассматривать пример киевского «Динамо» в совокупности многих причин, повлиявших на ее становление. Те же, кто сведут все к одному какому- либо обстоятельству, рискуют промахнуться.

Я позволил себе выводы, пусть и беглые, хотя понимаю, что в мае с выводами не принято спешить. Но как их не сделать, если они более чем очевидны. Было бы вполне достаточна, если бы киевское «Динамо» просто выиграло все те матчи, которые оно выиграло. А оно еще выиграло их в хорошем стиле. И это самая яркая примета нынешней весны!»

Писалось все это «с колес», и сейчас, спустя много лет, я

ничего прибавить не хочу, равно как и отнять.

Впрочем, дополнить надо. В том году киевское «Динамо» опять стало чемпионом страны, к Кубку кубков присоединило Суперкубок.

На второй матч с «Баварией» я снова ездил в Киев и утром, перед матчем, занялся тем, что ходил по киоскам в поисках значков, выпущенных к событию. И горд был, купив четыре разных. Я не собиратель, но включился по-мальчишески в поиски: вокруг матча была атмосфера высоких страстей, а она нас пробирает как озноб. Заблаговременный выпуск значков намекал, что в Киеве ждут победы, уверены в ней. Часто ли так бывает?!

В конце того года Олег Блохин был награжден «Золотым мячом», «Франс-футбол» в своей классификации отвел советской сборной третье место, тогда как год назад у нее было двадцать третье.

В общем, в том сезоне киевское «Динамо» вернуло нам все утраченное. И подарило первоклассную игру, как выражаются производственники, на уровне мировых стандартов.

Настал год 1976-й.

Насколько был хрустально ясен год 1975-й, настолько сумеречным, ни на что не похожим выглядел этот год. С самого начала все пошло кувырком, словно задались разрушительной целью. Голова шла кругом. Но, может быть, голова подводит, не в силах оценить смелую Операцию? Может быть, так и надо — перешагнуть через мертвое тело привычек, не считаясь с жертвами?

«Учитывая интересы сборной», чемпионат страны поделен на два — весенний и осенний. В весеннем киевское «Динамо» (его можно считать и сборной) не участвует, под этим названием выступал резервный состав. Точно по поговорке, что «новое — хорошо забытое старое»: два чемпионата были в 1936 году, а сборная существовала отдельно от клубов в 1952, тоже олимпийском году. В свое время даже при малых знаниях отказались и от того и от другого приема, признав их несостоятельными. Как видно, теперь не побоялись повторения, чувствуя себя во всеоружии накопленных знаний.

17 марта киевское «Динамо», выиграв первый матч розыгрыша Кубка европейских чемпионов в Симферополе у французского «Сент-Этьенна» 2:0, проигрывает на его поле 0:3 и выбывает. Справедливости ради примем во внимание, что на дворе — март, месяц для наших неудобный, да и боролись киевляне до конца, третий мяч пропустили в дополнительное время.

Первая жертва.

20 марта, всего три дня спустя, в Киеве при скверной погоде на скверном поле матч сборных СССР и Аргентины. Наши в «экспериментальном» составе, что не мудрено: динамовцы не отошли после трудной встречи во Франции. Хотя после перерыва на поле вышли Блохин, Онищенко и Трошкин, матч проигран — 0:1. Было ли разумно отнестись к встрече с пренебрежением? Сборная Аргентины—из первоклассных, у нашей сборной до этого счет с ней был равный, а теперь, после 0:1 в Киеве, стал отрицательным. То, что в свое время далось сборной с немалым трудом, вмиг было разбазарено. А ведь знали, что следующий чемпионат мира пройдет в Аргентине и команда хозяев не ударит там лицом в грязь. На киевском стадионе играли Кемпес (он и забил единственный мяч), Ольгуин, Тарантини, Гальего, Ардилес, Луке, Пассарела, Хаусман — ставшие вскоре чемпионами мира.

Вторая жертва.

24 апреля в Братиславе в четвертьфинале чемпионата Европы сборная проигрывает 0:2. Шутка ли, чемпионат Европы! Годы идут, а мы и по праздникам, и без праздников вспоминаем, что в этом турнире советская команда была первой в 1960 году, второй — в 1964-м и 1972-м, четвертой — в 1968-м, и все это позволяло считать второй по значению после чемпионата мира турнир своим, освоенным. Да и на протяжении прошлого года только и слышалось со всех сторон, что выигрыш отборочного турнира к чемпионату— первейшая задача. Сборная ее решила, за что удостоилась похвал.

И вот заковыристая ситуация: 0:2, но впереди матч в Киеве. Как было не вспомнить, что в 1968 году в том же турнире наша сборная, имея 0:2 в первом матче с венграми, блистательно их переиграла в Лужниках — 3:0.

Я не мог не поехать в Киев на матч СССР—Чехословакия 22 мая. Что если повторится славный сюжет?

Память о прошлом грела души населения трибун, а не тех, кто на поле. Матч дал счет 2:2. От проигрыша спас Блохин за две минуты до конца.

Третья жертва.

Войти в положение? Но это было бы криводушием. Все, что смущало с начала сезона, раскрылось. Обращаюсь к своему репортажу в «Футболе — Хоккее» под заголовком «Что-то не то...».

«Каждый год у нас новое. Возможно, экспериментировать надо, многое в игре открывается в ином свете. Но мы торопимся и слишком скоро забываем то, что имели совсем недавно. Не помню, чтобы сезон 1972 года был либо забракован, либо одобрен. А тогда, напомню, наша сборная дошла до финала чемпионата Европы, прошла весь цикл Олимпийских игр и

чемпионат страны разыгрывался своим чередом, с участием всех клубов.

И международная и внутренняя футбольная жизнь сейчас обрисованы достаточно, и острая подступила необходимость планировать все турниры загодя на четырехлетие. Удачным станет тот план, при котором все наиглавнейшие турниры, в том числе и чемпионат Европы, будут оставаться наиглавнейшими, и у тренеров исчезнет право облюбовывать один какой-либо турнир, а в остальных участвовать для проформы. Странно и грустно было услышать после матча на пресс-конференции слова О. Базилевича о том, что «команда свою программу выполнила». Чемпионат Европы ни сердце, ни рассудок не позволяют рассматривать как нечто учебное, тренировочное, чем не зазорно поступиться.

Прекрасно понимаю, что эксперименты оцениваются после окончания. Нам еще предстоит разобрать формулу весеннего и осеннего чемпионатов и разъездную модель подготовки сборной. И все-таки невозможно согласиться с пренебрежением к чемпионату Европы, на котором сборная впервые осталась за пределами большой четверки. Команда Чехословакии сильна, ей можно было уступить и играя изо всех сил. Но, по крайней мере, не было бы чувства недоумения, которое вызвала эта встреча из-за того, что команда наша не выглядела к ней изготовившейся. И это «по плану», которым предусмотрена боевая готовность сборной к июлю, к Монреальским играм. Когда придет время итогов, когда надо будет планировать будущее сезона, вспомним о майских матчах чемпионата Европы и бросим их на весы. Они потянут. Без них большой футбол может превратиться в футбол среднего размера».

Этой корреспонденцией я навлек на себя немилость спортивного руководства, что неудивительно. Прямо в лицо мне ничего не было сказано, до Олимпиады оставалось считанное время, но доброхоты, вхожие в начальственные кабинеты, передали мне реплику: «С ним мы разберемся после».

В июне киевское «Динамо» встретилось в матче Кубка СССР с «Днепром», который еще не стал таким, как в 1983 году, был средней командой. Местный репортер, озадаченный исходом матча (2:1 в пользу «Днепра»), передал в редакцию: «Мы видели в форме «Динамо» хороших футболистов, а команды нет. Странно, но киевлян не огорчали пропущенные мячи, они отнеслись к ним с «олимпийским спокойствием».

Еще одна жертва, четвертая.

А в промежутках сборную (или киевское «Динамо», не знаю, как правильнее) видели в Болгарии, Венгрии, ФРГ, Швейцарии,

Австрии, США с самыми разными противниками, каких только она могла себе наскрести, в том числе из вторых лиг — «Арминией» (ФРГ), «Этуаль Каруж» (Швейцария), о которых никто и не слышал.

В Монреаль отбыла команда (у нее появилось третье наименование «олимпийская сборная»), по нашим впечатлениям 1975 года, классная, с твердо поставленной активной игрой и с самолюбивым характером, а по впечатлениям 1976 года — остаточно классная, играющая как придется, расслабленная, избалованная.

В Монреале я не был, и сошлюсь на тех, кто там играл. Итак, отрывки из книг Леонида Буряка («Горячие точки поля») и Олега Блохина («Право на гол»).

Л. Буряк: «Турнир Олимпиады сложился для нас неудачно. С трудом, через силу играли мы с канадцами, корейцами, иранцами. Год назад мы эти команды победили бы легко. Теперь же пробивались в полуфинал мучительно. В полуфинале нас ожидала сборная ГДР. Она тоже не относилась к числу команд, перед которыми мы бы затрепетали. Но соперники выглядели свежее нас, быстрее, выносливее. Когда Звягинцев грубо ошибся и мы пропустили гол, я понял, что нам не хватит сил отыграться. Мы еще бегали, суетились, но это ничего не могло изменить — поражение... И бронзовые олимпийские медали — успех, но мы рассчитывали на большее, поэтому радости не испытывали. Скорее — разочарование».

О. Блохин: «В играх олимпийского турнира мы не чувствовали той легкости в движениях и уверенности в своих силах, которые должны были проступить согласно программе подготовки. А ведь, переезжая из одной страны в другую, столько готовились!.. Мы с трудом проводили матчи с заштатными командами Канады, КНДР, Ирана. Нам явно не хватало скорости и легкости, ловкости и координированности. Чувствовал, что буквально измотан тренировками, которые продолжались и в Монреале. Думал о чем угодно, только не о футболе. Если попадал ко мне мяч, старался поскорее от него избавиться. Просто не знал, что с ним делать! Главное — отсутствовала жажда борьбы».

Жертва пятая.

В футболе все быстро забывается. В этом его счастье и в этом же несчастье. Напутали, провалились — тут же ударили громы и молнии, а время идет, глядишь, где-то опять выиграли — и запели медные трубы. И слава богу, нельзя же вечно посыпать главу пеплом, поражениям и полагается уходить с глаз долой, а новенькая победа, вот она всем на радость! Жить в ритме таких

чередований легко, вечное ожидание весны, над головой созвездие веры, надежды и любви.

Но когда спасительная забывчивость охватывает и тех, от кого прямо, непосредственно, профессионально зависят футбольные дела, то это — беда. Кто-то обязан помнить, не боясь упреков в злопамятности.

Что же обнаружилось в Операции 1976 года? В ней видны замысел и исполнение.

Замысел на совести тех, кто формулировал общую задачу. Выглядело это так: в олимпийском году нет ничего почетнее, заманчивее, чем победа на турнире в Монреале и на это должны быть брошены все силы.

Выигрыш золотых олимпийских медалей—цель высокая, в любом виде спорта выше цели не существует. Однако в футболе цель эта не самая высокая. Вершиной были и остаются чемпионаты мира, где встречаются все главные силы, и чемпионаты Европы, проходящие почти одновременно с Олимпиадами. Кстати говоря, одновременность этих двух турниров подчеркивает, что они для разных команд: чемпионат Европы — для первых, национальных сборных, олимпийский— для любительских, молодежных, резервных.

Если чемпионаты мира и Европы просты, строги и постоянны по своим условиям, то олимпийский турнир варьируется. В нем то получают право участвовать первые сборные стран, где не признан профессиональный футбол, то этим странам запрещается пользоваться услугами участников чемпионата мира («минус 22»), то начали разрешать приезжать молодым профессионалам. Словом, у ФИФА регламент этого турнира никак не вытанцовывается.

Мы давно обязаны были отдать себе ясный отчет, что турнир этот, несмотря на свое громкое, притягательное наименование, не собирает лучшие силы мирового футбола, которые объединены лигами профессионалов. А наши спортивные организации вечно на распутье: и в главных турнирах футболисты заявлены, и в олимпийском — тянет добыть лавры. Раздвоенность ничего путного не приносила, лишь однажды, в далеком 1956 году, в Мельбурне удалась победа, когда там наш футбол представляла первая сборная, а противники были не в лучших составах.

По моему глубокому убеждению, наш футбол в ранге первой сборной обязан целиком и полностью сосредоточиться на турнирах главных — чемпионатах мира и Европы. Да и аудитория давно уже различает по достоинству международные турниры. А для Олимпийских игр подходит команда, в которой пройдут школу молодые игроки ближайшего резерва.

Но золотые олимпийские медали манят, завлекают, и ради них ставится задача перед первой сборной — как хотите, ставьте любые условия, но завоюйте, привезите. Рассуждают простенько: чем футбол отличается от других видов спорта? Тем самым отказываются признать за футболом его особое предназначение. И может быть, исходят еще и из неверия в возможность успехов на чемпионатах мира и Европы: что если на Олимпиаде отломится удача? Не принимается в расчет и то, что олимпийская «бронза» записывается в разряд неудач, тогда как «бронза» на чемпионате мира была бы принята с энтузиазмом, недаром до сих пор любовно вспоминают четвертое место на чемпионате 1966 года.

Как бы то ни было, замысел созрел.

Исполнение замысла читателю представлено. Жертвы за жертвами, пустые хлопоты, отстранение В. Лобановского и О. Базилевича от должности тренеров сборной. Очередной катаклизм.

Не сомневаюсь, что Лобановский и Базилевич с полной убежденностью в своей правоте вели олимпийскую Операцию.

Что же это было? Нельзя допустить, что тренеры поступали себе во вред, очертя голову пустились в заведомо проигрышную авантюру!

В киевском «Динамо» им удалось применить разработанную в содружестве с учеными систему тренировочных занятий, обеспечившую, как принято говорить, высокую функциональную готовность игроков. Насколько могу судить, это было новинкой. И все было бы хорошо, если бы тренеры не приняли эту систему за универсальное средство «от всех болезней». Но они были молоды, тренерский опыт невелик, на ладони яркий успех в 1975 году, и они снова поставили на ту же карту. Так и вели команду: изъяли ее из регулярных соревнований, заменив вольными, выгодными разъездами, и сосредоточились на тренировках. К июлю, к Олимпиаде, команда пришла изможденной, хотя полгода толком не играла.

По горячим следам Операции критики кипятились, но по здравому размышлению заскок молодых тренеров если не простителен, то понятен.

Читатель спросит: а есть ли нужда разбирать придуманную в кабинете Операцию и ее несостоятельность, коль скоро все это связано со сборной?

В том сезоне сборная и киевское «Динамо» были нерасторжимы, провал сборной ударил и по клубу.

Снова сошлюсь на книгу О. Блохина.

«Я иногда с грустью вспоминаю о лучших временах своего

клуба и сборной. Мне кажется, что в ту пору у нас была команда, которая так и не смогла полностью реализовать свои возможности. Впрочем, так думаю не я один. Весной 1982 года я встретил на улице Стефана Решко.

— Видел вашу игру,— сказал он.— Что, тяжело приходится?

— Вспоминаешь, Степушка, наш состав?

— Только и остается, что вспоминать... А знаешь, жаль все-таки, что команда распалась раньше времени. Еще бы года три-четыре поиграть тем составом, который был у нас в семьдесят пятом, могли бы и Кубок чемпионов выиграть, и все что угодно...

У нас был состав! Что ни игрок—личность! Не стало этого состава—не стало и побед в европейских клубных турнирах. Хотя команда продолжала работать по тем же научно обоснованным программам. Думаю, что полагаться только на научный подход в тренерском деле нельзя».

Блохин выразил свои ощущения попросту, как игрок. Добавлю — как выдающийся игрок. Его ощущение не расходится с фактическим положением дел, наоборот, подтверждает его.

Потерянный сезон, накопившаяся горечь выплеснулись в стихийном бунте: игроки выразили недоверие тренерам. Сначала были отстранены оба, потом сошлись на том, что уйдет Базилевич, а Лобановский останется. Трещины заштукатурили. Думаю, что, и упрятанные, они долго о себе напоминали. Электротабло на наших стадионах рисовало благополучную кардиограмму киевского «Динамо», однако самочувствие команды определялось и по внешнему виду: насколько она в 1975 году по игре была весела и молода, настолько стала сумрачной и флегматичной.

В чемпионате 1976 года в сравнении с предыдущим число зрителей уменьшилось на миллион, в том числе на киевском стадионе потеряно 400 тысяч. Средняя посещаемость матчей упала с 23,6 до 19,4 тысячи».

Шестая жертва.

Много лет с недоумением наблюдаю за равнодушием к таким подсчетам. Однажды меня познакомили с директором крупного стадиона. Для завязки разговора я сказал: «Как вам, наверное, приятно, что сегодня стадион полон!» И услышал в ответ угрюмое: «Мне совершенно неважно, есть зрители или нет». Знакомство наше на том и остановилось. Никогда не мог понять, не понимаю и сейчас, как можно вести футбольное дело с безразличием к посещаемости стадионов, а значит, и к доходам. Не отсюда ли ведут начало безответственные эксперименты, не оттого ли так вольготно чувствуют себя футбольные власти, затевая операции, подобные разыгранной в 1976 году?

Если в 1975 году наша сборная, поправив дела, в классификации «Франс-футбола» была выведена на третье место в Европе, то после сезона 1976 года она оказалась десятой.

Седьмая жертва.

Такую дорогую цену заплатил наш футбол, погнавшись за золотой олимпийской медалью с негодными средствами.

Сезон 1977 года. Киевское «Динамо» — чемпион страны. Но почему команду не сопровождает, как два года назад, звон фанфар?

Всякие бывали сезоны. Чего мы только не насмотрелись за долгие годы! Можно написать пространную историю, скажем, эволюции игры, чередования возвышений и падений тренеров, клубов, звезд, наконец, занимательных происшествий. И кажется, ничем нас не удивить.

В 1977-м футбол удивил.

Внешне — сезон как сезон. Не из удачных, но к этому не привыкать. Сборная проиграла отборочный турнир чемпионата мира, выиграв у венгров и греков на своем поле и «закономерно» уступив им на чужом. Разочарование, удар по престижу.

В том году я дважды ездил в Киев. Весной на полуфинал Кубка чемпионов. Динамовцы выиграли 1:0 у сильной в то время «Боруссии» из Мёнхенгладбаха. Чувствовалось, что счет недостаточен. Так и оказалось: две недели спустя динамовцы проиграли «Боруссии» как по заказу 0:2. Досадно, но бедой не выглядело.

Л вот в сентябре в матче розыгрыша Кубка УЕФА ничья 1:1с «Айнтрахтом» из Брауншвейга, командой средненькой, смахивала на поражение. Брауншвейгцев дома устраивала нулевая ничья, и они без приключений ее добились. Киевское «Динамо» выбыло из борьбы и первом же круге.

И « Торпедо», дважды сыграв «по нулям» с португальской «Бенфикой», уступило в серии пенальти. Потом выбыло тбилисское «Динамо» после разгрома в Цюрихе от «Грассхопперса» — 0:4.

Чемпионат страны шел своим чередом, и первым оказалось киевское «Динамо». Здесь-то у него все с виду шикарно: из 30 матчей проигран один, выставочная разница мячей 51:12, второй призер—на удалении в 4 очка. Полагалось бы поздравлять команду, а вокруг нее даже не тишина, а ропот.

Будущий историк, более подробно и тщательно, чем репортер, исследуя события того года, не пройдет мимо коммюнике от имени Управления футбола Спорткомитета СССР, опубликованного в октябре под названием «По поводу некоторых вредных явлений в нашем футболе».

Вот оно.

«Рассмотрев материалы, опубликованные в центральной прессе («Известия», «Советский спорт» «Футбол—Хоккей», «Спортивная Москва»), а также докладные заслуженных мастеров спорта В. Мошкаркина и В. Маслаченко и многочисленные письма любителей футбола о фактах умышленного неведения спортивной борьбы командами в играх всесоюзного первенства, апелляционное жюри постановило:

1.Считать совершенно недопустимым, противоречащим принципам советской спортивной этики умышленное неведение спортивной борьбы, продолжающее иметь место в играх чемпионата СССР, разлагающе действующее на воспитание футболистов и дискредитирующее советский футбол в глазах широких масс зрителей.

2. Предупредить тренеров и футболистов команд мастеров, что в последующем апелляционное жюри за умышленное уклонение от спортивной борьбы будет принимать самые строгие меры вплоть до отмены результатов игр и дисквалификации команд и игроков».

Документ грозный, хотелось верить, что порядок будет восстановлен. Не могли мы сразу догадаться, что был он сродни другим правильным документам, в изобилии публиковавшимся в те годы по разным поводам, но никого ни к чему не обязывающим, в том числе и тех, кто их составлял. Ни один результат не был отменен, никакие команды и игроки не были дисквалифицированы, хотя договорные игры процветали.

Полную ясность внес Константин Есенин, опубликовавший в «Футболе—Хоккее» материал под недвусмысленным заголовком «С цифрами наперевес». Из него мы узнали, что по числу ничьих в том, 40-м чемпионате наш футбол на последнем месте в Европе— 44,58 процента, а на предпоследнем — турецкий

(35,8), и по результативности—на 26-м месте, 2,01 мяча за игру. Свои исследования Есенин закончил словами: «Надо поскорее закрыть эту замаранную страницу и начать с новой, чистой».

Константин Сергеевич тогда, просчитав чемпионаты европейских стран и все предшествующие наши, вывел, что в турнире 16 команд приемлемы и достаточны 8 ничьих. Этот коэффициент и ввели на будущий год под названием «лимит ничьих» Мера предполагалась аккордной, однако просуществоваламного лет: повода для отмены не появлялось. Единственное, что было сделано со временем, так это послабление: вместо восьми дали право на десять.

Что же произошло в 1977-м? Если руководствоваться «лимитом», то в том чемпионате в него уложились только «Крылья Советов», занявшие последнее место, и «Черноморец» (7 место). 17 ничьих (в 30 матчах) «сгоняли» московское «Динамо», «Кайрат», «Нефтчи», ЦСКА, 16 — «Шахтер», 15 — киевское «Динамо», 14 — «Локомотив» и «Карпаты», 13 — тбилисское «Динамо», «Торпедо», «Арарат», 12 — «Заря» и «Зенит».

Сначала публика и мы, журналисты, диву давались, глядя на ничейное поветрие, потом стали возмущаться, а под конец смеялись. Коль скоро речь идет о киевском «Динамо», повторю, что чемпион половину матчей сыграл вничью.

Еще стояло перед глазами киевское «Динамо» позапрошлого, 1975 года. Тогда, коль скоро я ударился в арифметические аргументы, ее победная верхняя строчка выглядела так: 17 побед, 9 ничьих, 4 поражения, разность мячей — 53 — 30, очков — 43. Сравните со строкой 1977 года — 14, 15, 51 — 12, 43. То же количество очков добыто совсем другими средствами, дистиллированными, искусственными. Насколько в первой строке оставила след турнирная борьба, настолько вторая нейтральна, выхолощена, ни о чем не сообщает.

И в 1977 году киевское «Динамо» было сильнее других, оставалось ведущим клубом. Что же удивительного, что в годину бедствий все взоры обратились к нему? Хотелось, чтобы флагман не приспустил флаг, а повел за собой закачавшуюся эскадру. А он закачался и лег в дрейф вместе с ней. И общее оцепенение было как бы оправдано, освящено поведением флагмана: на миру и смерть красна.

Киевское «Динамо» незадолго до того, в 1966 — 1968 и 1974 — 1975 годах, рождавшее плодотворные дискуссии, у одних вызывавшее восхищение, у других, по крайней мере, уважение, вдруг, несмотря на чемпионский титул, возбудило к себе скептическое отношение, в его сторону полетели не цветы и комплименты, а посвистывание и смешки.

Не одно киевское «Динамо» этого заслуживало, однако ему доставалось больше, чем другим. Как самому сильному. Но самой сильной команда оставалась, я бы сказал, практически, командная же игра упростилась до минимума, обаяние выветрилось. Если в 1975 году каждый матч динамовцев сулил невиданное, то в 1977-м можно было предсказать как они себя поведут, как будут разживаться необходимыми очками, заранее вычисленными. Перед нами была команда послушная, организованная, знающая, чего добивается, но обыкновенная, каких немало. И назвать её командой высокого класса, как мы с легкой душой делали в 1975 году, язык не поворачивался.

Мало того, если совсем недавно по киевскому «Динамо» мы выверяли модерн, то теперь веры не было, хотелось думать, что на свете существует иная, привлекательная игра.

Не знаю, как в будущем оценит этот сезон коллектив авторов не написанных пока очерков истории советского футбола, но для меня, репортера, тот сезон был, мало сказать, неудачным, он стал черным, пыльной бурей. Одно дело—крутиться вокруг проблем игровых, организационных и совсем другое — работать, не зная, верить или не верить подлинности происходящего.

О матчах по сговору поговаривали и прежде. В 1974 году в Одессе я попал на водевиль под названием «Черноморец» — киевское «Динамо». Публика откровенно похохатывала, глядя, как шутейно делается счет 3 :3. Я написал об этом в «Огоньке», ждал опровержений и не дождался. И все же думалось, что это несчастный эпизод, что гуляющие слухи преувеличены. Чемпионат 1977 года избавил от утешительных порой шип: он весь был подобием сидячей забастовки, едва ли не все команды устраивали свои дела, позабыв о борьбе. Это были не проступки, не уродства и аномалии, а вновь изобретенная форма существования с удобствами и небескорыстная.

В Лужниках шел матч. Рядом сидел футболист, несколько лет назад игравший в одной из команд. Кто-то припомнил, как эти же команды играли три года назад здесь, в Лужниках. И мой сосед, футболист, то ли по недомыслию, то ли из бахвальства, с улыбочкой ляпнул: «А мы тогда им отдавали два очка». Настала неловкая пауза. Другой мой сосед, журналист Г. Ларчиков, наклонившись ко мне, шепнул: «Вы тогда отчет писали». Я, признаться, забыл. Дома нашел тот отчет, перечитал. Никогда мне не было так горько. Попался, расписал! И как же, должно быть, посмеивались футболисты, читая на следующий день газету! Каким простаком выглядел я в их глазах! Да и стадион тогда был полон, и публика переживала вовсю. После того случая я долго не писал, не мог справиться с потрясением.

Ничего нет хуже игры по сговору. Можно все на свете проиграть, это не горе, если честно: мяч повернется вокруг оси и явится день победы. Тем и живешь. Если же нечестно, то все останавливается, жить нечем. Можно притворяться, что ничего не знаешь, либо, поступившись совестью, «входить в положение» обманщиков. Но это вслед за «договорными матчами» будет договорной журналистикой. Была ли такая? Была. С удовольствием назову тех, кто не поддался, не смирился, кто воевал: Олег Кучеренко, Валерий Винокуров, Виктор Асаулов, Борис Федосов, Лев Лебедев, Александр Левинсон, Владимир Маслаченко, Евгений Майоров, Николай Озеров, Юлий Сегеневич,

Аркадий Галинский, Константин Есенин, Геннадий Ларчиков, Алексей Леонтьев. Знаю, как опасны такие списки, предвижу попреки: «А меня забыли?» Я оставляю список открытым — назвал тех, с кем близко связан работой, с кем откровенен. А назвал потому, что, по моему глубокому убеждению, журналисты гораздо больше сделали в борьбе с лжефутболом, чем спортивные организации, которым сам бог велел вести эту борьбу.

Эх, киевское «Динамо»! Какая была великолепная возможность у лучшей нашей команды — поднять, возвысить голос против всего того, что ныне мы называем «застойными явлениями»! Не подняла, не возвысила, пошла по течению, в общей струе. И заплатила за это, сделавшись на целое десятилетие, до 1985 года, командой как все, у которой разве что с очками и местами дела чуть благополучнее. А в розыгрышах европейских кубков, в чемпионатах мира и Европы (в сборной по-прежнему киевские динамовцы в большинстве) — успехов никаких.

Скорее всего это наивно, но я рассуждал так: «Вот бы Валерию Лобановскому, самому авторитетному, властителю умов, взять и заявить во всеуслышание, печатно или на конференции тренеров: «Остановим, дорогие коллеги, игры по сговору, хватит срамиться!», и будет положен предел эпидемии, некуда будет деваться жулью, все мы облегченно вздохнем, и футбол пойдет на поправку». Я мечтал о таком выступлении.

В те годы меня как репортера в Киев не тянуло. Во главе с киевским «Динамо» наш футбол тянул лямку на нижних этажах.

Вспышки были — прорывы «Спартака», минского «Динамо», «Днепра», «Зенита» в чемпионатах страны, выигрыш Кубка кубков тбилисским «Динамо». Киевское «Динамо» не позволило себе опуститься, сдать позиции, его авторитет на наших полях оставался высоким. Однако с игры киевского «Динамо», с его турнирной стратегии мерок уже не снимали.

Настал год 1985-й.

Перед этим — два сезона «в тылу», 7-е и 10-е места в чемпионате. Все настолько свыклись с заглавной ролью киевского «Динамо», что его не хоронили, зная, что не тот это клуб, чтобы ни с того ни с сего раствориться, сгинуть.

В 1983—1984 годах в составе киевлян стали появляться эпизодически П. Яковенко, О. Кузнецов, В. Рац, А. Михайличенко. Фамилии ничего не говорили, обычная проба молодых, которая, как известно, может окончиться и пшиком: зажглась спичка и погасла.

Весной 1985-го появились неведомый И. Яремчук и быстрый форвард И. Беланов из «Черноморца».

И тут свершилось: возникла средняя линия, чуть сзади О. Кузнецов — передний центральный защитник, потом тройка — В. Рац, П. Яковенко, И. Яремчук, чуть впереди — А. Заваров. Команда ожила, помолодела, помчалась.

Все это не такая уж новость, когда удачно вводится группа способных молодых игроков. Клубы то и дело взбадриваются подобным способом. Иногда ненадолго, иногда на несколько сезонов.

Но получилось совсем иное: команда заиграла. Позже В. Лобановский настаивал, что никакого переворота в игре не было, команда будто бы все годы придерживалась одних и тех же принципов, осталась верна им и в 1985 — 1986 годах. Не берусь судить о принципах тренировочной работы, режима, наоборот, думаю, что эти принципы соблюдались, развивались и торжествовали. И конечно на них все и опиралось. Но они невидимы, о них знают немногие—тренеры и игроки. На виду — игра. А у нее тоже свои принципы, о которых—тут уж никуда не денешься — дано судить, мно- гим, если не всем. Собственно, ради этого мирского суда все и затевается, ради него и идет невидимая работа.

Мне не кажется, да и примеров не могу назвать, чтобы журналист был с тренерами наравне в их секретной, закулисной репетиционной деятельности. И тренеры из тех, которые любили держать контакт с журналистами (Аркадьев, Маслов, Якушин, Качалин, Ахалкаци, Дангулов, Гуляев, Дубинин, Глебов, Николаев, Севидов), в самых долгих и откровенных разговорах не касались производственной стороны своей профессии. Пусть наши «семинары» и не имели такого названия, но я бы им его дал — «Как мы выглядим?». Так же естественно было в ответ слышать их отзывы о наших печатных высказываниях, тех, что у всех на виду. И мы не делились с ними, зная, что это не спасет, секретами нашего ремесла, не оправдывались графиками выпуска газет, тем, что некогда подумать над фразой, и тем даже, что дежурный редактор вычеркнул «самую важную» строчку. Нас не убедили бы их оправдания, а их — наши. И слово не воробей, и скверную игру не воротишь.

Хорошая игра, пусть за ней скрыт многопудовый и многокилометровый труд, является на белый свет в урочные полтора часа в обличии общепонятном. Если же то, что нам предложено, имеет только чисто футбольное, специальное воплощение, то обычно это значит, что мы видим футбол среднего достоинства, разученный, достаточный, «на тройку».

Способность демонстрировать не одну технику и тактику, а и что-то иное, — тут и начало классного футбола. Что же именно?

Это прежде всего чувство собственного достоинства. Его мы ощущаем у команды, которая имеет собственный ясный план, верна ему, ведет игру самостоятельно, не сникает перед противником, не подстраивается к нему с угодливостью подчиненного, не теряет своего лица в любых условиях — и на родном стадионе, и на далеком.

Это ощущение, что команде доставляет удовольствие играть, что она вышла на поле не по велению расписания и афиши, а ждала этого часа, ее тянуло в стадионный овал. И если трибуны уловят ее удовольствие, ее кураж, то и им зрелище в радость, и они на него отзываются добрым громом.

Это такое течение игры, при котором мы видим умное равноправие одиннадцати дружных людей, настолько хорошо знающих друг друга, что они дают возможность любому себя проявить, благодаря чему, оставаясь командой, они еще и все сами по себе интересны. И публика начинает чувствовать связь с ними со всеми вместе, одинаково одетыми, и знает любою из них как особенного.

Это впечатление, что команде все легко дается (даже зная о тяжести футбольного труда), что задумано, то и получается, а раз легко, то и красиво. Если легко и красиво игравшая команда все же потерпит поражение, это не удручает, не портит настроения, знаешь, что дело поправимо, и на следующий ее матч идешь с надеждой.

Это сознание, что команда, целиком и полностью поглощенная ей самой нравящейся игрой, будет добра, не огорчит злостью, хулиганскими выходками, тупостью однообразия и примитива и от щедрости игровой души что-то придумает, выкинет, чем-то восхитит.

Это, наконец, уверенность, что так играет только она одна, что она не похожа ни на какую другую команду, и это дороже всего, потому что футбольный стандарт, как и любой другой, сеет скуку.

Все ли упомянуто? Нет конечно. О хорошей команде труднее отзываться, чем о средней и плохой. У тех все на поверхности, все наперечет, а хорошая команда — затаенная. Потому что — играет.

Киевское «Динамо» в 1985—1986 годах вернулось на авансцену именно такой — играющей, а потому и побеждающей — командой.

Не ставлю под сомнение принципы ее работы и жизненного распорядка на протяжении многих лет, начиная с 1974 года. Скорее всего именно эти принципы и последовательность Лобановского и позволяли ей становиться чемпионом страны

даже когда, кроме рабочих принципов, ничего привлекательного не обнаруживалось. Уверен и в том, что принципы позволили ей вознестись в 1975 и 1985 — 1986 годах. Честь и хвала принципам, и дай бог, чтобы они соблюдались и впредь, пусть бы ими разжились и все остальные клубы. Однако Игра — та, что с большой буквы, покоясь на принципах, имеет свои таинства, которые одними принципами не исчерпываются.

Думаю, что команде в 1985 году в большей мере, чем в предшествовавшие, была предоставлена свобода в игре. Да, основная тактическая линия была прочерчена и испробована заранее, были обговорены и разучены основные комбинации, связки, маневры. Но в этих обязательных для любой серьезной команды рамках не чувствовалось теперь, как прежде, выученных наизусть уроков, слепой, школярской, запуганной зубрежки.

И мгновенно даже те, кто недавно был противником наукообразной, жесткой стратегии и тактики команды, либо с удивлением, либо с облегчением произнесли: «Да, команда что надо!»

Так просто и так сложно. Это и есть жизнь большого футбола.

Валерию Лобановскому не было тридцати, когда он начал свою тренерскую карьеру в «Днепре». Вместе с ним команда вышла в высшую лигу. Этот успех засвидетельствовал серьезность и волю молодого тренера. Но тот «Днепр» был не ахти какой командой, он занимался сбором очков, необходимых для «вида на жительство» в высшей лиге, и не больше того. Следа в футболе он не оставил.

В 1974 году Лобановский (ему 35 лет) вернулся в родную команду, где много сезонов играл старшим тренером. Киевское «Динамо» за год до этого, при тренере А. Севидове, осталось вторым в чемпионате после «Арарата», что и послужило причиной отставки. Команда была собрана, готова для первых ролей, в ней находились Рудаков, Матвиенко, Решко, Фоменко, Трошкин, Веремеев, Буряк, Мунтян, Колотов, Блохин. Понадобилось вернуть из «Зари» «одолженного» Онищенко, и основной состав, прекрасный состав, был готов. То, что мучает каждого тренера — поиск одиннадцати, которые один к одному, — Лобановского не мучало. Команде полагалось заиграть классно, ее время пришло. Твердая рука молодого тренера, его строгость, честолюбие, продуманная система тренировочных занятий — все это пришлось кстати и дало эффект.

Возможно, Лобановский принял как должное взлет своей команды, возможно, ему показалось, что она взлетела лишь благодаря тому, что внесено им в ее жизнь. Вполне простительная переоценка при превосходных результатах. Переоценка подвела в

1976-м, когда выяснилось, что одним тренировочным режимом команду не изготовить. Первый щелчок — отстранение от руководства сборной. Потом второй, в 1983-м, после проигрыша отборочного турнира чемпионата Европы, проигрыша досадного, после сомнительного пенальти, назначенного в ворота нашей сборной на стадионе в Лиссабоне во встрече со сборной Португалии.

Наверное, тренеру и полагается быть «битым», тренерских биографий без «битья» я не знаю. Лобановскому доставалось за сборную, а руководство клуба ему верило. После неудачи в 1976 году, как мне кажется, Лобановский решил, что ему для восстановления доброго имени срочно необходим турнирный успех. Тогда-то и был выигран киевским «Динамо» чемпионат страны — самый странный, самый подозрительный из всех чемпионатов.

И дальше, на протяжении нескольких лет, Лобановский сделался фигурой спорной. Одновременно нарастали признание его квалификации и отрицание ряда методов его работы и турнирной стратегии. Ситуация, может быть, единственная в своем роде. Долго, пока в команде на главных ролях были игроки из знаменитого состава 1975 года, шли разговоры, что тренер благоденствует за их счет, что сам он еще как следует себя не проявил, ничего нового не создал, что на его месте любой мало-мальски дельный тренер имел бы такие же точно показатели. Это не выглядело справедливым, но слух жил, тянулся.

Наконец, в 1985 году Лобановский (ему 46 лет) вывел на дебют совершенно обновленную команду, уже по всем данным — его команду. И, как мы знаем, хорошую команду. Не просто практически сильную, как в предыдущие годы, а команду с игрой, когда атлетическая подготовленность служит фоном для оригинального маневрирования.

Казалось бы, куда лучше: снова, как в 1975-м, полно призов и в третий раз Лобановский назначен тренером сборной.

Но явился год 1987-й, за ним 1988-й, 1989-й и снова вопросы. Программа сборной выполнялась (чемпионат Европы), а в клубе после двух ярких сезонов что-то разладилось. И опять сомнения: правильные ли методы выбраны, не слишком ли быстро исчерпала себя команда? Ведь точно то же произошло после сезонов 1974—1975 годов...

В моем наброске нет попытки что-то установить окончательно. Мне хотелось дать почувствовать, как сложна, извилиста и прерывиста линия жизни тренера, даже того тренера, за которого все формальные, общепринятые доводы — победы и места. Как заманчиво написать книгу о жизни большого тренера,

но только честную, без идеализации и прикрас!

И киевское «Динамо», интересное не одними серебряными кубками, а своей противоречивостью, правотой и отступлениями, открытиями и кривыми дорогами, в моих глазах репортера, прежде всего команда — большая команда — с судьбой драматической.

Повторю, что в своем отношении к футболу более всего доверяю своей репортерской работе. На протяжении двадцати с лишним лет я чувствовал себя (как, думаю, и многие другие журналисты) спецкором киевского «Динамо». Команда предоставляла всю клавиатуру жанров и интонаций, поводов и наблюдений, похвал и протеста. Трижды за это время она давала нам право считать, что мы располагаем примером наисовременнейшего, искусного, классного футбола, и благодаря ей легко было ориентироваться. И тянулись сезоны, когда мы видели, что сильная команда способна впадать в примитив, обкрадывать саму себя немудреным промыслом очков в ущерб игре, может во имя этого промысла скатиться до забвения нравственных начал.

Все было у команды за четверть века. И тон наших репортажей о ней менялся до неузнаваемости. Листаю свою книжку «Футбол сегодня», изданную в 1979 году. Два очерка посвящены киевскому «Динамо». Первый написан в июне 1975 года и назван «Команда этой весны». Он открывается словами: «Этой весной мы отведали первоклассного футбола. И не какие-то иноземные команды нам его предложили, а наша». И заканчивается так: «Весенний аккорд киевского «Динамо» должен быть воспринят нашим футбольным миром и как пример и как вызов».

Второй — в марте 1978 года — «Истина расходится с таблицей». В конце следующее: «Нет, не так все просто в опыте лидера нашего футбола, киевского «Динамо», неспроста эта команда стала объектом споров. Являя собой пример по многим разделам футбольного дела, она одновременно создала модель турнирного поведения, повторяя которую ее последователи привыкают к мелководью и не выдерживают плавания в открытых бурных морях большого международного футбола».

Всего-то три года разделяют эти очерки, да и написаны они о команде, в тот момент являвшсйся чемпионом страны, а отличаются так, словно писали их разные люди, поклонник и обидчик. Так нам повелевает репортерский долг.

Одно скажу: работать в годы «правления» киевского «Динамо» было чрезвычайно интересно. Футбол вырывался из диаграмм, таблиц и графиков, они служили лишь иллюстрациями, да и то

порой их приходилось брать под сомнение. За футболом вырисовы вались личности, разные методы и подходы, явления прогрессивные и косные, находки и потери, смелость и трусость, честность и цинизм — и во всем этом надо было разобраться. Мы лишний раз смогли убедиться, что футбол не исчерпывается физическими проявлениями, что его арена борьбы не ограничивается зеленым прямоугольником. Наверное, и мы, репортеры, в эти годы в чем-то перебарщивали или, наоборот, что-то недоговаривали, но мы имели дело не с табличным, беговым и ударным футболом, а с футболом, выражающим брожение умов и душевные колебания его постановщиков. И убеждались, что в футбол не просто играют, а что его создают, направляют, поощряют или сковывают. И в том еще убедились, что футбол не минуют влияния времени и окружения, что период застоя, пережитый страной, ударил и по футболу.

С удовольствием вспоминаю свои поездки в Киев, они мне позволили узнать, чего не знал прежде. И то, что я писал о киевском «Динамо» больше, чем о других командах, было в порядке вещей, эта команда всеми своими превращениями требовала не скользить бездумно по поверхности, а пытаться что-то понять и осмыслить. Репортер гибнет, если норовит кому-то намеренно угодить. Киевское «Динамо» мне приходилось и превозносить, и низводить с пьедестала. И то и другое я делал, держа в уме интересы футбола. И потому еще делал, что к киевскому «Динамо» как нельзя лучше подходит выражение «Большому кораблю — большое плавание».

Устраивало меня и то, что в откликах читателей я встречал разное: с одной стороны, «Ваше хваленое киевское «Динамо», Ваш друг Лобановский, неужели они настолько затуманили Вам глаза, что Вы ничего другого видеть не хотите?» и с другой — «Давайте спросим у своей совести, сколько ядовитых уколов нанесли мы Лобановскому, бросая тень на победы руководимых им команд, цепляясь за каждую неудачу». Первое — из города Дзержинска Горьковской области, второе — из Симферополя. Фамилий я не называю, иначе полетят телеграммы с вызовом на дуэль. Да и было бы неправдоподобно, если бы вдруг вся болельщицкая громада приняла одну-единственную версию. Держать чью-то сторону, несмотря ни на что, проще и легче, сердечнее, что ли. Я через это прошел в свои болельщицкие годы. А у репортера иные обязанности, он аккредитован при футболе. Киевское «Динамо» строже, чем какая-либо другая наша клубная команда, заставляло помнить об этой аккредитации.

И еще — о времени, о годах, когда шли игры.

Если совсем вкратце, схематично изобразить историю нашего

футбола, то она мне видится сложенной всего-навсего из двух, выражаясь по-современному, блоков. Разграничительная черта между ними — 14 июня 1970 года. О матче СССР — Уругвай на «Ацтеке» я уже писал. Запомнился он мне не одними своими игровыми перипетиями, а еще и тем, как после его окончания не хотелось садиться в автобус (желтенькие, школьные, они шли один за другим, цепочкой, перебрасывая население ложи прессы в центр города). Было стыдно оказаться среди разноплеменной журналистской братии и, не приведи господь, подвергнуться соболезнующим расспросам. Так и уехал в самом последнем, почти пустом. Ощущение не обмануло: как вскоре выяснилось, тем матчем и был обозначен кризис.

Наш футбол, насколько я имею право судить, никогда не жил припеваючи. «Первый блок», до 14 июня 1970 года, сообщит нам о бедной экипировке, слабеньких, отрывочных контактах с миром западного футбола, преимущественно через сборную, отсутствии телепоказа, несложившейся системе тренировок, скромных поощрениях, репрессиях, наконец (разгон чемпиона страны, ЦДСА, в 1952 году, «дело Старостиных»), С другой стороны, тот футбол можно считать и баловнем. Чего стоило хотя бы то, что все лучшие мастера по верховному предписанию в дни войны были сохранены. Или то, что клубы согласно существовавшим порядкам пользовались вельможным, капризным покровительством «лично» первых лиц в республиках, областях, министерствах.

А в общем, конечно, мешанина, бестолковщина, махровое любительство.

И тем не менее тот «блок», вопреки всему, пронизан светом. Футбол жил и развивался, пусть по наитию, наивно, со скрипом, зато увлеченно, искренне, честно, с изрядным самоуважением. Он жег порох, которым был заряжен еще в двадцатые годы, годы молодого подъема его и страны. И запасов этих хватило надолго.

Тогда выдвинулись, пришли к руководству многие способные люда: Б. Аркадьев, В. Гранаткин, братья Старостины, В. Маслов, Я. Якушин, Г. Качалин, М. Товаровский, Н. Латышев, Э. Саар, К. Бесков. На полях блистали, смело можно сказать, народные мастера, общие любимцы, имена которых не забыты: братья Дементьевы, М. Бутусов, В. Жмельков, С. Ильин, Н. Трусевич, В. Карцев, Г. Федотов, Бобров, А. Хомич, В. Трофимов, А. Пономарев, Сальников, Н. Симонян, Б. Пайчадзе, М. Месхи, В. Иванов, Э. Стрельцов, И. Нетто, В. Воронин, Л. Яшин.

В ту пору в футбольной среде была в чести человеческая солидарность. Вот хотя бы эпизод из рассказов Николая Петровича Старостина:

«Мне не довелось увидеть на поле Всеволода Боброва. Но я могу в известной мере представить себе его достоинства, о которых наслышан. И вот почему. В день моего возвращения из сталинской ссылки на аэродроме среди встречавших был Всеволод Михайлович. Мы не были с ним знакомы, а он счел своим долгом прийти. Естественно, после этого мы с ним уже до конца состояли в наилучших отношениях».

И видных клубных команд тогда было достаточно.

Если по строжайшему счету, то шесть — «Динамо», «Спартак», ЦСКА и «Торпедо» московские и «Динамо» киевское и тбилисское. Это обогащало репертуар, множило число интересных, привлекательных матчей. Да и повсюду в мире так: в рамках высших лиг затаена еще одна, неназванная лига, которая и верховодит.

Само собой, драма 14 июня 1970 года на «Ацтеке» грянула не вдруг. Но и не случайно. Она накапливалась, громоздилась, зрела, как туча.Если до поры до времени от футбола власти требовали эпизодических, разовых успехов, то после широкого выхода на международную арену вместе со всем спортом он был включен в особо доверенное подразделение, которое бесстыдно именовалось «отвлекающей пропагандой». Спортивные медали должны были пудрить мозги народу, убеждать в том, какие мы свободные, сильные и талантливые, какими лучшими в мире возможностями пользуемся. Да вот незадача, футбольные медали, наиболее соблазнительные наиболее «отвлекающие», никак не давались. Не помогали ни разносы, ни смена руководителей и тренеров, ни тем более невежественные понукания заимствовать опыт лыжников, гандболистов и хоккеистов. Да и откуда взяться медалям, когда футболистам, в отличие от остальных спортсменов, приходилось конкурировать с профессионалами.

Не получая разрешения организоваться как полагалось бы, чтобы стать вровень с противниками, оказавшись окруженным враньем, голословным заушательством, дискриминацией, попав под начало людей несведущих и нахрапистых, а то и нечистых на руку, конъюнктурщиков, которых «бросали», чтобы вывести из прорыва, футбол наш на глазах начал хиреть.

Из большой шестерки клубов уцелел, выжил, еще и с выгодным приращением, один — киевское «Динамо». Героическими стараниями «стариков» — Николая и Андрея Старостиных и Константина Бескова — вернулся в строй совсем было затонувший «Спартак», чтобы занять в кильватере место вслед за киевским «Динамо», правда, без побед международного значения. Остальные четыре знаменитых клуба повели неопределенный, бродячий образ жизни, могли оказаться в

любом пункте, никого не удивив. Вряд ли следует полагать, что их заменили «Днепр» и «Жальгирис», клубы интересные, но с очень уж коротенькой историей, с традициями еще не окрепшими. И сборная, превратившаяся в куклу, надетую на истеричную, властную кабинетную руку, жила разбросанно, нервно, то вдруг коротко сверкала игрой, то проваливалась, то ее доверяли особому тренеру (что правильно), то со всеми потрохами передавали одному клубу, обычно киевскому «Динамо». И не утихала в футболе атмосфера спасательных работ, не кончались аварии.И заметьте, как редко стали выдвигаться люди — тренеры, руководители, судьи... Валерий Васильевич Лобановский един в трех лицах: и тренер ведущего клуба, и тренер сборной, и идеолог, и программист профессионального статуса. Рядом — по непрерывному стажу, по призам, по авторитету, по международному опыту — поставить некого. Оттого все ему — и похвала и хула. Не знаю, устраивает ли Лобановского такая исключительность, но футбол из-за безлюдья оскудевает.

Чем же ответил мир футбола на все эти влияния?

Мало-помалу были отодвинуты в сторону игровые идеи и замыслы, на первый план вышло собственное обустройство, ради чего подминали, прячась та словесными фальшивками, нравственные начала как устаревшие, себя изжившие. Прежде не было принято, как теперь, заученно, громогласно при любом удобном случае объясняться в верности зрителям, играли, когда складно, когда коряво, но от души, зная, что это и есть первый закон зрелища. Тренеры если и лукавили и привирали себе в оправдание, то стеснительно, аккуратно, в меру. А потом нас, публику, стали считать дураками, все поражения были отменены, стали уважительными, при отрицательном итоге нас кормят дежурными блюдами: «много травмированных», «зловредное судейство», «нелепый календарь игр», «игроки переутомлены», «игроки не выполнили установку тренера». Всему этому мы обязаны верить, и скука повисла над редеющей, некогда веселой стадионной толпой.

Однажды в редакцию, как случалось не раз, заскочил болельщик-страстотерпец, жаждавший выложить журналистам всю правду, припереть их к стене. Я терпеливо слушал. Вошел Геннадий Радчук, которому срочно понадобился мой совет по номеру. Оценив безнадежность ситуации, он прервал обличителя:

— С какой стати вы на футбол насели? Что, с колбасой разве уже лучше стало?

Незнакомец обвис, как проколотый, и испуганно подхватил свой новенький дипломат.

Мы ровным счетом ничего не поймем в превращениях своего футбола, и киевского «Динамо» в том числе, если подчинимся единственно футбольной путеводной стрелке. От времени не уклонишься, футбол никогда не был тихой гаванью, не жил на отлете. Такая большая команда, как киевское «Динамо», не могла не отразить в своей судьбе пережитое всеми нами. И интерес к ее противоречиям, разноликости естествен, а правда футболу точно так же необходима, как и всему на свете.

УЛИЦА АРХИПОВА, 8, ТРЕТИЙ ЭТАЖ, НАЛЕВО...

Мир тесен. В пору моего детства улица Архипова называлась Большим Спасоглинищевским переулком. Летом я туда не заглядывал, не по пути. А зимой мы, ребятня, там пропадали вечерами, после школы. Для нас это был не переулок, а гора, крутая, длинная, ляжешь животом на саночки на Маросейке, а сваливаешься в сугроб на Солянке. И проносился мимо дома номер восемь, не взглянув.

Прошло время, и сделался этот дом на четверть века вторым домом, спешил к нему по утрам, позабыв, что когда-то катался здесь на санках.

Еженедельник «Футбол» начал свою жизнь в июне 1960 года, и вовремя. Наш выход в мир большого футбола только что состоялся, а знаниями мы похвастаться не могли. Была потребность в информации, в трибуне для обмена мнений. Да и просто побольше почитать разного о футболе людям хотелось. Это зрелище накрепко связано с чтением, не представляю себе болельщика без газет. Чуть ли не половина удовольствия — узнать, что пишут, свериться.

А тут, словно подгадали, в июле во Франции был впервые разыгран Кубок Европы, и его привезла в Москву советская сборная. Да и чемпион осенью удался как нельзя лучше — «Торпедо», новенькое, с иголочки. Так что «Футбол» начал на мажорной ноте, волею событий сразу был замечен и признан.Шесть лет его редактировал Мартын Иванович Мержанов. Повезло и еженедельнику и редактору. Мержанову было шестьдесят, казалось, он всю жизнь ждал, когда откроется «Футбол», чтобы в нем поработать. За его плечами были годы в «Труде» и «Правде», войну прошел фронтовым корреспондентом, закончив присутствием при подписании капитуляции в Берлине, потом — «Огонек». Во все, чем занимался, Мержанов вносил свой природный бурный темперамент, он безоглядно доверял своим вкусам и пристрастиям, пылко их отстаивал, был добр ко всему, что считал честным, правильным, прогрессивным, и воинственно не принимал все то, в чем подозревал затаенный обман, косность, невежество. Этот сложившийся, много потрудившийся на своем веку, заслуженный, награжденный журналист имел страсть, причем не тайную, к футболу. Она зацепила его в юности, когда он поигрывал вратарем и выпускал рукописный футбольный

журнал. Мержанов писал о футболе и в зрелые годы, но развернуться по-настоящему не имел возможности. И вот она представилась.

Как легко догадаться, Мержанов-редактор немедленно превратил еженедельник в поле битвы.

Для начала, для затравки было затеяно обсуждение статьи тренера из Тбилиси А. Гальперина под названием «В чем красота футбола». Наверное, каждый имеет что заявить на сей счет. И пожалуйста: драматург Исидор Шток — «О поэзии и вдохновении», другой драматург, Леонид Малюгин — «Уважайте болельщиков», тренер Борис Аркадьев — «О вкусах спорят» и еще один драматург, Алексей Арбузов — «Заметки любителя». Что один за другим отозвались три драматурга — не совпадение, кому как не им созвучен футбол с его интригами.

Следом дискуссия сугубо специальная: о персональной и зонной защите. Завел ее тренер «Торпедо» В. Маслов, извечный противник «персоналки», статьей «Футбол без тени». Осторожный М. Якушин ответил статьей «За разумно персональную опеку». Н. Палыска, считавшийся у нас, когда играл, самым искусным «персональщиком», отстаивал свое — «Тень на ясный день», полемизируя с Масловым. Тренер Б. Цирик, склонный к теоретизированию, написал исследование «Зона и опека». В. Трофимов, в прошлом нападающий, правый край, как ни странно, оказался за «персоналку»— «Надежное оружие», а другой бывший правый край, Н. Старостин, против — «Отживающая система».

За четыре года до того, как после долгого, скрипучего раскачивания было принято решение об участии наших клубов в розыгрыше европейских Кубков, проницательный, дальновидный журналист Александр Перель опубликовал в «Футболе» полемическую статью «Давайте разберемся». Он писал: «Если мы и дальше будем уклоняться от участия в международных турнирах, то сама жизнь выключит нас из общения с лучшими клубами Европы. Только в официальных турнирах можно определить силу команды, ее мастсрство, ее класс».

Так сразу сложилось направление еженедельника.

Другой заботой Мержанова-редактора было собрать авторитеты, имена, чтобы издание звучало. С первых же номеров среди авторов весь «генералитет»: Б. Пайчадзе, М. Бутусов, Б. Аркадьев, К. Бесков, М. Якушин, три брата Старостины — Николай, Александр, Андрей, В. Мошкаркин, А. Дангулов, В. Гранаткин, Г. Качалин, В. Бобров, В. Маслов, В. Дубинин, С. Сальников, А. Парамонов, Н. Латышев, А. Идзковский, А. Акимов, Н. Симонян, писатели Юрий Трифонов, Борис Полевой, фельетонисты С. Нариньяни, Ю. Золотарев, Ц. Солодарь, В.

Новоскольцев, кинорежиссер Марк Донской, журналисты А. Вит, А. Галинский, И. Бару, В. Мдивани, А. Кикнадзе, А. Леонтьев, Ю. Ваньят.

Словом, сбор всех частей. Мержанову было чуждо выпячивать свою роль, наоборот, на каждом шагу он твердил, что «Футбол» — дело всех, кто заинтересован в благополучии игры. Благодаря этому, люди, работающие на поприще футбола, легко приняли еженедельник как свой, родной. В. Маслов постоянно говаривал: «Наш журнальчик». А редакция по улице Архипова, 8 стала местом паломничества.

И мне приятно, что состоял в редколлегии с самого начала, а в третьем номере напечатался.

Наши с Мержановым отношения были своеобразны. Согласно распределению обязанностей, я как заместитель главного редактора «Советского спорта» курировал «Футбол». Зная достоинства Мержанова, редактора и журналиста, будучи с ним в добрых отношениях, считаясь и с тем, что он старше меня на двадцать лет, я не позволил бы себе вмешиваться в его дела. Кураторство соблюдал он. Мержанов следил за тем, чтобы я читал номера перед выходом, приносил рукописи, вызывавшие сомнение, планы номеров. Стоило мне, пожав плечами, вымолвить, что он разбирается во всем этом не хуже, чем я, как он взрывался и повышал голос: «Все, чем вы еще занимаетесь в газете, — ничто в сравнении с футболом!»

Всякий раз, когда Мержанов писал для «Советского спорта» или «Футбола», разыгрывалась одна и та же сценка. Он приходил ко мне, наказывал секретарше не звать меня к телефону и никого не впускать, захлопывал дверь на замок и клал передо мной рукопись.

— Читайте! — говорил он тоном приказа. Я знал, что мне не отвертеться, и откладывал в сторону даже самые срочные бумаги, как мы говорим, «в номер».

— Возьмите ручку,— тем же тоном произносил Мержанов.

Я начинал с небольших, осторожных поправок, но редакторский навык брал свое: что-то вычеркивал, что-то вписывал. Мержанов хранил молчание.

Закончив, я придвигал к нему рукопись.

— Может быть, что-то не так, посмотрите...

— Все — так. Только вы не думайте, что стилистические выкрутасы так уж важны: главное за что и против чего автор, мы — не Флоберы.

— Мартын Иванович, помилуйте: зачем же вы заставили меня читать, печатали бы как есть?

— Мне лучше знать—зачем. Вы — при должности.

Пикировка, постороннему показавшаяся бы не слишком вежливой, заканчивалась тем, что мы не выдерживали и смеялись.

Мержанов нежно, даже сентиментально, впадая в восторженность, любил футбол красивый, изящный, техничный, был верным поклонником бразильцев. Среди наших мастеров его избранниками были Г. Федотов, Пайчадзе, Нетто, Сальников, Воронин, Месхи. Он мог любоваться их фотографиями, а если кто-то заставал его за этим занятием, заявлял: «У вас, разумеется, другие герои, вам подавай бегунов, костоломов, силачей», хотя подошедший не проронил ни слова. Это не было вздорным ворчанием, Мержанов слишком хорошо знал хрупкость футбольной красоты, как нелегко ее сберечь, сколько у нее противников. Он враждовал с теми, кто превозносил оборону, забывая сказать доброе слово об атаке. Футбол он мерил по форвардам и сокрушался, что в новейших тактических построениях их становится меньше.

Работавшие рядом с Мержановым нередко расходились с ним в оценках, не принимали его крайностей. Одно время Мержанов сидел в комнате вдвоем с Александром Яковлевичем Виттенбергом, известным по псевдониму — А. Вит, и все, кто проходил мимо их двери, изумлялись: «Когда же они работают?» С утра до вечера оттуда раздавались крики: «Ты — жалкий оборонец!», «А ты — демагог и авантюрист!» Это не мешало Мержанову и Виту, людям умным и интеллигентным, отдавать должное друг другу, без этих схваток им, по-моему, было бы пусто.

Были и в прежние времена журналисты, писавшие о футболе со знанием дела, твердо и самостоятельно (М. Ромм, А. Перель, И. Бару, В. Фролов, Н. Киселев), но они оставались как бы сами по себе. Мержанов, коль скоро он оказался во главе «Футбола», специального журнала, замыслил создать школу боевой, атакующей журналистики и сам ее возглавлял, атаковал. Каким он хотел видеть футбол — активным, техничным, наступательным, такою он мыслил себе и футбольную журналистику. Добиться этого было не так просто, как может показаться, к соблазнительной футбольной теме льнут самые разные люди, среди них достаточно и таких, которые готовы «входить в положение», особенно если затронуты команду тренеры, игроки, им близкие, или таких, которым «до лампочки» проблемы, лишь бы пописывать, никого не задевая, безбедно, с удобствами.

Мержанов сражался все шесть лет, что был редактором «Футбола». И был влюблен в свое детище. Как-то, листая свежий

номер, он произнес: «Сколько тут всего, а? И за какой-то пятачок. Год назад болельщику и не снилось такое чтиво».

«Футбол» начал с экспериментального — для выяснения рыночного спроса — стотысячного тиража, который стремительно рос с благословения довольной «Союзпечати». Был период, когда тираж подскочил, если память мне не изменяет, до трех миллионов. И читатели были довольны, и прибыль выросла. Вдруг нас поставили в известность, что тираж ему назначен постоянный — миллион двести тысяч. Кто назначил, почему пренебрегли интересами людей, да и финансовыми выгодами, — осталось неизвестно. Если в Москве «Футбол» продавали свободно, то в других городах им стали спекулировать, а райцентры и сёла и вовсе его лишились.

Случилось это после того, как в 1964 году наша сборная проиграла в Мадриде финальный матч Кубка Европы испанцам. Тогда отстранили от команды тренера Бескова, и, как мы чувствовали, футбол из-за этого поражения «наверху» необъяснимо, безвинно впал в немилость.

Спустя время мне рассказали, как было с тиражом. Перед М. А. Сусловым, в ведении которого находилась печать, положили сводку тиражей всех газет и журналов. «Футбол» там оказался выше некоторых органов, считавшихся «главнее». Тогда его название обвели красным карандашом, к овалу присоединили стрелку, указывающую его место пониже, знай сверчок свой шесток. Ведомственный пиетет был соблюден. Это называлось тогда «тиражной политикой».

Снижение тиража задело нас; мы-то были убеждены, что делаем полезное и выгодное дело, надеялись быть еще более полезными и выгодными. Мержанов как-то затих, как истинному редактору ему было присуще хозяйское чувство, он гордился растущей популярностью издания.

Вообще же свои первые годы «Футбол» прожил на подъеме.

И вот в конце 1966 года, после окончания чемпионата мира, стало известно, что Мержанов уходит. В Англии, хотя мы с ним подолгу находились вдвоем, он о своем намерении не объявлял, думаю, потому, что не считал возможным отвлекаться от работы спецкора.

— С меня довольно, — сказал он мне с глазу на глаз. — Шестьдесят шесть. Уже неловко общаться с юнцами, а они прибывают каждый год. Кто я для них? Старый человек, да еще прихрамывающий, с палочкой... Теперь ваша очередь.

— Вы за меня уже решили?

— Какой может быть разговор? По крайней мере я уверен, что вы «Футбол» не пропьете...

За шуткой скрывались грусть и тревога.

— Да и, по правде говоря, не вижу, что еще можно затеять, все писано-переписано за шесть лет... А я обязан написать книгу о своих военных впечатлениях, да и о футболе тоже. (Мержанов осуществил свои намерения: выпустил книги «Так это было» и «Еще раз о футболе».)

Состоялись торжественные проводы в Доме журналиста, сотрудники редакции постарались, отпечатали специальный номер маленьким тиражом с портретом Мартына Ивановича на обложке и аншлагом «Команда «Футбола» — своему капитану, основоположнику Мартыну Ивановичу Мержанову»,

Мержанов внушил всем «инстанциям», что я должен стать его преемником. Так и получилось.

Тут вот что занятно. Согласно штатной ведомости, должность редактора «Футбола» ниже должности заместителя главного редактора «Советского спорта». И когда мое назначение состоялось, некоторые в лицо, соболезнуя, а другие за глаза распространялись о моем «понижении», подозревая немилость и козни. Даже если бы я попытался объяснить, что свою новую должность принял как «повышение», мне все равно бы не поверили. К тому времени я остановился на одной футбольной теме, и что могло быть «выше», чем стать редактором «Футбола»!

Редакционные посты меня не прельщали, я слишком хорошо знал, что в газетном ремесле пост — это подавленные замыслы, писание наспех, через силу, по ночам и в отпуске, бесконечное откладывание планов до лучших времен, которые так и не настанут. Но уж коль скоро помимо моего желания вышло, что мне поручили редакторскую работу, то ее совпадение с моей журналистской темой было лучшим из зол.

Но грешно не сознаться, что в конструировании и выпуске газеты затаено удовольствие. Это в самом деле увлекательно, когда казалось бы из ничего, как из пены морской, рождается номер, осуществляется то, над чем думали, бились, ради чего шли на риск, во что верили. Удовлетворение доставляло и то, что изготовляешь «товар», нечто вещественное, имеющее цену, дефицитное, что мы — не канцеляристы, а производственники. Я обожал торчать в типографии, водил дружбу с наборщиками и печатниками.

Как и всякую иную работу, газетную проще простого свести к формальному исполнению обязанностей. Футбол живет по расписанию, и «Футбол» можно делать ему вслед. Обзор высшей лиги, обзор первой лиги, текущая информация, новости из-за рубежа, переводная статья, интервью с тренером команды, оказавшейся в прорыве, с форвардом, лидирующим в споре

бомбардиров, — и все 16 страничек заполнены. Такие номера не что иное, как отбывание номера. Было время, когда я урывками занимался комментированием матчей по телевидению. Пообвыкнув, ощутил, что сопровождать движения игроков и мяча можно хоть с утра до вечера, стояла бы рядом бутылка боржоми. А если задаться целью вникать в события, разгадывать психологическую подоплеку, характеризовать особенности команд, правоту одной и заблуждения другой, то тогда после полутора часов, проведенных у микрофона, выматываешься до предела. Так же и с «Футболом». Ничего не затеешь, и выйдет номер, на который глаза бы не глядели, хотя внешне и не к чему придраться.

Забавляли письма, на конвертах которых было начертано: «Отделу писем», «Отделу иллюстраций», «Секретариату», «Отделу информации», «Иностранному отделу». Бывалым читателям и в голову не могло прийти, сколько нас в редакции общесоюзного журнала, они не сомневались в нашей «солидности»,

А нас было пятеро журналистов, машинистка, выпускающий, два корректора — всего-навсего девять человек. Когда в шестидесятом затевали еженедельник, радовались, потирая руки, что решение «прошло», остальное считалось несущественным, обещали «доработаем, согласуем, поможем».

Нет худа без добра. Отслужив в еженедельнике ни много ни мало семнадцать лет, заявляю не без гордости, что наша крошечная редакция, по общепринятым представлениям, не то что несолидная, а легкомысленная, вынужденная преодолевать уйму неудобств, представляла из себя крепко сбитую, без малейшего «жирка» штатных, расслабляющих излишеств, выполнявшую все свои задачи, расписанные по дням и часам, трудовую ячейку. Было это возможно при двух условиях квалификации и душевной заинтересованности в деле. На том мы и стояли, будучи уверенными, что любой из нас способен при случае отработать за двоих, за троих. У нас попросту времени не было отвлекаться, все разговоры вертелись вокруг того, что предстояло сделать, Если назвать нашу редакцию дружной, то обязательно уточнение: в гости друг к другу не ходили, семьями не встречались. Когда надо было кого-то выручить, поддержать, делали это как бы между прочим, без словесных излияний, внешне, может быть, суховато, однако просто и с пользой. Распределяли работу между остальными, если у одного заболел ребенок, выписывали командировку переутомившемуся, чтобы отошел. Взаимозаменяемость, о которой приходилось рассуждать в обозрениях, у нас самих была отработана до автоматизма.

Это не хвастовство, работать иначе было невозможно.

Полчаса в неделю у нас уходило на совещание, где планировались ближайший и следующий номера, каждый получал задание — такого-то числа в такой-то час сдать такой-то материал. На присутствии сотрудников в редакции я не настаивал, время они распределяли по своему усмотрению. Не помню, чтобы кто-то нарушил наш распорядок, как не было и сдучаев, чтобы еженедельник был подписан в печать с опозданием. Все шло своим чередом и когда нас было меньше (отпуска, командировки, болезни). Не раз номер выпускали двое, а то и кто-то в единственном числе.

Вот только свое «право на труд» нам приходилось постоянно отстаивать. Мы являлись подразделением «Советского спорта», и за нами не без ревности досматривали. Отсутствие сотрудника или ранний уход возбуждали нездоровый интерес, мы слыли разболтанными, не признающими общих для всех установлений. Безнадежно было объяснять, что сотрудник свой материал отстучит быстрее и надежнее дома, чем в тесной прокуренной комнатке, куда стекаются все желающие поболтать о футболе и хоккее. Для защиты от досужих говорунов я завел табличку с надписью «Работаю», которую вывешивал на двери, когда становилось невмоготу и минуты поджимали. Табличка обсуждалась в коридорах и, по-моему, раздражала, в ней видели чуть ли не вызов, намек на то, что проходящие мимо обвиняются в безделии.

Наша трудовая ячейка выбивалась из рамок представлений, годных для больших учреждений, где кто-то может позволить себе бить баклуши, образовывать «салоны», не нарушая распорядка дня и будучи всегда «на работе». На мне и моем заместителе Радчуке, кроме прочих, лежала обязанность прикрывать, заслонять работу редакции, организованную, как было проверено годами, целесообразно. Ничего, кроме досады, эта обязанность не вызывала. На мне еще лежало составление планов — годовых, перспективных, квартальных, — которые, как я сумел за семнадцать лет убедиться, никто не читал. Сдана бумага в срок, положена в шкаф, и все довольны.

Мы не были «конторой», рабочая обстановка была для нас всего дороже. Люди охотно работают, видя результат и ощущая свою долю в сделанном: на том мы и держались.

Как-то раз я спросил редактора еженедельника «Киккер» из ФРГ, аналогичного «Футболу — Хоккею», Хаймана:

— Как ты работаешь?

— Надо мной хозяин, финансовый туз, он изредка навещает редакцию, его интересует исключительно тираж. Если тираж подрос, он меня обнимает за плечи, если упал — косится и

молчит. А в остальном я делаю что хочу.

У всех свои порядки, но некоторую зависть я испытал.

Мы были неравнодушны к своей работе и на многое закрывали глаза. Единственное, что нас обижало, так это то, что при семимиллионной годовой прибыли, которую приносил журнал, нам не полагались премии. Их получали служащие издательства, находившиеся в сторонке, а мы, делавшие журнал своими руками, оказывались ни при чем.

Наши доводы не слушали: они противоречили какой-то инструкции. Я вспоминаю об этом сейчас, когда во главу угла поставлены организация труда и разумное поощрение.

О ежедневной, повторяющейся работе так же трудно рассказывать, как о движениях маятника в настенных часах. Идет себе и идет неделя за неделей, год за годом. Остановлюсь на том, что сопровождало этот маятник, тормозило или подталкивало.

Мне мало пришлось поработать в «Футболе», меньше года: с осени 1967 года его реорганизовали в «Футбол — Хоккей». Мнением редакции не поинтересовались, пришло распоряжение — «с сего числа», только и всего. То, что мы в редакции, люди футбольные, отнеслись к реорганизации отрицательно, было естественно: нам, практикам, у которых на счету каждая строчка набора, нетрудно было сосчитать, сколько потеряет футбольная тема и как немного выиграет подселившаяся хоккейная. Отдельная квартира превратилась в коммунальную. Но, может быть, наше неприятие было сгоряча?

Давно я расстался с еженедельником, но и глядя на него издали, вижу, что футбол и хоккей на его страницах воедино не слились, проживают в соседних комнатах, ощущение нарочитости их объединения под одной обложкой осталось. Нельзя обольщаться предположением, сделанным на глазок, что читатели у этих двух разделов одни и те же. У нас достаточно городов, областей, даже республик, где хоккеем интересуются отчасти, отвлеченно, с помощью телевидения, и, напротив, есть города и области, где хоккеем живут даже сильнее, чем футболом. Редакционная почта преподносила нам множество доказательств этого, и невозможно было объяснить одним, почему зажата футбольная информация, а другим, почему скудна хоккейная.

Люди дисциплинированные, мы поступали, как требовалось, следили, чтобы хоккей не был обделен, сам по себе он же ни в чем не повинен. Еженедельник проводил референдум для определения лучшего футболиста года и такой же завели для хоккеистов; существовал Клуб бомбардиров имени Г. Федотова, учредили Клуб хоккейный имени В. Боброва; печатали недельные

обзоры, вели дискуссии, словом, ни тени дискриминации.

Хоккейная тема не трудна. Популярность игры, многочисленные победы сборной поощрили появление отряда журналистов, посвятивших себя хоккею: Дмитрий Рыжков, Владимир Дворцов, Аркадий Ратнер, Борис Левин, Владимир Пахомов, Игорь Куприн, Олег Спасский, Леонид Рейзер, Всеволод Кукушкин — это только москвичи. И тренеры, и звезды были к нашим услугам — Анатолий Тарасов, Аркадий Чернышев, Николай Эпштейн, Виктор Тихонов, Вячеслав Старшинов, Анатолий Фирсов...

Трудности были другого рода. Это неравенство футбола и хоккея в глазах тех организаций и тех лиц, которым подведомствен журнал. Единицы измерения у них элементарны — медали. Футбол их приносил крайне редко, хоккей — сплошь, ежегодно. Не таким уж надо быть эрудитом, чтобы понимать, что игры эти существуют в совершенно разных условиях и равные требования к ним несостоятельны. Куда там, только и слышалось: «Хоккей — передовой, футбол — отстающий!», «Футболу надо поучиться у хоккея!» Приложил к этому руку и «верховный» хоккейный тренер Анатолий Тарасов, не упускавший случая съязвить по поводу футбольных неудач. Умолк он после того, как в 1975 году попробовал себя в роли тренера футбольного ЦСКА без намека на успех.

Официальным мнением было, что хоккеисты себя не жалеют ни в тренировках, ни в игре, а футболисты — лодыри и слабаки. Хоккеистов величали не иначе как «ледовой дружиной», превозносили, они пользовались высочайшим покровительством, едва ли не все матчи посещал Л. И. Брежнев, одно время их после каждого чемпионата мира награждали орденами.

Нам приходилось ломать голову, как соблюсти такт при этих полярных оценках: не поддаться преувеличенным хоккейным восторгам и не изничтожать ни за что ни про что футбол. Мне неоднократно давали понять «сверху», что журнал поскупился, освещая победу хоккеистов, что напрасно милует футболистов. Такое было время, что блеск золотых медалей затмевал состояние дел в золотодобывающей промышленности. Если избалованные хоккейные руководители и тренеры, читая наш журнал, гневались и жаловались на малейшую критическую зацепку, то люди футбольного лагеря, настроенные вовсе не воинственно, намекали нам: «Только не вздумайте нас сравнивать с хоккеем, другим газетам простительно, а на вас мы надеемся».

Противопоставление навязывалось искусственно и властно, его требовали от нас в кавалерийском раже. Мне кажется, редакция устояла, хотя клинки и сверкали над нашими головами.

Футбольные дела тем временем усложнялись. И не из-за нехватки медалей. Если еженедельник начал свою жизнь в обстановке оптимистичной, исканиями и спорами вокруг игры, то постепенно обстановка менялась. Мы в редакции это почувствовали в рабочих обстоятельствах. Как и раньше, готовы были делиться своими соображениями в печати «старики»: Аркадьев, Маслов, Ан. Старостин, Дубинин, Глебов, Качалин, их по-прежнему занимала эволюция футбола, его превращения, его судьба в целом. А следующее, новое, поколение тренеров такого желания не проявляло. Его представители соглашались в лучшем случае обрисовать положение в команде, где они работали, но рассуждать в масштабах всего футбола избегали. Тут не скромность по молодости лет и малости опыта — давала себя знать духовная бедность практичности.

Это стало бедой не только в редакционной работе, а и бедой футбола. К счастью, журналистов того же, нового, поколения это не коснулось — они поднялись, выросли на старых традициях. Мне, редактору, было легко доверить им присмотр за благополучием футбола. Мы отклонились от преимущественного, подчеркнутого доверия, которое оказывал авторам из футбольной среды редактор М. Мержанов. Это был в тот момент не вынужденный, а необходимый шаг. Валерий Винокуров, Геннадий Радчук, Виктор Асаулов, правдист Лев Лебедев, Юлий Сегеневич, Олег Кучеренко, Алексей Леонтьев из «Советского спорта» — на их плечи легло публицистическим пером отстаивать как игровые, так и моральные ценности футбола. Явилась пора, когда не тактические варианты требовали к себе внимания, а порядочность, здравый смысл, смелость.

Подкравшиеся опасности футбольные власти не торопились признавать: им привычно было делать вид, что все идет как надо. Не настаиваю, что журналисты как-то особенно проницательны, истинное положение вещей знали и другие. Но другим достаточно поговорить, пошушукаться, покачать головами, а у нас — журнал, и как перед читателями кривить душой, играть в молчанку? И мы, как могли, задавали вопросы, выражали сомнения, наседали на частности в надежде, что до обобщений читатель доберется сам.

В изданиях неспортивных футбольную проблематику публиковали охотно: она как бы шла в суммарный зачет той критики, к которой словесно призывали, а пользовались с оглядкой. В редакции одного массового журнала, где я регулярно сотрудничал, после опубликования очередного обозрения редактор на планерке заявил своим сотрудникам: «Видите, о футболе острое выступление, так почему же на другие темы у вас

не получается?» Планерка молчала, шокированная риторическим вопросом.

Не ведали ни редактор того журнала, ни сотрудники, что автор «острого обозрения» вскоре будет вызван на заседание коллегии Спорткомитета с отчетом о работе. Отчет как отчет, замечания как замечания, но я все ждал, когда же вынырнет потаенная причина. И вот встает ответственный работник, «отвечавший» за футбол, раскрывает толстую тетрадь и начинает из нее зачитывать отрывки из моих обозрений, публиковавшихся в том самом массовом журнале на протяжении нескольких лет. В общем, что-то вроде реферата, который должен был разоблачить зарвавшегося журналиста, несогласного, видите ли, с тем, как руководят футболом. Сопровождалось это зачитывание разведением рук в стороны: дальше ехать некуда. Как мне показалось, некоторые из присутствовавших ощущали неловкость: такое досье ведь характеризует и собирателя.

В итоге я как редактор был строго предупрежден за разного рода упущения в работе редакции «Футбола — Хоккея», которые, разумеется, нашлись, но не составляло секрета, что на самом деле предупредили журналиста за «крамольные» статьи.

И после того мне не раз приходилось держать ответ перед разными инстанциями за публикации, как свои, так и моих сотрудников. Порой я удивлялся, почему меня не отстраняют от должности редактора. Возможно, останавливало то, что я нисколько не дорожил должностью и, едва разговор переходил на высокие, вибрирующие тона, заявлял, что готов уйти хоть сию минуту. Это разочаровывало нападавших, и они терялись. Однажды я сказал, что могу писать и не о футболе, а хоть о выращивании гладиолусов. «Какие гладиолусы?» — прозвучал вопрос. На том разговор оборвался, я был отпущен.

Самое горькое было в том, что люди, следившие за порядком в печатных органах, отлично знали нашу правоту. Горько было и то, что мы, журналисты, позволяли себе куда меньше того, что обязаны были бы позволить.

А ведь все складывалось так наглядно, такой уж он, футбол, — уши торчат, ничего не спрячешь, все удостоверяет хроника, самая простенькая, набранная мельчайшим шрифтом и втиснутая в невидном уголке газеты, которую при всем нежелании все же нельзя не поместить.

Не объяснишь же простым совпадением, что в годы печально известные подложными исходами матчей и подкупами судей сборная пропустила два чемпионата мира и три чемпионата Европы, лет на десять скрывшись в провинциальной глухомани.

Раздосадованные, напуганные навалившимися провалами,

ответственные лица настаивали на критической программе, согласно которой журналистам полагалось вытаскивать за ушко да на солнышко форвардов, смазавших с пяти метров, тренеров, не умевших заставить команды побеждать, чиновников, которым полагалось управлять футболом в городах и областях, чего делать они были не в силах, а значит, безвинных. А мы все надеялись, что нам велят: «Разберитесь должным образом наконец, что с футболом! Копните поглубже!» Но это было бы в то время самоубийственным повелением.

Вместо этого в один прекрасный день было дано указание прекратить сообщать о переходах игроков, до того как в редакцию пришлют составы команд. Уже игроки, пришедшие в новые команды, играли на юге в товарищеских матчах, уже болельщики на всех углах обсуждали перемены, а еженедельник как в рот воды набрал. Читатели негодовали, высмеивали нас они привыкли получать информацию. Объяснить эти « тайны мадридского двора» мы не умели, сами их не понимали.

Еженедельник к Новому году проводит выборы лучшего игрока сезона. Сначала результаты голосования журналистов печатались в обобщенном виде, как итог. Мы решили, что будет лучше сделать голосование открытым, чтобы читатели получили о нем исчерпывающее представление. И появился бюллетень «Кто за кого». Он был встречен с признательностью. И вдруг мне задают вопрос: «Зачем вы печатаете анкету, кому это нужно? Давали же когда-то коротко итоги, ну и хватит».

Я уперся, прибегнув к приему, известному под названием «встречная демагогия»: «Но это же демократично?» Мой начальственный собеседник промолчал, сверкнув глазами. Ему захотелось «поруководить», убрать непривычное, смущающее. На этот раз санкций не последовало.

Футбол помечен печатью времени. Не приняв это во внимание, можно многое не понять в его жизни. Все упомянутое происходило в семидесятые годы.

Чем была мила для нас редакция, так это тем, что в нее на огонек стягивались люди. Не проходило дня, чтобы нас кто-то не навестил с разговором. С рукописью — это само собой, но и с разговором, свободным, о чем угодно. Незаметно, между делом, можно было узнать все, что хотелось. Уроки «геометрии» футбола — из легких, внешняя сторона игры больших разноречий не вызывала. Но почему так, а не иначе складывается матч равносильных команд? Я не знаю, как назвать «предмет», отвечающий на этот вопрос. Но он наиболее увлекательный, и, чтобы «успеть», требуется знать побольше, чем предлагают тренеры в скучных послематчевых интервью.

Не раз бывало: минут за десять до телетрансляции важной встречи звонил мне домой Валерий Воронин.

— Что вы думаете?

Я отвечал, что, по-моему, выиграет такая-то команда.

— Ага, понятно. У вас перед глазами, как здорово она сыграла в прошлый раз. А вы не допускаете, что тренер перестроится: «Этот противник посильнее, сыграем иначе, поосторожнее»? Он же трусоват. Ах вы не знаете? Я же против него играл, можете мне поверить. Позвоню в перерыве, ладно?

Звонок в перерыве.

— Что я вам говорил! Не играют, одна работа, без проблеска. Смотрю и соображаю: кто сломает установку? Мог бы Володька, да у него положение шаткое — как бы не выскочить из состава. Нет, ничего им не светит, один пропустят. Мрет наш футбол от таких тренеров. Если 0:1, я больше не позвоню. Скажите, вам пригодится, что наговорил бывший игрок сборной, а?

Воронин не угадывал — он видел. И когда играл, весь матч мог объяснить, и с трибуны улавливал глубинную связь событий. Талантливый у него был взгляд, проницательный.

Не знаю, обучают ли на факультетах журналистики чувству дистанции. Дистанции между репортером и его героями. По-моему, это одна из важнейших тонкостей нашей работы. Вряд ли что-либо можно точно рекомендовать: дистанцию подсказывают натура, воспитание, такт. Но без нее не обойтись.

Был я со сборной в Сантьяго. Турне было долгим, шло к концу, и все мы скучали по дому.

Стук в дверь. Просыпаюсь: на часах начало первого. Ошибся кто-нибудь?» Открываю: перед дверью Михаил Месхи, Слава Метревели, Анзор Кавазашвили, Муртаз Хурцилава, Сергей Кутивадзе — грузинская часть команды, все при параде, в пиджаках, галстуках.

Миша Месхи негромко:

— У нас к вам просьба, поедемте с нами в гости.

— А вы знаете, который час?

— Знаем, раньше нельзя было, не позволили бы. Поедем: хороший дом.

— А зачем я вам нужен?

— Будете старшим.

Я понимал, что они уедут и без меня, нарушение распорядка все равно произойдет. Отговаривать смешно — не мальчики же.

— Старшим? Тогда извольте меня слушаться.

Руки легли на грудь, головы уважительно склонены.

Влезли в высокий, громоздкий лимузин, ждавший возле отеля, и покатили. Авантюра несомненная, но, уклонившись от

нее, я упал бы в их глазах. Да и любопытно...Подъехали к коттеджу за забором. Вошли, из передней видна столовая с накрытым столом. К нам вышел приземистый, крепкий старик, лицом грузин. Мои спутники заговорили с ним на своем языке, горячо в чем-то убеждая. Старик выслушал и согласно кивнул. За его спиной не люди, а тени, его домашние, замелькали, разбежались. А мы вслед за хозяином спустились по лесенке в погребок. Кружочком несколько деревянных колод и посередине колода потолще, вместо стола. Расселись, а неслышные «тени» принесли тарелки, стаканы, вилки, закуски. Мои спутники отказались сидеть в столовой: им захотелось, чтобы было как дома — в погребке. Мы сидим, а два молодых человека стоят возле стены. На проспекте Руставели они были бы своими.

Миша Месхи наклонился ко мне:

— Представляете, его сыновья не знают грузинского языка...

— Не пора ли сообщить, где мы?

— Очень уважаемый человек. Давно, молодым, жизнь забросила в Южную Америку. Купил дешево бросовые земли на окраине. И угадал: сюда пришел город. Земли он продал, но с условием, чтобы одной новой улице дали имя Руставели, а другой — Льва Толстого. Участвовал в переводе «Витязя в тигровой шкуре» на испанский. Всю жизнь здесь прожил, а как узнает, что в Сантьяго кто-то приехал из Грузии, требует к себе.

Погребок — в стеллажах с лежащими бутылками. Хозяин, не поворачивая головы, вытягивал руку, и тут же сыновья приносили бутылку.

— Он уверял, что здесь сорта винограда точь-в- точь как на родине. Не сомневайтесь, мы пить не станем, продегустируем, проверим.

Так и было. Шел разговор, в котором я не мог принять участия, а грузинская делегация, как и хозяин, получала удовольствие.

Спустя время, сверившись с часами, я постучал пальцем по колоде и произнес: «Конец. Поехали». Ни один не попытался отговорить. Что-то объяснили хозяину, кивнув в мою сторону, и встали.

Наверху нас отвели в маленькую комнатку, где стоял огромный сундук. В нем — рулон белого полотна. На нем мы расписались.

— Женщины потом вышьют,— пояснил мне Месхи.— Здесь расписывались все, кто побывал у него в гостях,— музыканты, танцоры, ученые.

Лимузин доставил нас в отель, и мы неслышно разошлись по номерам, чтобы утром собраться за завтраком.

С тех пор ни один из моих спутников по ночной вылазке не напомнил мне о ней, да и я им тоже. Роль старшего я исполнил, дистанция не нарушилась.

Мне не дано работать интервьюером. Две-три попытки по крайней необходимости, неудачные, вялые. Меня подводило опасение, что досаждаю человеку расспросами, которые, вполне возможно, его не слишком занимают, а то и раздражают, было неудобно слышать ответы само собой разумеющиеся, как бы подсказанные, знакомые нам обоим по ранее читанному в газетах.

Что не судьба мне преуспеть в этом жанре, я понял очень давно, во время своей первой службы, в журнале «Советское студенчество». Было это зимой 1947 года. Получил задание добыть отрывки из мемуаров генерала Игнатьева и заодно взять у него интервью. Навестил я бывшего графа у него дома, в проезде Серова, отрывки из еще не напечатанного он мне дал, а об интервью я и не заикнулся. В редакции остались довольны материалами и на радостях про интервью не вспомнили. А я, сидя у Игнатьева, размышлял: «Какие я ему могу задать вопросы, когда человек пишет мемуары? Да и что я о нем знаю, чтобы мои вопросы оказались уместными?»

А дома я, сам не зная зачем, занес на листочек впечатление о встрече. Листочек чудом сохранился.

«Стояли жуткие морозы, я ходил в валенках, в них и заявился к генерал-лейтенанту Игнатьеву, автору нашумевшей книги «Пятьдесят лет в строю». Ступив в передней на паркет, спохватился неуместности своей обувки, переминался с валенка на валенок. Даже не сразу разглядел человека, открывшего мне дверь. А он был огромен и ростом и в ширину, в цветастом халате, подпоясанном поясом с кистями. И первое, что я услышал:

— Вы в валенках? Вот это — по-русски! Наслаждение-то какое — валенки!

Он отвернул полу халата и показал мне, что и он обут в валенки. И тут же басовым раскатом крикнул: «Наташа, к нам пришел комсомолец!» В дверном проеме показалась его жена, Наталья Владимировна, взглянула на меня испытующе и вымолвила: «У вас симпатичное лицо». Как ответить на комплимент графини, я понятия не имел.

А тут и граф присоединился: «Вы носите настоящую русскую фамилию. Я в молодости знавал земского врача, вашего однофамильца: милейший человек, а уж какой доктор, и не передашь — волшебник».

На этом мои испытания не закончились. «Наташа, мы сейчас к нашему спору привлечем комсомольца, он пустые любезности говорить не станет». Передо мной была распахнута дверь в

гостиную. «Взгляните, преподнесли мне мой бюст. Что скажете?» Бюст мне показался узким, осторожным, тщательным. К генералу я уже пригляделся и потому позволил себе пожать плечами. «Ясно! Молодчина! — загремел генерал.— Скульптор меня побаивался, словно под моим началом в полку служил». И — ха-ха-ха — шаги по железной крыше.

Мы обосновались в кабинете: Алексей Алексеевич — в кресле за миниатюрным, с резьбой, старинным письменным столом, я — сбоку на стуле. Он принялся читать отрывок, который предназначил для журнала, а я не столько слушал, сколько глазел. Спине он не давал гнуться, вскидывался, выправляя осанку; нос прямой, крылатый, барельефный; глаза чуть навыкате, с аристократической наглинкой; руки крупные, тяжелые, умны сами по себе, знают, когда подняться, куда лечь.

— Как это место, убедительно, а? Рад, что вы меня поняли!

Чего только не повидал семидесятилетний человек, кем только не был, с какими людьми не встречался, кавалергард, придворный, участник русско-японской войны, военный атташе России во Франции, советский генерал.

В перерыве чтения, который он себе сделал, чтобы привести в порядок дыхание, я спросил, указав на висевший на стене изукрашенный рулон: «Что это?»

— Меню обеда во время коронационных торжеств при восшествии на престол Николая II, — несколько небрежно ответил Игнатьев.

Он не желал отвлекаться, чувствовал себя писателем, за чтением горел, волновался, хвастался, ловил малейший намек на одобрение. Пожалуй, он несколько наивен. Но подавляет богатством виденного и пережитого, знает, что никто с ним, чудом уцелевшим, сравниться не в состоянии. Он одутловат, тяжело волочит ноги, но не поддается, живет, работает, и мой визит — комсомольца — для него как свежий воздух».

Я переписал сюда с того листка, видя в этом работу, к которой оказался предназначенным.

Редактор «Футбола — Хоккея» в глазах некоторых людей — лицо официальное, у которого нелишне взять интервью. Когда это случилось впервые, я был многоречив, каламбурил, полагая, что репортер отберет, что нужнее. Получив газету с интервью, я тут же, чтобы не дай бог кто-нибудь в редакции не прочитал, мелко изорвал ее и бросил в урну. Такого стыда я давно не переживал. Репортер сработал по принципу «наоборот»: все серьезное опустил, а шуточки оставил. В другой раз, наученный горьким опытом, я решительно заявил: «Буду сам диктовать на магнитофон и вопросы и ответы». Снова пришел конверт с

газетой. Наверное, я чуресчур заформулировал свои ответы с перепугу, их «оживили», и снова я себя не узнал: что-то хлестаковс- кое выпирало. После того давать интервью я зарекся.

Никакой я не враг этого жанра. Мы в журнале публиковали множество бесед с футболистами, потом издали книгу, состоящую из них, и я был ее редактором-составителем. Мастерами интервью зарекомендовали себя Валерий Винокуров, Олег Кучеренко, киевлянин Михаил Михайлов, тбилисец Гарун Акопов. И сейчас с удовольствием читаю интервью, проведенные Юлием Сегеневичем, Александром Вайнштейном, Леонидом Трахтенбергом. Хотя, по правде говоря, хотелось бы из бесед узнавать не одни мнения спрашиваемого о разных вещах, но и за чтением составлять мнение о нем самом. Это встречается редко.

Разговор про интервью возник по тому поводу, что редакции я премного обязан встречами. То, о чем мне удавалось писать, рождалось не в блокноте, не в кассете магнитофона, а в вольных разговорах. Точность фраз не имела значения, если оставалась в памяти внешность собеседника, манера разговора, его взгляды, вкусы, симпатии.

Когда на экране телевизора появляется Евгений Евтушенко, читающий стихи или выступающий с речью, я вижу резкие морщины вдоль щек, прикидываю, сколько ему за пятьдесят, и все равно он передо мной тот же, что и в его пятнадцать лет, когда мы познакомились. Перемены в лице кажутся грубой ретушью. Пятнадцатилетним он производил впечатление поэта, который непременно напишет все то, что потом написал. И внешне он определился — рано вымахавший, крепкой кости, худющий по-взрослому, без угловатости и застенчивости. Узкое, острое лицо, туго обтянутое, он подставлял, высовывал, не отводил в сторону, не берег.

А началось с того, что юнец этот, в белой рубашонке и мятых бедных брючках, в сорок девятом толкнулся в двери редакции «Советского спорта», ютившейся на площади Дзержинского, в доме, на месте которого ныне пустующий сквер. Толкнулся со стихами. Для него, выросшего на 4-й Мещанской, адрес редакции был самым прямым: в мяч поигрывал, Синявским заслушивался, на «Динамо» без билета протыривался, «Советский спорт» почитывал.

Попал он на Николая Тарасова, заведующего отделом и поэта, с первого чтения угадавшего дарование Евтушенко. Стихи те были напечатаны в газете с благословения и с поправками Тарасова.

Так Женя оказался в нашей компании. Мы были вдвое его старше, а он всем своим поведением давал понять, что согласен

только на равноправие, без снисхождения: в спорах, в шутках, розыгрышах, в пинг-понге, в преферансе. У Владимира Барласа и у меня были приличные по тем временам библиотеки, Женя брал книгу за книгой, чаще всего те стихи, которые тогда достать было нелегко,— Цветаеву, Пастернака, Гумилева, Ахматову, Северянина, Хлебникова, Бальмонта, Б. Корнилова. Возвращал аккуратно. И в каждое следующее посещение читал помногу новые свои стихи, требовательно спрашивал: «Что? Как?»

По-мальчишески добросовестно он рассказывал, чем был занят после предыдущей встречи, и выходило, что на сочинение стихов времени не должно было оставаться. Ему нравилось, что мы удивлялись.

И был еще в нашем общении футбол. Женя — болельщик того призыва, который нахлынул зимой сорок пятого, когда «Динамо» побывало в Англии. Причину его выбора мы сочли уважительной. И я тогда приникал к черному мятому картонному репродуктору, тому самому, из которого моя мать всю войну слушала сводки Информбюро. Не дай бог пропустить хоть словечко Синявского. «Челси», «Арсенал», Томми Лаутон, Мэттьюз, Бобров, Карцев, Хомич, Бесков — от всего этого с ума можно было сойти.

Но «Динамо» оставалось «Динамо», а «Спартак» «Спартаком». Жене влетало: трое-четверо на одного. Он «фехтовал» храбро, а если загоняли в угол, выскальзывал с помощью безотказного приема.

— Минуточку! Я забыл, есть еще стихи...Ждал тишины — и выпевал, вытягивал, приподнимал снизу вверх, преподносил на открытой ладони первую строку. В наших тесных коммуналках он читал точно так же, как потом с эстрады у микрофона.

О футболе Женя стихов не писал, хотя ходил с нами на все матчи, хотя в «Советском спорте» сделался своим человеком и отказа не было бы. Не знаю, может быть, берег тему, оставляя про запас.

Шли годы. Встречались мы реже, но о футболе поговорить не забывали — я стал для него источником достоверной информации, а он в ответ сообщал, что водит знакомство с Бобровым, Сальниковым, Хомичем, поигрывает с ними, ветеранами, у себя на даче, в Переделкине.

И вот телефонный звонок в редакции.

— Буду у вас через час. Со стихами.

Три раза он приезжал и клал на мой стол машинописные листы. Стихи о Всеволоде Боброве, Алексее Хомиче, Гайозе Джеджелаве. Все были напечатаны.

Только однажды потребовалось мое вмешательство. Была строка: «Умер Вася Карцев». «А он жив»,— сказал я. «Да?»—Женя

вскочил, выхватил у меня листок, разнервничался, заходил из угла в угол: «Вот черт, кто-то брякнул». И резко вписал строку: «Где ты, Вася Карцев?».

Евтушенко понравилась его затея.

— Как вы думаете, если цикл продолжить, можно издать сборник?

У меня сомнений не было.

Прозвучал еще один звонок:

— Предложил издательству «Физкультура и спорт» — отклонили.

Цикл оборвался, едва начавшись.

Вскоре звонок с хорошо мне, редактору, известного телефона. Вежливо, твердо и постно прозвучало:

— Зачем вам печатать стихи, есть толстые журналы, у вас другие задачи.

Между тем евтушенковские стихи о героях футбола приобрели широкую известность, их заучивали, цитировали, ждали продолжения...

Это об Алексее Петровиче Хомиче:

... И ночами плавая печально
над твоей подушкой и судьбой,
старые вратарские перчатки
тихо гладят ежик твой седой.
Но, спеша к чужому поединку,
счастлив ты всегда, как ни грусти,
хоть одну футбольную травинку
на колене с кромки унести.

А это из стихотворения о Всеволоде Михайловиче Боброве:

Защита, мокрая от пота,
вцеплялась в майку и трусы,
но уходил он от любого,
Шаляпин русского футбола,
Гагарин шайбы на Руси!

И восемь строк из стихотворения о Гайозе Джеджелаве:

И как прекрасен твой, береза,
летящий по ветру листок,
прекрасен был удар Гайоза
«сухим листом» наискосок.
Когда в моей игре рисковой
Передо мной встает стена,
Я верю, «стенкою» не скован,
что пробиваема она.

Я не сказал Евтушенко, что «Футболу — Хоккею» посоветовали стихами не заниматься: редактору полагается что-то переживать в одиночку.

Спустя время еще звонок:

— Лежу в больнице и — что бы вы думали? — сочиняю о футболе. Возьмете?

— Что сочиняете? — вяло интересуюсь.

— Статью! Только большущая, вошел во вкус. Присылать?

— Статью?! — Голос мой окреп.— Какой разговор, конечно!

И появилась в еженедельнике, в двух номерах, статья Евгения Евтушенко «Играйте в гол!». Ее перепечатали в зарубежных изданиях, несколько лет ссылались на нее в письмах читатели.

После того как вышел номер с началом статьи, мне позвонили все с того же хорошо мне известного телефона и все так же вежливо и постно попросили ознакомить с окончанием рукописи. Несколько фраз после ознакомления рекомендовали опустить. И опять я ничего не сказал Евтушенко.

Как-то повстречались мы с ним на «Динамо». На следующее утро мне предстояло сдать обозрение для ТАСС, и вдруг мелькнуло:

— Женя, сочините четыре строки о сегодняшнем матче, я их вставлю в обозрение...

Что-то дрогнуло в его усталом лице с седеющими висками, просветлел, вскинул голову:

— Да? А что?

Мы разошлись по своим местам. Едва матч кончился, Евтушенко продрался сквозь толпу к ложе прессы, в поднятой руке листок:

— Не взыщите, не ахти какой был матч...

А в лице — озорство, ну совсем таким я помнил его на стадионе в далекие пятидесятые годы.

При счете мертвенном «ноль — ноль»

Я чувствую зубную боль.
В последнюю минуту гол
Футболом делает футбол!

Строчки по-репортерски точные: скучная игра разрядилась под конец метким ударом, взбодрившим публику.

Неведомо чей карандаш из моего обозрения четверостишие вычеркнул. И опять я ничего Евтушенко не сказал.

К уколам этим тогда было не привыкать. Другое интересно. Стихи и прозу, посвященные футболу, Евтушенко написал, когда далеко отодвинулись годы его юношеского окаянного боления, написал будучи большим поэтом. И хорошо, что так, а то в юности отбарабанил бы нечто звонкое, выспренное. Получилось то, что людям футбола нужнее всего, потому что не так уж много знают они о самих себе, о том, зачем идет игра, на что тратится их жизнь и как на них смотрят люди. Но и то верно, что без боления его к футболу не потянуло бы.

Вот и видится мне Евгений Евтушенко по сей день тем Женей, который умолял достать билетик на «Динамо» и расцветал, когда выигрывала «его» команда. Если так с человеком было, пусть и давно, это остается, вылезает, проскакивает, есть у этого чувства своя сила.

В болельщиках угадывается что-то детское, натуральное, что не заштрихуешь ни благородной сединой, ни важностью занятий, ни жизненными разочарованиями. Болельщик готов повторять и длить минуты открытого, беззащитного чувства, которые всем нам не так уж часто разрешены.

Уж на что был непроницаем, безулыбчив Юрий Валентинович Трифонов: неразличимые за очками глаза, широкое, отрешенное, белое лицо. Всегда казалось, что он погружен в себя, и совестно было отвлекать его по пустякам.

А он при каждой встрече — в редакции, на улице, на стадионе, был случай, что и на похоронах,— близко подходил, надвигался, словно для разговора чрезвычайной важности, который должен остаться между нами, вставал близко, пуговицы к пуговицам, и тихо, секретно спрашивал: «Что нового в «Спартачке»?»

Можно было рассказывать хоть час, хоть два, Трифонов стоял недвижимо, время останавливалось. И изредка коротко ронял: «Н-да, жаль» или «Это приятно».

В одной его статье я вычеркнул несколько слов. Это не была литературная правка, просто, излагая случившееся на поле, он

допустил неточность. Он написал, что мяч к бьющему попал после передачи, а на самом деле отскочил к нему от штанги.

Юрий Валентинович не раз, и всегда в одних и тех же выражениях, напоминал мне об этом:

— Вы убрали, а это очень важно.

— Но сыграно было по-другому, не так...

— Может быть. Но я так видел.

«Я так видел». Словно бы толковать тут не о чем: точность — добродетель репортера, да и читатель за ее нарушение строго взыскивает с нас, не прощает.

И все-таки Трифонов имел право стоять на своем. Он рассказывал, как был забит гол, восхитивший его красотой и логичностью, а то, что мяч в последнее мгновение попал на ногу, отскочив от штанги, вроде бы по воле случая, вносило в картину диссонанс, нарушало гармонию, что противоречило его впечатлению. В конце концов, не методическое пособие он сочинял.

Мы вечно мчим за точностью, и немало в этом преуспели. Умения выразить впечатление — меньше. Но разве не особенно привлекает то футбольное чтение, в котором выражен дух события, а не его буква? Остановлюсь на знаке вопроса.

Замечу попутно, что для редактора строптивый автор, какие бы неудобства он ни причинял, наиболее желанен. Редактор может в этом не сознаться, но это так. Покладистость, готовность легко принять поправку, отказаться от утверждения выдают неверную, приблизительную, легкомысленную руку.

Юрию Валентиновичу не пошло бы участие в суетливых, горластых, с пятого на десятое перепрыгивающих, болельщицких кружках. Да он их и сторонился.

Свой вопрос: «Что нового в «Спартачке»?» — он приберегал для подходящего случая. Не знаю, какие он делал для себя выводы, как перерабатывал, сведения, но в эти минуты он был открыт, все принимал близко к сердцу, длил удовольствие.

Для меня Трифонов, как и Кассиль, Арбузов, Малюгин, Константин Есенин, Евтушенко, был неким укором. Да, они интересовались фактической стороной футбола, старались выведать побольше, вникали в частности, внимательно читали и наши репортажи, и статьи тренеров, в своих познаниях никому не уступали. Но все это служило им для того, чтобы увидеть футбол по-своему, включив самих себя в жизнь игры, и выразить то, что увидено, замечено, согласно собственным представлениям, оставляя в стороне чертежную очевидность, которую и без них обнаружат, повторят и исследуют.

Есть ли у футбола душа? Нет, не о знаменитых «морально-

волевых качествах» речь — они так же наглядны, как и сетка передач мяча по газону. Душу футбола так запросто не схватишь, не припечатаешь, она многолика и неуловима, и вернейшее доказательство ее существования в том, как на футбол откликаются души, к нему неравнодушные.

Футбольная журналистика продвинулась вперед в изображении матчей, в их деловом истолковании, во вмешательстве в проблематику любого свойства. Достаточно положить рядом газетные страницы тридцатилетней давности и сегодняшние, чтобы удивиться и порадоваться различию. Нынешние молодые репортеры начинают прямо с той отметки, к которой годами приближались старые. Однако прогресс совершается по прямой линии — линии объективного познания. Она необходима, нам полагается быть знатоками. Но, гонясь за картиной, кажущейся нам единственной истиной, достаточно ли мы слушаем самих себя, не подавляем ли собственные открытия и отзвуки, почитая их неуместными, субъективными? Думается мне, что дальнейшее совершенствование футбольной прозы пойдет по пути не столько познания футбола, сколько познания авторами самих себя.

Мне, как, наверное, и подобает репортеру, не раз приходилось писать без тени сомнения. Свидетельствовал, обобщал, делал выводы, сравнивал, взывал, выносил приговоры, выдвигал задачи. Служба есть служба, к тому же она не в тягость.

Со временем, по мере того как прибывали знания о дорогом предмете, стал чаще испытывать потребность высказываться не столь бойко и категорично, как в начальные годы. Мне в редакциях иной раз намекали, что «написано слишком деликатно, было бы совсем прекрасно, если бы то же самое изложить резче, без церемоний».

Я не желал «исправляться», узнавая в тех, кто меня подзуживал, самого себя — молодого самоуверенного репортера, болельщика, которому море по колено, готового по любому поводу выпалить разящие слова.

Нет ничего легче залихватской смелости. И особого проку от нее нет. Листаешь старые газетные подшивки, эти затихшие поля былых словесных сражений, где дерзким наскокам нет числа, и, глядя с сегодняшней колокольни, думаешь, что пальба то и дело велась по воробьям: не те адреса, не те претензии и масштабы.

Легко давалась смелость в прошлые годы еще и потому, что футбол выделили в мишень, как бы свыше разрешенную для критики. И сдачи получить не было риска: футбольное сообщество, воспитанное в сознании своей вечной виноватости, покряхтывало, читая, но отвечать и оправдываться не

осмеливалось. Да и не умело.

Критика существует не сама по себе, и далеко не всегда она права, если не уметь ею пользоваться. В ней можно долго преуспевать, если затрагиваешь незащищенных. Мы это хорошо почувствовали, когда изменения к худшему в жизни футбола потребовали от нас перенести огонь на прочно защищенные, скрытые цели, когда наши обобщения стали задевать тех, кто истинно несет ответственность за состояние футбольного дела. Думаю, что переход от критики без риска к критике, которая задевала имущих футбольную власть, был чрезвычайно важным моментом в становлении нашего раздела журналистики. Давался он нелегко.

Футбол для очень многих — пробный камень справедливости. Все жаждут красивой, победной игры. Не меньше, если не больше, хотят, чтобы все на поле шло по чести, по-человечески.

Справедливость во всем. В игре и в счете. В корректности и хороших манерах. В воодушевлении и трате сил. В судействе, конечно. Ничто не остается незамеченным, ни жест, ни гримаса, ни доброе, ни злое, на все — отклик. За мячом ли, за футболистами ли мы ведем наблюдение? Вернее сказать — за людьми, играющими в футбол.

Играли в Лужниках сборные СССР и Исландии. Отборочный матч к испанскому чемпионату мира. Я сидел в служебной ложе в окружении спортивных служащих. Мне предстояло писать отчет.

Матч для наших футболистов складывался легко, они победили 5:0. Но один из мячей был забит из положения вне игры. Обычно не торопишься с определением этого деликатного положения, тем более сидя на трибуне, без телевизионного повтора, — уж очень эта ситуация беглая. А тут более чем очевидная: наш игрок задержался, остался позади всех и вдруг в его сторону отбили мяч. Он помчался к воротам один и забил. «Офсайд же!» — невольно вырвалось. Сидевший рядом мало знакомый мне человек подтвердил: «Точно! — и тут же высокомерно бросил:— Все равно вы об этом не напишете!» Я написал. Не ставлю себе это в особую заслугу, тем более что счет был и без того внушительный.

Навестил меня в редакции Михаил Иосифович Якушин.

— А мне будет позволено отметить в отчете, если я увижу, что гол из офсайда? — как всегда, полусерьезно, полушутя спросил он.

— Я написал правильно?

— Сто процентов.

— Вот вы сами и ответили.

— Н-да? Вы уверены? Так-так...

Ничего словно бы не приключилось, а заметили.

Легче всего поспешить с приговором в пользу «своих». Репортер знает, что ничем не рискует: ему простят, он же радел за родную команду.

Ну хорошо, половина читателей либо слушателей по привычке доверять авторитетам либо по незнанию поверит. А как быть с другой половиной, состоящей из тех, кто разбирается в правилах, умеет смотреть? Легко потерять доверие либо у одних, либо у других.

Мне доводилось читать письма «разлучальные»: «После этой статьи я выхожу из числа читателей вашего еженедельника». Не важно, кто был прав и кто не прав: сама такая вероятность существует и не помнить о ней нельзя.

Так что и на нашей наезженной дороге, где верстовыми столбами стоят текущие события, где, кажется, только и надо их «отражать», мы каждодневно держим проверку. Может быть, с репортера довольно испытаний?

Но нет, чем больше имеешь дело с футболом, тем чаще примеряешь его к самому себе.

С некоторых пор я стал делить то, что видел на стадионе, на «сыгранное» и «получившееся».

В старину болельщики сопровождали голы истошным «Тама!». Сгинул дикий клич, а след остался. Он в том, что, каким бы манером мяч ни пересек белую линию ворот, — ликуй душа! Пусть роковым движением срежет мяч в свои ворота свой игрок. Пусть форвард выскользнет к мячу, беспечно откинутому вратарю разиней защитником. Пусть мяч проползет под животом кособоко свалившегося вратаря. Пусть в толкучке мяч рикошетом отпрыгнет на ногу форварда. Пусть все на поле уверены, что офсайд, да и мы на трибунах это видим, а удар нанесен, и судья протянул руку к центру. Все считается. Только все это — «Тама!». Потому что было не сыграно, а получилось.

Принято говорить о победителях: «Заставили противника ошибаться». Практически это верно. Но все же, видя глупые, нелепые просчеты побежденных, невольно начинаешь их жалеть, испытываешь неловкость и думаешь, насколько было бы лучше, если бы победители забили свои голы по всем правилам искусства. Немудреную простоту футбольных цифр хочется рисовать в воображении «простотой классики».

На чемпионате мира в Мексике в 1986 году мы увидели немало первоклассных голов. Два получили бы право экспонироваться в футбольном Лувре, если бы такой существовал. (На «Ацтеке» в Мехико мемориальной доской отметили гол Негрете.) Гол аргентинца Марадоны, когда он во вдохновенном

порыве обыграл нескольких англичан, включая вратаря, и мягко закинул мяч в сетку. И гол мексиканца Негрете в ворота сборной Болгарии, забитый даже не в прыжке, а в балетном антраша, ногой. Самые отъявленные зануды смолчали, не дерзнули пуститься в поиски ошибочек у противников, которые помогли Марадоне и Негрете. Совершенство предстало перед всем миром в идеальном облике. Ловлю себя на том, что не помню, с каким счетом закончился матч Мексика — Болгария, и не хочу заглядывать в справочник, хотя он рядом, на полке. Гол Негрете впечатался в память, и этого больше чем достаточно — футбол разбогател на этот гол. Как и на гол Марадоны. «Тама!» не выкрикнешь — подавишься, варварский клич встанет поперек горла. Пусть Марадона и Негрете никогда не повторят своих, ставших знаменитыми, голов. Но то, что они сотворили, — это сыграно! Однажды и навсегда.

Шедевры существуют напоказ, дают нам представление, на что способны слитые воедино дух и движение. Немало надо посмотреть футбола, чтобы такого дождаться. Но сыгранное ловко, умело, обдуманно встречается. Не обязательно сам гол, а все, что ему предшествовало: замысел, розыгрыш с участием нескольких игроков. Увидеть это и надеешься, отправляясь на стадион. Победе, явившейся наградой за «сыгранное», я отдаю предпочтение перед победой, которая «получилась». Счет может быть один и тот же, а впечатление — небо и земля.

В свои первоначальные годы победы с так называемым крупным счетом я мог смаковать бесконечно, каждый из шести или семи голов хотелось подольше подержать в памяти.

Потом, когда стал журналистом, явился вечер, и я застал себя за тем, что после трех мячей в одни ворота потянуло заговорить с рядом сидевшими, и не о футболе, а о чем-то постороннем. Мы весело болтали, совесть нас не мучила: игра «сделана», доигрывание не заслуживало внимания.

Разгром не что иное, как авария, крушение, злой рок, он точнее характеризует ему подвергшихся, чем торжествующих. В таком матче легко найти минуту, после которой сопротивление прекращено, остались бегство и преследование. Каждые десять минут — гол, а трибуны не взрываются, гуляет смешок, ждали драму с переживаниями, вместо нее комедия с развязкой, известной задолго до конца. И не отзовешься: «Вот это игра!», скорее «Ну и ну!» Не тешат меня разгромы, нет им веры. Да и писать о них неинтересно.

Давно, в 1948 году, сошлись в кубковом полуфинале московские ЦДКА и «Динамо». Ничего выше их встреч в те годы не существовало. Стадион переполнен. Шел четвертый сезон

противостояния этих клубов, каждый знал цену себе и противнику. Матч разыгрывался под знаком глубокого уважения: напряженно и умно, осмотрительно и с достоинством. Забить ник- то не смог, несмотря на дополнительные полчаса. Скучно от этого не стало, зрители сидели тихо, терпеливо, понимая, что перед ними команды, исключившие возможность малейших оплошностей и нечаянностей.

На завтра — продолжение. И снова замерший во внимании стадион. Кому же в конце концов удастся решающий эпизод? И тут в ворота «Динамо» — пенальти. Демин забил. Тем все и разрешилось.

Уходил я со стадиона глубоко разочарованным. Не помню, за что был назначен пенальти, не в том суть. Не такого исхода ждал: для этого матча он выглядел простоватым, если не глупым.

С тех пор матчи, в которых победу приносит пенальти, я числю в отдельном ряду. Не скажу, что во второсортном, просто в отдельном.

Смазанным остается впечатление, когда футболиста удаляют с поля. Игра после этого начинает припадать на одну ногу. В 1955 году в финале Кубка играли те же ЦДКА и «Динамо». Во втором тайме при счете 2:1 в пользу армейцев судья Николай Латышев удалил с поля вратаря динамовцев Льва Яшина (скандал в благородном семействе!). Замены не разрешались, и в ворота встал, натянув перчатки, полузащитник Байков. Многие на стадионе немедленно приняли сторону «Динамо», овациями сопровождали любую удачу Байкова. Игра превратилась в недоразумение. Запомнилась не победа армейцев, а то, что Байкову не забили.

На чемпионате мира 1966 года наша сборная встречалась в полуфинале с командой ФРГ, тогда первоклассной. Немцы повели игру сурово, последовательно, атака за атакой. И тут заковылял наш полузащитник Сабо. Он, как это делалось тогда, ушел на край поля, оставшись для проформы. Я сидел вместе с Виктором Александровичем Масловым. И вдруг он мне шепчет:

— Сейчас немцы сбавят, ослабят хватку — их же на одного больше. И нашим полегчает...

Я привык к парадоксам Маслова. Не ошибся он и на этот раз. Пыл сборной ФРГ поутих. Перед перерывом с поля был удален Численко. И после всех этих чрезвычайных происшествий, которые должны были вконец обезоружить нашу команду, зафиксирован счет всего лишь 1:2, а в конце даже мелькнул шанс на ничью. И это вдевятером!

Я напомнил матчи, где команды, оставшись в меньшинстве, не дрогнули, свели на нет громадное преимущество противника,

обратив себе на пользу его размягченность. Можно было бы привести и противоположные примеры, когда удаление игрока вело за собой разлад у наказанных и легкий успех тех, кого было больше. Какой бы оборот ни принимало действие, игра в неравных составах не смотрится; к ней при всем желании не отнесешься всерьез.

Не по душе мне, когда игрок, только что перешедший в другой клуб, лезет из кожи вон, чтобы забить тому, где он вырос, провел немало сезонов, где приобрел имя. Прекрасно понимаю, что он — при исполнении обязанностей, что ему, возможно, хочется что-то там доказать бывшему клубу и тренеру. И все же его радость в случае удачи, со вздетыми к небесам руками, я разделить не могу. Спустя два-три сезона— не обратишь внимания, но сразу, пока он еще стоит перед глазами в футболке другого цвета, в ряду старых товарищей, его торжество выглядит кощунством.

Ничего не доказываю и не навязываю. Усмешки бывалых практиков меня не заденут. Знаю, что гол есть гол, победа в любом случае победа, пенальти входит в свод правил, как и удаление игрока с поля, и футболист не просто вправе, но и должен забивать в ворота команды, где он прежде состоял. И в своей репортерской работе, насколько могу судить, этими личными «категориями» не пользовался.

Пошел на признание без опасений. Что поделаешь, футбол сильнее, чем кажется, сильнее, чем мы подозреваем, он позволяет нам узнавать самих себя. В том, что мы любим и не любим, что прощаем и что пробуждает злость, в чем стараемся разобраться или отметаем с порога, проявляется его власть над нами. И наше боление, если честно его оценить, это то, какие мы есть, без прикрас.

Произнесут словцо «болельщик» и думают, что этим все сказано. Когда-то и я так думал: представлялось, что мы, болельщики, какая-то особая человеческая разновидность, разумеется, прекрасная, ведающая то, что неведомо остальным, даже как бы состоящая в заговоре против неболельщиков.

А потом стал замечать, что с одним нахожу общий язык, а другого стараюсь обойти, а если деваться некуда, то изнываю от скуки либо от тупости. И неважно, сторону какого клуба они держат.

Георгий Павлович Менглет, народный артист СССР, болельщик настолько заядлый, что диву даешься. Его жена, Нина Николаевна Архипова, актриса того же театра Сатиры, однажды нашептывала мне про него: «Представляете, когда мы на гастролях, Георгий Павлович города делит на те, где можно

купить ваш журнал и где нельзя. Первые он называет «культурными центрами», а другие «захолустьем». Говорить с Менглетом — наслаждение. Выразительно махнув рукой, он отстраняет как тему свой любимый многострадальный армейский клуб, и обнаруживаешь, что он переполнен добрыми словами о классно играющих командах и мастерах, футбол ему нравится как прекрасное представление, он помнит все хорошее, что было и сорок лет назад, и вчера, голы Боброва, Стрельцова, Симоняна, Блохина. И исполнен любопытства — ему и в голову не придет настаивать, что играть надо так, а не иначе, делать то и не делать того. Поддакнув разглагольствующему о несовершенствах футбола, он постарается вежливо перевести разговор на красивые эпизоды, всплеснет руками: «Боже, какая прелесть, вы помните, как тонко было сыграно!»

А на кого-то другого, будь он доктором наук, генералом, кем угодно, натыкаешься как на надолбы: все-то ему известно, футбола у нас как не было, так и нет, мастера перевелись, в газетах сплошное вранье, Платини — игрочек так себе, и Марадона не очень, а Блохин и вовсе ничего из себя не представляет. В таких случаях приказываешь себе: «Молчи, не вздумай унизиться до возражений!»

Как-то раз просматривал почту. Очередное письмо на четырех тетрадных страницах. «Уважаемый товарищ редактор!» И дальше обстоятельный разбор публикации исторического материала К. Есенина. Упоминались факты, которых я не знал, даты, цифры, фамилии. Это не редкость, когда с Есениным полемизировали. Я просматривал бегло, зная, что не разберусь и отдам письмо Есенину. В самом низу четвертой странички мелко: «Убедительно прошу передать мое письмо Константину Сергеевичу». И подпись «Д. Шостакович».

Я набрал номер Есенина и спросил:

— Возможно ли, чтобы по вашей специальности высказывался Шостакович?

— Дмитрий Дмитриевич? Вполне. Он занимается статистикой, главным образом ленинградской. Я заскочу к вам, заберу письмо и отвечу.

Порой удивляешься самому себе: почему мне сразу не пришло в голову опубликовать их переписку? А когда я об этом подумал, Есенин сказал, что, пожалуй, не сыщет письмо Шостаковича: «Засунул не помню куда».

Как же основательно должен был относиться к футболу Шостакович, чтобы не пожалеть времени на многотрудные записи! И как же он должен был уважать футбол, если решил постоять за точность и возразить признанному историографу!

Редакция действует в ограниченной сфере. Я имею в виду не четыре крохотные комнатки и не ложу прессы, куда вход по пропускам. К редакции тянет тех, кого искренне заботит положение дел, кто имеет соображения по этому поводу. Ну а тем, кто устроился, прижился при футболе, для кого он доходен и удобен, кто преследует в игре собственные интересы, плутует, у кого нечиста совесть, — что им редакция?!

Запомнился мне один визит. Представитель команды только что вошедшей в высшую лигу краснодарской «Кубани», той, которой покровительствовал «сам» Медунов, пришел к редактору. И произнес речь, которая ему трудно давалась, он ее, как видно, заготовил:

— Мы считаем своим приятным долгом завязать с «Футболом — Хоккеем», нашим журналом, тесные контакты, вы теперь частенько будете о нас писать. Я наводил справки, и меня предупредили, что между нами возможен разговор и ничего больше. Но я проведал, что вы любитель хорошего чая. Прошу принять коробку, сущий пустяк, знак внимания.

Я повертел в руках сувенирную коробку краснодарского чая, высмотрел цену.

— Хорошо, знак так знак, пусть будет по-вашему. И по-моему тоже. Я беру чай, за что вам признателен, и плачу его цену.

Представитель поерзал на стуле, покачал головой, и мы расстались.

Мне довелось перезнакомиться в редакции со многими людьми, верными и полезными футболу. Однако я вовсе не идеализирую футбольный мир. Он разный, как мы в шутку вывели из своей почты — От академика до уголовника.

Пишу спустя несколько лет после расставания с редакцией. Сейчас мне особенно ясно, что еженедельник дал и что взял. Не такое простое взвешивание. Кажется, что за те годы мог бы сам написать больше и обдуманнее. Но разве было бы столько знакомств и встреч, столько разговоров по душам, ведь многие приходили к редактору своего журнала как в исповедальню, выкладывали все, что их волновало? Нет, напрасно взвешивать.

Лучше вспомнить о том, как работалось. У «Футбола—Хоккея» есть исключительная особенность: его прочитывают от доски до доски все те, кто профессионально занимается футболом. Читают ли его все болельщики, ручаться не могу: сколько их и кто они, не знает даже ЦСУ. А за мастеров, тренеров, судей, общественников могу ручаться: для них он в самом деле обязательное чтение. Мы это чувствовали безошибочно. Бывало, напечатают очерк в «Огоньке» или в «Юности», тираж которых побольше, чем у нашего журнала, и обнаруживаешь, что те, к

кому, когда писал, адресовался, не читали. А еженедельник они «прорабатывали» до дыр. (Это побудило меня ввести рубрику «Что еще почитать».) «Футбол — Хоккей» гарантировал наивернейшее попадание. Это было известно и нам в редакции, и другим журналистам, и людям футбольного поприща. Отсюда и заинтересованность попасть на наши страницы. Это несмотря на то, что гонорар скупой, не то что в других изданиях. Создавался естественный отбор: кому дорого было дело, шли к нам, кому — гонорар, тот нас обходил, что и к лучшему.

Для еженедельного издания нас, строго говоря, было мало. Редактор, он же заведующий отделами литературы, иллюстраций и писем. Г. Радчук — заместитель редактора, секретариат в одном лице и заведующий иностранным отделом. В. Винокуров — высшая лига, все сборные страны, рубрики «Наша летучка», «Об игре, о товарищах, о себе», «Тренер выбирает тему для разговора». В. Асаулов — первая и вторая лиги, юношеский и массовый футбол, информация. Ю. Цыбанев — весь хоккей. Машинистка Л. Полякова — секретарь и учетчик писем.

Может быть, ощущение малочисленности возникало из сравнения с другими редакциями. Мы же приспособились и, как мне думается, даже горды были, что управляемся. Если бы вдруг о нашей редакции было бы что-то написано, то эпиграфом следовало поставить историю, которую мы постоянно вспоминали. В бытность редактором Мержанова, когда он вел поиск сотрудников, взяли в штат журналиста довольно опытного. Однажды Мержанов попросил его отнести с этажа на этаж рукопись. «Я не курьер». Мержанов тут же отрезал: «Тогда ты нам не подходишь». Журналист этот вскоре уволился.

В крошечной редакции обязательное условие, чтобы все умели работать и от работы не бегали. Если один отлынивает и прячется за спины других, это неминуемо отразится на содержании и качестве издания. Минимум есть минимум, до абсурда его доводить нельзя.

И как не испытывать чувства признательности к людям, с кем рядом работал! И я, продолжая удивляться, как у нас получалось, хочу назвать всех, кто располагался в четырех комнатушках на третьем этаже.

Корректоры Елена Борисовна Игнатьева и Лидия Михайловна Юрьева как пришли в еженедельник в 1960 году к первому номеру, так и трудятся. Уравновешенные, невозмутимые, они гасили вечную горячку своей выдержкой и улыбками. Никакие не болельщицы, семейные женщины с бесчисленными заботами, они настолько освоили всю нашу заковыристую терминологию, названия, фамилии, что можно было совершенно спокойно

оставлять номер на их попечение, — все высмотрят.

Выпускающий — Тамара Павловна Черникова, тоже с первого номера. В свои юные годы, когда женщин туда тянуло, хаживала на «Динамо». Воспоминания о футбольных переживаниях в ней бродили. Прекрасный мастер верстки, Тамара Павловна работала не технически, не «вообще», а зная, какие материалы особенно желанны читателям, без наших указаний выделяла их, подчеркивала, украшала. Это было не прилежание, а неравнодушие, у нее по-болельщицки чесались руки, чтобы на полосе сотворить занятное, чего не было. Женщина трудной судьбы, а веселая, громкая, решительная, она с головой уходила в работу у талера, бесстрашно воевала с нами, если замечала, что мы согласны на «простенькое», тогда как можно сделать наряднее. Не все выпускающие читают то, что верстают, а Тамара Павловна читала.

Машинистка — Лидия Ивановна Полякова, скромная, тихая, умница. Придет ко мне с рукописью: «Почитали бы прежде».— «А что?» — «А!» — и поморщится. Все ясно, значит, пробежала глазами, а для нас два раза перепечатывать оригинал — потеря времени. Я ей верю и берусь править. «Вот видите»,— только и скажет, когда я ей верну со многими исправлениями. Грамотная, быстрая, могла бы найти место и повыгоднее, а прижилась. Иные авторы ее побаивались: ее суд первый, слово чувствует, не задобришь. Скажет о журналисте: «Зачем вы его печатаете?» И не знаешь, что ответить. «Пора бы уж ему получиться, а он на вас с Винокуровым надеется, легко ему живется». Верный человек.

Геннадий Иосифович Радчук, столп редакции, без него ее и не представишь. Вся его жизнь — редакция. Другие могли себе позволить отвлечься, что-то запамятовать, а он не отвлекался и все помнил. В общении грубоват, шумен, горласт. На него мне жаловались: «Не здоровается», «Накричал». Когда я объяснял, что он болеет за дело, сверхнадежен, горой стоит за товарищей, выручит, поддержит, в лепешку расшибется, а сделает все как надо, меня слушали с недоверием. Но это так. Более четверти века Радчук снабжает читателей футбольной «иностранщиной», и очень многое, что мы знаем, сообщено, внушено и растолковано им. Смолоду Радчук был сподвижником Мержанова и славно повоевал за идеалы футбола. Свои замечания излагал витиевато, полагалось перечитать, чтобы уловить скрытую иронию. Сергей Сальников часто мне говорил: «Люблю читать Радчука — закрутит финт, а ловко». Константин Есенин назвал его «боцманом с нежной душой».

Валерий Изидорович Винокуров, сколько ни работал в редакции, оставался юным. Уже был известен, широко печатался,

для начинающих журналистов сделался метром, выпускал книги, а я все видел в нем Валерку. И седину не замечал. Явился к футбольной теме, как на нежное свидание, с букетом, в ожидании небывалых чудес, и не остепенился. Все, что узнавал при близком знакомстве, все, что его разочаровывало и оскорбляло, так и не сладило с ним, не опустошило. Букет он из руки не выпустил, но в другую взял шпагу. И бесстрашно полез в самое пекло во имя того футбола, который его поманил. Воевал, нимало не смущаясь угрозами задетых. Я повидал в нашей среде смельчаков, которые усердствовали в критике, прослышав, что она в моде, и мгновенно оборачивались благочинными, едва ее смиряли. Винокуров шел по небезопасной колее в любые времена.

Виктор Федорович Асаулов пришел к нам выпускником журфака Минского университета мало что умея. Мне нравилось, что он, чувствуя себя подмастерьем, не унывал, исписывал страниц вдвое больше, чем требовалось, не вылезал из командировок и на первых порах рассказывал об увиденном интереснее, чем писал. Произошло то, что и должно было произойти. Сделался знатоком и нашел себя как журналист. В нем, общительном одессите, бьется жилка предприимчивости: он стал инициатором создания первой лиги, реформ во второй, придумывал призы и турниры, его избрали председателем федерации футбола профсоюзов, и федерация эта, как мне кажется, по части выдумок превосходила всесоюзную. Имея уйму знакомств, не потонул в них, верен своей воинственной честности. Его попечением в городе Славянске одной из улиц присвоили название — журналиста Мержанова. А он с Мартыном Ивановичем не работал, знал о нем по нашим рассказам.

Юрий Борисович Цыбанев — самый молодой из нас. Окончил журналистский факультет Института международных отношений, имел, как я могу предположить, выбор, но заартачился и пожелал работать в нашей редакции, послушный зову симпатии к футболу и хоккею, приобретенной в мальчишестве. Его прислали стажером. Я предполагал, что придется повозиться, а он с «пробного» материала заявил о себе как журналист с собственным видением, с оригинальной манерой письма. Надобность в стажерстве отпала. Он из тех, застенчивых, не слишком с виду боевых, кто за пишущей машинкой преображается. Его не собьешь, не переубедишь, да и не надо: глаз приметливый, вкус тонкий, от правды не отступит. Его истолкования игры филигранны, с множеством попутных находок, сливаются в панораму вполне реальную, с оттенком театральности. Если Цыбанев стряхнет с себя покорность репортерской судьбе и напишет книгу о том, каким он видит хоккей и его людей, то это

будет оригинальная книга.

Никто не поверит, что мы не видели слабостей друг в друге. Но то ли привалило счастье сочетания, то ли сама работа в крошечной редакции нас держала в тисках взаимных обязательств, как бы то ни было, трудностей внутри мы не испытывали, все были на месте. Даже если бы кто-то один оказался чужеродным, началась бы вибрация, и кто знает, как это отразилось бы на издании.

Удивительно, но игра, занимающая не на шутку миллионы людей, застряла на низеньком уровне специальной технологии, элементарного «футболоведения». Печатных строк ей отводится несчетное количество, а тратятся они преимущественно на чертежный разбор разыгранного вчера вечером на зеленом листе поля, на школьные нравоучения вслед ошибочным действиям мастеров, на высокопарные призывы и беспощадные разносы. Эта смесь вторжений, методических и грубо эмоциональных, создает вокруг футбола бурление кипятка, скрежет рассерженных циркулей, рейсфедеров и указок. Возможно, эта горячая смесь полезно понукает и страшит. Но далеко не все объясняет.

Думаю, что ни одна другая из известных, признанных профессий не смогла бы благополучно существовать в подобной атмосфере, она бы воспротивилась, восстала, да и здравый смысл подсказал бы, что надо угомониться, оставить эту профессию в покое, чтобы в ней воцарилась деловая обстановка. Футбольная профессия все это привычно, покорно терпит.

Почему же терпит? Уязвимость футбола — в видимой простоте успеха. Что требуется? Сущая безделица: один меткий, сильный удар по мячу, после которого всколыхнется сетка ворот, и толпа на стадионе и у телевизоров зайдется в ликовании. Все остальное, творящееся на поле на протяжении полутора часов, легко может показаться тратой времени, длинной чередой несуразных оплошностей, бесполезной беготней. Еще в сороковые годы легендарный радиорепортер Вадим Синявский повторял свое знаменитое: «Будет ли кто- нибудь бить?» Это его восклицание неспроста прославилось и запомнилось — в нем сжаты нетерпеливые чаяния.

Особенно настаивают на облегченном представлении о футболе люди, от которых он зависим. Им невдомек, да и нет ни времени, ни желания вникнуть, разобраться, постичь. Они-то и задают тон в грубом начальственном понукании, а им услужливо вторят те, что «пониже». Докатывается этот вал и до некоторых тренеров, и до некоторых репортеров. И гремит во вред.

Заявить, что футбол признан всем человечеством без исключения, было бы сильным преувеличением. Мне не раз

приходилось выслушивать вежливо-ироничные отзывы о футболе образованных, интеллигентных людей, знакомых с ним понаслышке. Их как раз более всего забавляла примитивность футбольного спектакля, где только и требуется, что ударить и попасть. А свое суждение о примитивности они заимствовали, заглядывая искоса в спортивные рубрики газет, слушая вполуха телекомментаторов. И ничего удивительного, что заходила речь о «грубом зрелище», о «неразвитом вкусе толпы». Для них вопрос давно и окончательно решенный, а разговаривали они со мной на эту тему в силу воспитанности, помня о моей профессии. И никакие они не эстетствующие личности, не позеры, не «оторвавшиеся от масс». У них просто не было повода задуматься о феномене футбола. Да и где сыщешь такой повод, кто его предложит в горластой, бестолковой суете, окружающей футбол, да еще с его убогим жаргоном?

Приучившись с самого начала, «с младых ногтей», видеть футбол и его людей неразгаданными, я так и остался с этим ощущением, несмотря на годы профессионального, близкого знакомства. И сколько ни читал о нем и сколько ни писал сам, долг не только не погашался, но и рос. Приближение — да, но не постижение. Не футбол, а мы, о нем пишущие, ради собственного удобства предложили череду «стандартных положений», которые и разрабатываем, считая их достаточными, сводя к ним любые ситуации и переживания.

Хочется верить, что наша редакция, пусть немного, но что-то сделала для приближения к футболу. И авторов привлекали с разбором, тех, кто имел что сказать, и рубрики изобретали — а они нечто вроде смотровых инструментов, помогающих более глубокому проникновению,— и героев футбола заставляли разговориться, и прикасались к психологической подоплеке, и настаивали на том, что без искренности, идейности футболу не жизнь, и жаргон, как могли, вытравляли.

Типографским способом был изготовлен список «Наше сквернословие», включавший слова и обороты, запрещенные для употребления в материалах еженедельника. Он был у каждого сотрудника, висел на стене. Приведу кое-что из него.

Автор гола *Питал мячами*
Эффектно и эффективно *К сожалению...*
Баталия *Дуэт, трио, квартет, квинтет*
Бескомпромиссность *В рекомендациях не нуждается*
Наставник (в значении «тренер») *Отличился (забил*

гол)

Выверенная передача *Сплав молодости и опыта*

Словно слаломист... *Качественные действия*

Вратарь на высоте *Штанга спасла*

Легкая добыча вратаря *Культура паса*

Турнирный экватор *Подопечные (такого-то тренера)*

Голый энтузиазм *Цементировать*

Ниже своих возможностей *Кредо*

Отдаю себе отчет в том, что маленький журнал специального назначения — никакой не литературный альманах, на его страничках дай бог уместить самое необходимое. И все же чем дальше, тем яснее подступала неудовлетворенность.

Перестало придумываться. Если прежде я ехал в метро в редакцию и соображал, что бы сотворить, то теперь читал или разглядывал попутчиков. Наверное, всему свои сроки. Это почувствовал Валерий Винокуров и переменил место работы. Вслед за ним и я положил предел своему редакторству.

Однако, как и раньше, как и всегда, мне не дает покоя ощущение, что футбол нуждается не в одной деловой чертежной прозе. И жаль, что мало для этого сделано. Хотелось наметить хоть тоненькую тропочку. С этим чувством, сделавшись свободным, писал книги «Форварды» и «После матча», с тем же чувством пишу и эту. Как знать, не заглянут ли в них молодые продолжатели, не извлекут ли что-то из нашего опыта, чтобы пойти гораздо дальше. Да и время — за них.

Чтобы не повторяться, не топтаться на месте, да и не мешать, я обрубил связь с «Футболом — Хоккеем». А годы, прожитые на улице Архипова, 8, на третьем этаже налево по коридору, вспоминаю с нежностью.

ИЗ ЗАВТРА — В СЕГОДНЯ

Право обронить в разговоре, что ты свидетель пятидесяти трех чемпионатов страны,— грустное право, оно приобретено, фигурально выражаясь, ценой всей жизни. Мне нетрудно представить, как нынешний начинающий болельщик когда-нибудь, не без скрытой заносчивости, произнесет: «Я видел все чемпионаты с пятидесятого по сотый», хотя сегодня он замашет руками, отводя от себя столь сомнительное обещание.

Трасса футбола пряма, как стрела, и каменно вымощена. Известно, что к нашему сотому чемпионату будет разыгран XXVI чемпионат мира. Если и пойдут на перемены, что-нибудь изобретут, то не скоро, не раньше, чем в следующем веке. Пока футбол расписан наперед, видимость идеальная, ни тумана, ни гололедицы.

С 1936 года много воды утекло, это понятно. А с другой стороны, вот они, перед нами: «Спартак», «Динамо» московское, «Динамо» киевское, «Динамо» тбилисское, ЦСКА, «Локомотив», ленинградская команда, пусть и под другим названием, — все, кто открывал клубные чемпионаты. Есть факты поразительные. Руководил «Спартаком», осенним чемпионом 1936 года, Николай Петрович Старостин, и он же — начальник той же команды, чемпиона 1989 года. Или Михаил Иосифович Якушин, игравший в самом первом чемпионате, а ныне — инспектор матчей высшей лиги, обозреватель «Советского спорта», по всей строгости оценивающий игру. Связь времен, лучше сказать эпох, не отвлеченно провозглашается, а работает, действует.

Упомянуто это не ради того, чтобы усомниться в прогрессе или умалить его. Просто годы, прожитые в наблюдениях, обязывают, ведя счет прибывающим новостям, не забывать и того счета, который был открыт до нас.

Для предвосхищения будущего поводов сколько угодно.

Изощренные, космические контуры крытых стадионов, где не грозят дождь, снег и холод, с отоплением, с идеальной мягкой искусственной травкой.

Домашний телепоказ, объемный, во всю стену, с полным эффектом присутствия.

Судейство, пользующееся безотказными фиксаторами.

Искусство игроков, для которых выучка Платини, Марадоны, Блохина, Гуллита, Черенкова не больше чем исходный норматив.

Впрочем, пристало ли репортеру витать в эмпиреях? Ему издавна отведен жанр «К открытию сезона», где разрешено прикинуть ближайшее будущее. Не помню случая, чтобы какую-

нибудь редакцию заинтересовал прогноз лет на пять, не говоря о пятидесяти. И мы занимаемся тем, что нам подбрасывает текущая жизнь, попадаем когда в кон, а когда впросак.

Так что, намереваясь заглянуть в будущее, не намерен уноситься далеко, буду следовать сложившимся правилам ремесла. Да и будущее — вот оно, здесь, от нас не дальше, чем сегодня.

Футбол становится лучше и хуже.

Легко повстречать людей, запальчиво, даже зло упершихся на том, что раньше (их «раньше» зависит от возраста) игра шла интереснее, а сегодняшний футбол «не тот». Переубедить их невозможно, старые картинки не наложишь на новенькие, матч ЦДКА 1948 года с киевским «Динамо» 1986 года каждый волен разыграть согласно запасу воображения. Я давно взял себе за правило уклоняться от таких споров, в них больше пыла и крика, чем доводов.

Могу представить, что самые большие искусники прошлого — Г. Федотов, С. Ильин, В. Трофимов, В. Степанов, В. Бобров, А. Пономарев, Б. Пайчадзе, С. Сальников, И. Нетто — применились бы к футболу наших дней и блистали бы как встарь. Однако командная игра не то чтобы ушла, а умчалась далеко вперед. То, что оборона перестала быть заботой одних защитников, а атака — только форвардов, что линии и звенья стали условными и в каждый эпизод у своих или чужих ворот втянуты все наличные силы, перевернуло прежние понятия. Прибавим подскочивший уровень тренированности, богатый выбор скоростей, кладовую выносливости, круг приемов, сделавшихся доступными не одним звездам, а и так называемым средним мастерам. Тяжелые бутсы и длинные трусы, хотим мы того или нет, характеризуют игру далеких сезонов, входят в ее образ.

Футбол и не мог, не имел права не двинуться в гору, ему бы этого не позволили и не простили. Он разошелся по всему земному шару, подорожал и в престижном, и в денежном исчислении, получил обязательные часы во всемирных телепрограммах.

Когда сторонники старого футбола настаивают, горячась, что раньше на футбол охотнее ходили, остается пожать плечами. Я исправно посещал стадионы в сороковые и пятидесятые годы, к которым принято относить зрительский бум. Телевидения тогда не было. И когда оно поселилось в доме, ходил столько же. Однако теперь, благодаря экрану, вижу футбола раза в три больше, чем в те благословенные времена. Утверждаю не вприглядку, подсчитал. И так у каждого, кто связал себя с игрой. До сих пор вспоминают матчи, нареченные историческими: ЦДКА

— московское «Динамо» (3:2) в сентябре 1948 года, сборных СССР и ФРГ (тогда чемпиона мира) в августе 1955 года (3 :2), — и берут в образец болельщицкий ажиотаж вокруг них. А видело их тысяч по шестьдесят на «Динамо», тогда как в наше время посмотрели бы миллионы, а второй матч, надо полагать, вся Европа.

Футбол можно не признавать, не любить, не смотреть, но от него никуда не денешься: в той или иной мере, хотя бы в полемическом неприятии, им задеты все. Было время, когда мне приходилось не без смущения растолковывать, что значит — «писать о футболе», и я не был уверен, что понят: кто-то продолжал смотреть на меня с подозрением, как на несерьезного, легкомысленного, если не на шалопая. Сейчас, представляясь «футбольный обозреватель», недоумения не встречаю — профессия признана, состоялась.

В общем, распространяться о переменах к лучшему, я бы сказал к грандиозному, в жизни футбола-зрелища даже неловко — все равно что ломиться в открытую дверь.

Но почему — «и хуже»?

Футбол с его правилами придуман людьми и им подчинен. Тем не менее я не в силах отказаться от ощущения, что он явление природы. Это же в самом деле поразительно, что мальчишки, едва начав ходить, принимаются бить ногами по мячу. И гоняют его среди берез или пальм, на асфальте, на песке, на снегу каждую свободную минуту. Им еще неведом стадионный футбол, а от мяча их не оттащишь. Диву даешься, как обходилась ребятня без футбола в прошлые века?

Гоняют мяч не как попало, а изловчаясь, с фокусами и штучками, да заодно со своей партией, дружно, да соблюдая законы честности. Попозже, когда подрастут, они вызубрят правила, которых придерживаются мастера, но и с малолетства им известно без подсказок, что верно, а что подло в этой возне.

Футбол — зрелище, вокруг которого смыкаются немыслимые по количеству, невероятные по остроте своих переживаний аудитории,— в основе своей тот же, что и у мальчишек, как лес и подлесок, как дубы и желуди.

Да, мы желаем большому футболу дальнейшего процветания, но одновременно ревниво и строго приглядываем, чтобы он не отклонялся от своей первозданности, естественности, нами высоко ценимых, душевно нам близких. И неизвестно, на что мы безотказнее откликаемся: на движения игровые или душевные, человеческие. Написав «неизвестно», я думаю о том, почему в наше время, когда в таком фаворе всевозможные анкетирования, опросы, референдумы, в которых берутся пробы общественного

мнения по самым разным сторонам жизни, восприятие футбола не изучается и о чувствах, которыми движима бессчетная аудитория, приходится гадать.

Многое другое, с чем мы в жизни сталкиваемся как зрители, подвержено моде, стареет, сходит со сцены, заменяется. Футбол модой, колебаниями вкусов не испытывается, и думаю — из-за своей естественности, природности. Он есть, и никуда не денешься. Удача английской выдумки прошлого века — в ошеломляющей простоте, общедоступности, безыскусственности, что и позволило ей приблизиться к явлениям природы. Любое спортивное единоборство представляет нам человека. Но футбол, как ни одна другая игра, не содержит в себе ничего исключительного, феноменального, условного, перед чем мы обязаны склониться в почтении и изумлении. Следя за футболом, нам легче легкого подставлять себя на место игроков, понимать и про себя повторять их движения, а значит, и судить о них как о людях, таких же, как и мы сами.

Считается, что футбол могуч, укоренился, распространился и ничто ему не угрожает. Но ведь совсем еще недавно так же думали о воздухе, воде, почве, флоре и фауне. Не вижу ни малейшей натяжки в таком сопоставлении. Хищничество, корысть, бесхозяйственность, раж администрирования, расхожие разбойничьи девизы «Победы любой ценой!», «Победителей не судят», «Отрапортуем, а там хоть трава не расти!» — все это сопутствует и футболу. Возьмется ли кто-нибудь спорить, что деятель, который втихомолку распорядился слить ядовитые отходы в реку, не того же поля ягода, что и постановщик неправедных футбольных успехов?!

Осенью 1986 года (дата необходима) редакция «Огонька», журнала, который, круто переменившись в тот момент, стал одним из наиболее читаемых, предложила мне написать о «самом-самом», что наболело. Выбор был, но долго я не думал. И написал статью «О лжефутболе». Ее напечатали в октябре, а в феврале следующего года появился обзор писем, полученных «Огоньком».

Нет нужды пересказывать ту статью, о лжефутболе речь уже шла.

Однако статья имела последствия и потому приведу ее окончание:

«...Предвижу вопрос: «Известно ли все это Управлению футбола и президиуму федерации?» Да, известно. В силу их близости к донесениям с полей боя эти организации информированы получше, чем журналисты и болельщики. Ими же введен лимит на ничьи, ими же создана экспертная комиссия,

которой вменено в обязанность «готовить заключения о матчах, проводившихся без должной спортивной борьбы, с пренебрежением к зрителям». Комиссия, правда, не набралась смелости напомнить о своем существовании.

Организации, ведающие футболом, живут старыми категориями невмешательства, боятся выносить сор из избы, отводят в сторону глаза. Осуждение высказывается в узком служебном кругу. «Да, сомнений нет, матч сговоренный, но где взять точные доказательства», — эта фраза повторяется, наверное, лет десять, перед ней сникают, бессильно разводят руками. Антрепренерам лжефутбола только того и надо.

А тем временем газета «Советская Россия» подробно рассказала о том, как следственные органы поймали за руку начальника команды мастеров второй лиги «Строитель» из города Череповца, дававшего взятки судьям, и судей, эти взятки бравших.Несколько лет назад президиум федерации вызвал на свое заседание тренеров двух команд высшей лиги, которые на стадионе изобразили бесконфликтную нулевую ничью. Поначалу тренеры с улыбочкой отрицали сговор, но, натолкнувшись на доводы компетентных очевидцев, упали духом и струхнули. Им «строго указали», и коммюнике о заседании напечатали.

Так было всего лишь однажды, на том попытка навести порядок закончилась. А она, надо заметить, показала, что вовсе не обязательны «отпечатки пальцев», что для вмешательства достаточно опереться на здравый смысл, опыт и принципиальность.

Спортивные организации вправе лишать званий, отстранять от работы, дисквалифицировать, запрещать занимать тренерские и другие должности. Лишь бы была решимость. Лишь бы было признано, что мошеннические проделки подрывают силы футбола, являются опасностью номер один. Однако ни у кого рука не поднимается нажать кнопку сигнала тревоги. Оттого и удается заговор молчания, оттого и повисают в воздухе, оставаясь без ответа, справедливые обвинения представителей общественности».

Что же последовало?

В телевизионном «Футбольном обозрении», завершавшем сезон 1986 года, коснулись договорных матчей. И начальник Управления футбола Госкомспорта СССР В. Колосков, не выразив, хотя бы для приличия, озабоченности, холодно отрезал, что Управление не располагает доказательствами и что печать совершенно напрасно занимается этой проблемой. Моя огоньковская статья была поставлена «вне закона».

Но вскоре «Советский спорт» включил в свою послесезонную

анкету вопрос: «Что способствовало бы бескомпромиссности в чемпионате?» И люди разговорились, один за другим заявили о необходимости решительно противостоять договорным махинациям. Среди них мастера с мировым именем — Валентин Иванов, Игорь Нетто, Олег Блохин.

Было и противоположное мнение. Тренер О. Базилевич ответил следующим образом:«Поставлен вопрос о бескомпромиссности поединков, и вновь сделан намек или кивок в сторону игр, которые с чьей-то легкой руки стали называться «договорными». Категорически заявляю, что попытки поднимать на страницах прессы этот вопрос выглядят неправомерными. Такие публикации сводят на нет всю нашу большую работу по пропаганде здорового образа жизни средствами физкультуры и спорта, пропаганде основополагающих принципов нашего спортивного движения. Футбольные сделки противоречили бы всем нашим моральным принципам, и потому делать ничем не подтвержденные намеки — это вести антипропаганду футбола».

Не правда ли, печально памятная фразеология? Некоторое время назад с ее помощью ставились заслоны перед любой деловой критикой, лишь бы соблюсти видимость благополучия. А в тот момент, когда это было с опрометчивым опозданием изложено, сей отрывок, исполненный в духе угрожающей демагогии, не страшил, а смешил. Но и не удивил.

Начальник Управления оказался в затруднительном положении: то ли он хуже информирован, чем практические работники (что невозможно допустить), то ли не готов посмотреть правде в глаза (что вероятнее)?

Пресса своего добилась (кроме «Огонька» и «Советского спорта» выступали «Известия» и «Комсомольская правда»). Явление сговоров, о котором долго говорили гневно, но отвлеченно, было, как сказал бы ученый, классифицировано, из туманности и гипотез материализовалось. Если прежде упреки и намеки радировались в пространство (кому?), взывали к совести (чьей?), то теперь на белых конвертах проступили адреса.

Тут я пережил неловкость. Она не в том, что моя фамилия вдруг исчезла из списка общественной редколлегии «Футбола — Хоккея». Мало ли какая надобность могла возникнуть: обновление, омоложение. Неловкость в том, что все, кто со мной встречался или звонил, этот вычерк ставили в прямую связь со статьей в «Огоньке» и восклицали: «В наше-то время!» А я не знал, как ответить: меня не известили об официальной формулировке, хотя, казалось бы, после того как я состоял в редколлегии 27 лет, следовало проявить минимальное уважение. Неуклюже получилось у коллегии Госкомспорта.

Ровно год спустя, после того как в телеобозрении начальник Управления В. Колосков на всю страну заявил, что прессе незачем привлекать внимание к сделкам, он же, подводя итоги сезона 1987 года, в «Советском спорте» выразился так:

«Совместными усилиями спортивной общественности и прессы удалось оздоровить обстановку в нашем футболе. Прошедший чемпионат не дал повода для сомнений: много в чем можно было упрекнуть клубы, но не в отсутствии боевитости и азарта в игре».

Вот какой поворот, какое «фигурное катание»! И прессе — поклон. Верно, создалось впечатление, что сезон 1987 года был чуть благополучнее предыдущих. Откровенный и резкий обмен мнениями в печати, как видно, озадачил, предостерег ловчил. Тем не менее с заявлением, что «враг бежит, бежит, бежит», спешить не следовало. Эта скороспелая победная реляция сродни прежнему отказу считаться с общественностью, в том и другом варианте видно старание представить положение благополучным. Не верится, что укоренившаяся выгодная практика легко и просто, одним махом, может быть побеждена.

В ходе дискуссии Олег Блохин искоренение договорных игр связал с реорганизацией, с отказом от полулюбительства. Вообще говоря, честности вынужденной, обусловленной, навязанной веры мало. Видимо, Блохин, всего наглядевшись (сам забивал голы обусловленные, без сопротивления), да и будучи человеком подначальным, зависимым, не представлял иного выхода, чем «меры». Остановимся на его призыве к отказу от полу любительства.

Тут во весь рост поднимается тема совсем уж запретная в далеком и недалеком прошлом.

После турне зимой 1945 года московского «Динамо» по Великобритании была выпущена брошюра под названием «19:9». Из нее можно узнать, что А. Хомич, С. Соловьев, В. Трофимов — токари, Н. Дементьев — слесарь, М. Семичастный — техник-строитель, Е. Архангельский — модельщик по дереву, Б. Орешкин — слесарь-лекальщик, И. Станкевич — инженер-путеец, В. Блинков — инструктор физкультуры. Для остальных профессий не сыскали.

Я заглянул в брошюру, потому что помнил, как болельщики сорок с лишним лет назад посмеивались, читая эти сведения. Уже тогда мы не верили, что футболисты—слесари и токари, в наших глазах было больше чем достаточно того, что они мастера игры.

Отнесемся с пониманием: выходя на международное поприще, никто не знал, как держаться, как себя вести.

Год спустя после динамовского турне советская секция

футбола вступила в ФИФА. В 1957 году сборная включилась в розыгрыш чемпионата мира, вскоре — в чемпионат Европы, затем клубы начали играть в европейских турнирах, войдя равноправно в регулярные контакты с профессиональным футболом. (В Англии профессиональные клубы созданы более ста лет назад, в 1885 году.)

Если полистать трудовые книжки мастеров футбола, то там запись — «инструктор физкультуры». Иначе говоря, футбольный труд не был признан.

А он существует, и очень давно, с довоенных времен. Труд нелегкий, связанный с лишениями, со сложностями семейной жизни, рискованный, с угрозами травм, с необходимостью постоянно доказывать тренерам свое соответствие требованиям, и — что особенно его отличает — временный, с двадцати до тридцати, когда от нависающего вопроса «Как жить дальше?» не уйти.

Коль скоро труд этот, подводная часть которого невидима, трудом официально не назывался, немудрено, что о нем создавалось искаженное представление: «Подумаешь — футбол, гоняют мяч в свое удовольствие, купаются в славе, разъезжают по заграницам, деньги лопатой гребут, машины и квартиры им подай, а они еще недовольны». Не знаю другого занятия, которое вызывало бы такие кривотолки, как футбольное. На протяжении долгих лет если кого и разоблачали, то мастеров футбола. Это дозволялось. Да и защитить некому, кто они такие, эти футболеры? Раз любители, то и все их претензии незаконны и капризны. Вот уж кто был «легкой добычей» для фельетонистов, так они.

Если побеждали — мо-лод-цы, а проигрывали — ясное дело, дармоеды и бездельники.

На моих глазах начальник «Спартака» Николай Петрович Старостин, со свойственной ему педантичностью, подсчитал, что за 1984 год спартаковцы провели дома всего 69 дней. Однако это красноречивое свидетельство тогда опубликовать не удалось, действовали запреты. Они касались продолжительности тренировочных сборов и многого другого, что могло, по представлению ревнителей любительства, выдать, что мастера ничем, кроме футбола, не занимаются. Старание тщетное, секрет полишинеля, достаточно было познакомиться с расписанием матчей с марта по декабрь, с зарубежными турне после сезона и с товарищескими встречами перед сезоном, и ясно, что ни на какую другую деятельность у мастеров времени не оставалось. Узаконенное вранье и плодило неуважение к футбольному труду.

Меня всегда удивляло, что в футболе не принято считать

деньги. Прямо-таки напрашивалось ежегодно публиковать сумму расходов и сумму доходов. Бюджет существует, но и он секретен. Вот и шли годами беспредметные толки: одни твердили, что футбол, народная игра, обходится народу в немалую копеечку, а другие — что на прибыли от него весь спорт держится.

Мне приходилось на международных турнирах юношеских команд исполнять обязанности руководителя делегации, а значит, и казначея. Я привозил в Москву чеки на несколько тысяч долларов, а однажды мне выдали наличными, я набил все карманы и пришлось, чтобы не искушать заграничных воров, в жару ходить в плаще. Эти суммы, разумеется, не идут в сравнение с теми, которые причитаются за выступление команд мастеров и уж тем более сборной на чемпионатах мира и Европы.

Разговор полагалось бы вести с калькулятором в руках, но невозможно: нет данных. Однако сведущие люди настаивают, и я им верю, что футбол, самостоятельно существующий, был бы рентабелен.

Уже одно это должно заставить уважать футбольный труд.

Да и как поверить, что зрелище постоянное, наравне с театром, кино, цирком, эстрадой, способно устоять, не будучи гарантировано квалифицированным трудом? Это не говоря о том, что наши команды на стадионах всего мира конкурируют с футболом, издавна открыто называющимся профессиональным. И когда нам приходилось видеть или читать, что наши футболисты либо обыграли профессионалов, либо уступили профессионалам, причем это слово в обоих случаях произносилось с мелодраматическим нажимом, невольно возникало недоумение: «А кто — наши?» Если они любители и выиграли, то выходит, тем профессиональным зря платят деньги, а если проиграли, то остается наших пожалеть. Все это вносило сумятицу в мир болельщиков, искавших и не находивших правду.

И вот среди многих других крутых перемен в обществе настал конец и спортивным лживым сказочкам. Со вздохом облегчения мы стали называть вещи своими именами, как бы пользоваться родным языком, со слова «профессионализм» соскоблена шелуха оскорбительного запрета. Тут же с воинственной радостью обретения долгожданной свободы и с нашими известными наклонностями к переимчивости новоявленные футбольные предприниматели пустились во все тяжкие. И начали с того, что ближе лежит, что заманчивее, — коммерции. Замелькало: доходы, покупка, продажа, спонсоры, контракты, реклама, при клубах — кооперативы, кафе, дискотеки, сувенирный промысел. Ей-богу, порой кажется, что буйная эта деятельность может сделать необязательным выход футболистов на зеленое поле, что они

устроятся и без игры.

Наверное, все это постепенно войдет в берега. И новые формы правления приживутся. Как бы ни были благоприятны сами по себе все эти перемены, осуществлять их предстоит определенному кругу лиц. И оглядываешься по сторонам, и диву даешься: где же они, талантливые антрепренеры, функционеры, президенты, столь сейчас необходимые? Как видно, долгие годы, особенно семидесятые, прожитые людьми футбола в иждивенчестве, молчком, с тайной хитрецой, в отстаивании крохотных, по преимуществу личных, интересов, не способствовали разнообразию выдвижений. Ведь и тренеров-то, завоевавших себе твердую репутацию за те же годы, раз, два и обчелся.

С вниманием, которое я назвал бы напряженным, были приняты сообщения о том, что сначала «Днепр», чуть позже киевское «Динамо» преобразованы в хозрасчетные футбольные клубы. Им нельзя не желать успеха. Сдюжат ли? Одолеют ли неминуемые бюрократические рогатки? В киевском «Динамо» дело возглавил Валерий Васильевич Лобановский, давний, убежденный сторонник профессионализма и самостоятельности. Математик, организатор, упрямец, хват, имеющий под началом команду прочную, в сравнении с другими редко страдающую от конъюнктурной морской болезни, устойчиво собирающую зрителей, Лобановский, как мне представляется, едва ли не эталонно выглядит тем человеком, которому по плечу реформы. Так появился в нашем футболе объект, заслуживающий, чтобы за него мы «поболели» всем миром.

Вернемся к заявлению О. Блохина. Как вы помните, он связал искоренение договорных матчей с введением профессионализма, ибо в этом случае, как ему думается, клубы будут заинтересованы во внимании зрителей, ибо сомнение в истинности обещанного зрелища их число убавляет.

Неспроста в странах, где давно заведен профессиональный футбол, федерации и хозяева клубов стоят на страже добропорядочности (можно сказать и иначе — доходности) игры. Чего стоит дисквалификация на два года знаменитого итальянца Росси за подозрение в сговоре, того самого Росси, который, отбыв наказание, стал героем чемпионата мира 1982 года! И наоборот, в тех странах, где футбол полупрофессионален (Венгрия, Чехословакия, Польша, Болгария), то и дело возникали громкие скандалы из-за махинаций.

Договорные матчи расцвели не сами по себе, они, как любая халтура, как любое нечестное деяние, сигнализируют о неблагополучии в организации дела.

Я с любопытством читал отклики на статью в «Огоньке». Некоторые болельщики, попривыкнув, как видно к странным результатам (они же, как правило, идут на пользу командам, поправляют их положение), не столько протестовали против самого явления, сколько сосредоточились на отводе подозрений от «своих» и на упреках в адрес «других». Почта доставила и исторические экскурсы, где ставились под сомнение матчи, сыгранные даже сорок лет назад. Уж и не знаю, не хотели ли эти исследователи доказать, что футбол извечно жуликоват и нечего придираться? Если это допустить, то чего ради они хранят к нему интерес, что же тогда их в нем привлекает?

Одно из правил репортерства — не уклоняться, принимать вызов.

Исследователи кивают на чемпионат 1947 года, когда в его конце ЦДКА и московское «Динамо», оспаривающие звание чемпиона, заботились о соотношении забитых и пропущенных мячей. Сначала динамовцы выиграли у тбилисцев на их поле 4:0, что давало им хороший запас, однако армейцы победили «Трактор», и тоже на его поле, 5:0 и заняли первое место. В ту пору я был далек от футбольных кругов, пользовался лишь общедоступными сведениями. М. Мержанов, осведомленный в силу своего служебного положения, в книге «Еще раз про футбол» к обоим этим матчам отнесся с недоверием.

Когда много позже у нас с Борисом Андреевичем Аркадьевым зашел разговор о тех событиях, он с горечью произнес: «Обидное недоразумение, что был пущен слух о нашем соглашении с «Трактором». У меня сердце остановилось, когда один из сталинградцев ахнул в нашу штангу». Аркадьеву нельзя не верить — такой он был человек.

Сейчас, ознакомленные с разнообразными новейшими методами, мы вольны допустить, что обошлись и без тренера. Сами футболисты уже на поле могли вступить в переговоры, приведя доводы: «Вам ничего не светит, а для нас результат всего года».

Нет, я не имею никаких оснований сомневаться в истинности итогов тех двух матчей: и ЦДКА и «Динамо» в ту пору были на голову сильнее остальных команд, могли кого угодно переиграть с крупным счетом. Просто сама ситуация была исключительной, небывалой. Чтобы она не повторилась, во избежание кривотолков, и ввели дополнительный матч за звание чемпиона в случае равенства очков.

Припоминаю пересуды на трибунах по поводу еще двух матчей: в 1951 году «Спартак», как тогда говорили, «помиловал» «Торпедо», а в 1957 году то же самое будто бы сделало «Динамо»,

уступив «Локомотиву». В обоих случаях и «Торпедо» и «Локомотиву» угрожал вылет из высшей лиги.

Об этих четырех матчах и вели речь исследователи. Если допустить, что все так и было, как поговаривали, то, разумеется, «товарищеские» побуждения не спасают тех, кто поддавался. Исследователи вправе быть злопамятными.

Предположим худшее: четыре сомнительных матча. Но ведь — за десять лет! Явлением не назовешь, процент ничтожный. Уродливые исключения — да. Смалодушничали, поступили некрасиво. Но и не «холера»!

Беда навалилась в облике эпидемии. Не стихийной, безотчетной, а намеренной имеющей, с позволения сказать, и практическое и теоретическое обоснование. Заметьте, произошло это в годы, получившие наименование «застойных», когда повсюду в ходу были приписки.

Не исключено, что кому-то из читателей покажется, что сговорам автор уделяет чрезмерное внимание. Одно скажу: если бы вокруг футбола громоздилось столько непотребных слухов в предвоенные годы, когда я с друзьями записался в болельщики, мы бы не связали с ним свою жизнь, интерес испарился бы, съеденный брезгливостью. Поэтому и не мыслю себе будущего футбола без чистоты нравов.

Вынужден оговориться, что и самому журналистскому подразделению требуется бдительность.

Вел я острый разговор с представителем футбольного клана, и вдруг он в ответ на мои обвинения, отведя в сторону глаза и понизив голос, произнес:

— А ведь иной раз то, как пишет журналист, зависит от приема, оказанного ему в команде...

Собеседник был слишком тертым калачом, чтобы назвать имена. Футбольные практики осторожны, они на тропе войны, ни одна веточка не должна хрустнуть под ногой. «Мне еще работать» — так они выражаются. Это репортерам пристало лезть напролом, через кустарник, не боясь себя обнаружить.

Ядовитая реплика оборвала наш разговор. Он, наверное, остался доволен собой: сравнял счет. Меня же его глухой анонимный намек вынудил трудно задуматься. И припомнить, что в самом деле такой-то журналист неведомо почему годами ездит в командировки по одному и тому же маршруту, другой преувеличенно расписывает победы клуба, а когда провал — умолкает, третий всеми силами, рассудку вопреки, выгораживает тренера, не имеющего заслуг...

Что ж, как видно, приходится считаться и с попытками втаскивать репортеров в «сферу влияния». Это осложняет наши

задачи, но не меняет их.

В 1987 году грянула дисквалификация на шесть матчей стадиона в Ланчхути за хулиганское поведение зрителей. В том году беспорядки полыхали еще и в Киеве, и в Вильнюсе.

Всезнающий болельщик, исследователь, тут же подскажет, что трибунные эксцессы возникали и в далеком прошлом, на стадионах Москвы и Ленинграда. Верно. Но их периодичность была, как и у сомнительных матчей, раз в десять лет, они воспринимались подобно вскинувшимся тайфунам, тут же бесследно исчезавшим. Да и были они нечаянными, без вожаков, без тайной изготовки — прямой горячей реакцией либо на бесстыдное подсуживание, либо на вспышку грубости на поле.

Напрашивается, что современные юнцы — они и есть заводилы — впали в грех обезьянничанья сверстникам из Англии, ФРГ, Голландии, Италии, уже несколько лет организованно избравшим стадионы для буйства и побоищ, чем вгоняют в трепет публику, полицию, футбольные власти и министров.

Не намерен брать на себя лишнее, сам бы с превеликим интересом прочитал изыскания на сей счет психологов, социологов, руководителей молодежи.

Но и без того репортеру есть к чему приложить руку. Свою долю ответственности за состояние умов и эмоций несет и футбольный отряд.

Прежде расскажу одну историю.

Был я на представительном международном юношеском турнире в Монако в качестве руководителя делегации. Поступило приглашение: «Вас, тренера и доктора просят на ужин по случаю шестидесятилетия тренера». Подготовили подарок и отправились. Я ожидал увидеть за ужином представителей всех восьми команд, участвовавших в турнире, но недосчитался половины. А надо заметить, виновник торжества — человек известный, с европейским именем. Мой журналистский интерес был задет. Когда ритуальный контур вечера потерял строгие очертания, я подсел к юбиляру со своим вопросом. Хотя и понимал, что выбор приглашенных — его личное право, но что-то меня подталкивало спросить. И ответом был следующий монолог:

— Знаете, когда вся жизнь отдана одному делу, смотришь на него и так и этак, со всех сторон. Сегодня выиграл, завтра проиграл — это обычное. Есть и другие вещи. Футбол очень разный, не все, правда, это видят. Например, когда мы играем с вашими, советскими, командами, я думаю об игре и ни о чем другом. Да, могут быть столкновения, опасные приемы, травмы, на то и футбол. Но я знаю, ни ваши ни наши не станут симулировать, умирать как в театре, вставать на колени и

призывать бога в свидетели, бить по ногам, когда судья отвернется, оскорблять, мстить, обращаться к трибунам с разведенными руками, чтобы пожалели, возмутились и поддержали. Так я и привык делить людей и команды. Для одних — футбол порядочный всегда и во всем, а от других не знаешь, чего ждать. Мы — практики, мы молчим, да и не скажешь, толку никакого, один скандал. Но в голове держим. Так, вот, сегодня у меня в гостях люди порядочного футбола. Разве не имел я права собрать тех, кому доверяю? Это же не официальный прием. Можете быть уверены, то, что я сказал, известно всем тренерам, только одни согласны, а другие конечно будут отрицать...

Я сознательно не называю приглашенных и отсутствовавших: не ровен час УЕФА заявит протест по поводу именинного обособления. Большой новости монолог в себе не содержал, я имел возможность увериться, что нашим командам исстари свойственны открытость, порядочность, простота. Но получить подтверждение, что все это подмечено другими, было приятно.

Не ради обольщения рассказана история. Скорее наоборот. Вспомнилась она в связи с подступившим неблагополучием.

Известие небывалое и неожиданное: дисциплинарная комиссия УЕФА наложила денежный штраф в швейцарских франках на нашу федерацию по докладу комиссара матча сборных ГДР — СССР, проходившего в рамках отборочного турнира чемпионата Европы. Чехословацкий судья Кршнак предъявил желтые карточки Алейникову, Михайличенко, Литовченко и Рацу (соперникам — одну), что и дало основание обвинить наших футболистов в недисциплинированности. Оштрафовано было и тбилисское «Динамо» за игру с «Вердером» в розыгрыше Кубка УЕФА, где тбилисцы нахватали пять карточек.

Другой факт, тоже небывалый на наших стадионах. Тбилисский динамовец Арзиани ударил ногой лежащего соперника во встрече Кубка УЕФА с румынской командой. Он был удален с поля, дисквалифицирован на четыре матча. Наказание наказанием, но как же стыдно было это видеть, когда мы с детских лет зарубили себе на носу, что «лежачего не бьют». Выходка дикая. Не сомневаюсь, что ее осудили зрители на тбилисском стадионе. Ну а если бы «номер» был выкинут на чужом стадионе? Предсказать реакцию публики я не берусь.

Надо смотреть правде в глаза: обстановка как вокруг футбола, так и в самом футболе накаляется повсеместно. Можно в деталях не соглашаться с руководящими организациями УЕФА, с ее арбитрами и комиссарами. Однако нельзя не отдать ей должное в том, что она стремится всеми способами, которые имеются в ее распоряжении, остужать обстановку, взыскивая с

виновных. Чего стоит одно устранение английских клубов из розыгрыша европейских кубков за хулиганское поведение болельщиков! Английских клубов, в этих турнирах исполнявших первые роли! УЕФА запрещает проводить матчи на «провинившихся» стадионах либо ставит условием, чтобы не было зрителей и телетрансляции, что бьет клубы по карману. Накладывает штрафы, дисквалифицирует футболистов за грубость и распущенность. Приговоры быстры, ясны, выносятся автоматически.

У нас присмотр за дисциплинарной практикой ведет спортивно-техническая комиссия (СТК) федерации, состоящая из общественников. Насколько могу судить, комиссия загружена, трудится со знанием дела, люди в ней авторитетные. Не в укор ей, а в защиту скажу, что делает она далеко не все и не так, как полагалось бы.

Всем известно, что за два предупреждения игрок пропускает матч. В сезоне 1987 года получили от двух до шести желтых карточек 133 футболиста, а пропустили они 129 матчей. Как же так, что за арифметическая загадка? Это результат того, что дисквалификация полагалась лишь за четное число предупреждений. Если, скажем, в стычке судья наказывал двоих, то тот, у кого это был второй случай, следующую игру смотрел с трибуны, а другой, проштрафившийся в пятый раз, снова выходил на поле. Такой, более чем странный, порядок был навязан сверху.

Наша СТК лишена возможности пользоваться дисциплинарным кодексом, его попросту нет. Едва ли не каждое происшествие становится предметом долгого разбирательства, одинаковые проступки наказываются по-разному, в зависимости от красноречия заступников, а это ведет к обидам. Есть случаи не стандартные, однако, как правило, взыскания должны накладываться по закону и невзирая на лица, что, кстати говоря, ограничило бы вмешательство со стороны.

Не имея кодекса, члены СТК, перечисляя разного рода проступки, о которых им известно, разводят руками и признаются в бессилии.

Игроки сопровождают решения арбитра издевательскими аплодисментами. Чем не провокация? Трибуны бушуют, и арбитр, глядишь, устрашен. Или нажим тренера и его окружения на арбитра, оскорбления, угрозы? Или то, что на скамьях запасных посиживают посторонние люди, а второй тренер тайком пробирается за ворота, подсказывает, хотя это запрещено?

Что если ввести командную желтую карточку? У нас же на каждом матче присутствует нейтральный комиссар. Если команда схлопочет несколько карточек, должны последовать санкции.

Какие? Да хотя бы перенос матча на другой стадион. Но обязательно надо, чтобы мера эта была предусмотрена кодексом и о ней все знали бы наперед.

Так сложилось, что тема дисциплины, порядка, морали решается преимущественно с помощью статистических выкладок, от которых у читателя голова идет кругом. Нам преподносят, что в чемпионате 1986 года было сделано судьями 208 предупреждений, а в 1987 — 238. Разболтались? Или, напротив, судейство стало взыскательнее? Цифр сколько угодно. Фамилий меньше. Комментариев и совсем мало.

До сих пор нет единой точки зрения по простому вопросу: хорошо или плохо, если судьи чаще выносят взыскания? Одни пугаются, объявляют положение тревожным, косо смотрят на судейскую коллегию. Такая трусливая реакция выдает ревнителей показного благополучия. Желтые карточки как желтый глаз светофора. Как без него?

Только и слышишь, только и читаешь про потери из-за травм. Не одна грубая, опасная игра тому виною. Но достаточно случаев, когда травмы нанесены в результате запрещенного приема. Почему бы врачам команд не представлять донесения, эпизоды ведь у них в памяти? Игроков, пропускающих матчи из-за травм, мы знаем, а виновники безымянны.

На протяжении нескольких лет Андрей Петрович Старостин и письменно и устно, с присущей ему образностью, восставал против «разящего» подката сзади, срезающего «под корень» и игроков, и саму игру. Его предостережение продолжает звучать как слово из духовного завещания благородного служителя футбола. Тем более оно весомо, что принадлежит не неженке, а первостепенному храбрецу.

Тема честности и корректности — из вечных. Мы в своем почитании звезд намеренно поминаем джентльменство Г. Федотова, Н. Симоняна, Э. Стрельцова, И. Нетто, В. Воронина, Б. Пайчадзе, А. Гогоберидзе, К. Бескова, А. Шестернева, А. Чивадзе. Нам доставляет особую приятность отозваться об увиденном матче, как о корректном.

Когда «вулкан» на трибунах проснулся, когда пришлось платить валютные штрафы, наш футбольный правопорядок оказался застигнутым врасплох.

Пришлось срочно вносить в Положение о чемпионате пункт об ответственности стадионов. Футбольные власти слишком долго поживали безмятежно, полагая, что все отрицательное — «у них», а к «нашим отдельным проявлениям» позволительно относиться со снисхождением. Но это, как мы говорим, инерция старого мышления. В футболе заимствуют и перенимают не одни

тактические идеи. Густая сеть международных турниров накрыла собой сразу всех, и в тесноте, в сближении неминуема подражательность, в том числе и идущая во зло. Ничего не поделаешь, к этому полагается быть готовым, чтобы уберечься. Наш футбол издавна отличают многие достоинства. Но обольщаться тем, что он устоит в любых передрягах, более чем наивно. Сейчас не тактические и не учебные аспекты тормозят и мучают, а нравственные, те, что когда-то не внушали беспокойства.

Судейский вопрос, хотя и он из вечных, перед лицом возникших осложнений приобретает повышенную актуальность. После долгого затишья наконец судейский муравейник был потревожен, происходят перемены в его подземных ходах.

Но вот новенькая черточка. Целый ряд матчей проходит ныне в ожидании, когда же судья даст пенальти в ворота приезжей команды. Такой перекос интереса не назовешь привлекательным: что же это за игра, когда все надежды связаны с жестом судьи в сторону лысого пятнышка напротив ворот?! Тем не менее для подобных примитивных чаяний есть основания: в чемпионате 1987 года из 73 пенальти 56 били хозяева поля. Львиная доля! Хотя поручиться, что во всех случаях «львы» получали то, что причиталось, трудно.

Каждый из наблюдающих за футболом видывал сотню, а то и не одну, пенальти. Не знаю, как другие, а я те удары, которым становился очевидцем, делю, с точки зрения законности, на три разряда: бесспорные; спорные, когда можно назначить, а можно и не назначить; и, наконец, вздорные, высосанные судьей из пальца. Понятно, что пенальти третьего разряда — это происшествие, скандал. Напомню для иллюстрации, как в матче «Торпедо» — «Динамо» (Москва) в чемпионате 1989 года одиннадцатиметровый в ворота динамовцев били после того, как в их штрафной площади столкнулись и упали... два торпедовца. Как анекдот — недурно, да только динамовцам не до смеха. Но подобные случаи все же редкость, о них, как о диковинках, вспоминают и много лет спустя. О бесспорных вообще говорить не принято.

Споры, как и полагается по названию, вскипают вокруг «спорных». И тут мы сталкиваемся порой с удивительными сообщениями. Один пенальти в том же чемпионате, решивший исход важного матча, был подвергнут особенно тщательному исследованию группой экспертов из 11 (целая команда!) лучших арбитров. Результат голосования: пять согласились с назначением, четверо отрицали, двое воздержались. Что должны подумать по этому поводу мы, люди, так сказать, штатские, не

носящие на груди красивых судейских эмблем? На мой взгляд, арбитр высокой квалификации просто не позволит себе балансировать на грани спорности, к чему ведет большей частью грех чисто формального истолкования эпизодов.

В футболе, как и в любой игре, придуманной людьми, существуют свои условности. Одна из них та, что штрафная площадь превращена в хрупкую, стеклянную, бьющуюся, где любая провинность может быть наказана жесточайшим образом — пенальти. Тут, как мне представляется, держат экзамен такие качества судьи, как справедливость, такт, чувство меры, ощущение ответственности. Пенальти — сильное средство и тем большей осторожности требует. Вполне возможно, что мое суждение идет вразрез с «методическими указаниями». Тем не менее если прислушаться к голосу совести, то неназначенный спорный пенальти выглядит неизмеримо меньшим по весу деянием, чем назначенный. Никого не учу, ни на чем не настаиваю, просто чувствую, что высшую меру (пенальти и есть расстрел), если бы довелось мне быть судьей, определял бы только в бесспорных случаях, не боясь прослыть либералом. Лучше такая репутация, чем ужасные подозрения в предвзятости, «купленности», которые неизбежно возникают у обиженных, если пенальти спорен.Нашу аудиторию озадачивает разница в трактовке правил зарубежными арбитрами и нашими. Не идеализирую иноземных судей, ошибаются и они. Но вот в матче тбилисского «Динамо» с «Вердером» в Бремене испанский судья дает три предупреждения нашим футболистам за затяжку времени и одно — за умышленную игру рукой. Придирка? А не потому ли так кажется, что нарушения подобного рода на наших стадионах сходят с рук? Понес ли когда-нибудь наказание у нас врач, выбежавший на поле без разрешения судьи? Не помню. А врача тбилисского «Динамо» дисквалифицировали на несколько матчей за такой проступок в игре с румынской «Викторией». Непривычная для нас мера, а резон в ней есть: зрелище «скорой помощи», мчащейся без особой необходимости, возбуждает публику, нервирует, настраивает против «обидчиков».

Тренеры и арбитры состоят в постоянной, ставшей однообразной, перепалке. На заявления тренеров о «неквалифицированном» судействе арбитры отвечают, что обвинения «неграмотны». Противостояние грозит стать безысходным, если стороны не перейдут к спору предметному. Не полезнее ли завести порядок, чтобы тренеры выдвигали конкретные претензии, а арбитры в ответ выдвигали свои истолкования? И пусть бы это происходило прилюдно, с помощью прессы и телевидения. Выиграла бы и аудитория, приобретя

возможность влезать в тонкости игры и судейства, заодно выверяя свою правоту и свои заблуждения. Методика вырывается из узких цеховых рамок, приобретает широкое звучание. В конце концов, благополучие в судействе — это и благополучие игры, и разрядка напряженности в отношениях внутри футбола. И на трибунах тоже.

В репортерской практике мне не раз приходилось критически отзываться об арбитрах. Если же вести речь о так называемой судейское проблеме в целом, то я давно пришел к выводу: есть одна-единственная страшная угроза — предвзятость, иначе говоря подсуживание, или — мошенничество. Все остальное — промахи, зевки, разная трактовка эпизодов—нежелательно, досадно, однако объяснимо и поправимо. А подсуживание — чистой воды насилие над футболом.

У нас все свалили в кучу под названием «плохое судейство». Так удобнее. Удобство мнимое и опасное. Обнаруживая факты неназванного, ненаказуемого подсуживания, аудитория после этого готова и малейшую ошибку добропорядочного судьи считать злоумышленной.Из-за этого ералаша судейство как таковое берется под подозрение, ему придается чрезмерное значение. Едва ли не каждое Поражение на международной арене не обходится без намека на арбитра. Рассчитано на то, что «пожалеют». Однако эти беспредметные намеки срабатывают как мина замедленного действия, которая взрывается неведомо где и когда. С виду спасительная, ставшая прямо-таки официальной, отговорка сеет смуту в умах, болельщики, если не все, то многие, проникаются подозрительностью, и эхо Бремена или Бухареста отзывается громом на стадионах Москвы или Киева.

Трудно сохранять высокое мнение о нашей судейской коллегии. Мне думается, что она развращена преувеличением значения свистка. Еще бы, если верить тому, что говорится и пишется, то ее представителям дано решать судьбу даже не матчей, а чемпионатов, от них зависит, кто войдет в лигу, а кто из нее выскочит, словом, все определяют судьи.

В чемпионате 1987 года ЦСКА потерял очко из-за несомненного недогляда судьи. Было это в самом начале, в марте. Когда же в ноябре выяснилось, что армейцам не хватило очка, чтобы остаться в высшей лиге, все свалили на ту ошибку судьи. Как ловко! Можно забыть, что команда весь сезон играла из рук вон плохо, что после того злополучного матча провела еще двадцать два, а выиграла из них всего-навсего три.

Судей критикуют, проклинают — это на поверхности. А скрытно, невидимо — идут к ним на поклон. И не с пустыми руками. Как судье найти свое место? Иные и не находят. А те, кто

находит, должны пройти через испытания и искушения, как святые мученики. Искушают их те же самые лица, которые клеймят.

Обязанностям репортеров ни конца ни края не видно, их поле битвы не очертишь белыми линиями. Да и о сроке службы наперед не условишься. Сколько бы мы ни писали об одном и том же, хоть двадцать, хоть тридцать лет, полагается не уставать от повторений, не отчаиваться, сохранять свежесть чувств, свежесть гнева.

Наши верные слова могут сегодня не принять, поставить нам в вину, предпочтут им другие — «уместные», «тактичные», «дружественные». Но что верно, то всегда верно, рано или поздно спохватятся, вернутся. И не важно, вспомнят ли, когда и кем было произнесено. Ради этого репортеры и идут сегодня на риск.

Как-то раз в «Футболе — Хоккее» мы опубликовали статью румынского тренера Стефана Ковача, в которой он провозглашал свои взгляда на последние футбольные моды. Спустя несколько дней мне позвонил Борис Андреевич Аркадьев:

— Не подумайте, что я с упреком. Однако считаю своим долгом поставить вас в известность, что Ковач, если не ошибаюсь, года четыре назад присутствовал у нас в Москве на семинаре, на котором я имел честь выступать. Многое в его статье я не могу назвать иначе как заимствованием. Не удивлен: мы всегда отличались транжирством идей. А за него рад — не зря к нам наведывался. Насколько могу судить, хороший тренер, команду свою ведет толково...

Вины за мной не было. Мое смущение, когда я не знал, что и ответить, было вызвано скорее удовольствием, чем неловкостью. Аркадьев преподнес урок скромного достоинства.

То и дело встречаешь выражение «футбольный романтизм». Должен сознаться, я не понимаю, что этим хотят сказать. Быть может, подразумевают игру красивую, в противовес «реализму» — игре упрощенной, основанной на силе и скорости? Или романтиками считают тех, кто плохо считает очки и места? А однажды было так. Пожаловался я собеседнику, из тренеров, что надоело слушать пересуды про договорные матчи, и в ответ услышал: «Неужели вы не видите, что время романтического футбола ушло?»

Странно выделять в футболе романтическое течение, когда он сам по себе не что иное, как романтическое зрелище. Люди тянутся к нему после трудов праведных, от невзгод, нездоровья, хранят его в воображении, по пути на стадион рисуют фантастические картины, а уходя со стадиона, преувеличенно преподносят то, что видели. Мне не однажды удавалось прибегать

к футболотерапии, избавляться от нездоровья, от гнетущих мыслей переключением на размышления о предстоящем туре чемпионата, о его последствиях, о том, как могут сложиться матчи. Сначала это делалось ненамеренно, а потом стало приемом. И помогало.

Я бы рискнул выразиться так: у футбола-зрелища всего-навсего одна задача — быть таким, каким его хотят видеть зрители. Тем не менее природа его воздействия на огромнейшие аудитории — загадка. Футбол остается необъясненным и как бы невменяемым, с ним ни у кого не возникает желания связываться. Те, громко говоря, научные силы, которые к нему привлечены, заняты узкими, практическими целями — физиологией, методикой, режимом, медициной, чуть-чуть психологией.

Достаточно ли о футболе отозваться — «игра»? А ведь к выходу на арену он готовился по всем правилам искусства. Годами подбирается труппа—сочетание одиннадцати игроков, и далеко не всегда поиски завершаются успехом, нескончаемы репетиционные занятия, общими усилиями иод началом тренера задумывается образ действий.

Что в этом образе, только 4 — 4 — 2? Пусть две команды повторят друг друга в тактике, будут равны технически, с равным запасом натренированных сил — ни за что они в наших глазах не станут одинаковыми. Мы различим у них колебания настроений, волю свободную или волю подавленную, душевную уязвимость или полное самообладание. Мы увидим в той и другой разных людей с одинаковыми номерами на спинах, и эти разные люди внесут в игру что-то свое: один окажется не больше чем аккуратным службистом, другого осенит, и он затеет непредусмотренное, спутает карты. Хорошие команды и сильные игроки обязательно выражают себя как человеческое сообщество и как личности.

Все, что в футболе задумано и создано за кулисами, испытывается и реализуется в открытом конфликте с противником. И делается это в форме игры. Игра — форма, с помощью которой, в русле которой футболистам надо показать и выразить себя. Аудитория, следя за игрой, оценивает действия людей: как-то они покажут себя в конфликте, в запутанной ситуации.

И что тогда футбол, если игра — форма?

Много лет у меня ушло на изучение игры. Этого требовала работа в спортивных изданиях — «Советском спорте» и «Футболе —Хоккее». Там свои требования, там в чести репортеры и редакторы, умеющие влезть в чисто спортивную суть происходящего. И чем больше знаешь, тем тверже пишешь. Там

принято избегать отвлечений, иронически именуемых «лирикой». «Лирик» долго в репортерах не проходит. Репортер до характеров, до судьбы не добирается, в лучшем случае иллюстрирует игру черточками характеров. Он привязан к внешней, технической стороне события, его святая, первейшая обязанность — пересказать, как было дело, выложить свои соображения и оценки.

Конкретность — большая сила, пренебрежение ею наказывается пустотой, когда самые звонкие, возвышенные слова лопаются мыльными пузырями. Если автор чересчур отвлечется и, как ему кажется, вознесется над полем, его перестанут понимать заядлые чтецы футбольной прозы. Она, эта проза, знает такие попытки. Проверено: ежели на какой-то турнир почему-либо выезжает журналист, знания которого приблизительны, он ударяется в пейзажи, интерьер, погоду, в подслушанные на ходу разговоры. Репортеры- знатоки, встречаясь с такими сочинениями, фыркают и кривятся, их коробит.

Человеческое содержание футбольного конфликта репортеру не то чтобы не по зубам, ему просто-напросто некогда о нем подумать. Да его и не поощряют.

Вспомним мастеров, которых в последние годы сами же репортеры избирали лучшими за год: Р. Шенгелия, Р. Дасаев, Ф. Черенков, Г. Литовченко, А. Демьяненко, А. Заваров, О. Протасов. Уж о них-то написано больше, чем о других. А что осталось в памяти? Разве что история выхода в мастера, признательность тренерам, партнерам, кое-какие взгляды на игру, на положение вещей в футболе. Это вроде переписи футбольного населения, где вопросы одинаковы, вариантов нет. Утолена элементарная любознательность, а знакомство не состоялось. Да и наловчились (с нашей помощью) мастера о себе докладывать, держат в уме наготове рассказы других, ими прежде читанные.

Один тренер, с которым я вольно, не для работы, беседовал дважды на протяжении нескольких лет, оба раза делал одинаковое предварительное заявление: «Только учтите, что материальные вопросы у меня решены...» Ему казалось, что тем самым он преподносит себя человеком, для которого интересы футбола существуют в идеальном виде. Разговор шел, а у меня из головы не выходило его заявление, мне не верилось, что человек, который решил свои материальные вопросы, мог остановиться и ограничиться. Да и с какой стати он напирал на свою независимость от материальной стороны? Хотел заранее отвести возможные обвинения? Но я и не собирался их предъявлять: какое мне дело до его приобретений? И мне казалось, что мы говорим на разных языках, я все равно подозревал, что разгадка этого

человека таится именно в этом заявлении, а не в его пространных суждениях о тактике и стратегии.

Репортеры привычно толкуют, что тренер должен быть личностью, это стало общим местом. Что это означает, как расшифровывается? Почему у К. Бескова, пришедшего в «Спартак» в 56-летнем возрасте, получалось, а у О. Базилевича и Ю. Морозова, в расцвете лет, да защитивших диссертации, нигде не получается? В чем секрет успехов самого титулованного из тренеров — В. Лобановского? Как могло случиться, что футболисты «Зенита» отказали в доверии тренеру П. Садырину, с которым стали чемпионами? Догадок, версий сколько угодно, земля слухами полнится, а ясности нет. Точнее сказать, нам недосуг ее поискать.

Летом 1987 года в Лужниках динамовцами Киева и Минска был сыгран финал Кубка. Выдающийся финал! И замелькало: «Матч держал в напряжении до самого конца», «Захватывающая встреча», «Похвалы заслуживают обе команды». Были, как водится, отмечены и ошибки: то, что минчане преждевременно дрогнули на радостях, ведя в счете, никчемные замены игроков их тренером. Для газетного отчета—достаточно. А я все ждал, что найдется смельчак и изобразит финал во всей его красе, со всеми поворотами, со всем, что выпало пережить игрокам, тренерам и зрителям. Драма, которую не придумаешь и не повторишь, как писали в старину на театральных афишах — «Только одно представление!». Но матч, хоть и поощренный, остался в кипах хроники, где состарится и будет забыт. И мы лишились возможности узнать, каков футбол в свои звездные часы.

А что мы знаем о киевском «Динамо» в его исключительных сезонах 1975 и 1986 годов? Или о том, как прожил «Спартак» с 1979 по 1987 год, когда девять раз был призером? И разве мы не ощущаем конспективность и недосказанность даже в пространных свидетельствах о Льве Яшине и Олеге Блохине — людях редкостной судьбы?

Все радости и беды футбола зависимы от людей. Репортерам это известно, но говорят они об этом впопыхах, вскользь, после побед, с помощью прилагательных в превосходных степенях, которые давно доверия не вызывают. Наивно полагать, что футбольная одаренность — свойство исключительно физическое. Одаренность, как лампа, загорается, когда включены человеческие качества. В общей форме — понятно, но зависимость так и существует в общей форме.

Не знаю, каким станет репортаж спустя полвека (да и как будут выглядеть газеты, тоже неизвестно). Но направление, которого ему не миновать, проглядывает и сегодня, в строчках, а

больше между строк.

Слишком влиятельны и многоречивы желающие обезличить футбол, представить его атлетической геометрией. Угрюмо и скучно тренеры повторяют: «В нашей команде не принято кого-либо выделять, если проиграли, то все виноваты, а выиграли — коллективная заслуга». На той же унылой волне они уверяют, что победа — это выполненное игроками задание, а проигрыш — невыполненное. Пусть бы разбирали это на производственном совещании, а не перед всем светом, неужели же мы сходимся следить за выполнением заданий, неужели поверим, что мастера на поле как школьники за диктантом?

А какой скукой несет от изобретенной в чиновничьем рвении сортировки турниров и матчей на «главные» и «этапы подготовки». Словно хотят у нас отнять удовольствие и низвести зрелище до ничего не значащего пустяка. Мы не хотим верить, что встречи сборной с командами Швеции или Италии шутейные, а нас уверяют, что они — «этапы».

Или еще одна молитва «за упокой»: «Не имеет значения, как мы играли, игру забудут, а ноль в таблице останется». Все поставлено с ног на голову. Игра изображена занятием напрасным и тщетным, а нулю придан облик скорбного гранитного монумента на века. Только прожженный практик, не верящий ни самому себе, ни завтрашнему дню, способен так обкорнать дело, которым занимается. Он погряз в табличном промышлении, ему невдомек, что зрители на стадионе запасаются не очками, а картинами, которые помнят и берегут годами, что хорошей игрой побеждают публику.

И вдруг, прорвавшись сквозь деловую монотонность, всплыл прелюбопытнейший вопрос, поднятый болельщиками. Было установлено, что в матчах «Спартак»— «Днепр» и «Динамо» (Киев) — «Днепр» в ворота днепропетровцев судьи ошибочно назначили одиннадцатиметровые удары. Удары нанесли спартаковец Ф. Черенков и динамовец И. Беланов, и оба — в цель. Тогда у некоторых зрителей и возникла мысль: «А что бы этим футболистам отказаться бить пенальти? Вот было бы благородно!»

Прекраснодушная наивность! Прекраснодушие в том, что людям грезится в футболе рыцарство, они мечтают о поступках безукоризненных, хотят видеть своих героев готовыми пострадать, принести жертвы ради истины. Право же, в пору, когда провозглашен сугубо практический подход к футболу, такая высокая мера требовательности восхищает.

В чем же наивность? Кроме правил, футбол подчинен еще и моральным установлениям. Одно из них: с судьей не спорят,

судья всегда прав. Оно действует безоговорочно, хотя заведомо известно, что судья всегда прав не бывает, вернее сказать, и не может быть всегда прав. Оно действует именно потому, что судья ошибается: игра выйдет из повиновения, если футболистам позволят его за это судить. Это всеобщее стародавнее установление не знает исключений. Его с первых шагов вдалбливают мальчишкам. Да и мы с вами негодуем, если вдруг игроки окружат судью, галдят, размахивают руками, причем не думая, правы они или нет.

Иначе футболу не прожить, иначе ни один матч не будет доигран до конца. Самый лучший судья то и дело неверно назначает то аут, то корнер, то штрафной, но это мгновенно забывается, как мелочь.

Вспомним матч СССР — Бельгия на XIII чемпионате мира. В основное время — 2:2. Сгоряча наши комментаторы заявили, что оба мяча в ворота советской сборной забиты из положения вне игры. Спустя некоторое время, после телевизионных повторов, один мяч признали правильным. Криминальным остался второй, забитый Кулемансом. Знал ли опытный бельгийский форвард, что убежал в прорыв не по правилам? Думаю, что не знал. Во всяком случае, он не считал себя обязанным за этим следить, на то есть судьи. И хладнокровно отправил мяч в сетку.

Были произнесены и напечатаны полагающиеся в таких случаях резкие слова в адрес судей. А чуть позже вспомнили и о другом: о том, что наши защитники даже не пытались помешать Кулемансу, сами установили, что он в офсайде, и ожидали свистка. Теперь счет был предъявлен им: они нарушили то самое установление, что один судья осуществляет власть, а игрокам полагается вести борьбу, а не судить по своему разумению. Случай, кстати сказать, не единственный в практике нашей сборной.

Обидно терпеть из-за зевка судьи. Но ничего другого пока не предложено. Тренер сборной ФРГ, в прошлом игрок экстракласса, Беккенбауэр после финального матча его команды со сборной Аргентины, проигранного 2:3, заявил, что, по его мнению, один из мячей аргентинцы забили из офсайда. Глаз у него наметан. Но разве кто-нибудь его слушал?!

За годы выступлений мастера держат в памяти случаи, когда страдали из-за ошибок, офсайда или пенальти. И привыкают к тому, что всем выпадает на долю либо терять на судейских ошибках, либо приобретать, все под одним небом, сегодня ты, а завтра я. И бесполезно вдаваться в распри по этому поводу, это одна из реальностей футбола, равная для всех.

Есть и еще одна заповедь: игрок служит команде, общему

делу. Предположим, игрок посчитал, что судья неверно назначил пенальти в ворота противника. А партнеры так не считают. Он откажется наносить удар. Тут же нанесет удар кто-то другой. А в ответ на объяснение, почему он не стал бить, последует реплика: «Забыл, как нам ни за что били месяц назад? Много на себя берешь, ты не один, есть команда».

Да и нельзя пренебречь, наконец, тем простым соображением, что в пылу борьбы игрок, как правило, не способен тут же, как автомат, выпалить «Да!» или «Нет!». Весь он был в порыве «забить!», и как сразу перевоплотиться в объективного оценщика?

Потому и наивно желать, чтобы футболисты брали на себя отмену решений судьи. Неспроста в печатных отзывах частенько употребляется словцо «сомнительный» — про пенальти и про офсайд. Либо был, либо не был. Видеотехника многое способна прояснить. Однако ФИФА строго-настрого запрещает считать ее аргументом: последнее слово за судьей. Вот и живет заповедь: судья всегда прав, с судьей не спорят. И Беланов с Черенковым, забивая «сомнительные» пенальти, поступили, как того требуют законы футбола.

Кажется, сказано достаточно ради торжества здравого смысла. Все же чувствую: если однажды футболист поправит судью к собственной невыгоде, признается, что сыграл неверно, я буду восхищен. Кто-то верно заметил: у аргентинца Марадоны, забившего мяч англичанам движением руки, не замеченным судьей, была возможность обессмертить свое имя, признавшись, отказавшись от гола.

...У футбола есть свойство, которое я назвал бы опережающим знаком. Нисколько не сомневаюсь, что социологи, политологи, если бы не пожалели времени на то, чтобы повращаться в футбольных кругах, поспрашивать, послушать, получили бы уйму любопытных сведений для своих диагнозов и прогнозов. Да и что удивительного, коль скоро большой футбол самым естественным образом, неминуемо соприкасается, смыкается с политикой, экономикой, национальными отношениями. И как я многократно убеждался, футбольные факты, вероятно в силу того, что их как-то не принято скрывать, утаивать, становились знаком недалеких перемен, выходящих за пределы интересов самой игры. Понимаю, что для такого обязывающего умозаключения требуются примеры.

Я уже упоминал о своей поездке в Ворошиловград летом 1972 года. Все шло к тому, что тамошняя «Заря» вот- вот отпразднует свое чемпионство. Перед отъездом я был зван на домашние пельмени к тренеру «Зари» Герману Семеновичу Зонину, ленинградцу, здесь проживавшему на казенной квартире. Человек увлеченный, напористый, громкий,. дома он вдруг притих. Вскоре

я понял, почему. За столом его жена, Нина Максимовна, к слову сказать, майор милиции, но не ворошиловградской, а ленинградской, чуть не со слезами на глазах обратилась ко мне:

— Прошу вас, повлияйте на Германа, пусть уезжает, я бы его хоть завтра увезла, нечего ему тут делать, он как слепой, ничего вокруг себя не видит. Это же плохо кончится...

Хотя и ходили темные слухи о «Заре», все же в тот момент страхи Нины Максимовны показались мне преувеличенными.

Позже, когда была разоблачена коррупция в партийной верхушке Ворошиловградской области и был разжалован первый секретарь обкома Шевченко, покровитель «Зари», я не мог не вспомнить вечер у Зонина и проницательность его жены.....Однажды весной, перед сезоном, я ездил на Черноморское побережье. Жил в Сочи. В воскресенье наметил поехать в Хосту на контрольный матч. Зашел на стадион в надежде на попутную машину. Желающих не оказалось, и я направился к автобусу. И тут крик: «Подождите! Из Хосты позвонили, что на матч пожаловал первый секретарь крайкома Медунов, шефствовавший над «Кубанью». И в один миг, несмотря на воскресный день, все черные «Волги», которые только имелись в Сочи, рванулись в Хосту, одержимые, по Некрасову, «холопским недугом».

Жалкое было зрелище: чуть ли не коленопреклоненно внимали «воеводе» люди, вполне возможно, нисколько футболом не интересующиеся, а когда все они повторяли его жесты, вслед игре, то это уже был чистейший фарс. До Медунова мне дела не было, я думал о том, что при таком «хозяине» «Кубани» не сдобровать. Ну, а при желании не трудно было представить, каков вообще этот «краевед» и чего от него ждать.

...В 1960 году, в Париже, вечером того дня, когда сборная СССР выиграла Кубок Европы, я сидел в номере гостиницы вместе с руководителями и тренерами. Общее настроение можно было выразить коротко — потирание рук в предвкушении похвал и торжеств. И тут стук в дверь. В комнату тихонечко, даже робко, не вошли, а проскользнули, как позже выяснилось, депутаты от победителей. Если мне память не изменяет, были там Нетто, Яшин, Масленкин. Они помялись, опустив глаза, потом один из них, решившись, выдохнул, видимо, заготовленную фразу: «Надо бы подкинуть, такая победа...» Им было отвечено: «Ребята, мы за вас, но требуется разрешение из Москвы».

До чего же было неловко за героев Кубка Европы, которых по сей день принято вспоминать в возвышенных тонах, а тогда пришедших с протянутой рукой, ибо причитавшееся им вознаграждение даже мне, сроду не получавшему валютных

премий, показалось несуразно бедным. Можно посочувствовать мастерам, а с другой стороны, разве не угадывается за этим тот нищенский оборот, в который были взяты мы все.

...В 1971 году из бакинского «Нефтчи» в ереванский «Арарат» перешел Эдуард Маркаров, чудный, оригинальный форвард. Годом позже из Баку уехал Александр Мирзоян, прочный защитник, которого помнят по бесковскому «Спартаку». На первый взгляд, ничего особенного. Но именно тогда в «Нефтчи» взяли курс на «чистоту рядов». Этот с позволения сказать курс обернулся для азербайджанского клуба потерей места в высшей лиге, да и до сего дня он себя так и не нашел, тогда как ранее, будучи по составу игроков интернациональным, «Нефтчи» котировался высоко. Так что молния, пусть еще без грома, без выстрелов, сверкнула задолго до грозы — над футбольными полями.

Я заканчиваю работу, когда идет чемпионат страны 1990 года. Отказался участвовать «Жальгирис», а две команды Грузии играют в первенстве своей республики. Футбол тут не при чем. А началось тем не менее с него. Промелькнуло в печати, что и на Украине подумывают об отдельном турнире. Делать нечего, пришлось мне взять список команд и прикинуть, каким способен стать чемпионат России. Надо быть ко всему готовым. Но есть надежда — на изумительную жизнеспособность футбола. Множество раз он доказывал, что готов быть выше любых обстоятельств.

* * *

Как свести начало рассказа с окончанием?

Разве что усадить напротив себя, сегодняшнего, в январе 1990 года, себя же, студентика, болельщика довоенной поры. Фантастика, выдумка, между нами полвека, что мы скажем друг другу? А вдруг? Любопытно, как он начнет?

— Какие новости?

Другого вопроса я не ждал: новости прежде всего, душа в нетерпении.

— Тебе повезло, «Спартак» зимует в звании чемпиона. Двенадцатый раз. Перегнал «Динамо». В твое время, в сороковом, они были равны, и, видишь, сколько понадобилось, чтобы перегнать.

— Прекрасно! Поздравляю! Дай пожму руку. Что так вяло? Рисуешься? Все равно не поверю, знаю, что тебя распирает от

гордости.

— Представь себе, нет. «Спартак» взял, что причиталось. Но в игре его было больше от дня вчерашнего, чем от завтрашнего. Вот в 1979 году «Спартак» был чемпионом, обращенным лицом вперед, и сам себе, и людям нравился, обещал, еще не наигрался. Тогда я ему сострадал. А сейчас отдавал должное, без сердцебиения.

— Все равно здорово! Я бы всю зиму нос задирал и хвастался.

— Что значит «здорово»? После сезона я писал для трех газет и одного журнала. Хорош бы был с этим твоим «здорово»! Разумных поводов для восторга не набегало. Футбола я насмотрелся столько, что путаться в оценках было бы стыдно, себя бы перестал уважать.

— Страх как ты важничаешь. Или боишься, что упрекнут за пристрастие? Отступился от «Спартанка»? Кто бы мог подумать...

— Я ждал твоих подкалываний. Постарайся понять и не перебивай. Знаешь, у людей одной профессии заведено спрашивать: что вы кончали? Так я с удовольствием сообщаю, что курс наук проходил в спартаковском лицее. Удачно получилось: большая команда, дальнего плавания, с причудливой судьбой, с интересными людьми, с высокими претензиями, с бесконечными драматическими коллизиями. И сколько «однокурсников» среди журналистов — М. Ромм, М. Мержанов, А. Вит, И. Бару, Ю. Ваньят, А. Перель, В. Фролов, К. Есенин, Н. Озеров, А. Леонтьев, Г. Радчук, Н. Киселев! И не переводятся: есть они и среди молодых. Так что всегда находилось с кем обсудить, дружественно посостязаться во мнениях. В общем, спартаковский лицей дал хорошее образование, привил вкус к футболу высокого класса. Как видишь, я ничего не забыл, нечего меня изображать отступником.

— Не хватало еще забыть!

— Погоди, не спеши. Вот тебе еще новость: многие последние успехи «Спартака» связаны с тренером Константином Бесковым. А он, как ты знаешь, еще в 1941 году связал свою жизнь с «Динамо», играл там до конца, уйму голов назабивал «Спартаку». А как клубный тренер прославился в «Спартаке». Помнишь Виктора Маслова, левого хавбека в «Торпедо»? Так он стал знаменитым тренером, когда вывел на первые роли киевское «Динамо». Ты морщишься, тебе и тут мерещится чуть ли не измена. А это профессия, милый мой, дело. Вот и я после спартаковского лицея поступил на службу репортером. И передо мной оказался сразу весь футбол.

— Предположим. И все равно до меня не доходит: быть с футболом и сердце свое не слышать? В чем же интерес? Не в

стерильности же?

— Так и норовишь царапнуть. Какая там стерильность, смешно сказать. Болельщика в себе не подавишь. И слава богу, иначе что за работа. Откуда тогда возьмется желание пойти наперекор общепринятому, поспорить с авторитетами, усомниться в раздутом достижении, защитить игру, за которой будущее, разгадать обман за респектабельностью? А без всего этого репортеру невозможно. И на все это идешь, рискуя оказаться непонятым, а то и под боем.

— А что, газетчики всегда правы? Не слишком ли торжественную декларацию ты произнес?

— Да, кажется, я злоупотребляю «высоким штилем». Не удивительно, мне ведь приходится перед тобой отчитываться за полвека. Нет конечно: и путаем, и заблуждаемся, и подвираем. Но я бы тебе ответил так: на нас возложена обязанность —судить о футболе как о зрелище, мы заодно со зрителями. Это наш передний край. Тебе это покажется удивительным, но далеко не всегда команды, тренеры и руководители равняются на аудиторию, они легко впадают в грех самонадеянности («лопай, что дают»), погрязают в устройстве своих обстоятельств. И тут мы редко ошибаемся, хотя, может быть, и надоедаем, и вызываем обиды.

— Значит, вместо того чтобы раскачиваться на волнах, ты сидишь в будке и следишь за порядком? Ничего себе занятие!

— А что ты предлагаешь взамен?

— У мамы был старинный сонник. Я запомнил, что увидел ты во сне газету — к расстройству. Понял бы — писать рассказы, повести, эссе, портреты, обо всем героическом, забавном, трогательном, что душа болельщика просит. Забыл что ли, чем тебя футбол приманил?

— Помню. Но сознайся, когда вел дневничок с «ахами» и «охами», ты был пуст, по наитию кое-что угадывал. У меня годы ушли на то, чтобы мало-мальски разобраться. И надо было выбирать.

— И ты выбрал...

— Да-да, выбрал репортаж. Жанр по крайней мере точный. А от словесного звона, когда натыкаюсь, меня тошнит. И не смотри на меня иронически.

— Сердишься? Плохой признак.

— Я привык серьезно относиться к своим обязанностям, а ты лепишь с кондачка.

— Как-никак, а началось с меня. И я имел право надеяться...

— Ясно, не продолжай. Жаль, что ты не прочитаешь эту книгу, в ней и о нас с тобой. Началось с тебя, это верно. Футбол не

стареет, и нам не дает стареть. И ты никуда не делся, хоть и прошло полвека. Иногда я на тебя сержусь, когда некстати взбрыкиваешь по старой памяти, а бывает, сверяюсь с тобой, и помогает. Я и не заметил, как увлекся репортажем, влез в него. Хуже нет—метаться, шарахаться, браться то за одно, то за другое. И жизни не хватит, и сам себя не найдешь.

— Что теперь толковать, дело сделано.

— Вот это уже голос не мальчишки. Знаешь, на что я надеюсь? Все то, о чем ты говорил, еще напишут. Непременно. Другие напишут. Начитаются наших репортажей и напишут. Им проще будет. Мы мостили улицу, брусчатку укладывали. В футболе в самом деле много стоящего. Но надо подобраться. Вот и сгодятся наши камешки.

— Поверь, я не хотел тебя обидеть: если цеплял, то ради ясности. Но скажи: на душе мир?

— Пока работаю, мира не жду. И может быть, в этом разгадка репортерства.

— А что, не так уж мало!

— Я тоже так думаю. Объяснились?

— Это была твоя затея, тебе и отвечать.

— Я и отвечаю. О том и репортаж о репортаже.

1987—1990